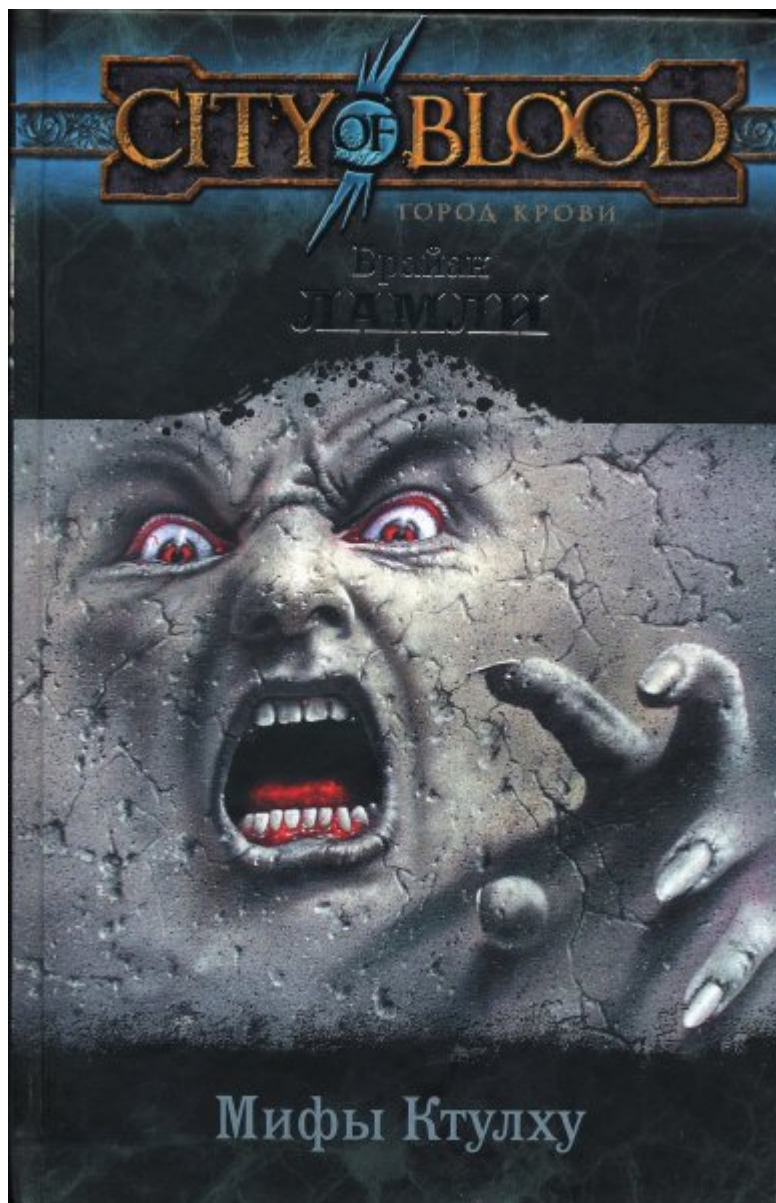


Брайан Ламли Мифы Ктулху



Аннотация

Вселенная Говарда Лавкрафта — величайшего писателя-визионера первой половины XX века.

Вселенная, где путь между миром человеческим и миром древних и страшных Богов-демонов открыт практически постоянно. Здесь идет непрестанная борьба между Светом и Тьмой, между магией Добра — и магией Зла. Ибо несть числа Темным Богам — и велика сила Ктулху.

У Говарда Лавкрафта было множество последователей, однако в полной мере приблизиться к стилю и величию его таинственной прозы сумел только известный английский писатель Брайан Ламли — признанный мастер литературы ужасов и черной мистики, хорошо известный и отечественным читателям.

Итак. Путь в мир Темных Богов открыт снова, и поведет нас по нему достойнейший из учеников Лавкрафта!

В данный сборник, имеющий в оригинале название «Порча и другие истории» («The Taint and Other Novellas»), вошли семь занятных и увлекательных повестей, созданных автором на различных этапах писательской карьеры.

Всем поклонникам Лавкрафта и классической традиции ужасов читать в обязательном порядке.

Брайан Ламли **Мифы Ктулху**

Вступление

Мифы Ктулху

Всего два простых слова, но есть в них что-то загадочное и манящее. Представьте, что они встретились вам на книжной странице впервые в жизни. А еще лучше, постарайтесь вспомнить, когда именно вы в первый раз наткнулись на них в романе или рассказе ужасов. И даже если предположить, что раньше вам никогда не доводилось слышать ни о Говарде Филиппе Лавкрафте, ни о его знаменитом поклоннике и издателе Огюсте Дерлете, ни об издательстве «Arkham House» и легендарном журнале «Weird Stories», ни о литературном окружении Лавкрафта, его поздних подражателях и «литературных учениках», уверен, вас все равно поразили — или хотя бы заставили задуматься — эти слова: «Мифы Ктулху? Что это, черт побери, за мифы такие?»

Как описать или объяснить новичку, только-только начинающему знакомиться с литературой ужасов (а вы наверняка новичок), что самое важное в жутковатой мифологии Ктулху — это звукоряд, образующий его Имя? (Со всей серьезностью советуем запомнить, что его можно просвистеть или прошипеть.)

Нет, в задачи этого короткого вступления не входит излагать вам Мифы Ктулху во всех подробностях. Многие уважаемые люди сделали это до меня в многочисленных статьях и книгах, так что вряд ли вы приобрели бы сей опус, если бы не имели хотя бы какого-то представления о литературном наследии Г. Ф. Лавкрафта. Но если и после того, как вы прочтете повести этого сборника, Мифы все равно останутся для вас загадкой, — искренне надеюсь, что будет все-таки иначе, — то отсылаю вас к первоисточникам: к самому Г. Ф. Лавкрафту, Кларку Эштону Смиту, Роберту Говарду, Огюсту Дерлету (естественно), Колину Уилсону, Рэмси Кэмпбеллу и целому полчищу других писателей, включая многих авторов, сотрудничающих с «Arkham House», и даже Стивену Кингу (особенно к его рассказу «Крауч-Энд»). Все они в свое время «припадали к источнику», то есть к мифам Ктулху — так же, смею заметить, как и десятки, если не сотни других литераторов, в основном любителей, чьи самородки из рудничных отвалов мифов часто не лишены очарования и таинственности, присущих исходному материалу.

Но что же это был за материал? Строго говоря, речь не столько о жанре ужасов, сколько о разновидности научной фантастики, суть которой можно изложить в следующих словах.

На Земле и в граничащих с ней измерениях тайно пребывают в тысячелетнем плену, нередко погруженные в сон, чужеродные сущности, проникнутые безграничной злобой (или полнейшим безразличием?) к нам, землянам. Их телепатические сны проникают в разум артистических, чувствительных, нередко психически «хрупких» натур, побуждая тех нарушить границы — как реальные, так и метафизические, — которые удерживают этих Великих Древних в неведомых (затопленных, похороненных в земле либо спрятанных в других измерениях) гробницах и других «обиталищах».

В том, что касается самого Ктулху, скажу следующее: лучшее ЕГО описание можно найти в рассказе Лавкрафта «Зов Ктулху», и любой новоиспеченный поклонник творчества

этого писателя, который еще не открыл ЕГО для себя, должен немедленно это сделать! Да-да, прямо сейчас!

Лично я познакомился с мифами в возрасте тринадцати или четырнадцати лет, прочитав рассказ Роберта Блоха, автора знаменитого «Психо» (правда, «Психо» — не единственный его шедевр). Назывался он «Записки, найденные в пустом доме». После этого в течение семи-восьми лет, уже в других образцах жанра ужасов, мне постоянно попадались намеки, предполагавшие некое переплетение взаимосвязанных нитей — сложную литературную канву, своего рода паутину, загадочным образом сотканную из близких сюжетов небольшой группы несопоставимых авторов. Это была, конечно, ткань — или, если угодно, моток пряжи — самих Мифов Ктулху, хотя в то время мне и не удалось проследить четкую связь. (Еще один штрих, который я проглядел — на него мне указал сотрудник прославленного издательства «DAW Books» Дональд Волльхайм, — заключался в следующем: я появился на свет 2 декабря 1937 года, то есть через девять месяцев после смерти Лавкрафта. Волльхайм счел эту хронологию, или даже синхронность, любопытной, хотя лично я вижу в ней лишь простое совпадение.)

Позднее, уже будучи молодым солдатом, призванным на службу и расквартированным на военной базе в Германии, я нашел сборник Лавкрафта, озаглавленный «Крик ужаса» (британское название коллекции рассказов, первоначально выпущенной в США издательством «Arkham House»). Неожиданно все смутные намеки и аллюзии оформились в моем сознании в единую литературную концепцию, выдающийся плод писательского воображения, именуемый Мифами Ктулху! Однако...

Собственный стиль я тогда еще не выработал, и прошло несколько лет, прежде чем плетение этой паутины увлекло и меня...

В одном из предисловий Огюст Дерлет назвал меня «молодым британским автором», но это мало соответствовало истине. Мне было уже двадцать девять, когда — собрав все книги Лавкрафта, которые вообще можно было достать в Англии, — я написал Дерлету в «Arkham House», чтобы заказать новые. Вместе с деньгами я выслал «отрывки» из нескольких «черных книг», причудливо озаглавленных и якобы дошедших до нас от давно исчезнувших цивилизаций, чьи представители почитали (либо страшились) разного рода «богов» и «демонов» ктулхианского цикла. Эти «запретные» книги были порождением моей фантазии (вдохновлялся я примером самого Лавкрафта и прочих авторов), и Дерлету они, похоже, пришлись по душе. Он намекнул, что мне стоит «еще попрактиковаться» и написать «что-нибудь солидное в духе мифов» для антологии, которую он собрался назвать «Сказания Мифов Ктулху». Как вы догадываетесь, я откликнулся на это предложение, не раздумывая!

Почему я не пытался писать раньше? Вообще-то кое-какой опыту меня уже имелся: мальчишкой двенадцати-тринадцати лет я сочинял научно-фантастические рассказы и зачитывал их моему отцу-горняку. Он, человек умный, знающий, но очень практичный и приземленный, комментировал их так: «Все прекрасно, сынок, да вот словами денег не заработаешь». Он просто никак не мог взять в толк, что можно зарабатывать на хлеб писательским трудом. Кроме того, следует признать: в то время подавляющему большинству писателей платили чрезвычайно скудно.

Как бы то ни было, но в возрасте двадцати девяти лет я начал сотрудничать с Дерлетом и написал немало произведений в духе Лавкрафта. Мои первые опусы густо пропитаны фантастикой Мифов Ктулху. Именно оттуда и берут свое начало почти все повести настоящего сборника. Должен заметить, что не все мои работы, связанные с мифами, так же хороши, как творения Лавкрафта; в то же время их нельзя назвать и рабскими подражаниями, вроде вещей, написанных Дерлетом «в соавторстве» с учителем. Хотя я и пользуюсь в своем творчестве идеями великого мастера, для меня важно сохранить собственную интонацию.

Мои произведения данного жанра представлены двумя литературными формами: повести и рассказа. Книга, которую вы держите в руках, первая из двухтомника. В ней представлены короткие повести. Во втором томе будут собраны рассказы на тему мифов, которые я посчитал достойными вынести на читательский суд в твердой обложке. Повести

приведены не в порядке их написания, однако специально для интересующихся читателей я снабдил каждую предисловием, в котором кратко поясню, когда, где и для чего они создавались.

Впрочем, сказал я уже достаточно, давайте же позволим Мифам Ктулху самим поведать о себе...

Брайан Ламли

Ужас в Оукдине

Огюст Дерлет опубликовал мои первые рассказы в 1968 году, так что в первой половине 1970-х годов я еще считался новичком в литературе. Я все еще служил в британской армии, в городе Лестере. Эта новелла была выпущена (в конечном итоге) издательством «Arkham House», но мне пришлось ждать целых семь лет, прежде чем я увидел ее в твердой обложке — в антологии, давно уже не переиздававшейся. «Ужас в Оукдине» — типичная работа дебютанта, находящегося под сильным влиянием Лавкрафта, и одна из нескольких повестей, которые не переиздавались до настоящего времени...

Летом 1935 года Мартин Спеллман в качестве помощника санитаря устроился в клинику для душевнобольных в Оукдине. Ему было двадцать четыре года, и он уже имел одно пристрастие, с обязанностями санитаря никак не связанное. Еще с отроческих лет Спеллман мечтал стать писателем. С тех пор как эта чудная мысль пришла ему в голову, он взялся за сочинение рассказов, в основу которых думал положить редкие, необъяснимые случаи душевных болезней. Единственный же способ приобрести соответствующие знания, а также получить необходимый опыт, что называется, из первых рук — это поработать в психиатрической лечебнице, что он и решил сделать.

Разумеется, свои истинные намерения Спеллман от окружающих скрывал, хотя это отнюдь не означало, что он собирался работать спустя рукава, манкируя возложенными на него обязанностями. Заключение с клиникой контракт предусматривал как минимум двенадцать месяцев работы в качестве практиканта плюс еще год самостоятельного труда в должности санитаря. Мартина такие условия вполне устраивали, и он с радостью за них хватился.

Его коллеги и медицинское начальство диву давались, с каким непривычным пылом юный практикант взялся за выполнение служебных обязанностей. Каждую ночь, когда он не был занят на дежурстве, в его комнате горел свет — и не гас до самого рассвета. Мартин распределял свободное от работы время следующим образом: три часа изучал теорию психиатрии, пять часов отдавал написанию книги. На сон при таком режиме отводилось не больше шести часов в сутки. Во время ночных дежурств — один-два раза в неделю — он перекраивал рабочий график так, чтобы уделять вышеуказанным занятиям не меньшее время.

В конце лета и начале осени непосредственный начальник Мартина, доктор Уэлфорд, не раз заставлял юношу за работой над рукописью. Но кто станет жаловаться на практиканта за то, что тот по собственной инициативе ведет учет случаев необычных и сложных заболеваний? Если уж на то пошло, можно было только приветствовать искренний интерес Мартина к мельчайшим подробностям повседневной жизни клиники.

На самом же деле Спеллман скоро понял, что ему не по душе работа в лечебнице. Особое отвращение вызывали у него ночные дежурства, когда приходилось курсировать по нижним коридорам здания, где содержались неизлечимые пациенты. Его коллеги, наделенные более суровым, стоическим характером, называли подвальное помещение не иначе как Преисподней, и Мартин Спеллман их поддерживал. Внизу действительно находилась преисподняя: ярко, до рези в глазах, освещенные коридоры, массивные двери с крошечными, забранными решеткой «глазками» и табличками, к которым были прикреплены

отпечатанные на машинке выдержки из истории болезни обитателя каждой такой камеры-палаты. За этими дверями, отделенные от Мартина лишь толщей дубовых панелей, металлических поперечных реек и внутренней прорезиненной обшивки, обитали в вечном кошмаре безумия самые жуткие душевнобольные Британии. Неудивительно, что, совершая каждый час во время ночного дежурства обходы Преисподней, Мартин Спеллман предпочитал не задерживаться в ней подолгу.

Один из так называемых коллег Мартина, Алан Барстоу (коренастый, уродливой внешности санитар лет тридцати пяти), иногда помогал младшему товарищу во время этих обходов. Барстоу, судя по всему, не боялся той части клиники, по которой проходил маршрут ночного дежурства. Напротив, зловещая атмосфера психиатрической лечебницы и особенно подвальных ее помещений, казалось, доставляла ему удовольствие. Он частенько менялся с Мартином дежурствами, объясняя это тем, что якобы не возражает против ночной работы и, более того, предпочитает ночные смены дневным. Что ж, каждый человек имеет право на личные вкусы и пристрастия!

Служебная комната Спеллмана находилась на первом этаже здания — одна из четырех, являвших собой нечто среднее между гостиной и спальней; от двух соседних палат для душевнобольных ее отделяли крепкие звуконепроницаемые стены. Поскольку дела с набором персонала в Оукдине обстояли из рук вон плохо, две такие комнаты пустовали уже долгое время. Вторая же из обитаемых принадлежала Гарольду Муди, опытному санитару средних лет, чья частичная глухота была ему даже на руку, ибо его клетушка располагалась непосредственно над Преисподней. А пол на первом этаже явно не обладал свойством звукоизоляции! В принципе доносившиеся снизу звуки не слишком беспокоили Мартина Спеллмана, однако он заметил, что обитатели подвального отделения становились на редкость шумными всякий раз, как на дежурство выходил Алан Барстоу. В таких случаях крики, вопли и стоны набирали такую силу, что доставляли ему немалое неудобство, иногда не давая уснуть до четырех-пяти часов утра.

Так получилось, что однажды Мартина и Алана Барстоу отрядили вместе на ночное дежурство, хотя, сказать по правде, юношу это не обрадовало. Несмотря на внешнее дружелюбие, было в Барстоу что-то неуловимо отталкивающее. Тем не менее смена началась как обычно, в девять часов вечера, и ничто в манерах Барстоу не давало Спеллману повода заподозрить коллегу в чем-то дурном и предосудительном.

Правила ночного дежурства обязывали санитаров обходить все до единого помещения и проверять их обитателей, причем по возможности ежечасно. Мартину Спеллману достались палаты на первом этаже и Преисподняя, Барстоу же — палаты, в которых содержались более спокойные, главным образом временные пациенты. В одиннадцать часов, когда санитар-практикант собрался во второй раз спуститься в жуткий подвал с его невнятным бормотанием, стонами и проклятиями, он услышал, как сверху его кто-то окликнул по имени.

— Спеллман! Задержитесь на минутку! — донесся голос Барстоу. Обратив взгляд на лестничную площадку второго этажа, наш практикант увидел коренастого санитара. Тот быстро спускался вниз. В руке у Барстоу была черная палка примерно восемнадцати дюймов длиной и с серебристым наконечником. Подойдя ближе к Спеллману, санитар, однако, сообразил, что тот не сводит глаз с его оружия, и тут же прижал папку к себе, чтобы она не так привлекала внимание.

— На работу нужно приходить в полной боеготовности, — пробормотал он с фальшивой улыбкой и остановился возле Спеллмана. — Послушай, Мартин, — быстро сменил тему разговора Барстоу. — Я знаю, ты не большой любитель наведываться с обходом в нижние палаты и Преисподнюю, так что если хочешь, я могу сходить туда за тебя, а ты вместо меня отправишься наверх. Я как раз собирался заглянуть в палату номер четыре, так что, если желаешь, я мог бы...

— В палату помер четыре? Я, в общем, не против... но зачем вам это, Барстоу? — Мартин указал на дубинку, которую его собеседник почти успел спрятать в складках белого халата. — То есть, я хотел сказать, им ведь так и так отсюда не сбежать?

— Не сбежать, — подтвердил Барстоу, отводя взгляд в сторону. — Просто я чувствую себя... как-то уверенней с этой штукой. Ведь никогда не знаешь, чем все обернется, верно я говорю?

Поднимаясь по лестнице, Спеллман все размышлял о дубинке старшего коллеги. Если кто-нибудь из руководства клиники узнает о ней, Барстоу ждут нешуточные неприятности. Впрочем, вряд ли он способен чем-то навредить пациентам: даже если дубинку просунуть в глазок смотрового окошка, обитателю палаты достаточно лишь прижаться к задней стене, чтобы избежать побоев. Нет, очевидно, санитар не лжет: палка придает ему уверенности в себе, только и всего.

Но тотчас же Спеллману вспомнились крики, которые он слышал всякий раз, как в подвальных помещениях дежурил Барстоу. Более того, и в ту ночь — даже когда он находился на втором этаже, в незапертых палатах смирных пациентов и в коридорах между ними — до Мартина долетали из Преисподней приглушенные, сдавленные звуки...

Ближе к концу октября поиск материалов для будущей книги привел Мартина Спеллмана к особой категории случаев — помрачениям ума, вызванным воображаемыми «чужеродными» силами. Он разглядел между несколькими документально подкрепленными случаями четкую связь — связь, которая была особенно интересна тем, что фантазии, мечты и навязчивые идеи пациентов походили друг на друга как две капли воды.

Взять, к примеру, пресловутый случай Джо Слейтера,¹ охотника из Катскильских гор, лунатические действия которого в 1900–1901 годах, похоже, имели причиной воздействие не столько луны, сколько некоего небесного тела, находившегося далеко от орбиты спутника Земли. Правда, на взгляд Спеллмана, достоверность этого случая была подпорчена настойчивыми утверждениями летописца событий, что на самом деле в Слейтера вселилось сознание какого-то инопланетного существа. Кроме того, Мартин познакомился с историей немецкого барона Эрнста Канта, который вплоть до своей ужасной и необъяснимой смерти в одном из сумасшедших домов Вестфалии верил, что всеми его безумными поступками руководит некое существо, называемое им «Йиб-Тстл». А вот как выглядел этот Йиб-Тстл: «...огромное, черное, с извивающимися грудями-щупальцами и анусом на лбу, существо с черной кровью, чей мозг насыщается собственными испражнениями...»

Помимо этого, Мартину попались и совсем недавние наблюдения доктора Дэвида Стивенсона за некой Дж. М. Фрит, женщиной-зоофагом, которая заявляла, что намерена поглотить столько живых существ, сколько влезет. Сначала она, подобно Ренфилду Брэма Стокера, скармливала мух паукам, пауков ласточкам — и, наконец, пожирала этих самых ласточек! Как и стокеровский маньяк, она просила себе кошку, но по понятным причинам в просьбе было отказано. Странные фантазии этой сумасшедшей проистекали из её убежденности в том, что за ней следит некое сверхъестественное «божество», которое в конечном итоге освободит ее. Навязчивые идеи мисс Фрит и ее маниакальное стремление пожирать живые существа были отнюдь не единственными в свое роде: Мартину попалось еще несколько подобных случаев.

И снова, на сей раз из архивов некоего сумасшедшего дома в США, юноша извлек еще одну ужасную историю — о пациенте, который до своего бегства и последующего исчезновения семь лет назад, в 1928 году, был полностью уверен в собственном бессмертии, а также в том, что «вечно пребудет в У'ха-нтхлей, среди великолепия и чудес...» Его судьбу (в чем он ничуть не сомневался) определили «Глубоководные, Дагон и Повелитель Ктулху» — последнего он вечно будет прославлять, а первым — исправно служить, что бы ни значили эти имена! Объяснение причудливым фантазиям больного все-таки нашлось. Он имел явно выраженную рыбоподобную внешность — выпученные глаза, чешуйчатую кожу. Врачи пришли к выводу, что эти физические аномалии подтолкнули его к излишне частым и продолжительным погружениям в мифы и легенды, в которых фигурировали боги океана. В

¹ Персонаж фигурирует в раннем рассказе Г. Ф. Лавкрафта «По ту сторону сна». — *Здесь и далее примеч. ред.*

этой связи представлялось вполне вероятным, что его «Дагон» был тем самым божеством в обличье рыбы, которое филистимляне и финикийцы знали под именем Оанн.

Таким образом, по мере того как одна неделя сменяла другую, изыскания Мартина Спеллмана принимали все более специфический и узконаправленный характер. Однако даже в самых смелых мечтах он не мог предположить, что в одной из палат Преисподней находится человек, история болезни которого была столь же странной, как и случаи, изученные им во время работы над будущей книгой...

В середине ноября, прослышав о новом курсе, который приняли исследования практиканта, доктор Уэлфорд пригласил Спеллмана ознакомиться с историей болезни Уилфрида Ларнера. Ларнер, на вид самый тихий и беззлобный обитатель Преисподней, мог в считанные мгновения превратиться в дикое, неуправляемое животное. Кроме того, случай Ларнера, по-видимому, уходил корнями как раз в те «чужеродные» сферы, которые так волновали Мартина.

Вот как получилось, что Мартин Спеллман — сидя в своей комнате, расположенной точно над подвалом, — подробно ознакомился со случаем Ларнера, а уж тогда ушел в него с головой. В частности, у него вызвали интерес упоминания о некой «Черной книге», так называемой «Хтаат Аквадинген». Предположительно речь в ней шла о мифических обитателях рек, озер и океанов, а также прочих «демонах» менее очевидного происхождения. Вероятно, во многом из-за этой книги Ларнер и лишился так стремительно рассудка десять лет назад. Согласно имевшимся в папке документам, этот опус — в частности, содержащиеся на его страницах намеки, а подчас и совершенно богохульные откровения — вряд ли мог пойти на пользу такой чувствительной и мечтательной натуре, как Ларнер.

Вряд ли стоит упрекать Спеллмана за то, что он не узнал название книги — «Хтаат Аквадинген». Известно оно было лишь горстке людей, преимущественно эрудитам-антикварам, исследователям редких и древних фолиантов, а также знатокам оккультных наук! Действительно, на тот момент во всем мире существовало лишь пять экземпляров этого редкого труда. Один — в частной библиотеке некоего лондонского коллекционера. Еще один — под падежной охраной — вместе с «Некрономиконом», «Фрагментами Г'харне», Пнакотикскими рукописями, «Liber Ivonis», жуткими «Культами Гулей» и «Откровениями Глааки» — в Британском музее, третий и четвертый — в еще более загадочных и малодоступных местах. Что касается пятого экземпляра, то в скором времени ему было суждено волей случая попасть в руки Мартина Спеллмана.

До того как сестра поместила Ларнера в клинику, сумасшедший также собрал коллекцию вырезок из газет со всего мира — вырезок, которые нездоровой человеческой душе могли внушить беспокойство.

Спеллмана заинтересовало, каким образом клинике удалось получить столь подробные сведения о событиях, приведших Ларнера в её стены. Из рассказа доктора Уэлфорда, выслушанного на следующее утро, выяснилось, что сестра Ларнера предоставила врачам все документы, имеющие отношение к помешательству ее брата. К их числу принадлежали сделанные несчастным бесчисленные газетные вырезки, а принадлежавший ему экземпляр «Хтаат Аквадинген» (огромная кipa скелотых скрепками страниц — очевидно, скопированных Ларнером от руки с какой-то другой книги) по-прежнему надежно хранился в шкафу одного из просторных кабинетов администрации. Доктор Уэлфорд охотно согласился предоставить все эти «сокровища» в распоряжение Мартина на несколько дней.

Рукописный вариант книги Спеллман сумел понять лишь отчасти. В этом странном тексте было слишком много нестыковок, — непривычных синтаксических конструкций и тому подобных вещей, — отчего написанное казалось неуклюжим переводом с какого-то иностранного языка (возможно, немецкого), причем сделанным человеком не слишком сведущим, скорее всего самим Ларнером. С другой стороны, Ларнер мог просто скопировать чужой перевод. Нельзя было исключать и ту вероятность, что странный труд вышел из-под его собственного пера. Впрочем, кое-что говорило не в пользу этого. На разрозненных

листочках в подробностях описывались зловещие ритуалы — жуткие магические церемонии, связанные с жертвоприношениями людей и животных. Даже если переводчик и допустил ряд ошибок, того, что поддавалось прочтению, было достаточно, чтобы Мартин пришел к выводу: чтение этого сомнительного опуса явно не довело Ларнера до добра. Будучи человеком трезвомыслящим, Мартин не видел особой необходимости подробно вникать в смысл трех сотен рукописных страниц и потому приступил к изучению газетных вырезок.

Вырезки оправдали его ожидания — воистину бесценная находка, которая пригодится ему в работе над будущей книгой! Чего только не было в этой папке! Вырезки из самых разных газет, издающихся в самых разных уголках мира — в Лондоне, Эдинбурге и Дублине; в Америке, Гаити и Африке; во Франции, Индии и на Мальте. Да, на бескрайних просторах Земли — от кипрских гор Трудос до австралийских пустынь и Тевтобургского леса в Западной Германии. Во всех вырезках фигурировали поступки людей, — как отдельных индивидов, так и групп, — предположительно находившихся под воздействием инопланетных или «потусторонних» сил!

Заметки охватывали период с начала февраля 1925 года до середины 1926 года и содержали подробные отчеты о проявлениях массовой истерии, агрессивных психозов и эксцентричных выходок. По мере знакомства с этими вырезками Спеллман проницательно улавливал связь между, казалось бы, совершенно самостоятельными историями. Две колонки из «Ньюс оф зе уорлд» были посвящены человеку, который, издав омерзительный вопль, выбросился из окна пятого этажа и разбился насмерть. Обыскав его квартиру, следствие пришло к выводу, что самоубийство связано с неким магическим ритуалом. На полу мелом был начерчен пентакль, а стены сплошь покрыты грубыми каракулями богохульного «Кода Нихарго». В Африке христианские миссии сообщали о зловещем бормотании, доносившемся из обиталищ малоизвестных племен в пустынях и джунглях. А еще в одной из газетных заметок описывались человеческие жертвоприношения в честь духа земли Шудд-Мъеля. Спеллман тут же связал этот факт с совершенно фантастическим, до сих пор не раскрытым исчезновением в 1933 году в Йоркшире археолога сэра Эмери Венди-Смита и его племянника. Оба, похоже, верили, что обречены на смерть по прихоти «божества», некоего Шудд-Мъеля, «похожего на гигантскую змею с щупальцами». В Калифорнии целая теософская колония облачилась в белые одежды во славу «великого свершения», которое, однако, так и не наступило, а в Северной Ирландии молодые люди в белом подожгли три церкви, чтобы очистить место для «Храмов великого владыки». На Филиппинах американские военные обнаружили некие племена, не дававшие покоя местным жителям, а в Австралии шестьдесят процентов поселений аборигенов предпочли самоизоляцию, отказавшись от каких-либо контактов с белыми людьми. Впервые тайные культы и общества Земли открыто заявили о себе и своей преданности разного рода высшим силам, трубя на весь мир о том, что вскоре якобы грядет «окончательное воскрешение». В сумасшедших домах что ни день, то возникали новые проблемы. Спеллман невольно задумался о недалекости медиков: Господи, они же не замечали очевидных параллелей; не видели, можно сказать, дальше собственного носа!

Ночью, после основательного знакомства с историей болезни Ларнера, Спеллман лег спать очень поздно, уже незадолго до рассвета. Такое было не б его обычая; весь следующий день он чувствовал себя невыспавшимся и потому над книгой работать не стал. Вечером, когда настало время выходить на ночное дежурство, им все еще владели сонливость и апатия. Кроме того, ему сообщили, что пришла его очередь надзирать за подвальным отделением и Преисподней. В эту ночь на дежурство вместе с ним заступал Барстоу, и Спеллман не сомневался, что похожий на жабу санитар повторит свое предложение.

В одиннадцать вечера он уже был в подвале, желая поскорее выбраться из этого малоприятного места, когда с удивлением услышал, как кто-то зовет его по имени. Голос доносился из зарешеченного окошечка в двери второй камеры слева — палаты Ларнера, который, очевидно, пребывал в эти минуты в более или менее здравом уме. Мартину это было только на руку, поскольку он намеревался при первой же возможности поговорить с

безумцем. И вот теперь она, наконец, представилась.

— Как себя чувствуете, Ларнер? — осторожно поинтересовался Спеллман и, придвинувшись поближе к двери, разглядел сквозь крошечный «глазок» бледное лицо больного. — Похоже, вы в хорошем настроении.

— Да, верно, я... я надеюсь, что вы поможете мне и дальше оставаться в таком настроении...

— Неужели? Чем же я могу вам помочь?

— Скажите мне, — спросил Ларнер, — кто дежурит сегодня ночью?

— Санитар Барстоу, — ответил Спеллман. — Почему вы об этом спрашиваете?

Ларнер резко отпрянул от двери, услышав явно неприятное ему имя, и Мартин был вынужден вновь заглянуть в «глазок», чтобы видеть его.

— Что случилось, Ларнер? Вы что, не ладите с Барстоу?

— Ларнер — известный скандалист, Спеллман, разве вы этого не знаете? — неожиданно прозвучал за спиной у Мартина скрипучий голос Барстоу. Вздвогнув от неожиданности, Спеллман резко обернулся и оказался-лицом к лицу с безобразным санитаром, неслышно подкравшимся к нему сзади. — И кроме того, — продолжил Барстоу, — хотел бы я знать, с каких это пор вы стали обсуждать действия старших товарищей с пациентами? Вот уж никак не ожидал этого от вас, Спеллман.

В голосе санитара слышалась плохо скрываемая угроза.

Но Мартина было не так-то легко запугать; инстинктивный страх, который вызвало в нем неожиданное появление Барстоу, мгновенно сменился гневом.

— Что вы себе позволяете, Барстоу! — резко парировал он. — И что, скажите на милость, здесь вынюхиваете? Если рассчитываете взять мой участок, то можете забыть об этом! Мне не нравится, как ведут себя пациенты во время вашего дежурства!

Бросив коллеге в лицо пусть косвенное, но обвинение, Спеллман ждал, как же отреагирует Барстоу на его слова.

От него не укрылось, как посерело лицо старшего санитара. Барстоу был в явной растерянности, не зная, что ответить. Наконец он заговорил, причем заискивающим тоном:

— Я... я... на что вы намекаете, Мартин? С чего это вы? Я всего лишь спустился, чтобы помочь вам. Я не слепой, вы это прекрасно знаете. Ведь ясно как божий день, что вам не *нравится* здесь бывать. Впрочем, Мартин, вы сами себя наказали. Больше не стану предлагать вам помощь — поступайте как хотите.

— Меня это устраивает, Барстоу, ну а вам не лучше ли вернуться наверх? Вдруг там половина пациентов бродит без присмотра? Или, может, они сидят и трясутся от страха. Ведь кто знает, вдруг вам вздумается приструнить дубинкой?

При упоминании дубинки посеревшее лицо Барстоу побледнело еще сильнее, а правая рука, скрытая складками халата, невольно дернулась.

— Она же при вас сегодня, верно я говорю? — поинтересовался Спеллман, не сводя глаза выпуклости под белым больничным халатом. — Я бы на вашем месте не таскал её все время с собой. Сегодня она вам не понадобится. По крайней мере здесь, в подвале...

При этих его словах Барстоу как-то сжался в комок, и кровь окончательно схлынула с его лица. Не говоря ни слова, он резко развернулся и торопливо, едва ли не бегом, отправился восвояси. Спеллман только сейчас заметил, что из «глазков» дверей вдоль всего коридора на него устремлены взгляды пациентов. Обитатели камер — кто в ужасе, кто с явным злорадством — уставились вслед удаляющейся фигуре старшего санитара. И в глазах каждого читалась плохо скрываемая ненависть, отчего Мартин даже вздрогнул.

Через час, повторно спустившись в Преисподнюю, Спеллман решил поговорить с тремя-четырьмя пациентами, но, увы, его попытки не увенчались успехом. Даже Ларнер отказался общаться с ним. Тем не менее Мартину показалось, что он улавливает некую ауру удовлетворения, ощущение *безопасности*, исходившее из-за запертых дверей...

Почти целую неделю после стычки с Барстоу Спеллмана так и подмывало рассказать о

странном поведении санитары доктору Уэлфорду, но в то же время он не желал доставлять коллеге неприятностей. В конце концов, разве есть у него конкретные доказательства того, что Барстоу недобросовестно исполняет служебные обязанности? Даже если тот, спускаясь в подвальное помещение, берет собой палку, это вряд ли можно считать доказательством злого умысла. Барстоу никак не мог использовать свое оружие против пациентов. Судя по всему, этот неприятный тип — обычный трус и не более того. Его, понятное дело, лучше сторониться, но бояться ни в коей мере не стоит.

Да и вообще, ситуация в стране была не из лучших. Спеллман не желал, чтобы у него на совести оказался новоиспеченный безработный по фамилии Барстоу. Правда, он задал несколько осторожных вопросов другим санитарам, однако никто не сказал в адрес Барстоу ничего определенного — судя по всему, к нему относились достаточно равнодушно; по крайней мере ничего дурного за ним не замечали. Этого оказалось достаточно, чтобы Мартин Спеллман на время перестал думать о Барстоу...

* * *

В ноябре Спеллману стало известно, что Барстоу перебирается в «жилую» часть клиники. Хозяйка, у которой он снимал жилье, якобы ожидала возвращения сына из-за границы, и ей понадобилась комната, которую прежде занимал постоялец. Через несколько дней малоприятная перспектива стала реальностью, и странный санитар переехал в одну из четырех комнатшек первого этажа. Не успел Барстоу обосноваться на новом месте, как в Оукдине проявились первые признаки грядущего кошмара.

Это случилось ранним утром, после одного из тех редких вечеров, когда Мартин Спеллман, устав от работы в клинике, уступал уговорам Гарольда Муди и отправлялся с ним в деревню Оукдин пропустить рюмку-другую. Склонности к спиртному Мартин не имел, и обычно его «загулы» ограничивались тремя-четырьмя бокалами пива. Однако в ту ночь он, что называется, был в ударе, и когда Муди ближе к полуночи дотащил его до клиники, Мартина хватило лишь на то, чтобы переступить порог комнаты и без чувств рухнуть на постель.

Именно чрезмерная доза пива спасла Мартина от поспешных действий, когда разразился вышеупомянутый кошмар, ибо в любое другое время доносившиеся из подвала душераздирающие вопли больных наверняка заставили бы его проснуться. Случилось так, что он пропустил «самое интересное», как выразился на следующее утро Гарольд Муди, когда зашел разбудить его.

«Самое интересное» состояло в том, что четырьмя часами ранее, примерно в три утра, один из обитателей Преисподней скончался после особенно жуткого приступа безумия. При этом данный пациент, некий Гордон Мерритт, который вот уже двадцать лет страдал помешательством, каким-то непостижимым образом умудрился вырвать себе глаз!

Лишь позднее Спеллману пришлось в голову узнать, кто из санитаров дежурил в ту злосчастную ночь, когда у Мерритта случился последний, роковой приступ безумия. И его охватило недоброе предчувствие, поскольку ему сообщили, что дежурным был Барстоу.

После смерти Мерритта прошло две недели. Все это время Барстоу держался особенно замкнуто, хотя и раньше не отличался особой общительностью. Более того, не зная Спеллман, что санитар переехал в клинику, он бы даже не заметил его присутствия. На самом же деле руководство Оукдина не радовало необходимость выяснять причины гибели одного из пациентов; вот почему дежурившему в ту роковую ночь санитару сделали строгий выговор. Когда случилось несчастье, он якобы не проявил надлежащей бдительности. Администрация клиники, похоже, пришла к мнению, что трагедии можно было бы избежать, прояви Барстоу «чуть больше расторопности»...

13 декабря Спеллману снова выпало ночное дежурство, и снова ему пришлось совершать обход отделения для буйных, именуемого Преисподней. До этого момента он еще

не отдавал себе отчета в том, что где-то в его подсознании затаилась потребность разузнать об обстоятельствах смерти Мерритта более подробно. Понимал он лишь одно: какое-то подспудное чувство не дает ему покоя и требует, чтобы он все выяснил. В первый же приход в подвальное отделение Мартин направился напрямиком к палате Ларнера и, приблизившись к «глазку», позвал пациента.

Палаты были устроены таким образом, чтобы в маленькие, зарешеченные окошки в дверях хорошо просматривались все углы. Иными словами, каждая камера имела форму клина, и в остром конце этого клина располагалась дверь. Когда Спеллман позвал Ларнера, тот лежал на кровати в дальнем конце палаты и безмолвно разглядывал потолок. Услышав голос, он тут же встал и подошел к двери.

— Скажите, Ларнер, — поинтересовался Мартин, обменявшись с больным приветствиями, — вы знаете, что случилось с Мерриттом? Все действительно было так, как говорят или?.. Вы ведь расскажете мне, что произошло, верно?

— Санитар Спеллман, могу я попросить вас об одной услуге? — По всей видимости, Ларнер не расслышал вопроса или — как подумалось Спеллману — предпочел оставить его без внимания.

— Об услуге? Разумеется, если это в моих силах... но чего вы хотите от меня, Ларнер?

— Нужно, чтобы справедливость восторжествовала! — выпалил сумасшедший с такой страстью, что Мартин Спеллман даже отпрянул от двери.

— Справедливость, Ларнер? Что вы хотите этим сказать?

— Да, справедливость! Именно! — Больной посмотрел на юного санитаря через решетку, а затем, часто моргая, заговорил — быстро и страстно, в характерной для сумасшедших манере, причем резко сменив тему разговора: — Доктор Уэлфорд обмолвился, что книга «Хтаат Аквадинген» вызвала у вас интерес. Меня она тоже когда-то увлекла, но вот уже много лет как она мне недоступна. Похоже, врачи полагают, что ее содержание... э-э-э... так сказать, «противоречит моим интересам». Возможно, они и правы, хотя лично я в этом не уверен. Не спорю, меня упрятали сюда именно из-за этой книги. Да-да, можете не сомневаться, именно из-за нее я сейчас нахожусь здесь. А все потому, что слишком часто перечитывал Шестую Сатхлатту. И даже сумел почти полностью сломать барьер. То есть, я хочу сказать, одно дело — видеть Йиб-Тстла во сне, такое еще можно выдержать, но помочь ему пробиться через барьер!.. Есть у меня одна жуткая мыслишка. Пускай он прорвется — и никто ему не будет мешать!

Слова Ларнера заставили Мартина кое-что вспомнить. Незадолго до этого Спеллман бегло ознакомился с содержанием принадлежавшей безумцу книги, точнее, с парой отрывков из неё. В них содержались некие заклинания, или Сатхлатты, и Мартин тогда подумал, что позднее нужно будет еще раз вернуться к этому странному тому — постараться понять его истинное назначение и узнать, что это за существо... Йиб-Тстл.

Но тут Ларнер заговорил снова, прервав ход его мыслей. Кстати, теперь обитателя камеры было не узнать: выражение мучнисто-бледного лица изменилось, широко раскрытые глаза смотрели в одну точку.

— Послушайте, санитар Спеллман, возможно ли... не могли бы вы оказать мне одну безобидную услугу?

— Сначала скажите, что это за услуга.

— Все очень просто, мне хотелось бы, чтобы вы сделали копию Шестой Сатхлатты из «Хтаат Аквадинген» и принесли её мне. В этом же нет ничего запретного, правда?

— Но разве вас поместили сюда не из-за этой книги? — нахмурился Спеллман.

Ларнер поспешно заявил:

— Тогда я не знал, к чему это приведет. Сейчас все по-другому... правда, я не помню, как это было. Я имею в виду Шестую Сатхлатту. Прошло уже почти десять лет...

— Честно говоря, не знаю, — задумчиво произнес Спеллман. — К тому же, думаю, вам хорошо известно, что любая услуга предполагает ответную услугу. Вы так и не ответили на мой вопрос. Я мог бы исполнить вашу просьбу, но в таком случае я попрошу вас рассказать

мне, что случилось в ту ночь, когда умер Мерритт.

В глазах Ларнера появилось тревожное выражение, и он быстро отвернулся.

— С этим мы сами как-нибудь справимся, Спеллман. И не постоим за ценой, — пробормотал он, буравя Мартина пронзительным взглядом сквозь зарешеченное окошечко. Спеллман в очередной раз удивился перепадам настроения своего собеседника. Теперь глаза Ларнера казались почти разумными, живыми и проницательными.

— Ничего не случилось. Обыкновенный приступ, только и всего. Ведь Мерритт, как вам известно, был буйнопомешанным. — С этими словами Ларнер вернулся к своей кровати и улегся в прежнем положении.

Понимая, что разговор окончен, Спеллман двинулся дальше по коридору, заглядывая на ходу в «глазки» дверей.

Весь остаток ночи, хотя для беспокойства поводов и не было, Мартин не мог отделаться от какой-то подсознательной тревоги. Он продолжал бродить по темным коридорам и даже поймал себя на том, что непроизвольно оглядывается.

В следующие выходные дежурств у Спеллмана не было, и он воспользовался свободной субботой, чтобы найти в «Хтаат Аквадинген» то, о чем говорил Ларнер. В конечном итоге он отыскал странного вида текст — заклинание? — спрятанный в одном из четырех зашифрованных разделов рукописи под названием «Шестая Сатхлатта». Практически не осознавая, что делает, он переписал зловещие корявые буквы на отдельный лист бумаги, пытаясь при этом прочесть вслух труднопроизносимые сочетания звуков.

Гхе 'пхнглуи, мгле 'нгх, гхи 'их Йиб-Тстл,
Фхтагн мглв и'тлетте нгх'вгах, Йиб-Тстл,
Тхе'пхнглуи мглв-нгх ахкобхг'шг, Йиб-Тстл,
ТХАБАЙТЕ! — ЙИБ-ТСТЛ, ЙИБ-ТСТЛ, ЙИБ-ТСТЛ!

Прежде чем продолжить поиск упоминаний об Йиб-Тстле, Мартин еще несколько минут пытался разобрать написанную чуть ниже абракадабру. Вскоре, правда, он отказался от этой бессмысленной затеи, зато в другой части книги отыскал то, что хотел: сделанные мелким бисерным почерком заметки на полях — по всей видимости, расшифровки других записей, а именно способов вызова потусторонних сил. Чтобы получше уяснить «смысл» этих заметок, он снова, как и в случае с Шестой Сатхлаттой, аккуратно переписал слова на лист бумаги:

(1) КАК ПРИЗВАТЬ ЧЕРНОТУ

Этот способ предполагает использование облатки, приготовленной из [муки?] и воды... с начертанными на ней исходными знаками Шестой Сатхлатты... даваемой жертве, в непосредственной близости от которой читается заклинание вызова («Некрономикон», стр. 224, под заголовком «Хой-Дхин»). Так можно вызвать не Йиб-Тстла, но Черную его кровь, наделенную свойством жить отдельно от Него. Является она из вселенной далекой и чуждой, известной лишь Йиб-Тстлу и Йог-Сототу, сопредельной со всеми пространствами и временами. Жертва считается принятой, когда Черная кровь покроеет его, подобно мантии, и удушит. Затем сок Йиб-Тстла вернется вместе с душой жертвы в тело Хозяина, в его собственный континуум...

(2) КАК УВИДЕТЬ ЙИБ-ТСТЛА ВО СНЕ

...можно использовать Шестую Сатхлатту... дабы лицезреть во сне Облик Хозяина, Йиб-Тстла, вхожего во все времена и пространства. Следует, однако, заметить, что Заклинанием нельзя злоупотреблять — оно должно произноситься лишь единожды пред грядущим сном, иначе же Смотрящий наделит То, что лицезрит, Видением Врат своего Разума; входя же в эти Врата и возвращаясь чрез них, Йиб-Тстл может выжечь Разум и Врата и все прочее своими перемещениями...

ибо Боль велика, а Смерть неизбежна. Более того, во время подобных перемещений Деяния Его в этой Сфере будут никому не подвластны; Appetit Хозяина был хорошо известен adeptам прошлого...

(3) КАК ВЫЗВАТЬ ЙИБ-ТСТЛА

Этот способ также предполагает использование Шестой Сатхлатты: ее должны трижды прочесть хором тринадцать adeptов в полночь любого Первого Дня. Следует помнить, что Йиб-Тстл откликнется на призыв любых тринадцати вызывающих, если хотя бы один из них является adeptом. Но если по меньшей мере семь вызывающих не являются adeptами и если до полуночи, когда будут вызывать Йиб-Тстла, они не запечатают предварительно души свои барьером Наах-Титха, они могут претерпеть ужасные превращения и понести кару.

В рукописи нашлась приписка красными чернилами, сделанная рукой Ларнера к уже имевшимся на полях заметкам: «Найти недостающие слова для снятия барьера Наах-Титха...» Очевидно, подумал Спеллман, этот человек, который в дальнейшем оказался в так называемой Преисподней, уже ступил на тропу безумия, когда делал последнюю запись.

Оставшуюся часть дня Мартин Спеллман не прикасался к страницам рукописи, обратившись к своим обычным изысканиям. Сделав в шесть часов перерыв, чтобы поесть, он вновь засел за книги. В восемь Мартин заварил себе кофе, однако напиток, вопреки ожиданиям, не взбодрил его, а, напротив, вызвал такую усталость, что наш герой был вынужден на несколько минут прилечь на кровать. Судя по всему, утомился он даже больше, чем полагал, ибо три часа спустя проснулся совершенно разбитым, причем разбудил его кошмарный сон, который, однако, не остался в памяти. Прежде чем снова приступить к работе — он планировал внести ряд изменений в текст будущей книги, — Спеллман зажег газовую плитку и сварил себе еще одну чашку кофе.

Затем Мартин основательно поработал часов до двух утра и только после этого опять лег, довольный тем, что текущая глава далась ему без особых усилий. Впрочем, пока сон еще не сморил его, он взял в руки несколько страниц с отрывками из «Хтаат Аквадинген» и попытался прочесть вслух зловещий, беспорядочный набор букв, называемый Шестой Сатхлаттой. Почему-то он надеялся, что на этот раз они прозвучат так, как им и полагается звучать. Однако не успел Мартин добраться до конца второй строки, как у него возникло необъяснимо зловещее чувство, и он умолк. По телу пробежала невольная дрожь.

Что же такого было в этом «заклинании»? Мартину вспомнились переписанные им же слова: «...можно использовать Шестую Сатхлатту... дабы лицезреть во сне Облик Хозяина, Йиб-Тстла, вхожего во все времена и пространства».

Мартин встряхнул головой, пытаясь отогнать ощущение дурноты и немного взбодриться. Хотя это помогло ему прийти в чувство, он тем не менее отодвинул в сторону бумаги и прилег на кровать. Очевидно, у него что-то не в порядке с нервами. Не иначе как виной тому клиника и ее обитатели. Пожалуй, следует почаще наведываться в деревенскую пивную с Гарольдом Муди...

Но тут его сморил сон, и он вновь увидел кошмарную картину...

Его взгляду предстали незнакомые травы и зловещего вида черно-белые цветы. Густые заросли экзотических папоротников тянули свои трепещущие, похожие на ветви листья к беззвездному зеленому небу, в котором летали фантастического вида птицы с пульсирующими, оплетенными венами крыльями. Рядом с адскими зарослями виднелась опушка, которая притягивала дух Спеллмана, как магнит. Он шагал в направлении поляны, и похожие на грибы кусты расступались перед ним в стороны. При его приближении с чашечек ядовитых на вид цветов срывались, зловеще жужжа, огромные насекомые. Мартин понял, что он чужой в этом чудовищном измерении сна. Более того, обитатели странного мира испытывали к нему ту же неприязнь, какую испытывал бы и Спеллман на их месте.

Вскоре он оказался возле прогалины, огромного пятна бледной и стерильной земли, по другую сторону которого вновь начинались заросли. В центре этого зловещего пространства стояло Существо. С разделявшего их расстояния оно казалось раза в три выше обычного человека. Приблизившись, он увидел, что Существо медленно поворачивается; правда, ноги его скрывал длиннополый зеленый плащ, который странным образом выпячивался, топорщился и колыхался, ниспадая складками до припорошенной пылью земли откуда-то сверху — оттуда, где находилась... голова? Подойдя еще ближе, Мартин почувствовал, что из горла вот-вот вырвется крик: исполинская фигура стала разворачиваться в его сторону, и он впервые разглядел ее лицо. Не продолжи она движения, случись так, что взгляд ее хоть на мгновение упал бы на нашего героя — Мартин Спеллман наверняка бы в ужасе завопил, но нет. Вопреки всему, существо продолжило свое, с виду бесцельное, вращение, и его объемистый плащ все так же колыхался и вздыбливался...

Когда же Мартин оказался совсем рядом с гигантом, всего в десятке шагов, то почувствовал, что больше не может идти. Существо продолжало отворачиваться от него, однако стоило Спеллману остановиться, как и движения гиганта словно бы обрели некую неуверенность.

А затем Существо замерло на месте.

На какой-то миг все застыло, лишь колыхались по-прежнему складки зеленого плаща. Затем, медленно и неумолимо, монструозная фигура начала разворачиваться к парализованному страхом юноше.

Вскоре она снова замерла, на сей раз обратив к Спеллману лицо. Мерзкий плащ заколыхался яростней обычного, а затем и вовсе распахнулся, и наш герой смог увидеть то, что скрывалось под его складками. От омерзительного зрелища Мартин безголово вскрикнул. На отвисших, морщинистых черных грудях Древнего, облепив его со всех сторон, копошились, цепляясь за них, крылатые рептилии, лишенные лиц...

Вот, собственно, и все, что он увидел...

А затем он ощутил, как кто-то бесцеремонно трясет его, пытаясь разбудить.

Гарольд Муди, вернувшийся из Оукдина в легком подпитии, заявился к Мартину узнать, не желает ли тот выпить чашку кофе. Гарольду было известно, что молодой коллега часто работает допоздна, однако на сей раз он застал Спеллмана в самый разгар ночного кошмара. Никто еще не был столь желанным гостем для Мартина, как Гарольд, пусть даже полупьяный и явившийся в столь поздний час. Пока полуночный гость занимался кофе, юноша, не в силах унять дрожь, сидел на кровати. Мартин понимал, что это был лишь дурной сон, однако запомнился он с такой удивительной яркостью, так живо и отчетливо...

Чего только стоили эти чудовищные джунгли... А гнусные насекомые, вылетающие из соцветий?... А прогалина? Не столько лесная поляна, сколько гигантская проплешина голой, мертвой земли. А безглазые крылатые уродцы, копошившиеся под мерзким зеленым плащом на теле гиганта! Однако самым жутким в этом сне были глаза — глаза медленно поворачивавшегося колосса...

На следующее утро, несмотря на странную апатию, с которой ему пришлось вступить в единоборство, Спеллман принялся за кропотливое изучение «Хтаат Аквадинген». Привидевшийся ему накануне сон был очень реалистичен, хотя, насколько юноше хватало памяти, в «Черной книге» Ларнера не описывалось ничего подобного. Даже при ярком дневном свете, когда в окно струились лучи скудного декабрьского солнца, Спеллман с содроганием вспоминал гиганта в зеленом плаще. Не считая описания, составленного Эрнстом Кантом и приведенного в относительно недавней книге, посвященной редким случаям душевных расстройств («существо с черными грудями и анусом во лбу»), он нигде не встречал ничего подобного; в «Хтаат Аквадинген» столь живописных подробностей не приводилось. Откуда же тогда в его подсознание проник образ омерзительного чудовища?

Мартин Спеллман сделал вывод, что в куда большей степени подвержен внушению,

нежели привык считать. Жуткое это существо, конечно же, привиделось ему после того, как он прочел о способе «увидеть во сне Йиб-Тстла». Сколь смехотворными ни были прочитанные им строки, они тем не менее крепко засели в голове, и ему приснился кошмарный сон...

Следующие десять дней и Рождество Спеллману пришлось посвятить занятиям менее приятным, чем работа над книгой. Хотя большую часть ночей он был свободен от дежурств, дневным обходам неизменно предшествовал инструктаж о том, как следовало обращаться с наиболее опасными пациентами, чтобы те «выглядели опрятно». В общем, хочешь не хочешь, а пришлось научиться кормить и мыть склонных к агрессии больных, а также убирать палаты тех несчастных, чьи привычки делали их похожими на животных. Какова же была радость Мартина, когда курс малоприятных занятий закончился, и он получил возможность вернуться к привычному режиму!

Лишь накануне 27 декабря Спеллману снова выпало ночное дежурство. И так было угодно судьбе, что в расписании дежурств его имя оказалось прямо напротив ненавистного ему подвального отделения и той его части, что носила имя Преисподней.

В первое же посещение Преисподней Спеллман увидел, что Ларнер уже поджидает его возле «глазка» своей палаты.

— Санитар Спеллман, наконец-то вы пришли. Вы... вы... выполнили мою просьбу?.. — спросил он, пожирая Мартина взглядом.

— Что вы имеете в виду, Ларнер?

— Я просил вас скопировать Шестую Сатхлатту... из «Хтаат Аквадинген». Неужели вы забыли?

— Нет, я не забыл, Ларнер, — ответил Мартин, хотя именно так оно и было, — но скажите мне, что вы собираетесь делать с... э-э-э, Шестой Сатхлаттой?

— Делать? Разве вам не понятно?.. Это эксперимент! Да-да, эксперимент. Скажите, санитар Спеллман, вы не желаете помочь нам?

— *Нам*, Ларнер?

— Мне, я хотел сказать, мне. Вы не желаете помочь мне?

— Каким образом? — неожиданно для себя заинтересовался Спеллман. Его поразило, насколько прояснилось сознание больного.

— Я позднее дам вам знать... но вы должны поскорее передать мне Шестую Сатхлатту... и еще... карандаш и несколько чистых листов бумаги...

— Карандаш, Ларнер? — подозрительно сощурился Спеллман. — Вы же знаете, что я не имею права давать вам карандаш.

— Тогда хотя бы грифель, — в отчаянии взмолился Ларнер. — Ну какой, по-вашему, вред я могу причинить простым карандашным грифелем?

— Думаю, что никакой. Грифель, пожалуй, вам можно дать.

— Отлично! Тогда вы... — Безумец не договорил предложение до конца.

— Я не могу ничего обещать, Ларнер... но подумаю о вашей просьбе, — сказал Спеллман. Кошмарный сон уже почти выветрился из его памяти, и его обуревало любопытство: что Ларнер станет делать с Шестой Сатхлаттой?

— Ну хорошо... только думайте побыстрее! — ворвался и его мысли голос Ларнера. — Я бы хотел все получить до конца месяца. Если же не получу... тогда... тогда эксперимент не удастся... во всяком случае, его придется отложить еще на год.

После этих слов глаза Ларнера расширились, и в них появилось пустое, бессмысленное выражение. Тень разума слетела с его лица, оно сделалось рассеянным и туповатым. Больной отвернулся и, заложив руки за спину, медленно побрел к своей кровати.

— Я подумаю, что смогу сделать для вас, Ларнер, — произнес Спеллман. — Возможно даже, сегодня ночью.

Однако Ларнер, судя по всему, уже утратил интерес к разговору.

Спустя какое-то время Мартин вернулся в подвальный корпус, перед этим на несколько

минут заглянув в свою комнату.

Позвав Ларнера, он просунул через решетку карандашный грифель, чистую бумагу и листок с Шестой Сатхлаттой, переписанной из пресловутой книги. Больной никак не отреагировал на его действия, все так же молча сидя на кровати. Спеллману ничего не оставалось, как выпустить принесенное из рук, и грифель вместе с бумажками упал на пол. Ларнер, похоже, не обратил на это ни малейшего внимания.

Однако ближе к утру, когда рассвет забрезжил сквозь снеговые облака на восточном крае неба, юный санитар заметил, что Ларнер что-то пишет. Сумасшедший неистово водил кусочком грифеля по бумаге, но, как и в прошлый раз, оставил без внимания попытку Спеллмана втянуть его в разговор.

* * *

Два дня спустя, после утренней смены, Спеллман зашел к себе в комнату, чтобы выкурить сигарету, — что, впрочем, делал крайне редко, — прежде чем приступить к дневным обязанностям. Потянувшись за сигаретами, он задумчиво посмотрел в дверное окошко, также забранное решеткой (как-то раз Гарольд Муди с юмором разъяснил ему, что решетки предназначены вовсе не для того, чтобы запереть его, словно заключенного в камере, — никто не сомневался в его здравомыслии, — а чтобы оградить от любопытства со стороны больных), на десяток обитателей Преисподней, которые гуляли по обнесенному высокими стенами внутреннему двору. У самых буйных на ногах были цепи, ограничивающие движения. Тем не менее примерно половина из них не знала никаких физических ограничений, если не считать бдительного присутствия пяти-шести одетых в белое санитаров.

Надзиратели казались в этот день какими-то сонными; Мартину, в отличие от них, сразу бросилось в глаза, что Ларнер что-то замышляет. В частности, всякий раз, когда Ларнер оказывался на близком расстоянии от какого-нибудь пациента, он шептался с тем, и при этом их руки подозрительным образом соприкасались. Возникало ощущение, будто он передает им какие-то предметы. Какие же? Кажется, Спеллман догадывался...

Конечно, ему полагалось предупредить надзирателей о затее больных, однако он этого не сделал. Ведь стоит ему выдать Ларнера, как это обернется неприятностями для него самого — похоже, Ларнер раздавал во дворе клиники копии Шестой Сатхлатты! Спеллман улыбнулся. По всей видимости, безумец замыслил вызвать Йиб-Тстла. «Насколько же противоречив разум душевнобольных», — подумал Мартин, отворачиваясь от окна. Какие, к черту, «адепты» из тех двенадцати, что гуляют сейчас по двору! Да и в любом случае Ларнеру недоставало одного человека.

В четыре часа пополудни Спеллмана вызвали во двор вместе с пятью другими санитарями, поскольку обитателей Преисподней выпустили поразмяться на свежем воздухе второй раз за день. Среди этих пяти был и Барстоу. Вел он себя спокойно и явно нервничал, однако при этом демонстративно стараясь держаться подальше от Спеллмана. Мартин уже давно заметил, что в присутствии Барстоу пациенты ведут себя тихо — и все же сегодня впервые в их поведении ощущался какой-то молчаливый протест, будто, фигурально выражаясь, все они имели в запасе некий «козырь». Барстоу, похоже, тоже это заметил и с интересом стал наблюдать за Ларнером, когда тот подошел к Спеллману и заговорил с ним.

— Ждать осталось совсем недолго, санитар Спеллман, — тихо произнес Ларнер после того, как они обменялись приветствиями.

— Неужели? — улыбнулся Мартин. — В самом деле, Ларнер? Знаете, я сегодня утром видел, как вы раздавали сделанные вами копии.

Выражение лица Ларнера мгновенно изменилось.

— Вы ведь никому не сказали?

— Нет, никому. Когда вы мне расскажете, что здесь затевается?

— Скоро, совсем скоро... эх, жать, что я не знаю формулы Наах-Титха!

— Э-э-э... действительно, жать, — согласился Спеллман, плохо понимая, к чему клонит его собеседник. Но затем ему вспомнилось, что он уже видел упоминание о так называемом барьере Наах-Титха в ларнеровских заметках на полях «Хтаат Аквадинген». — Надеюсь, это не помешает проведению эксперимента?

— Нет, но... мне действительно искренне жаль... *вас*.

— Меня? — нахмурился Мартин. — Вы на что намекаете, Ларнер?

— Дело не во мне, вы же понимаете, — быстро заговорил безумец. — То, что творится со мной, в месте вроде этого никого не волнует, да и другим здесь тоже ничуть не легче. В клинике им не на что надеяться. Да что там! Некоторые из них даже выиграют от перемены мест! Но вас, Спеллман, *вас* мне искренне жаль...

Спеллман задумался, прежде чем задать новый вопрос.

— Эта самая... *формула*... она действительно так важна? — Эх, почему он не может проникнуть в сознание этого человека, узнать, в каком направлении блуждают его мысли!..

Ларнер неожиданно нахмурился.

— Разве вы не читали «Хтаат Аквадинген»? — Вопрос прозвучал скорее как обвинение.

— Да-да, конечно, читал... правда, книга очень сложная, а я... — Спеллман попытался найти подходящее слово, — ...я не *адепт* !

Ларнер кивнул, и хмурое выражение тут же исчезло с его лица.

— Верно, вы не адепт. Их должно быть семь, я же здесь один. Формула Наах-Титха, разумеется, поможет нам, но даже и в этом случае... — Ларнер заметил, что к ним приближается Барстоу. — *Летриктрос Темиель, фитритте клептос* — пробормотал он и вновь повернулся к Мартину. — Я не знаю её окончания, вы понимаете, Спеллман? И даже если бы знал... ей не отвратить *такое* зло...

На следующий день, когда Спеллман взглянул на обитателей Преисподней через зарешеченное окно своей комнаты, он вновь отметил возникшее между ними единение, нечто вроде дружбы. А еще ему бросился в глаза тонкий красный рубец на лице Ларнера. Еще вчера того не было. Интересно, откуда взялась отметина?

Спеллман машинально, повинаясь минутному порыву, поискал в списке дежурств фамилию санитара, совершавшего обходы в прошлую ночь. И тотчас понял, что двигал им отнюдь не минутный порыв, а чудовищное подозрение, ибо взгляд его упал на знакомое имя: Алан Барстоу. Мартин мысленно представил себе коренастого, похожего на жабу санитара с палкой в руке. При мысли о красном рубце на лице Ларнера юношу вновь охватило непонятное беспокойство — как и в случае с тем больным, который — во время «острого приступа помешательства» — каким-то непонятным образом ухитрился вырвать себе глаз.

В новогоднюю ночь, после крайне скромных празднеств, омраченных для Спеллмана нарастающей с каждым часом тревогой, для него прозвучал «первый звонок», возвестивший о грядущем кошмаре. Увы, случилось так, что Мартин практически не обратил на него внимания: у юноши был выходной, и он работал над книгой, однако как только утихли доносившиеся снизу крики, к нему в комнату зашел дежуривший в тот день Гарольд Муди.

— Никогда не видел ничего подобного! — нервно произнес он, присаживаясь на кровать Мартина. — Ты слышал?

— Я слышал какие-то крики. Что там стряслось? — спросил Спеллман из вежливости. Работа над книгой продвигалась быстро, и он не хотел отрываться от дела.

— Даты что? — удивился Муди. — Крики, говоришь? Да скорее хоровые заклинания. Эти идиоты ревели во всю глотку, оглохнуть можно было! Это даже не слова, Мартин, — по крайней мере не понятные всем слова, — а какая-то ересь! Полная околесица!

— Околесица? — Мартин быстро встал из-за стола и подошел к коллеге. — Что за околесица такая?

— Вообще-то я не знаю, ни черта не понял. То есть я хочу сказать...

— Что-то вроде этого?.. — перебил его Спеллман и, достав из тумбочки ворох листов

«Хтаат Аквадинген», принялся их перебирать. Вскоре он нашел нужный отрывок:

Гхе 'пхнглуи, мглв'нгх, гхи'их Йиб-Тстл,
Фхтагн мглв и'тлетте нгх'вгах, Йиб-Тстл,
Гхе'пхнглуи...

Мартин резко оборвал чтение. Черт, зачем ему понадобилось зачитывать эти строки, если он помнит их наизусть?

— Они произносили... что-то в этом роде?

— Что? Нет, что-то другое, более резкое, не такое певучее. И этот парень, Ларнер, ну он и тип, скажу я тебе! Он все время разорялся, что не знает концовки!

С этими словами Муди встал, собираясь уйти.

— В любом случае все закончилось...

Стоило Муди подойти к двери, как зазвенел будильник. Мартин специально поставил его на двенадцать часов ровно, чтобы знать, когда наступит Новый год.

— С Новым годом, Гарольд! — поспешил он поздравить коллегу.

Муди поздравил его в ответ и шагнул за порог. Как только он закрыл за собой дверь, Мартин схватился за «Хтаат Аквадинген».

Тридцать первого декабря — канун Нового года и последний день старого. «Значит, — размышлял он, — Ларнер попытался возвести „барьер Наах-Титх“, но, конечно же, не знал всех слов нужной формулы». Мартин с удивлением отметил, что, как ни странно, текст Шестой Сатхлатты без особых усилий и, главное, прочно врезался в его память. Эти странные согласные мигом всплыли в сознании — и более того, словно просились на язык...

Ладно, все в порядке: он, конечно, допустил оплошность в отношении Ларнера — но, слава богу, все хорошо, что хорошо кончается. Если бы не его собственный идиотский интерес, не потворство безумным фантазиям больного человека, никаких беспорядков в Преисподней не случилось бы. Но что будет завтра ночью? Что, если в ближайшие сутки обитатели Преисподней трижды повторят Шестую Сатхлатту и попытаются вызвать к жизни зловещего Йиб-Тстла? Неужели Ларнер намерен втянуть и его, Спеллмана, в этот шабаш?

Не то чтобы Мартин Спеллман хотя бы на миг поверил, что набор невнятных звуков, синхронно произносимых несколькими сумасшедшими, способен причинить кому-то вред, сверхъестественного или иного свойства. Однако повторение ночных беспорядков не могло не встревожить руководство клиники. Начальство вряд ли пришло бы в восторг, стань ему известно о незаконном общении стажера-практиканта с Ларнером. Это грозило бы ему серьезными неприятностями, не говоря уж об увольнении, Мартину же меньше всего хотелось портить отношения с доктором Уэлфордом и еще кое-кем из начальства. Утром он выйдет на дежурство в верхнее отделение лечебницы и закончит в четыре часа дня, но до этого непременно нужно улучшить минутку и повидаться с Ларнером. Возможно, доброе слово благотворно подействует на сумасшедшего.

Уже в постели, прежде чем уснуть, Спеллман вновь вспомнил, с какой легкостью воспроизвел строчки Шестой Сатхлатты. И не успел он подумать о них, как они были у него на языке. Пораженный тем, как свободно и плавно льются эти звуки (казалось бы, чуждые ему), он прошептал в темноте слова заклинания и почти мгновенно погрузился в глубокий сон.

...Он вновь оказался в странном лесу под темно-зеленым небом, населенном зловещими крылатыми созданиями. На этот раз его спящий дух острее ощутил присутствие Существа на облезлой, с проплешинами поляне — присутствие Йиб-Тстла, огромного и могущественного, медленно и неумолимо вращающегося вокруг оси в омерзительном шевелящемся плаще.

И едва Мартин оказался на поляне (во сне движения его были медленными, как колыхание спутанных водорослей в Саргассовом море), он почувствовал на себе Его тяжелый взгляд...

Первобытный ужас, который он ощутил, приблизившись к Древнему, заставил его пробудиться ото сна. Легче, однако, от этого не стало — скорее наоборот, ибо теперь Спеллман понял, что означает эта жуткая гримаса, эти подергивающиеся и подрагивающие черты лица мерзкого гиганта.

— Оно улыбнулось... *Существо улыбнулось мне!* — вскрикнул он, подскочив на постели и выпрямившись. Какое-то мгновение юноша просто сидел, уставившись широко открытыми глазами в темноту комнаты. Затем, чувствуя дрожь во всем теле, он встал и непослушными руками принялся готовить себе кофе.

Два часа спустя, около четырех утра, когда уже начало светать, ему снова удалось заснуть. Оставшаяся часть ночи, к счастью, прошла без сновидений...

Когда Мартин Спеллман проснулся утром нового, 1936 года, у него не оказалось времени на раздумья о ночном видении. Встал он поздно, и до начала дежурства оставалось всего ничего. И конечно, юноша даже не догадывался, что новому дню было суждено стать самым насыщенным событиями из всех дней, проведенных им в стенах Оукдина, и что в конце этого дня...

В половине одиннадцатого утра Спеллман все-таки улучил минутку, чтобы спуститься в подвальное отделение, и направился напрямик к палате Ларнера. Увы, заглянув в зарешеченное окошко, он тотчас понял, что толку от этого визита не будет. Ларнер, пуская слюну, молча бродил от стены к стене. Глаза его были выпучены, зубы оскалены. Выйдя из подвала, Мартин разыскал санитаря, который сегодня дежурил в нижних помещениях клиники, и, сообщив ему о состоянии Ларнера, вернулся к служебным обязанностям.

В конце обеденного перерыва, не увидев Мартина в столовой, Гарольд Муди отправился его искать — и обнаружил юношу в его комнате, где тот беспокойно расхаживал взад-вперед. О предмете своего волнения Спеллман умолчал. Вообще-то он и сам толком не знал, что гложет его изнутри — просто им владело странное ощущение чего-то страшного и неизбежного. Правда, ощущение это слегка утратило остроту, когда Муди сообщил, что Алана Барстоу больше в клинике не будет. Никто не знал, почему жабообразный санитар решил оставить работу. Нет, конечно, по лечебнице уже давно ходили слухи, что у парня нелады с нервами, но по мнению Гарольда Муди, Барстоу «просто достало это местечко и его обитатели».

Позднее, закончив дежурство, Спеллман, обрадованный известием о предстоящем уходе Барстоу, ощущая, как с каждой минутой к нему возвращается душевное спокойствие, быстро перекусил в столовой, после чего вернулся к себе в комнату и погрузился в изучение рукописей. Однако с наступлением темноты, ближе к девяти, к нему вернулось и томительное беспокойство, мешавшее сосредоточиться, он отложил книгу и ненадолго прилег на кровать. Какое-то время юноша прислушивался, не доносятся ли из Преисподней странные звуки — и даже поймал себя на мысли, что царившая там тишина не доставляет ему особой радости. Пролежав так несколько минут, он встал и закурил сигарету. Спать не тянуло, и Мартин вознамерился бодрствовать до полуночи, чтобы не пропустить тот момент, когда науськанные Ларнером обитатели подвального корпуса выкинут какой-нибудь фортель.

В десять часов вечера ему неожиданно захотелось перечитать страницы «Хтаат Аквадинген» — особенно Шестую Сатхлатту, — и он вытащил книгу прежде, чем успел воспротивиться этому настойчивому желанию. Мартин никак не мог взять в толк, что в «Черной книге» так его привлекало сейчас. На него навалилось страшное изнеможение — плата за беспокойную ночь; начался приступ сильной головной боли. Не помогли даже наспех сваренная чашка кофе и таблетка аспирина. Усталость и боль в висках все усиливались, и Мартин был вынужден снова лечь в постель. Он посмотрел на часы: без десяти одиннадцать. Не успел он и глазом моргнуть...

...кто-то хорошо ему знакомый невнятно бормотал слова Шестой Сатхлатты. Даже

погружаясь в глубокий сон, Мартин узнал собственный голос!

Он стоял на окраине облезлой поляны под темно-зеленым небом. За его спиной простирались зловеющие заросли. Прямо перед ним, в самом центре поляны, возвышался Йиб-Тстл, как всегда неумолимо вращавшийся вокруг собственной оси. Спеллману хотелось развернуться и бежать от Существа в зеленом плаще. Он даже сделал попытку — приложив все мыслимые усилия воли, лишь бы воспротивиться жуткому притяжению, исходившему от чудовища, — сделал и почти добился своего... О, это проклятое «почти»! Медленно, мучительно медленно, чувствуя, что его спящий разум заперт в крошечном шарике сосредоточенности, Мартин Спеллман ощутил, как неведомая сила магнитом тянет его вперед. Вскоре он оказался напротив Древнего и понял, что тот разгневан.

В течение долгого времени, показавшегося ему едва ли не вечностью, он пытался сопротивляться, после чего Йиб-Тстл, которому это явно надоело, попробовал применить другую тактику. Хотя от центра поляны Мартина отделяло довольно приличное расстояние, он все же заметил, как Существо замерло на месте. В следующее мгновение исполинский монстр распахнул полы плаща, и взгляду юноши открылся адский зверинец.

За раз Спеллман мог справиться лишь с одним уродцем, а Йиб-Тстл явно не собирался отпускать его из царства грез в реальный мир. Даже осознавая, что спит, Спеллман оставался во власти этого сна. Он беззвучно кричал, нанося удары безликим крылатым тварям, стремительно налетающим на него и явно желавшим сбить его с ног. Наконец им это удалось, и он упал, закрывая руками голову. Когда крылатые уродцы оставили его в покое, он осмелился посмотреть вверх и понял, что находится у ног исполинского чудовища в зеленом плаще.

И вновь эти ужасные красные глаза... вместо того, чтобы оставаться на месте, они быстро перемещались — независимо друг от друга, скользя поверх смазки из мерзкой, тягучей слизи, по красной, липкой голове Йиб-Тстла.

Неожиданно Спеллман понял, что не один здесь. Рядом с ним лежали и другие люди — двенадцать человек, — и даже во сне тела и лица некоторых из них были словно перекошены. Некоторые пускали слюни, а в глазах их застыло странное выражение, не позволявшее усомниться в состоянии их разума.

Ларнер и остальные обитатели Преисподней — полный состав для проведения шабаша — почтительно собрались у ног бога сумасшедших, омерзительного Йиб-Тстла.

Не поднимаясь с колен, Спеллман в омерзении отвернулся. Взгляд его тотчас упал на книгу, лежащую перед ним на гнилой земле. Это была принадлежавшая Ларнеру копия «Хтаат Аквадинген», открытая на Шестой Сатхлатте!

— О нет! — беззвучно вскричал Спеллман, пронзенный внезапным пониманием. За что? Где тот предел, до которого Существо позволено ступать по земле?

Ларнер сел рядом с ним.

— Ты знаешь это сердцем, санитар Спеллман! Знаешь!

— Но я!..

— Времени нет, — оборвал его обитатель Преисподней. — Полночь близка! Ты станешь вызывать его вместе с нами?

— Нет, не стану, черт тебя возьми! — мысленно закричал Мартин.

— НЕТ, СТАНЕШЬ! — пророкотал в его голове чужой громовой голос. — ПРЯМО СЕЙЧАС!

С этими словами Йиб-Тстл вытащил из-под плаща нечто черно-зеленое — по всей видимости, руку с растопыренными пальцами — и вогнал эту жуткую пятерню в рот, уши и ноздри Спеллману, прямо в его мозг; вогнал и сжал со всей силой...

Когда Великий Древний убрал свои осклизлые пальцы, глаза Мартина Спеллмана остались пусты, а рот, из которого теперь капала слюна, безвольно обвис. Лишь тогда, в полночь, словно по какой-то неслышной команде, Ларнер и его двенадцать адептов с

удивительной синхронностью начали произносить заклинание: Спеллман у себя в комнате, сидя на постели, остальные — внизу, в палатах.

Скандал, разразившийся в Оукдине, утих лишь к началу февраля. К этому времени события, разыгравшиеся ночью 1 января 1936 года, были самым тщательным образом изучены и документально зафиксированы в строгой хронологической последовательности дня возможного использования в отчетах. Доктор Уэлфорд к этому времени уже подал в отставку. Ему не повезло: в ту роковую ночь на нем всецело лежала ответственность за все происходившее в клинике. И хотя было установлено, что личной вины Уэлфорда в случившемся нет, его отставка, похоже, удовлетворила руководство, газетчиков и родню многих пациентов лечебницы.

Разумеется, будь доктор Уэлфорд менее щепетильным человеком, он мог бы по крайней мере частично представить случившееся в выгодном для себя свете — тем более что в следующем месяце пятерых обитателей Преисподней (трос из них ранее считались «безнадежными» маньяками) выпустили на свободу и признали дееспособными гражданами. Увы, пятеро других, в том числе и Ларнер, были найдены мертвыми в своих палатах вскоре после полночных беспорядков. Все они стали жертвами «острого приступа буйного помешательства». Еще двое были живы, но находились в состоянии глубокого кататонического ступора, из которого их вывести не удалось.

Утром второго января в клинике Оукдина царил такой жуткий переполох, что поначалу вину за ужасную смерть Барстоу, тело которого обнаружили на пустынной дороге, ведущей к соседней деревне, поспешили свалить на кого-то из больных, сбежавших в возникшей суматохе. Несчастный санитар почему-то не стал дожидаться утра — возможно, им двигало недоброе предчувствие скорого кошмара — и покинул клинику пешком, с чемоданом в руке, вскоре после одиннадцати вечера. Барстоу скорее всего успел дать отпор нападавшему: возле его бездыханного тела была найдена черная телескопическая трость с серебряным наконечником (в боевом состоянии она превращалась в девятифуттовую острую пику). Увы, попытки санитаря отстоять свою жизнь оказались тщетными.

Как только обнаружилось тело Барстоу, в срочном порядке был произведен подсчет обитателей клинки, живых и мертвых. Вскоре сомнения в надежности клиники отпали сами собой. Впрочем, уродливый санитар явно стал жертвой какого-то маньяка. Ни один нормальный человек, как, впрочем, и ни один зверь, не смог бы так изуродовать его — в частности, отгрызть ему половину головы!

Короче говоря, события ночи с первого на второе января 1936 года могли бы стать отдельной главой в книге Мартина Спеллмана — если бы, разумеется, он довел работу до конца. Увы, книга так и осталась незавершенной, и Спеллман уже никогда ее не допишет. Пережив ужасную трансформацию, Мартин Спеллман, давно уже достигший зрелого возраста, по-прежнему занимает в Преисподней вторую палату слева. Даже в редкие минуты просветления он бормочет что-то невнятное, пускает слюну и вскрикивает, ибо практически постоянно находится под действием успокаивающих лекарств...

Рожденный от ветра

Я сочинил эту повесть в конце 1972 — начале 1973 годов. В Америке мои авторские права представлял Кирби Макколей. Повесть, объемом в двадцать пять тысяч слов, оказалась слишком длинной для публикации в журнале Эда Фермана «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», и мне пришлось сократить ее до пяти тысяч слов. В период работы над ней я уже был штаб-сержантом и проходил службу в немецком городке Целле. По вечерам, да и в любое время суток, когда выпадала свободная минутка, я отдавал себя писательству. Эта повесть увидела свет в 1975 году, в декабрьском номере вышеупомянутого журнала, и тотчас удостоилась номинации на Всемирную премию фэнтези — полагаю, за оригинальность замысла. Увы, награды она так и не получила.

Спустя два года «Рожденный от ветра» был опубликован в сборнике «Ужас в Оукдине». За последнюю четверть века повесть переиздавалась дважды и до сих пор остается одним из любимых моих произведений.

I

Подумайте сами: я — уважаемый всеми метеоролог (вернее, был таковым до недавнего времени), человек, чьи интересы и образование далеки от мира фантазии и так называемых сверхъестественных явлений. И вот теперь я верю в ветер, который дует между мирами, и в Существо, обитающее в этом ветре. Вот оно шагает среди перистых облаков, вот его крик пронзает разрядами молний ледяное арктическое небо...

Как столь противоречивые взгляды могут уживаться в одном человеке — это я сейчас и постараюсь вам объяснить, потому что соответствующие факты известны лишь мне одному. Если я ошибаюсь в том, в чем почти уверен, — то есть то, чему я стал свидетелем, не более чем цепочка совпадений, на которую наложились жуткие галлюцинации, — что ж, вероятно, это поможет мне вернуться из ледяной пустыни в нормальный мир, в котором всегда проходила моя жизнь. Если же ошибки нет, — а, боюсь, так оно и есть, — то я конченный человек. В таком случае эта рукопись станет свидетельством неведомого доселе уровня бытия... и его обитателя, подобие которому можно найти лишь в легендах, чьи корни уходят в глубины прошлого на миллионы лет, в далекое и ужасное детство нашей планеты.

Мой интерес к этому существу возник совсем недавно, а если быть точным, всего два месяца назад, когда в начале августа я приехал в Нависсу, провинция Манитоба — официально для того, чтобы поправить здоровье после довольно продолжительного заболевания дыхательных путей.

Поскольку метеорология для меня одновременно и хобби, и источник средств к существованию, то я, естественно, захватил с собой «работу». Нет, не в физическом смысле, потому что книг и инструментов у меня слишком много, чтобы брать их с собой; просто в моем мозгу существует что-то вроде небольшого отделения, где под замком хранятся наиболее интересные метеорологические проблемы. Также я захватил с собой блокноты, чтобы делать в них заметки по поводу тех или иных интересных метеорологических явлений в этом регионе, столь похожем на Арктику — если вдруг найдет охота. Надо сказать, дня человека вроде меня, посвятившего жизнь наблюдению за погодой — за ветрами и дождем, облаками и грозами, что рождаются в них, — Канада — настоящая находка.

В Манитобе в ясную ночь холодный воздух свеж и чист — он способствует исцелению слабых легких, и звезды смотрят на вас с кристальной ясностью; временами так и хочется протянуть руку, чтобы сорвать себе с небес пару штук. Сейчас именно такая ночь — хотя барометр сильно упал, и я боюсь, что вот-вот начнется снегопад. И хотя от печки идет тепло, пальцы мои ощущают божественный холод канадской ночи, ведь я снял рукавицы, чтобы удобнее было держать ручку.

До недавнего времени Нависса была лишь небольшим поселком, одним из многих, что начинались как торговые фактории, но разрослись до размеров настоящего города. Расположенная неподалеку от старого торгового тракта Оласси, она лежит почти рядом с заброшенным городком Стилуотер, но о нем чуть позже...

Я остановился в доме судьи. Это было внушительное строение из красного кирпича с деревянным крыльцом и скошенной крышей, в духе швейцарского шале — в общем, один из современных домов, выросших в той части города, что ближе к горам. Судья Эндрюс уже на пенсии, родом он из Нью-Йорка и не стеснен в средствах. Старый друг моего отца, вдовец, с годами он развил в себе привычку к затворничеству. Как человек самодостаточный, судья не любит докучать другим людям, и, соответственно, ему тоже никто не докучает. Всю свою жизнь он увлекался антропологией и теперь, живя в этом далеком, малонаселенном краю, занимается изучением темных пятен науки. Это он, судья Эндрюс, узнав о моей недавней

болезни, пригласил меня к себе в Нависсу на период выздоровления — отдохнуть и набраться сил, хотя к тому времени я уже практически оправился от недуга.

Разумеется, приглашение отнюдь не давало мне права вторгаться в его замкнутую жизнь. Это было бы неслыханной дерзостью. Вот почему большую часть времени я держался особняком, стараясь не попадаться ему на глаза. Конечно же, вслух это требование высказано не было, однако я понимал: судье хотелось, чтобы так все и оставалось.

Я мог свободно бродить по дому, в том числе и пользоваться его домашней библиотекой. Именно здесь, в последние две недели моего пребывания в доме судьи Эндрюса, на глаза мне попались любопытные работы Сэмюэля Бриджмена, английского профессора антропологии, погибшего при загадочных обстоятельствах всего в нескольких милях от Нависсы.

Эта находка наверняка оставила бы меня равнодушным, не будь я знаком с некоторыми из теорий Бриджмена. Надо сказать, что из-за этих теорий он стал в научном мире чем-то вроде паршивой овцы — и неудивительно, поскольку многие из них не имели с наукой ничего общего. Зная, что судья Эндрюс принадлежит к числу людей, которые ценят в первую очередь твердые факты, не искаженные полетом чьей-то фантазии, я невольно задался вопросом: чем же заслужили работы эксцентричного Бриджмена место в его книжном собрании?

Я направлялся из небольшой библиотеки в кабинет судьи, чтобы задать ему этот вопрос, когда заметил, как из дома, оглядываясь по сторонам, вышла красивая женщина, чей возраст я тогда затруднился определить. Несмотря на ее стройность и относительную свежесть кожи, в волосах ее виднелась седина. В молодости она наверняка была весьма привлекательной, если не красавицей. Меня она не заметила — вернее, даже если и заметила краем глаза, то, будучи крайне взволнованной, не придала этому особого значения. Вскоре я услышал, как от дома отъехала ее машина.

Не решаясь переступить порог кабинета, я задал хозяину дома свой вопрос.

— Книги Бриджмена? — переспросил меня судья Эндрюс, оторвав взгляд от лежавших на столе бумаг.

— Я имею в виду работы Бриджмена из вашей библиотеки, — пояснил я, войдя наконец в кабинет. — Даже не подозревал, что они могут вас заинтересовать.

— Вот как? А я не знал, что вы увлекаетесь такими вещами, Дэвид.

— Ну, не то чтобы увлекаюсь... Просто кое-что слышал о нем, вот и все.

— Вы уверены, что это все?

— Э-э-э... ну да. А в чем дело?

— Гм, как сказать, — задумчиво произнес он. — Впрочем, ничего особенного — так, совпадение. Видите ли, женщина, которая только что вышла из моего дома, — это Люсиль Бриджмен, вдова Сэма. Она остановилась в «Нельсоне».

— Вдова Сэма? — признаюсь честно, я был заинтригован. — Так вы знали его лично?

— Разумеется, знал, причем довольно близко, хотя это и было много лет назад. А недавно я прочел его книги. Кстати, погиб он неподалеку отсюда.

Я кивнул.

— Насколько мне известно, при весьма загадочных обстоятельствах.

— Верно.

Судья вновь нахмурился и даже отодвинул стул. Он был явно чем-то взволнован.

Я подождал с минуту в надежде услышать что-то еще.

— И что же? — проговорил я, поняв, что продолжать он не собирается.

— Гм, — откликнулся судья Эндрюс. Его взгляд был устремлен в пространство, сквозь меня. — Что, что... да ничего, и вообще, я занят!

Он надел очки и погрузился в чтение.

Я понимающе улыбнулся и кивнул. Неплохо изучив привычки старика, я знал, что на самом деле означало столь резкое завершение разговора: «Если хочешь узнать больше, попробуй докопаться до истины сам». И с чего же приступать к разгадке этой тайны, как не с

книг Сэмюэля Бриджмена! По крайней мере я хотя бы что-то узнаю об этом человеке.

Я уже повернулся, чтобы уйти, как судья произнес:

— Кстати, Дэвид, не знаю, какое мнение сложилось у вас о Бриджмене и его работах, но что касается меня, то как человек, чья жизнь почти подошла к концу, скажу, я и теперь не понимаю, где в них правда, а где выдумки. По крайней мере Сэму нельзя отказать в одном — смелости догадок!

Интересно, как я должен это понимать? И как отвечать на такую реплику? В общем, я лишь кивнул и вышел из кабинета, оставив судью наедине с его мыслями и книгами.

Вторую половину дня я провел в библиотеке, раскрыв на коленях том трудов Бриджмена. Всего в собрании хранились три его книги. Как оказалось, в них содержалось немало упоминаний об арктических и субарктических регионах, о населяющих их людях, их религиозных верованиях, суевериях и легендах. Тем не менее, даже если учесть, как мало я знал об этом английском ученом, в его трудах попадались абзацы, которые вызывали у меня неподдельное любопытство. Бриджмен писал об этих северных краях, здесь же он и погиб — загадочной смертью. Не меньшей загадкой представлялась мне и его вдова, которая сейчас, двадцать лет спустя после его гибели, вновь оказалась здесь и явно была чем-то взволнована, если не напугана. И что самое главное, старинный друг моей семьи, судья Эндрюс, явно не спешил распространяться о покойном английском антропологе — и, судя по всему, разделял его в высшей степени спорные теории.

Но что это были за теории? Если меня не обманывала память, они имели отношение к каким-то индейским и эскимосским легендам, в которых говорилось о боге арктических ветров.

На первый взгляд в книгах профессора почти не было ничего такого, что выходило бы за рамки обычного живого интереса этнологов и антропологов к подобного рода легендам. Однако автор, на мой вкус, слишком долго распространялся о Гао и Хотору, духах воздуха из преданий ирокезов и пауни, и особенно о Негафоке, духе холодной погоды у эскимосов. Чувствовалось, что он пытается увязать эти мифы с малоизвестной легендой о Вендиге, к которой у него явно было особое отношение.

«Вендиге, — писал Бриджмен, — это воплощение силы, образ которой донесли до нас сквозь века древние, как сам мир, предания. Этот великий „Торнасух“ — не кто иной, как сам Итаква, Шагающий с Ветрами, и для человека узреть его значит обречь себя на неминуемую смерть во льдах и снегах Севера. Владыка Итаква — по всей вероятности, самый великий и всесильный из духов воздуха — в начале времен пытался вести войну против Старших Богов. Сочтя это изменой, они изгнали его в холодную Арктику и межпланетное пространство, дабы там он „Вечно Шагал с Ветрами“ сквозь бесконечное время, вселяя ужас в души эскимосов, которые со временем научились смягчать его нрав молитвами и жертвоприношениями. Никто, кроме тех, кто возносит ему молитвы, не имеет права лицезреть Итакву; любой, кто дерзнет взглянуть на него, обречен на смерть. Итаква — это темный силуэт на небесах, антропоморфный по облику, почти человек, хотя есть в его облике и нечто звериное. Вот он шагает то в морозной мгле над землей, то высоко среди облаков, глядя алыми угольками глаз на копошащихся внизу представителей рода человеческого».

Отношение Бриджмена к другим, традиционным мифологическим фигурам было куда более прозаичным. В их случае он оставался в рамках традиционной антропологии. В подтверждение моих слов процитирую отрывок из одного его труда:

«Вавилонский бог грозы Энлиль имеет титул „Повелителя Ветров“. Склонный к разного рода проделкам, непостоянный и вспыльчивый, он, согласно суевериям того времени, якобы разгуливал вместе с бурями и демонами песка».

А вот пример из еще одной легенды:

«Германская мифология рисует Тора как бога грома. Когда в небе собирались

грозовые тучи и небеса сотрясали грозовые раскаты, люди знали, что слышат грохот боевой колесницы Тора, в которой тот разъезжает по небесным высям».

И вновь мне бросилось в глаза, что, хотя автор обходился с традиционными мифологическими фигурами с изрядной долей юмора, едва речь заходила об Итакве, подобных вольностей он себе уже не позволял. С другой стороны, говоря, например, про Та-тка, хеттского бога грома, он привел лишь сухое описание, дополнив его снимком найденной в горах Турции глиняной таблички с изображением этого божества. Более того, сравнивая Та-тка с Итаквой, он замечал, что нашел у этих божеств сходные черты, причем не только в звучании их имен.

Итаква, подчеркивал Бриджмен, оставляет в арктических снегах следы перепончатых ног, которые старые эскимосские племена боялись переступить. Та-тка (чье резное изображение было выполнено в стиле, напоминающем египетский «Амарна») на фотографии представлял с глазами в виде звезд, сделанными из редкого минерала, темного карнелиана, и с перепончатыми ногами! Доводы профессора Бриджмена о близости обоих божеств показались мне вполне обоснованными. Вместе с тем я легко мог представить, какую бурю негодования они могли вызвать у антропологов «старой школы». Как, например, можно отождествлять бога древних хеттов с божеством такого относительно молодого этноса, как эскимосы? Вопрос вполне разумный, если закрыть глаза на тот факт, что Итаква попал на север в своеобразную ссылку, после неудачной попытки свергнуть Старших Богов. Разве не могло быть так, что до мятежа Шагающий с Ветром расхаживал в небесных высях над Уром халдеев и древним Хемом, обитал в тех землях давным-давно, еще до того, как первые люди дали им названия? Тут я рассмеялся собственным фантазиям, вскормленным домыслами чудаковатого профессора-антрополога. И все-таки моему смеху не хватало искренности. Что ни говори, а чувствовалась все-таки в доводах Бриджмена некая холодная логика, благодаря которой даже самые невероятные из его предположений казались стройными, убедительными доказательствами...

А в том, что эти предположения невероятны, сомневаться не приходилось.

Самая тонкая из трех книг была полна ими через край, и я, одолев всего несколько страниц, понял, что именно этот полет фантазии и заставил коллег Бриджмена отвернуться от него. Тем не менее это было в высшей мере увлекательное чтение, самая интересная из трех его книг, написанная едва ли не с мистическим рвением и изобилующая — в самом прямом смысле этого слова — туманными намеками на какие-то едва заметные для наших чувств миры, полные ужасов и чудес — и время от времени соприкасающиеся с нашим, земным.

Я поймал себя на том, что не могу оторваться от этой книжки, настолько она увлекла меня. Действительно, за всеми этими домыслами и фантазиями скрывалась какая-то великая тайна — как айсберг, у которого видна лишь надводная часть. И я твердо решил не останавливаться, пока не найду полное подтверждение фактам, касающимся «дела Бриджмена» (так я стал называть про себя всю эту историю). Действительно, почему бы нет? Лучшего места для подобного расследования и не найти, ведь именно здесь погиб знаменитый профессор — в непосредственной близости от региона, где, по его словам, обитало некое мифологическое существо. К тому же судья Эндрюс — его, конечно, еще нужно разговорить — располагает какими-то сведениями о жизни этого человека. Возможно, мне удастся найти общий язык и с вдовой ученого, которая как раз находится в нашем городке...

До сих пор не могу понять, что побудило меня взяться за это расследование. Наверное, все дело в том, что Та-тка, в котором Бриджмен видел двойника Итаквы, на табличке ступал перепончатыми лапами по странной смеси слоисто-дождевых и кучевых облаков — такое сочетание, как правило, предшествует обильному снегопаду или сильным грозам. Древний создатель этой таблички неплохо изучил владения Шагающего с Ветром, отчего это мифическое существо стало мне по-своему родным — хотя, сказать честно, мне были куда понятнее и ближе эти зловещие облака, нежели обитавшее в них существо.

Признаюсь со всей откровенностью: я был потрясен, когда, взглянув на наручные часы, обнаружил, что просидел над сочинениями Бриджмена не только вторую половину дня, но и часть вечера. Глаза мои болели, ведь мне постоянно приходилось их напрягать: с каждой минутой в библиотеке становилось все темнее и темнее. Я зажег свет и наверняка вернулся бы к прежнему занятию, если бы до меня не донесся негромкий стук во входную дверь. Дверь в библиотеку была приоткрыта, и поэтому я услышал, как судья отозвался на стук и ворчливо поздоровался с поздним гостем. Я готов был поклясться, что ответивший ему голос принадлежал вдове Бриджмена — да и кому еще он мог принадлежать? Беспокойство пронизывало его насквозь. Гостья прошла в дом и вместе с судьей направилась в кабинет. Что ж, я хотел с ней познакомиться — и вот она, возможность.

Тем не менее, дойдя до приотворенной двери в кабинет, я остановился, а потом тихонько, на цыпочках, отошел в сторону. Мне показалось, что судья Эндрюс и его поздняя гостья о чем-то спорят. Похоже, старику мгновение назад задали нелепый вопрос: «Только не я, дорогая моя, это совершенно исключено... Но если вы все-таки намерены упорствовать в своем безрассудстве, что ж, я найду вам кого-нибудь в помощь... Бог свидетель, я бы и сам отправился с вами — пускам это глупая авантюра, пускай ожидается сильный снегопад... но, дорогая моя, я ведь далеко не юноша. Мои глаза уже не те, что раньше, а ноги слабы. Боюсь, мое старческое тело подведет вас, причем в самую неподходящую минуту. Во время снегопада северные районы — не самое лучшее место».

— В этом ли дело, Джейсон, — донесся до меня голос вдовы Бриджмена, отмеченный все теми же нервными полутонами, — или в том, что вы считаете меня сумасшедшей? Ведь когда я приходила в предыдущий раз, вы так прямо и заявили!

— Прошу простить мою несдержанность, Люсиль. Но давайте посмотрим правде в глаза. То, о чем вы мне рассказали, это ведь... из области фантастики! Доказательств, что парень ушел именно в том направлении, у нас нет. Только ваши догадки.

— Я рассказала вам чистую правду, Джейсон! А что касается моих, как вы выразились, «догадок», то у меня имеются кое-какие доказательства. Взгляните вот на это...

Последовала небольшая пауза, после чего судья заговорил снова.

— Но что это такое, Люсиль? — негромко поинтересовался он. — Одну минутку, надену очки. Гм, похоже, тут изображен...

— Нет! — раздался ее пронзительный возглас, не давая судье договорить. — Прошу вас, только не упоминайте *Их*, не произносите его имени!

В ее голосе зазвучали истерические нотки. Впрочем, продолжила она уже более ровным тоном:

— Что касается этого предмета, — до меня донесся металлический звон, словно на стол бросили монету, — прошу, просто храните его у себя дома, и сами все увидите. Когда Сэма — вернее, его бедное, растерзанное тело — наконец нашли, он сжимал это в правой руке.

— Но ведь прошло двадцать лет... — произнес судья, умолк на секунду, а потом поинтересовался: — Это чистое золото?

— Да, но никто не знает, где и кем оно было отлито. За эти годы я показывала его нескольким экспертам, и всякий раз получала один и тот же ответ. Это очень древняя вещь, но какая культура ее породила, неизвестно. Не будь она отлита из золота, можно было бы подумать, что она внеземного происхождения. Но даже золото... оно тоже не совсем обычное. У Кирби есть точно такой же...

— Вот как? — В голосе судьи чувствовалось удивление. — И где же он его раздобыл? Судя по тому, что я вижу в увеличительном стекле, эта вещь, чем бы она ни была, огромная редкость!

— Думаю, вы правы, она действительно очень редкая и древняя — пережиток какой-то неизвестной нам эпохи. А какая она холодная на ощупь! В ней чувствуется холод океанских

глубин, и если ее нагревать... впрочем, попробуйте сами. Но я скажу вам заранее, она хранит тепло совсем недолго. И мне известно, что это значит...

Кирби получил свой экземпляр по почте несколько месяцев назад, еще летом. Мы тогда были дома, в Мериде. Это на Юкатане. Вы же знаете, я осела там после... после того как...

— Да-да, знаю, можете не продолжать. Но кому взбрело в голову отправлять парню эту вещь? Да и зачем?

— Скорее всего так ему хотели *напомнить*... пробудить в нем все то, что я пыталась подавить. Я уже рассказывала вам о... о Кирби... о том, каким странным он был уже в раннем детстве. Я надеялась, что с годами это пройдет — увы, тщетно. Последний месяц, перед его исчезновением, был самым ужасным. Все началось после того, как он получил по почте этот талисман. Затем, три недели назад, он... в общем, он упаковал кое-что из вещей... — Женщина на минуту умолкла — думаю, чтобы немного успокоиться, потому что, судя по голосу, чувства переполняли её. Я неожиданно для себя проникся к ней сочувствием.

— Кто послал ему эту вещь, я не знаю, могу только догадываться... однако на посылке был штамп Нависсы. Вот почему я здесь.

— Штамп Нависсы? — В голосе судьи слышалось неподдельное изумление. — Но с чего кому-то вспоминать историю, случившуюся двадцать лет назад? И в любом случае, кому взбредет в голову делать такой редкий и дорогой подарок совершенно незнакомому человеку?

Ответ на этот вопрос был произнесен почти шепотом. Я с трудом разобрал слова вечерней гостьи.

— Потому что наверняка есть и *другие*, Джейсон! Те люди в Стилиутере были не единственными, кто называл Его повелителем. Его культ... он до сих пор существует... должен существовать! Думаю, это сделал кто-то из них, кто-то выполнял приказ повелителя. А откуда взялся этот талисман... да откуда же еще, как не...

— Нет, Люсиль, это невозможно, — перебил ее судья. — Верить в такие вещи я отказываюсь. Если это правда...

— Безумие, какого нашему миру не вынести?

— Именно.

— Сэм говорил то же самое. Тем не менее он сам искал встречи с этим ужасом и даже взял меня с собой. И тогда...

— Да, Люсиль, мне известно, что — по вашим словам — случилось потом, но...

— Никаких «но», Джейсон. Я хочу вернуть своего сына. Помогите мне, если вам угодно — или не помогайте. Это ничего не меняет. Я сама разыщу его. Он здесь, больше ему быть негде. Если потребуется, я отправлюсь на его поиски одна, без чьей-либо помощи — пока еще не поздно!

В её голосе вновь прорезались истерические нотки.

— Ну, в этом нет необходимости, — попробовал успокоить ее судья. — Завтра я первым делом найду кого-нибудь вам в помощь. Мы даже сможем подключить к поискам конную полицию. У них всего в нескольких милях от Нависсы зимний лагерь. Я завтра утром попробую дозвониться до них. Думаю, лучше поторопиться, потому что с первым же сильным снегопадом телефонная линия наверняка выйдет из строя.

— И еще кто-то должен помогать лично мне... У вас есть на примете надежный человек?

— Найду. Но, похоже, я уже знаю, кто это будет. И он с готовностью поможет вам. Он из достойной семьи и сейчас гостит у меня. Вы можете познакомиться с ним уже завтра...

После этих слов послышался скрип отодвигаемых стульев. Мне стало стыдно за это глупое подслушивание. Я быстро вернулся в библиотеку и закрыл за собой дверь. Спустя какое-то время, когда вечерняя гостья покинула дом, я вновь отправился в кабинет судьи Эндрюса. На этот раз я постучал в дверь и вошел лишь тогда, когда он крикнул «Войдите!» Старик расхаживал взад-вперед по комнате — он был явно взволнован.

Увидев меня, судья остановился.

— Ах, это вы, Дэвид. Присаживайтесь. У меня к вам будет одна просьба. — Он и сам устроился в кресле, беспокойно ерзая. — Даже не знаю, с чего начать...

— Начните с Сэмюэля Бриджмена, — отозвался я. — Я ознакомился с его книгами. Признаться честно, они меня заинтересовали.

— Но откуда вам известно?..

Я почувствовал, что краснею — ведь я, стоя под дверью, подслушал их разговор. Тем не менее ответ нашелся:

— Я только что видел, как миссис Бриджмен вышла из дома. Думаю, речь пойдет о ее муже, но может статься, вы хотите поговорить и о ней самой.

Судья Эндрюс кивнул, взял со стола золотой медальон диаметром около двух дюймов и потер пальцами выпуклый рисунок.

— Вы правы, но...

— Да?

В ответ он тяжело вздохнул:

— Ну что ж, похоже, придется рассказать вам всю историю — или по крайней мере то, что известно мне... ничего другого мне не остается, если уж я рассчитываю на вашу помощь. — Он покачал головой. — Бедная, безумная женщина!

— Вы хотите сказать, она слегка... помутилась рассудком?

— Отнюдь, — поспешил поправиться судья. — Она, как и я, в здравом уме. Другое дело, что слегка... взбудоражена.

И тогда он рассказал мне все — от начала и до конца, завершив уже глубокой ночью. Постараюсь передать эту историю собственными словами. Судья говорил без передышки, а я слушал его, не перебивая. Этот рассказ лишь укрепил меня в намерении разгадать тайну Бриджмена.

— Как вы теперь знаете, — начал судья, — в юности мы с Сэмюэлем Бриджменом были очень дружны. Люсиль я тоже знал — еще до того, как они поженились. Вот почему она спустя столько лет обратилась за помощью именно ко мне. Однако это чистое совпадение, что сейчас я живу в Нависсе, всего в нескольких милях от места гибели ее мужа.

Даже в молодости Сэм был бунтарем. Традиционные науки, включая антропологию и этнологию, его не интересовали — по крайней мере в их общепринятой форме. Мертвые и легендарные города, страны с экзотическими названиями, странные боги — вот что составляло его страсть. Я помню, как он сидел и предавался мечтаниям — об Атлантиде и Земле Му, Офире и Курдистане, о Г'харне и затерянном Ленге, о Р'лайхе и других сгинувших странах, забытых именах из древних легенд и мифов. А ведь в это время ему бы работать на свое будущее... В конце концов будущее обернулось для него отнюдь не тем, о чем он мечтал...

Двадцать шесть лет назад он женился на Люсиль — и поскольку в ту пору, получив приличное наследство, располагал средствами, то мог себе позволить не работать в привычном смысле слова. Вместо этого Сэм всецело посвятил себя тому, что было близко и дорого его сердцу. С публикацией книг — особенно последней — он окончательно отвратил от себя коллег-ученых, занимавшихся науками, на которые он изливал свое «воображение». Именно в таких терминах они об этом и думали: фантазии, плод выпущенного на волю и не знающего границ воображения, несущего хаос в устоявшиеся области вроде науки и теологии.

Со временем на него стали смотреть как на дурака, наивного клоуна, который подкреплял свои сумасбродные аргументы ссылками на труды Блаватской и абсурдные теории Скотта-Эллиота,¹ на безумные писания Эйбона и корявые переводы Гарольда Хэдли Коупленда,² игнорируя достоверные, хоть и прозаические факты, добытые учеными и историками.

¹ Уильям Скотт-Эллиот — теософ, автор популярной в начале XX века книги «История Лемурии и Атлантиды» (1925).

² Персонаж придуман Лином Картером (1930–1988), одним из видных продолжателей Мифов Ктулху.

Когда и почему Сэм увлекся теогонией этих северных широт, — в частности, верованиями индейцев и метисов, а также легендами эскимосов, обитающих еще дальше к северу, — мне неизвестно, однако в конце концов он и сам поверил в них. Особенно интересовала его легенда об Итакве, боге снега и ветра, или, как его еще называют, Шагающем с Ветром, Шагающем со Смертью или даже Шагающем Среди Звезд — сверхъестественном существе, которое якобы бродит среди ледяных ветров и турбулентных атмосферных потоков в небе над северными странами и прилегающими холодными морями.

Увы, его решение побывать в здешних краях совпало по времени с проблемами в нескольких окрестных поселках. Происходило что-то странное. В эти края стали съезжаться тайные псевдорелигиозные группы (как правило, бродячие), желающие стать свидетелями «Великого пришествия». Странно, согласен, но известен ли вам хоть один уголок нашей планеты, где чокнутые не сбивались бы в организации — религиозные и так далее? А здесь, имейте в виду, этот вопрос всегда стоял остро.

Не спорю, некоторые из членов этих так называемых эзотерических групп были в целом разумнее среднестатистического индейца, полукровки-метиса или эскимоса. В основном они ехали из Новой Англии, из таких заштатных массачусетских городишек, как Аркхем, Данвич или Инсмут.

Впрочем, полицейские, расквартированные в Нельсоне, никаких мер не принимали — хотя бы потому, что такое здесь случается часто. Можно даже сказать, слишком часто. В данном случае предполагалось, что в Стилуотер и Нависсу эту разношерстную толпу привлекли странные события, которые происходили в самих городках и их окрестностях. Так, например, за пять лет до этого случилось несколько довольно странных исчезновений, а также необъяснимых смертей, обстоятельства которых так и не были раскрыты.

Я лично проделал небольшое расследование, но определенных результатов оно не дало. И даже если отбросить в сторону неподтвержденные догадки, уже сами цифры и факты — вот что удивительно! — внушают тревогу.

Так, например, все население Стилуотера неожиданно исчезло за одну ночь! Вы не обязаны верить мне на слово — если хотите, можешь покопаться в газетах. Статей было предостаточно!

А теперь прибавьте к этому еще с полдюжины легенд о гигантских следах на снегу, истории о странных алтарях, сооруженных в лесной чащобе в честь запретных богов, плюс существо, что летает на крыльях ветра и принимает человеческие жертвоприношения. Время от времени все это всплывает в здешних байках и легендах, и не приходится удивляться, что эти места на протяжении многих лет притягивали к себе всяких ненормальных.

Поскольку же Сэм Бриджмен тоже отличался странностями, вам будет нетрудно понять, что привело его в наши края, когда после пяти лет тишины здесь вновь подняли голову странные культы и связанные с ними суеверия. Именно таким образом и обстояли дела, когда он приехал сюда — причем не один, а с женой...

К северу от нас уже лежал глубокий снег, однако для Сэма это было не преградой. Он ни за что не успокоился бы, пока не убедился бы в истинности или ложности древних легенд. В качестве проводников они с женой наняли двоих смуглокожих франко-канадцев. Скажу честно, мне эта парочка сразу показалась подозрительной — и вот они-то повели его с Люсиль на поиски... чего? Преданий и мифов, детских сказок, страшилок?

В общем, они отправились на север, и, несмотря на подозрительные физиономии проводников, Сэм вскоре решил, что не ошибся в выборе. Парочка отлично знала эту местность. Более того, оказавшись посреди северных снегов, проводники заметно притихли и уже ничем не походили на двух забияк, которых Сэм подобрал в местном баре. Но с другой стороны, был ли у него вообще выбор? Ведь если учесть, что на тот момент в округе творились странные вещи, мало кто из жителей Нависсы осмелился бы забраться так далеко от дома. Когда Сэм поинтересовался у своих проводников, почему они нервничают, те ответили, что всему виной «сезон». Не зима, пояснили они, а конкретный период мифологического цикла. Кроме этих слов, ему ничего не удалось из них вытянуть, отчего его

любопытство разгорелось еще сильнее. От него также не укрылось, что чем дальше они продвигались на север, тем беспокойнее становились его проводники.

Затем, одной тихой ночью, когда они поставили палатки и развели костер, один из проводников спросил у Сэма, что, собственно, тот ищет среди снегов. Сэм заговорил про Итакву, Обитателя Снегов, однако ничего больше сказать не успел, так как при первом же упоминании Шагающего с Ветром франко-канадец наотрез отказался слушать дальше. Испуганный проводник вернулся к себе в палатку, и там у него разгорелся оживленный спор с напарником. Проснувшись на следующее утро, Сэм, к своему ужасу, обнаружил, что ночью проводники скрылись в неизвестном направлении, бросив их с женой на произвол судьбы. Более того, эти проходимцы унесли с собой все съестные припасы! Все, что осталось у Бриджменов — палатка, одежда, которая была на них, спальные мешки да личные вещи. У них не было даже коробка спичек, чтобы развести костер!

И все же положение их оказалось не таким безнадежным. До сих пор погода благоприятствовала им, к тому же они успели отойти от Нависсы лишь на расстояние трех дневных переходов. Иное дело, что шли они далеко не прямой дорогой, поэтому, пустившись в обратный путь, Сэм выбирал направление практически наугад. Правда, он немного умел ориентироваться по звездам, и когда пришла ночь, с известной долей уверенности установил, что двигаются они на юг.

Сколь одинокими и беспомощными ни ощущали себя супруги, они, тем не менее, с самого первого дня почувствовали, что все-таки не одни в снежной пустыне. Время от времени они набредали на чьи-то странные следы, причем свежие. Их оставляли после себя какие-то неясные фигуры, которые, стоило Сэму их окликнуть, спешили укрыться среди снежных заносов и высоких елей. На второе утро, вскоре после того, как Бриджмены снялись с места (после ночи, проведенной под укрытием сосновой рощи), они наткнулись на растерзанные тела своих бывших проводников. Было видно, что те приняли мучительную смерть. В карманах одного из них Сэм нашел спички, и той ночью ему с женой по крайней мере удалось согреться — к тому времени оба они уже испытывали муки голода. Но среди подрагивающих теней, почти на границе круга, очерченного пляшущими языками костра, все таились смутные, молчаливые силуэты — наблюдая за супругами, ожидая чего-то.

Сидя у входа в палатку, как можно теснее прижавшись друг к другу, Сэм и Люсиль негромко, едва ли не шепотом говорили о мертвых проводниках, строили предположения о том, как и почему те приняли столь ужасную смерть. А в тенях все мелькали бесформенные фигуры, вгоняя супругов в дрожь. Эта местность, решил Сэм, и впрямь есть не что иное, как владения Итаквы, Шагающего с Ветром. Временами, когда влияние древних ритуалов и таинств достигало пика, те, кто поклонялся снежному богу — индейцы, метисы, а возможно, и пришлый люд из нездешних мест, — собирались здесь, чтобы отправлять свои тайные церемонии в Его честь. Для человека стороны, тем более не верующего, эта местность была запретной! Проводники были здесь чужаками. Сэм и Люсиль тоже...

Полагаю, что именно тогда у Люсиль стали сдавать нервы, что, впрочем, неудивительно. Жуткий холод и белое безмолвие, раскинувшееся на многие мили вокруг, редкие стволы сосен и елей, занесенных снегом, голод, который все сильнее давал о себе знать, и смутные фигуры, затаившиеся по периметру поля зрения и сознания... Прибавьте к этому жуткую участь их бывших проводников — кто поручится, что то же самое не случится и с ними самими? И еще тот неоспоримый факт, который Сэм уже не мог от нее скрывать: они с ней... заблудились! Хотя они шли на юг, откуда им было знать, где, собственно, находится Нависса? Вдруг они отклонились в сторону? Да и вообще, хватит ли у них сил добраться до городка?

Думаю, что к тому времени Люсиль уже впала в бред, поскольку ее так называемые воспоминания о случившемся дальше наверняка есть не что иное, как галлюцинации, несмотря на все их правдоподобие. И кто знает, может, и бедняга Сэм был в том же состоянии! Как бы то ни было, на третью ночь, когда они, не сумев развести костер (спички успели отсыреть), принялись готовиться ко сну, события приняли еще более странный

оборот.

Кое-как они сумели поставить палатку, и Сэм залез внутрь, чтобы приготовить более или менее сносный ночлег. Люсиль, хотя ночь уже вступила в свои права, оставалась снаружи и ходила вокруг палатки, пытаясь согреться. Неожиданно она крикнула Сэму, что видит вдали костры — к северу, востоку, югу и западу от них. В следующее мгновение она издала жуткий вопль, а на палатку откуда-то налетел порыв ледяного ветра, отчего температура резко упала. Сэм из последних сил бросился наружу. Люсиль он нашел лежащей в снегу. Она не смогла объяснить ему, что произошло, лишь невнятно бормотала: «Оно в небе, в небе».

Одному богу известно, как пережили они эту ночь. Воспоминания Люсиль неясны и противоречивы. По ее словам, она ощущала себя скорее мертвой, чем живой. Три дня и ночи посреди жуткой белой пустыни, совершенно без пищи и большую часть времени даже без тепла. Однако на утро следующего дня...

Как ни странно, на следующее утро все обернулось к лучшему. Судя по всему, их страхи — ужас перед смертью, если не от холода, так от рук убийц их проводников, — оказались напрасны. Сэм решил, что они вышли за пределы запретной территории. Теперь они не были нарушителями и могли рассчитывать хотя бы на какую-то помощь со стороны тех, кто тайком молился здесь своему повелителю Итакве. Очевидно, так оно и было, поскольку утром они нашли возле своей палатки жестянки с супом, спички, керосинку (вроде той, что украли у них несчастные проводники), ворох сухих веток и, наконец, загадочную записку, в которой говорилось: «Нависса находится в семи милях к юго-востоку отсюда». Костры, привидевшиеся Люсиль накануне, обернулись добрым предзнаменованием — словно сам Итаква посмотрел на них с небес и решил, что эти два заплутавших человеческих существа нуждаются в помощи...

К середине дня, подкрепившись горячим супом, согревшись и отдохнув, проспав целое утро возле костра, они были готовы завершить обратный путь до Нависсы — по крайней мере так им казалось.

Вскоре после того, как они двинулись в путь, началась легкая метель, но они упрямо продолжали идти вперед, пока не достигли невысоких, поросших соснами холмов, за которыми, по прикидкам Сэма, лежала Нависса. Хотя выюга с каждой минутой усиливалась, и стало заметно холоднее, они решили идти, пока не выдохнутся.

Однако не успели они начать подъем, как силы природы дружно восстали против них. Я проверил метеосводки — та ночь была самой ужасной в этих краях за много лет.

Вскоре стало ясно, что им ни за что не пройти сквозь буран — лучше переждать, пока тот не утихнет. Сэм уже надумал ставить палатку, как они вошли в густой хвойный лес.

Поскольку в лесу было тише, они решили еще немного пройти вперед. Вскоре, однако, снежная буря разыгралась с такой силой, что они поняли: нужно немедленно искать убежище. В этих обстоятельствах они набрали на нечто такое, о чем не могли даже мечтать.

Сквозь просветы между качающимися деревьями и снежную пелену то, что они увидели, сперва показалось им огромной бревенчатой хижиной, но по мере того, как они подходили ближе, стало ясно: перед ними огромная, сложенная из толстых бревен платформа. Три ее стороны были занесены толстым слоем снега, отчего она походила на бревенчатую избушку с плоской крышей. Четвертая же сторона, свободная от снега, являла собой идеальное убежище, под крышей которого они и поспешили укрыться от метели. Там, под огромной бревенчатой платформой, о назначении которой они по причине страшной усталости даже не задумались, Сэм зажег керосинку и приготовил суп. Оба были рады вовремя подвернувшемуся спасению, и поскольку снежная буря, судя по всему, утихать не собиралась, они достали спальные мешки и приготовились к отдыху. Оба уснули практически мгновенно.

Несчастье обрушилось на них позже той ночью. Какой смертью умер Сэм, остается только гадать, но я полагаю, что Люсиль была тому свидетельницей, и это зрелище доконало её и без того измученные нервы. Безусловно, то, что она, по ее утверждению, видела в ту

ночь, никак не могло произойти. Боже упаси.

Ее рассказ состоит из фрагментарных образов, которые трудно поддаются описанию и которые еще труднее выразить простыми словами. Она твердит о каких-то кострах, чьи лучи пронзали ночь, о «сборище у алтаря Итаквы», о злобном древнем эскимосском заклятии, вырывавшемся одновременно из сотни глоток, и о том, что ответило на это заклинание, привлеченное с небес призывами молящихся.

Я не стану вдаваться в подробности ее «воспоминаний», повторю лишь, что Сэм умер, и именно тогда, представляется мне, рассудок его бедной жены окончательно помутился. Однако есть все основания полагать, что даже после пережитого ужаса... Люсиль получила от кого-то помощь, потому что одна, в таком состоянии, она не прошла бы и нескольких миль. Тем не менее ее обнаружил уже здесь, в Нависсе, кто-то из местных жителей.

Ее отвели к местному врачу, и тот был откровенно удивлен: бедняжка хоть и промерзла до мозга костей, однако не погибла в белой пустыне. Прошло несколько недель, прежде чем ей рассказали о судьбе Сэма, обледенелое тело которого нашли в снегу.

Когда она стала выспрашивать подробности, ей рассказали, в каком состоянии был обнаружен труп ее мужа — жестоко растерзанный, он словно побывал в когтях дикого зверя или рухнул с большой высоты (а быть может, с ним произошло и то и другое). Официальное заключение было таково: по всей видимости, Сэм упал с высокого обрыва на острые скалы, после чего его мертвое тело оттащили на какое-то расстояние волки. Надо сказать, эта версия представлялась вполне правдоподобной: тело действительно несло на себе признаки падения с большой высоты, хотя поблизости не было никаких утесов или гор. Однако почему волки не съели его останки, объяснить никто так и не смог.

На этом рассказ судьи закончился, и хотя я еще минуты три сидел, ожидая его продолжения, мой собеседник молчал. Наконец я не выдержал и спросил:

— И она полагает, что ее мужа убил...

— Что его убил Итаква? Да, именно так, хотя она верит и в куда более неприятные вещи, представьте себе.

И он продолжил, словно хотел избежать новых моих вопросов:

— Скажу еще вот что. Во-первых, температура ее тела с тех пор остается аномальной. По словам Люсиль, медиков не перестает шокировать, что ее температура никогда не поднимается выше отметки, которая в случае любого другого человека означала бы смерть. По мнению врачей, это симптом сильного нервного расстройства, однако они никак не могут увязать этот факт с ее нормальным — во всех других отношениях — физическим здоровьем. И еще вот это. — Судья протянул мне медальон. — Пусть он пока побудет у вас. Его нашли на растерзанном теле Сэма — тот крепко сжимал его в руке. Люсиль его отдала вместе с другими вещами ее мужа. По ее словам, есть в этой вещи... нечто странное. Если это ее утверждение соответствует истине, вы наверняка заметите что-нибудь интересное.

Я принялся изучать медальон. На нем был малопривлекательный на вид барельеф — сцены битвы между какими-то монстрами, которых мог вообразить разве что гениальный художник в приступе помешательства. Потом я спросил:

— Это все?

— Пожалуй, да. Впрочем, нет, подождите. Ну, конечно же! Кирби, сын Люсиль. Видите ли, во многих отношениях он пошел в отца: капризный, нервный, питает склонность ко всякой эзотерике и, сдается мне, большой скиталец в душе. До сих пор матери удавалось держать его в рамках — так сказать, привязанным к земле. Как бы то ни было, он недавно пропал без вести. Люсиль полагает, что он отправился на север. По ее убеждению, парень намеревается посетить место, где погиб его отец. Не спрашивайте меня почему. В том, что касается его отца, Кирби — сущий невротик. Возможно, это качество досталось ему от матери.

В общем, она намерена отправиться на его поиски и вернуть парня домой. Разумеется, если не найдется никаких свидетельств, что он в здешних краях, то вам там делать нечего. Однако если Кирби действительно бродит где-то здесь, то вы окажете мне великую услугу,

составив Люсиль компанию и присмотрев за ней во время поисков. Одному Богу известно, что с ней станется, когда она после стольких лет вновь окажется посреди белой пустыни, с которой у нее связаны не самые лучшие воспоминания...

— Я выполню вашу просьбу, и даже охотно, — ответил я. — По правде говоря, чем больше я узнаю о Бриджмене, тем больше меня завораживает связанная с ним тайна. А ведь тайна все-таки есть, вы со мной согласны?

— Тайна? — Судья задумался над моими словами. — Белая пустыня — довольно странное место, Дэвид. Избыток снега и страданий подчас порождают фантастические иллюзии. Как миражи в пустыне... Посреди белого безмолвия люди порой видят сны наяву. И опять-таки еще этот пятилетний цикл — когда в здешних местах начинают происходить необъяснимые вещи... Лично я думаю, что всему этому имеется какое-то совсем простое объяснение. Тайна? Знаете, мир вообще полон тайн...

III

Той ночью я впервые соприкоснулся с необъяснимым, мистическим, потусторонним. А еще мне стало ясно, что этот странный пятилетний цикл влияет и на меня. Либо это так, либо я слишком туго набил желудок на ночь глядя...

Сначала мне привиделся сон о циклопических подводных городах, с их невообразимой планировкой и пропорциями; вскоре города растаяли, уступив место пугающей пустоте межзвездного пространства, сквозь которую я не то шел, не то плыл на скорости, во много раз превышающей скорость света. Туманности проплывали мимо меня, словно пузырьки в шампанском, странные созвездия вырастали передо мной, чтобы затем исчезнуть позади. Это парение (или прогулка) сопровождалось звуком тяжелой поступи, словно где-то рядом шагал некий чудовищный гигант. Помимо всего прочего я ощущал дуновение эфирного ветра, который разносил вокруг меня запах звезд и осколки планет.

Вскоре эти образы померкли, уступив место черной бездне. Я чувствовал себя мошкой, затерявшейся где-то во мраке мертвых эонов. А затем вновь появился ветер — нет, не тот, что доносил до меня пыльцу цветущих планет, а настоящий, с воем и свистом. Это был мощный ураган, который все кружился и кружился вокруг меня, пока наконец мне не стало дурно, и я испугался, что сейчас меня разорвет на мелкие куски. Тогда сон оборвался.

Проснувшись, я понял, почему мне приснился такой странный сон, этот кошмар, столь не похожий на все прежние. Там, снаружи, бесновался ураган; он свистел и завывал, заполнял своим ревом мою комнату, и я едва ли не кожей чувствовал, как на крыше стучит, грозя оторваться и улететь прочь, черепица.

Я встал с постели и подошел к окну. Осторожно отодвинув занавеску, я выглянул на улицу — и тотчас отшатнулся, открыв от удивления рот. Из горла моего вырвался крик. Там, за окном, ночь была тиха... более того, ни разу мне еще не доводилось видеть столь тихой ночи. На небе, яркие и ничем не замутненные, мерцали звезды, и даже легкий ветерок не шевелил лап небольших елей в саду перед домом.

Я отпрянул от окна. Окруженный ревом и свистом — источник которых, очевидно, находился здесь же, в моей комнате, хотя я не чувствовал никаких дуновений воздуха, и ничто, даже занавески, не колыхалось под его порывами, — я случайно задел медальон, который перед сном положил на подоконник. Темно-желтый диск со звоном упал на гладкий пол, и в то же мгновение рев исчез, и осталась только звенящая тишина. Какофония безумного ветра не «стихла», она в буквальном смысле «выключилась».

Я нагнулся и трясущейся рукой подобрал медальон с пола. Хотя в комнате было тепло, тот казался чуть ли не ледяным на ощупь. Я машинально поднес медальон к уху — и на какое-то мгновение, словно звук прибоя в морской раковине, уловил далекий шум ветра, дующего далеко-далеко, где-то на самом краю мира.

Утром мне стало ясно, что все это, разумеется, был сон — не только подводные и

космические грезы, но и то, что якобы произошло после моего «пробуждения». Тем не менее я поинтересовался у судьи, не слышал ли он ночью каких-то странных звуков — и получил отрицательный ответ. Признаюсь честно, у меня тотчас отлегло от сердца.

Через три дня, когда всем уже стало казаться, что опасения Люсиль Бриджмен относительно ее сына совершенно необоснованны, — несмотря на все ее попытки доказать обратное, — пришла весточка от полиции Еловой Долины. Оказывается, двое свидетелей видели некоего молодого человека, по описанию похожего на Кирби Бриджмена. Он был замечен в компании какого-то сброда, как пришлого, так и местного, который облюбовал себе для жилья развалины Стилуотера. Очевидцы — двое немолодых уже, но несгибаемых золотоискателей — в последний раз перед наступлением холодов отправились на разведочные работы и по пути наткнулись на этого юношу. И хотя стариков приняли в Стилуотере не с распростертыми объятиями, они, тем не менее, успели заметить, что молодой человек пребывал в состоянии ступора или транса и что другие относились к нему с явным почтением, удовлетворяя все его нужды и заботясь о нем.

Именно состояние, в котором находился тот парень (похоже, у него было не все в порядке с головой), заставило меня при первой же подвернувшейся возможности тактично расспросить о Кирби его мать. Правда, последние два дня я большую часть времени учился обращаться со странным транспортным средством, которое судья называл «снежной кошкой» — моторизованными санями довольно приличных размеров и вполне современного вида. Это чудо техники судья взял напрокат у одного своего приятеля специально для миссис Бриджмен. Сани производили впечатление надежного и экономичного транспортного средства; в соответствующих условиях они могли перевозить двух взрослых людей и запасы провизии — по снежной поверхности — со скоростью до двадцати миль в час. Кроме того, они были пригодны и для езды по обычной земле, только с меньшей скоростью. Имея в своем распоряжении такой аппарат, два человека могли легко покрывать в день расстояние до ста пятидесяти миль, причем с комфортом и в условиях рельефа, который не преодолеть ни одному автомобилю.

На следующее утро мы оседлали нашу «снежную кошку». Хотя мы планировали возвращаться в Нависсу каждый второй или третий день, у нас было довольно запасов, чтобы при необходимости продержаться как минимум неделю. Первым делом мы направились в Стилуотер.

Из-за ночного снегопада тропа, которая привела нас к пустому городу, оказалась погребенной под рыхлым снежным покрывалом, почти в целый фут толщиной, однако и без того было понятно, что эта проселочная дорога (в некоторых местах не более чем узкая тропинка!) находилась в ужасном состоянии. Мне тотчас вспомнились слова судьи о том, что после странных событий двадцатилетней давности мало кто теперь осмеливается ездить в Стилуотер — иначе чем еще объяснить жалкое состояние дороги?

В Стилуотере мы застали констебля конной полиции, который как раз собирался назад в Еловую Долину. Он приехал в пустой город специально для того, чтобы проверить историю пожилых золотоискателей. Полицейский представился как констебль Макколей и показал нам город, который возвели когда-то из массивных бревен.

Были здесь и магазины, и жилые дома, и даже обветшалый «салун» на главной улице. За фасадами зданий прятались постройки более скромного вида. Теперь же главная улица заросла травой, которая пробивалась даже сквозь слой снега. В отсутствие обитателей даже самые прочные дома с годами пришли в негодность. Менее стойкие постройки и сараи во втором ряду стояли, накренившись вбок, как пьяные. Прогнившие дверные косяки с облупившейся краской при малейшем прикосновении грозили рухнуть, увлекая за собой в снег все шаткое сооружение. Кое-где в домах оставались целые окна, однако большинство рам давно перекошилось, так что по большей части в них торчали лишь острые осколки стекла, напоминающие черные оскалившиеся пасти с острыми зубами. Тут и там на морозном ветру колыхались грязные, прогнившие обрывки оконных занавесок. И хотя день

был довольно солнечным, атмосфера в Стилутере стояла сумрачная. Чувствовалось, что в этом городе-призраке явно не все ладно, что затаилась в нем некая угроза, которая словно накинула на него черный плащ.

В целом, хотя и прошло уже двадцать лет, как жители юрода загадочным образом исчезли, он приходил в упадок слишком уж быстро, точно некие темные силы стремились вернуть это место в исходный вид. На главной улице уже выросли деревья, а на подоконниках, вдоль фасадов и в черных провалах, где прогнившие доски нижних этажей вывалились на улицу, пробивалась трава.

Миссис Бриджмен словно ничего этого и не замечала — лишь то, что ее сына в городе больше нет... Да и был ли он здесь вообще?

В самом большом из сохранившихся зданий, таверне, которой повезло в борьбе с упадком чуть больше других, мы сварили кофе и разогрели суп. Быстро обнаружились признаки того, что до нас здесь уже кто-то успел побывать: в одной из комнат на полу валялись пустые бутылки и банки, явно опустошенные совсем недавно. Этот мусор плюс черные следы огня, разведенного в углу, однозначно свидетельствовали о том, что зданием воспользовалась группа из нескольких человек, о чьем присутствии доложили золотоискатели.

Полицейский заметил, что тут ужасно холодно, и после его слов мне показалось, будто внутри таверны действительно стало еще холоднее (хотя здесь должно было быть пусть не намного, но все-таки теплее, чем на улице). Я уже хотел озвучить мою мысль, как миссис Бриджмен внезапно побледнела, отставила кружку с кофе и поднялась со своего шаткого стула.

Она посмотрела сначала на меня — странным, пронзительным взглядом, — затем на констебля Макколея.

— Мой мальчик был здесь! — резко и очень уверенно сказала она. — Кирби был здесь!

Констебль пристально посмотрел на нее, затем изучающим взглядом обвел комнату.

— Что подсказало вам такую мысль, миссис Бриджмен?

Женщина отвернулась и какое-то время молчала. Казалось, она прислушивалась к какому-то далекому звуку.

— Неужели вы не слышите?

Констебль Макколей покосился в мою сторону и нахмурился. В комнате воцарилась тишина.

— Что я должен слышать, миссис Бриджмен? О чем вы?

— Ветер! — ответила она, глядя куда-то в пустое пространство. — Ветер, который дует между мирами!

Спустя полчаса мы были вновь готовы двигаться дальше. Перед этим полицейский отвел меня в сторону и поинтересовался, не разумнее ли будет отменить поиски, учитывая состояние миссис Бриджмен. По его мнению, она была слегка не в себе. Что ж, вполне возможно. Если хотя бы часть того, что рассказал мне судья, соответствовала истине, у бедной женщины имелся не один повод слегка подвинуться рассудком. Однако поскольку на тот момент настоящий предмет ее волнений был мне неизвестен, я выбросил из головы все эти странности. Я рассказал полицейскому про ее отношения с сыном, которые, на мой взгляд, со стороны миссис Бриджмен отличались какой-то патологической озабоченностью. По правде сказать, у меня и впрямь сложилось такое впечатление, — но это не объясняло еще одной вещи.

Я не стал говорить о ней полицейскому. Во-первых, это его не касалось, а во-вторых, мне меньше всего хотелось, чтобы он и меня счел «слегка не в себе». Дело было вот в чем: в полуразвалившейся таверне — когда миссис Бриджмен спросила: «Неужели вы не слышите?» — я действительно кое-то услышал. В ту минуту я запустил руку в карман парка за пачкой сигарет. Однако пальцы нащупали странный медальон, от которого исходил холод. Я почувствовал прилив странной энергии, словно электрическая «щекотка» мгновенно

обострила все мои чувства. Ощутив холод межзвездного пространства, я носом уловил, как и во сне, запах неизвестных миров; на считанные мгновения передо мной открылись головокружительные горизонты, и невероятные зоны, мерцая, проносились мимо... Я тоже услышал этот ветер — *осмысленное* завывание, доносящееся откуда-то из-за пределов известной нам вселенной.

Видение длилось считанные доли секунды, и позднее я в мыслях не возвращался к нему. Несомненно, стоило мне потрогать медальон, как в мозгу тотчас ожили отголоски того сна, что столь глубоко запал в мою душу. Это было единственное убедительное объяснение...

* * *

По моим подсчетам, к пяти часам пополудни мы находились где-то в пятидесяти милях к северу от Стилутотера. Именно здесь, с подветренной стороны невысокого холма, густо поросшего изнывающим от снега хвойным лесом, миссис Бриджмен решила устроить ночлег. Подморозило, и снег успел покрыться тонкой хрустящей коркой. Под сосной, чьи ветви образовывали нечто вроде шалаша, я поставил две крошечные палатки, затем развел огонь и приготовил ужин.

Я решил, что наступил подходящий момент тактично расспросить миссис Бриджмен о кое-каких местах ее рассказа, которые оставались мне неизвестны. Но тут, словно мне и без того не хватало загадок и тайн, случилось нечто, отчего в моей памяти всплыли слова судьи.

Мы закончили ужин, и я приготовил свою палатку ко сну — разложил спальный мешок и подгреб снега к стенкам, чтобы ночью не поддувало. Я предложил помощь и моей спутнице, но она сказала, что позаботится о себе сама. Ей, дескать, хотелось «глотка свежего воздуха». Уже одной этой фразы хватило, чтобы меня озадачить (воздух и без того был более чем свеж!), но в дополнение к ней миссис Бриджмен сбросила парку и осталась стоять в одном свитере и брюках, после чего шагнула из-под низко нависших ветвей в холод наступающей ночи.

Я сидел, укутанный в теплую парку, и, дрожа, наблюдал за ней из нашего импровизированного укрытия. Примерно с полчаса она бродила туда-сюда по снегу, время от времени поднимая глаза к небу, а затем вновь устремляла взгляд в наступающую темноту. Неожиданно до меня дошло, что я вот-вот окоченею, так и не дождавшись, пока миссис Бриджмен вернется в лагерь. Поэтому я встал и, взяв вторую парку, на негнущихся ногах подошел к женщине. Наверное, думалось мне, она уже почти оцепенела от холода. Ругая себя за равнодушие, я шагнул к моей спутнице и набросил ей на плечи парку. Представляете мое изумление, когда она обернулась ко мне и одарила меня непонимающим взглядом. Похоже, миссис Бриджмен совсем не замечала холода, и мой заботливый жест ее несказанно удивил.

Однако в этот момент до нее, по-видимому, дошло, что к ночи ударил мороз. Упрекнув меня за то, как я легко одет, женщина поспешила вместе со мной к бивуаку. Здесь она быстро вскипятила воды и сварила кофе. Правда, сама она не сделала и глотка этого бодрящего, согревающего напитка. Я же был настолько поражен ее нечувствительностью к холоду, что от растерянности тут же позабыл все вопросы, которые намеревался задать. Поскольку миссис Бриджмен наконец-то решила расположиться на ночлег, а в моей палатке уже был теплый спальник, я просто допил кофе, выключил походную горелку и отправился к себе.

Неожиданно меня сморила усталость, и последним, что запомнилось мне, прежде чем я провалился в сон, был клочок неба, видневшийся сквозь ветви, а на нем россыпь мерцающих звезд. Судя по всему, эта картина и окрасила мои сновидения в характерные тона. Звезды снились мне всю ночь — правда, грезы эти оказались не из приятных. Звезды, которые я видел во сне, светились разумом и составляли пары, словно глаза; они светились красным светом на фоне шевелящейся черноты, которая почему-то наводила на неприятную мысль, что за всем этим кроется нечто огромное и ужасное...

За завтраком — бутерброды с сыром и помидорами, которые мы запивали сначала кофе, а затем фруктовым соком, — я вскользь упомянул о нечувствительности миссис Бриджмен к

холоду. Она подозрительно посмотрела на меня и сказала:

— Уж поверьте, мистер Лотон, я бы, не раздумывая, отдала все, что у меня есть, лишь бы хоть на мгновение ощутить холод. Это... болезнь, чрезвычайно редкая болезнь, которую я подхватила здесь, на севере. Она проявила себя также и в...

— Кирби? — предположил я.

— Да. — Она вновь посмотрела на меня, на этот раз пристальнее. — И что же поведал вам обо мне судья Эндрюс?

Ее слова застали меня врасплох, и я не сумел скрыть своей растерянности.

— О том, как... как погиб ваш муж и...

— Что он рассказал о моем сыне?

— Почти ничего. Видите ли, миссис Бриджмен, судья не из числа любителей сплетен...

— А вам кажется, что ему было о чем сплетничать?

Неожиданно она разозлилась на меня.

— Мне известно лишь одно: что сейчас я здесь, с вами, помогаю одинокой женщине найти её сына; не задавая лишних вопросов, повинуюсь ее внутреннему голосу и всем ее причудам, и это лишь потому, что не смог отказать в любезности одному старому джентльмену. Говоря откровенно, мне видится здесь большая тайна... а тайны, признаюсь, — моя большая страсть. Но клянусь вам, в моем любопытстве нет злого умысла. И все, чего я хочу, так это помочь вам.

На какое-то мгновение миссис Бриджмен отвернулась, словно бы в раздражении, однако когда она вновь посмотрела на меня, лицо ее было уже почти спокойно.

— Скажите, судья предупреждал вас, что нас может подстерегать... опасность?

— Опасность? Ну конечно, надвигается сильный снегопад, и...

— Я имею в виду не это. По крайней мере не снег. У судьи в библиотеке есть книги моего мужа. Вы их читали?

— Разумеется, но какая опасность, скажите, может таиться в мифологии и народных преданиях?

Сказать по правде, я догадывался, к чему она клонит. Но лучше уж услышать признание из ее уст — в том виде, в каком «верит» в это она сама и «верил» до нее ее муж.

— Чего бояться мифологии и народных преданий, спрашиваете вы? — Она невесело улыбнулась. — Я и сама задала тот же вопрос Сэму, когда он решил оставить меня в Нависсе. Боже, почему я тогда его не послушалась! Какая опасность в народных преданиях! Что ж, не могу вам прямо сказать какая, иначе вы наверняка сочтете меня за сумасшедшую — как, например, судья. А скажу вот что: сегодня мы возвращаемся в Нависсу. На обратном пути вы можете показать мне, как управлять снегоходом. Я не имею права брать вас с собой навстречу ужасу, который вы даже представить себе не в состоянии.

Я принялся было с ней спорить, но она больше не произнесла ни слова. Мы молча снялись с бивуака, упаковали палатки и кухонные принадлежности, уложили их на снегоход, после чего миссис Бриджмен, несмотря на мои пылкие возражения, велела взять курс прямо на Нависсу.

Примерно с полчаса мы ехали довольно медленно, следуя течению замерзшей речушки, протекавшей посреди молчаливого хвойного леса, чья темная чаща казалась теперь еще темней из-за снега, укутавшего верхние ветви. Направив снегоход в сторону от русла, в объезд небольшой рощицы, я случайно заметил нечто такое, что послужило веским доказательством правоты миссис Бриджмен, намекавшей на подстерегающие нас опасности.

В снегу виднелось довольно большое углубление, и мне потребовалась вся быстрота реакции, чтобы вырулить в сторону и не провалиться в снежную западню. Я остановил машину, и мы слезли со снегохода, чтобы поближе рассмотреть эту странную впадину.

Снега здесь нанесло больше, чем в других местах — фута на три-четыре, однако в самом центре углубления он слежался почти до самой земли, словно придавленный чьим-то гигантским весом. В длину углубление было около двадцати футов, в поперечнике семь-восемь, а формой напоминало...

Неожиданно в моем сознании всплыли слова судьи, перечислявшего свидетельства существования Итаквы, Шагающего с Ветром... в частности, *гигантские перепончатые следы на снегу* !

Нет, это просто смехотворно, и все же...

Я принялся расхаживать по периметру гигантского углубления и обернулся, лишь услышав крик миссис Бриджмен. Такой бледной ее видеть мне еще не приходилось. Она стояла, опершись на вездеход и прижав руку к горлу. Я тотчас поспешил к ней.

— Что с вами?

— Он... *он был здесь* ! — прошептала она сдавленным голосом.

— Ваш сын?

— Нет, не Кирби... *Он* ! — И она указала в сторону гигантского углубления. Глаза ее были широко раскрыты. — Итаква, Шагающий с Ветром. Это его знак! А значит, может быть уже слишком поздно!

— Миссис Бриджмен? — Я, не надеясь на успех, попытался развеять ее страхи: — А не проще ли предположить, что здесь ночевали какие-то звери, и вокруг за ночь нанесло снега? Вот и получилось такое странное углубление.

— Мистер Лотон, прошлой ночью снегопада не было, — ответила она, на сей раз более спокойным тоном. — Но предложенное вами объяснение в любом случае невероятно. Если бы здесь ночевала стая животных, они наверняка оставили бы после себя следы, когда покидали это место ранним утром. Оглянитесь вокруг. Здесь не видно никаких следов. Нет, это отпечаток ступни нашего врага. Чудовище успело ночью побывать здесь. И сейчас где-то неподалеку находится мой сын. Кирби пытается отыскать Его — вместе с теми несчастными, что поклоняются Ему.

Я решил воспользоваться этим обстоятельством, чтобы не возвращаться в Нависсу. Если мы сейчас вернется домой, я так и не найду разгадки этой истории — и никогда не смогу посмотреть в глаза судье, доверие которого не оправдал.

— Миссис Бриджмен, совершенно очевидно, что если мы и дальше будем двигаться на юг, то лишь напрасно потеряем время. Лично я готов встретиться лицом к лицу с любой опасностью, которая может подстергать нас здесь. Правда, пока я таковой не вижу. Тем не менее, если вашему сыну что-то угрожает, мы не сможем ему помочь, вернувшись в Нависсу. Думаю, лучше вам рассказать мне все как есть. Кое-что мне уже известно, но думаю, вам есть что добавить. А теперь послушайте. Топлива нам хватит еще на сто двадцать миль. Вот мой план: мы повернем на север и продолжим поиски вашего сына. Если мы не найдем его к тому времени, когда наши запасы истощатся наполовину, — что ж, тогда вернемся в Нависсу. Более того, я клянусь: пока вы живы, я никому не скажу ни слова из того, что вы мне сейчас поведаете. Или о том, с чем мы столкнемся во время наших поисков. А теперь хватит понапрасну терять время. Что скажете?

Миссис Бриджмен явно была в нерешительности. Пока она стояла, взвешивая все за и против, я повернулся лицом на север и увидел, что небо затягивает мгла, верная предвестница непогоды.

— Небо все темнее и темнее с каждой минутой, — сказал я своей спутнице. — Будет сильный снегопад — возможно, уже сегодня вечером. Для нас действительно непозволительная роскошь терять время зря, если мы хотим отыскать Кирби до прихода бури. Скоро упадет барометр, и...

— Кирби мороз не страшен, мистер Лотон. Но вы правы, терять время нам никак нельзя. С этого момента наши привалы станут короче, и лучше бы вообще набрать скорость. Я сегодня же расскажу вам, что мне известно... обо всем этом. Верить мне или нет, решайте сами, но я в последний раз предупреждаю вас: если мы отыщем Кирби, с ним найдем и ужас, какой вы даже не можете себе представить.

Относительно погоды я оказался прав. Мы снова взяли курс на север, объезжая непроходимые леса, пересекая замерзшие реки и невысокие холмы. К половине десятого утра мы уже ехали сквозь довольно сильный снегопад. Заметно похолодало, но на наше счастье ветра почти не было. Все это время — хотя и будучи убежденным в бесцельности подобного занятия — я посматривал по сторонам: не виднеется ли где загадочных углублений в снегу?

Днем убежищем от непогоды для нас послужил густой лесок, верхние ветви которого переплелись, образовав нечто вроде снежного шатра. Под его сводом, пока мы готовили горячую пищу и уже за едой, миссис Бриджмен начала рассказывать мне про своего сына — о том, каким удивительным ребенком он был когда-то, о странных вещах, которыми он увлекся уже во взрослом возрасте. Однако самое первое ее признание оказалось и самым фантастическим. Судья был совершенно прав, полагая, что события двадцатилетней давности отразились на ее рассудке, — по крайней мере в том, что касалось ее сына.

— Кирби, — начала она без долгих предисловий, — Сэму не родной сын. Я люблю Кирби, но он отнюдь не дитя любви. Он рожден от ветра. Нет, пожалуйста, не перебивайте — избавьте меня от ваших рациональных доводов.

Можете ли вы понять меня, мистер Лотон? Думаю, нет. Признаюсь честно, поначалу я тоже думала, что схожу с ума, что случившееся — это просто какое-то наваждение, кошмар. Я так думала почти все время — пока не родился Кирби. Затем, когда он стал подрастать, моя уверенность в этом стала заметно ослабевать. Теперь же я доподлинно знаю, что не сошла с ума. Это было не наваждение, явившееся мне посреди снегов. Это чудовищная реальность! А почему бы и нет? Разве в мифологии народов мира мало историй о том, как бог возжелал простую смертную? В древние времена существовали всемогущие гиганты, мистер Лотон. Есть они и сейчас.

Помните экспедицию Венди-Смита в тридцать третьем году? Что, по-вашему, он нашел среди просторов Африки? Что заставило его произнести слова, которые я помню наизусть: «Бытуют удивительные легенды о существах, рожденных от звезд, которые населяли Землю за миллионы лет до появления человека и которые все еще таились в отдельных темных ее уголках, когда он заселил планету. По моему убеждению, эти существа сохранились на Земле и поныне».

Моя уверенность ничуть не слабее. В 1913 году в Данвиче у несчастной, полоумной женщины родились два монстра. Сейчас уже ни того ни другого нет в живых, но в Данвиче до сих пор поговаривают об этом случае, и об их отце, который вряд ли принадлежал к человеческому роду. Из прошлого до нас дошло немало и других свидетельств — о существах и силах, которые в человеческом сознании разрослись до размеров божества. И кто возьмется утверждать, что хотя бы часть этих преданий не соответствует действительности?

А Итаква... что ж, боги стихий присутствуют практически в любой земной мифологии. Это неудивительно, ибо даже сегодня — и говорю я не об одном Итакве, Обитателе Снегов — над головами людей дуют порой странные ветры, вселяя в их души безумие и ужас. Такие, к примеру, как *фён*, южный ветер альпийских долин. Есть еще ветры подземных каверн — такие звучат в пещерах Калабрии. Известно что услышав их, многие сильные духом спелеологи сидели за одну ночь. Да что там сидели! Теряли рассудок, превращались в полных идиотов! Что мы знаем об этих ветрах?

Человечество, мистер Лотон, — это не более чем гигантский муравейник, расположенный на краю бездны, называемой бесконечностью. А в бесконечности могут происходить какие угодно вещи, и кто знает, чем это завершится? Известны ли нам хоть какие-то *факты* — нам, существующим в крошечном уголке безграничной вселенной, этого пребывающего в непрерывном движении потока пространства и времени? В начале времен энергию звезд пили гиганты — существа, что шагали или парили в пространстве между мирами, заселяя звездные системы и используя их в своих целях. Некоторые из них сохранились до сих пор. Каким человеческий род предстает в глазах этих существ? Я скажу

вам каким: мы не более чем жалкий планктон в бескрайнем море пространства и времени!

Но я немного отклонилась от главной темы. Факты же таковы: еще до того, как я прибыла в Нависсу вместе с Сэмом, ему сказали, что он бесплоден... а уехала я из Нависсы — после того, как чудовище убило моего мужа, — уже беременной.

Разумеется, сначала я решила, что доктора ошиблись, что Сэм отнюдь не страдал бесплодием, — и подтверждением тому был мой ребенок, который родился через восемь месяцев после гибели моего мужа. Безусловно, если следовать обычной логике, то Кирби был зачат еще до того, как мы с мужем приехали в Нависсу. И все же беременность протекала тяжело, а новорожденный младенец являл собой странное, жалкое зрелище — хрупкий и подозрительно тихий. И хотя мне мало что было известно о детях, я почти мгновенно прониклась уверенностью, что мой сын родился... до срока.

Ножки его оказались крупными даже для мальчика, а между пальцами имелась розовая кожаная перепонка, которая с годами стала больше и плотнее. Прошу вас понять меня правильно — мой сын не был каким-то там уродом, по крайней мере внешне. Такая перепонка встречается и у других людей, а у некоторых её можно увидеть даже на руках. Не считая ее, мой сын был во всех прочих отношениях нормальным ребенком. Ну, вообще-то не во всех...

Еще не научившись ходить, Кирби уже говорил. Детский лепет, скажете вы. Да, но только не для меня. Это случалось, только когда он оставался один в колыбельке... и за окном дул ветер. Он слышал этот ветер и разговаривал с ним. Впрочем, в этом тоже нет ничего примечательного. У многих детей имеется привычка разговаривать с невидимыми товарищами по играм — людьми и созданиями, которых видят лишь они и никто другой. Вот только я прислушивалась к его лепету, и порой...

Могу поклясться, порой ветер отвечал ему!

Смейтесь надо мной, если хотите, мистер Лотон, — наверное, на вашем месте я поступила бы точно так же. Но в нашем доме всегда дул ветер, даже в часы, когда вокруг царило полное безветрие...

Мой сын рос, и теперь это случалась не так часто — хотя, возможно, я настолько к этому привыкла, что уже не обращала внимания. Не знаю. Но когда настало время идти в школу... знаете, об этом не могло быть и речи. Мой сын был такой мечтатель... Нет, только не подумайте, он не отставал в развитии, не был тугодумом — просто Кирби постоянно жил в мире своих фантазий! А еще он обожал ветер — хотя с годами и перестал вести странные разговоры со сквозняками.

Одной летней ночью, когда мальчику было семь лет, с моря налетел страшный ветер, который грозил снести с места наш дом. Северный ветер со стороны Мексиканского залива... не исключено даже, что из куда более дальних мест, как знать? В общем, я не на шутку испугалась — как, впрочем, и все в нашей округе. Столько силы, столько ярости было в этом ветре, что он напомнил мне... другой ветер, из прошлого. Кирби почувствовал мой страх. Странно, но он распахнул настежь окно и что-то крикнул. Он кричал прямо в лицо этому безумному, завывающему ветру. Можете себе это представить? Маленький ребенок — зубы оскалены, волосы развеваются — кричит что-то ветру, которому ничего стоит подхватить его с земли и унести прочь...

И все же через мгновение ураган пошел на убыль. Кирби остался у окна, по-детски бранясь на отдельные порывы, которые еще не унимались. А потом пришла ночь — тихая, задумчивая.

В десять лет его заинтересовали модели аэропланов. Один из гувернеров всячески поддерживал и поощрял это его увлечение, даже помогал строить собственные модели. Видите ли, в развитии мой сын опережал других детей. Одна из созданных им моделей вызвала ажиотаж на выставке в местном клубе. Она была очень необычной формы: брюхо летательного аппарата было изогнутым и волнистым. Мотора модель не имела, а планировала в воздухе согласно изобретенному моим сыном принципу «воздушных волн». Я помню, в тот день другие члены клуба — и дети, и взрослые — поначалу смеялись над его

моделью, заявляя, что она просто не способна удержаться в воздухе. Однако Кирби у них на глазах поднял ее в небо, где она и оставалась около часа. Люди зачарованно глазели, как его планер бросал вызов силам земного притяжения. А затем, в наказание за их насмешки, он разбил модель вдребезги — и, словно конфетти, разбросан бальсовые планки и бумагу у ног удивленных зрителей. В нем заговорила гордость, хотя он и был, по сути, еще ребенок. Я лично при этом не присутствовал, но мне говорили, что когда Кирби разбил свой планер, инженер одной из компаний, занимающихся выпуском подобных моделей, плакал...

А еще он любил воздушных змеев. Кирби мог часами сидеть, наблюдая за повисшим в воздухе змеем.

Когда мальчику исполнилось тринадцать, он попросил купить ему бинокль, чтобы наблюдать за полетом птиц. Особенно интересовали его ястребы — как те парят в воздухе, словно бы неподвижно, если не считать быстрого хлопанья крыльями. Они тоже, казалось, шагали вместе с ветром...

А затем настал день, когда дали о себе знать более серьезные и тревожные стороны его страсти к ветру и полетам. Я давно уже переживала за Кирби, волновалась из-за его перепадов настроения, странной одержимости...

Мы отправились с ним в Чичен-Ицу. Мне казалось, что эта поездка заставит его на время забыть о других вещах. Скажу честно, имелась и другая цель. Дело в том, что когда-то я уже была в Чичен-Ице вместе с Сэмом. Приехав сюда снова, я надеялась заново пережить те счастливые дни. Я время от времени навещаю места, в которых бывала счастлива с мужем... до того, как он погиб.

Но кое-чего я не учла. Среди древних развалин постоянно играют ветры. Да и сами руины — аура древности, странные письмена, предания о кровавых культах и ночных богах... знаете, все это... подчас вселяет беспокойство.

Кроме того, я забыла, что у майя имелся собственный бог ветра — пернатый змей Кетцалькоатль. Видимо, в этом и заключался мой главный просчет.

По дороге в Чичен-Ицу Кирби был молчалив и задумчив. Он оставался таким и тогда, когда мы прибыли на место и, немного отдохнув, принялись осматривать древние здания и храмы. Пока я любовалась какими-то руинами, Кирби успел вскарабкаться на высокий Храм Воинов, чей фасад украшают жуткие изображения пернатых змей с оскаленными пастьми и угрожающе задранными хвостами.

Как минимум два десятка людей, главным образом мексиканцев, видели, как он упал — или спрыгнул вниз. Позднее они рассказывали одну и ту же историю: как ветер подхватил его в воздухе; как он падал вниз, будто в замедленной съемке... Прежде чем сделать шаг в бездну, Кирби издал леденящий душу клич, словно призывая богов себе в помощь. И после этого ужасного падения с головокружительной высоты...

Это было сродни чуду, но он остался цел и невредим.

Мне кое-как удалось убедить начальство музейного комплекса, что Кирби, разумеется, свалился сам, — и унести его прочь от этого места, пока он не пришел в себя. Да, я забыла сказать, что он потерял сознание. Такое — и всего лишь обморок!

Найти случившемуся разумное объяснение мне не удалось — по крайней мере выражению лица моего сына, когда я несла его прочь от злосчастной пирамиды. Вы не поверите, но на губах его играла странная довольная улыбка.

Это произошло вскоре после того, как ему исполнилось четырнадцать, то есть примерно в то же время, когда здесь, на севере, пятилетний цикл так называемых суеверий и массовой истерии вновь достиг пика... точно так же, как и сейчас. Лично я усматриваю здесь неопровержимую связь.

С тех самых пор — и я корю себя за то, что обнаружила это лишь недавно, — Кирби начал втайне от меня откладывать все деньги, какие только попадали ему в руки, для осуществления своих тайных планов. Теперь мне доподлинно известно, что он намеревался уехать сюда, на север. Понимаете, всю свою жизнь он следовал по пути, предначертанному ему судьбой, и не думаю, что в моих силах было что-либо изменить.

Некоторое время назад, по всей видимости, случилось нечто такое, отчего его потянуло на север, как магнитом. Теперь же... не знаю, чем это кончится, но я *должна*... должна все выяснить, раз и навсегда...

V

Вскоре после обеда мы снова были в пути. Метель налетала лишь изредка, нас слегка подгонял попутный ветер. Вскоре мы наткнулись на неоспоримые свидетельства того, что не одни в этой белой пустыне: наш путь под углом пересекали свежие следы, оставленные чьими-то снегоступами, и уходили в направлении невысоких холмов. Дальше мы решили двинуться по ним. Судя по всему, следы принадлежали группе из как минимум трех человек, а на вершине лысого холма к ним добавились другие. Здесь я остановил снегоход и сошел, чтобы осмотреться по сторонам. Как оказалось, сквозь легкий снегопад было как на ладони видно место нашей последней стоянки. До меня тотчас дошло, что с этого холма не составляло труда следить за нашими передвижениями.

Тут миссис Бриджмен потянула меня за рукав парки и указала куда-то на север. Повернувшись, я сумел различить на ослепительно белом фоне несколько темных точек, которые медленно двигались в сторону отдаленного соснового леса.

— Мы должны идти вслед за ними! — решительно сказала миссис Бриджмен. — Это наверняка члены Его Ордена, которые держат путь к месту своих церемоний. Среди них вполне может быть и Кирби!

В её голосе я уловил какое-то лихорадочное возбуждение.

— Скорее, мы можем потерять их из виду!

Увы, мы действительно их упустили.

К моменту, когда мы достигли открытого участка, на котором миссис Бриджмен с холма заметила группу незнакомцев, люди уже успели скрыться в густом лесу, что высился плотной стеной в нескольких сотнях ярдов от нас. На опушке леса я вновь остановил мотосани. В принципе ничто не мешало нам двинуться по следам между деревьями, — как на том поначалу настаивала моя спутница, — но тогда пришлось бы оставить наш верный снегоход.

Я предложил вместо этого обогнуть лес по периметру, попытаться найти на его северной оконечности удобную точку — и оттуда вести наблюдение за теми, кто с приходом зимы предпочитает бродить по глухим лесам. Миссис Бриджмен с готовностью согласилась с этой, на вид здравой, идеей, и уже через час мы с ней притаились среди сосен, что росли чуть в стороне от лесной чащобы. Там мы с ней по очереди вели наблюдение за опушкой леса. Мне первому выпал черед стоять на посту, а миссис Бриджмен тем временем сварила кофе. Мы распаковали только нашу походную плитку, решив, что неразумно устраиваться на привал с полным комфортом — вдруг понадобится быстро сниматься с места.

Простояв минут двадцать на посту, я уже готов был поклясться, что норму по снегопадам небо на сегодня выполнило. И когда моя спутница принесла кофе, поделился с ней хорошими вестями. Свинцовые небеса прояснились; насколько хватал глаз, нигде не было видно ни единого облачка... пока неизвестно откуда не налетел ветер!

Температура мгновенно упала. Волоски в моих ноздрях заledenели и потрескивали всякий раз, как я втягивал носом воздух. Остатки кофе в моей кружке замерзли в считанные секунды, мои брови тотчас покрылись белым морозным налетом. Я почувствовал, что, несмотря на теплую одежду, вот-вот окоченею, и поэтому поспешил в укрытие под ветвями деревьев. Ничего подобного мне в моей богатой практике метеоролога еще не случалось наблюдать. Снежная буря, которая разразилась в ближайшие полчаса, явилась для меня полной неожиданностью.

Посмотрев вверх, сквозь потяжелевшие от снега ветви, я сумел разглядеть, как в небесах «варится» странная смесь кучевых и слоистых облаков — и это при том, что еще несколько минут назад в небе не было ни единого облачка. Если утром небо просто хмурилось, то теперь оно было в ярости! Атмосфера давила на наши головы свинцовым

грузом.

А затем повалил снег.

На наше счастье, хотя все говорило о том, что надо ждать страшной вьюги, ветер поначалу оставался умеренным. Зато какой снегопад обрушился на нас с небес! Он словно решил показать нам, что такое неконтролируемая стихия. Готов поклясться, было слышно, как мириады толстых снежных хлопьев, подгоняемые порывами ветра, падают, кружась, на землю.

Само собой, наблюдение за лесом стало совершенно бесполезным, если не откровенно невозможным, потому что видимость из-за снежного полога упала практически до нуля. Мы оказались в ловушке. С другой стороны, точно в такой же ловушке оказались и те, кто сейчас находился в лесу, — так называемые члены «Его Ордена», как выразилась миссис Бриджмен. Нам оставалось одно — ждать, когда закончится непогода... точно так же, как и им.

На протяжении последующих двух часов, примерно до пяти дня, я занимался тем, что из опавших веток и слежавшегося снега возводил вокруг нас защитную стену и в конечном итоге достиг своей цели: в наше убежище не проникали даже слабые порывы ветра. В центре защищенного участка, поближе к вездеходу, я развел костер. Что бы ни произошло, мне не хотелось, чтобы наше транспортное средство пострадало от низких температур.

Все это время миссис Бриджмен просто сидела рядом со мной в задумчивости, явно не замечая холода. Ее очень расстроило, что мы не можем продолжать поиски. Я же, хоть и был занят делом, продолжал размышлять о происходящем — и сделал для себя кое-какие, пусть даже предварительные выводы.

Истина заключалась в том, что во всей этой истории действительно было слишком много тревожных совпадений. Кроме того, я и сам столкнулся с ощущениями, ранее мне неизвестными или вовсе чуждыми моей натуре. Я никак не мог выбросить из головы мысли о том диковинном сне, как и о тех странных ощущениях, которые накатывали на меня всякий раз, стоило мне дотронуться до желтого медальона, изготовленного не то из золота, не то из какого-то другого сплава.

А еще был очевидный, неопровержимый факт — его подтвердили и судья, и миссис Бриджмен, и даже полицейский Макколей: в этих краях действительно существовал загадочный пятилетний цикл, который вызывал к жизни таинственные культы и отвратительные ритуалы. И в который раз я задался вопросом: что же произошло здесь двадцать лет назад — и почему отголоски тех далеких событий коснулись и меня?

Разумеется, все было немного не так, как «запомнилось» миссис Бриджмен. И все же, если не считать ее первоначальной нервозности и пары вполне простительных срывов, она казалась совершенно нормальной женщиной.

Или это было лишь первое, поверхностное впечатление?

Я не знал, что и думать. Как объяснить эту ее загадочную нечувствительность к низким температурам? Как может она сидеть здесь и вглядываться в снежную пелену, бледная и отрешенная, не ощущая пронизывающего холода, уже украсившего морозным кружевом ее лоб и одежду, — и это при том, что она в очередной раз сбросила с себя тяжелую парку. Впрочем, нет. Я ошибся. Просто удивительно, как мне удалось обманывать себя так долго. В этой женщине нет ровным счетом ничего от нормального человека. Ей было что-то известно — вот только что? Какое-то событие обособило ее и духовно, и физически от нас, простых смертных.

Может, все дело в пережитом ею «ужасе», как она выражалась? Но даже в это мне верилось с трудом.

И все же... что это был за след на снегу? Неужели отпечаток огромной перепончатой стопы? Я тотчас перенесся мыслями в ту первую ночь, когда мы с ней только вышли из Нависсы и мне приснился огромный силуэт в небе; силуэт, у которого вместо глаз горели огненно-красные звезды!

Нет, так дело не пойдет! Вы только посмотрите на меня — нервничаю, как котенок, вздрагиваю, чуть взметнется снег за стенами нашей «крепости». Я посмеялся над

собственными страхами, хотя и не слишком убедительно, потому что на какой-то миг, стоило отвернуться от яркого пламени костра, мне показалось, будто в снежной пелене мелькнула тень, которая тотчас скользнула куда-то в сторону, за периферию моего зрения.

— Почему вы вздрогнули, мистер Лотон? — неожиданно подала голос моя спутница. — Вы что-то увидели?

— Да так, — поспешил я откликнуться, нарочито громким голосом, — в снегу мелькнула какая-то тень.

— Он там уже минут пять. За нами наблюдают!

— Что? Вы хотите сказать, там кто-то есть?

— Думаю, один из поклонников Его культа. Этого человека прислали на разведку товарищи — проверить, что мы с вами тут затеваем. Как понимаете, мы с вами здесь незваные гости. Однако я не думаю, что следует их опасаться, вряд ли они причинят нам какой-то вред. Кирби этого никогда не позволит.

Она была права. Порывом ветра снежные хлопья отнесло в сторону, и я разглядел человека — темную фигуру на фоне белого снега. Эскимос или индеец, издали было толком не разглядеть, но лицо его, полагаю, не выражало никаких эмоций. Он лишь... молча наблюдал.

* * *

А затем вьюга усилилась — ее мощные порывы гнали снег между деревьев сплошной стеной, сквозь которую ничего не было видно. За сооруженным мною барьером мы почти не ощущали на себе пронизывающего ветра, а все потому, что я продолжал возводить стену из снега и веток до тех пор, пока не образовалось кольцо с единственным отверстием на южной стороне. Ветер же дул с севера. Снег с внешней стороны барьера давно образовал мерзлую корку, поэтому никакой ветер к нам не проникал, а заледенелые ветви соседних деревьев надежно защищали нас сверху. Мой костер пылал и трещал, подражая стихии: я рискнул сделать несколько вылазок за стену и каждый раз приносил с собой по охапке сухих сучьев. Затем я на индейский манер разложил их вокруг костра, словно спицы в колесе, и теперь они горели, согревая и освещая наше небольшое убежище. Так они горели всю оставшуюся часть дня и весь вечер.

Примерно в десять часов, когда по ту сторону нашего укрытия уже стояла кромешная тьма, но по-прежнему валил снег, мы заметили второго незваного гостя. Первый тихо покинул свой пост незадолго до этого. Миссис Бриджмен увидела его первой и крепко схватила меня за локоть. Я тотчас вскочил на ноги и обернулся ко входу в убежище. Там, освещенный пламенем костра, белый от снега с головы до ног, стоял ночной гость.

Человек сделал шаг вперед, отряхивая с одежды снег. Он молча встал рядом с пламенем, отбросив назад меховой капюшон, затем снял рукавицы и протянул к огню руки. Брови его были черны и срослись над переносицей. Незнакомец был высок. Спустя пару минут, игнорируя мое присутствие, он заговорил, обращаясь к миссис Бриджмен. У него был сильный акцент уроженца Новой Англии.

— Кирби требует, чтобы вы возвращались в Нависсу. Он не хочет, чтобы вы пострадали. Говорит, вы срочно должны вернуться в Нависсу — оба, а оттуда должны уехать домой. Теперь ему все известно. Он знает, почему он здесь и желает здесь остаться. Его судьба — овладеть пространствами между мирами, познать тайны Древних, что были здесь еще до человека. Он желает властвовать над холодными ветрами Земли вместе со своим господином и повелителем. Он был вашим на протяжении двадцати лет. Теперь он желает свободы.

Я уже собрался спросить полуночного гостя, кто дал ему право разговаривать с нами таким тоном, однако миссис Бриджмен первая перебила его:

— Свободы? Какой свободы? Остаться здесь, в царстве холода? Бродить по снежной пустыне, пока любая попытка вернуться в мир обычных людей не станет означать для него

верную смерть? Слушать легенды о чудовищах, рожденных в черной бездне вне пространства и времени? — В ее голосе вновь слышались истерические нотки. — Не знать женской любви, но удовлетворять похоть с незнакомками, а затем бросать их мертвыми и растерзанными, как мог научить его *только его отвратительный отец* ?

Незнакомец в бешенстве поднял руку:

— Как вы смеете так говорить о Нем!

Я тотчас постарался прикрыть собой миссис Бриджмен, хотя, судя по всему, она не нуждалась в защите.

С ней произошла пугающая перемена. Еще пару мгновений назад она была на грани истерики. Сейчас же глаза ее сверкали гневом. Она встала, царственно распрямив плечи. Непрошенный гость тотчас отшатнулся назад и поспешил опустить руку.

— Как я смею? — Голос ее был ледяным, под стать ветру. — Я мать Кирби. Да я-то смею, а вот как посмели вы?.. Вы поднимаете на меня руку?

— Я... я... я просто вышел из себя, — пролепетал незнакомец, не сразу восстановив самообладание. — Впрочем, какая разница. Раз хотите, можете оставаться, но вам никогда не войти в священные пределы леса, где будут происходить ритуалы. Если же вы все-таки проникнете за запретную черту, последствия этого шага в буквальном смысле обрушатся вам на голову. С другой стороны, если вы сейчас вернетесь домой, я могу обещать вам хорошую погоду на всем пути до Нависсы. Но при одном условии: вы уйдете отсюда без промедления, прямо сейчас.

Миссис Бриджмен нахмурилась и отвернулась, глядя на угасающий огонь.

Незнакомец, похоже, решил, что сломил её волю, потому что произнес проникновенным тоном:

— Подумайте, миссис Бриджмен, хорошенько подумайте. Потому что конец может быть только один — зачем мне вам объяснять, ведь вы воочию видели Итакву!

Миссис Бриджмен вновь повернулась к ночному гостю — чтобы засыпать его вопросами.

— Нам обязательно уходить сегодня ночью? Неужели мне нельзя хотя бы краем глаза взглянуть на сына? С ним будет...

— С ним все будет хорошо, — закончил за нее мужчина. — Ему предначертана великая судьба. Однако вы должны уйти отсюда сегодня ночью. Он не желает видеть вас, и вообще осталось так мало... — Неожиданно он умолк, словно прикусил язык, поняв, что проговорился, но миссис Бриджмен, судя по всему, и не заметила его оплошности. «Осталось так мало времени» — вот что он хотел сказать.

Моя спутница вздохнула и поникла.

— Если я соглашусь... нам нужна хорошая погода. Это... возможно?

Наш гость тотчас кивнул (хотя лично мне сама мысль о том, что кто-то в состоянии контролировать такую вещь, как погода, показалась просто смехотворной).

— С этой минуты и до полуночи снегопад стихнет, ветры тоже. Потом же... — Незнакомец пожал плечами. — Впрочем, к тому времени вы будете уже далеко отсюда.

Миссис Бриджмен кивнула, признавая свое поражение.

— Мы уедем. Дайте нам лишь какое-то время, чтобы собрать вещи. Всего несколько минут. Но...

— Никаких «но», миссис Бриджмен. Здесь уже побывал полицейский. Он тоже не хотел уходить. А теперь...

Он вновь пожал плечами, и этот жест говорил сам за себя.

— Макколей?

— Нет, этого звали не так, — ответил наш гость, — но кто бы он ни был, он тоже искал сына этой дамы.

Судя по всему, он имел в виду какого-то другого полицейского из Еловой Долины. Мне вспомнилось, как Макколей говорил о своем коллеге, который отправился на поиски одновременно с ним, но не в Стилутер, а куда-то еще.

— Что вы с ним сделали? — спросил я.

Пропустив мой вопрос мимо ушей, он надел рукавицы и вновь обратился к миссис Бриджмен:

— Я подожду, пока вы не уйдете.

Он натянул на голову капюшон куртки и вновь шагнул в снегопад.

Этот короткий разговор совершенно меня ошарашил. Более того, изумление мое росло от минуты к минуте. Наш гость не только сознался — практически открытым текстом — в убийстве полицейского. Нет, если слух не обманул меня, то он с полнейшим спокойствием говорил о чудовищных кошмарах, которые до сих пор существовали — насколько мне известно — лишь в трудах Сэмюэля Бриджмена да паре-тройке других книг, чьи авторы разрабатывали эту тему еще до него, а также в болезненном воображении его вдовы. Что это, как не окончательное доказательство существования пятилетнего цикла, который каким-то зловещим образом сказывается на рассудке людей! Чем же это может быть еще? Наконец я повернулся к вдове и спросил: — Мы действительно возвращаемся в Нависсу? После всех ваших усилий, когда мы почти у цели?

Она сначала бросила осторожный взгляд на снежную пелену, затем быстро покачала головой и поднесла палец к губам. Судя по всему, эта ее нарочитая покорность, последовавшая за вспышкой гнева, которой я стал свидетелем, была не более чем уловкой. В ее намерения не входило бросать поиски сына, желал он того или нет.

— Давайте собирать вещи! — прошептала она. — Он прав. Церемония назначена на сегодня, это точно, так что времени у нас в обрез.

VI

С этой минуты размышлять мне было некогда, я просто выполнял распоряжения миссис Бриджмен, не задавая никаких вопросов. В любом случае игра наша заключалась в том, чтобы перехитрить врагов (я уже начал думать о последователях зловещего культа как о «врагах»), а не одолеть их физически или переубедить. Об этом и речи быть не могло. Если они и в самом деле решились на убийство, дабы довести намеченное до конца, то разве сможет их остановить какая-то слабая женщина?

В общем, мы отправились на нашем снегоходе на юг, примерно в направлении Нависсы. Я знал, что вскоре нужно будет сделать петлю. И точно, минут через тридцать, примерно в одиннадцать часов, когда мы преодолели невысокий холм, миссис Бриджмен велела мне свернуть на запад.

Мы следовали этим курсом еще минут десять, затем резко взяли вправо, то есть вновь направились на север. Еще какое-то время мы ехали сквозь легкую метель. Северный ветер гнал снежинки навстречу, и те жалили мне лицо. Затем, опять-таки по требованию миссис Бриджмен, мы взобрались на небольшой, поросший редким лесом склон, где сделали остановку — примерно в двадцати минутах езды от места, которое покинули. Учитывая скорость, на которой мы передвигались, как и то, что у наших врагов не было машины, даже отдаленно сравнимой с нашими санями, слежка представлялась маловероятной. Так что здесь, скрытые ветвями деревьев и снегопадом, мы вряд ли были видны нашим врагам.

Мы остановились, и на мгновение у меня в голове вновь зароились вопросы — вопросы, на которые у меня не находилось ответа. Не успел я озвучить их, как моя бледная спутница вдруг указала на черную стену леса примерно в полумиле к северу от нас.

Днем в этом лесу скрылись наши враги, когда мы шли по их следу. Сейчас с четырех его концов вспыхнули гигантские языки алого пламени. А еще на крыльях северного ветра до нас долетели приглушенные голоса, которые что-то скандировали. Это было заклинание, жуткий ритуал Итаквы:

Иа! Иа! Итакуа! Итакуа!

Ай! Ай! Итакуа!

Се-фиак вульг-т'ухм
Итакуа фхтагн
Угх! — Иа! Иа! — Ай! Ай! Ай!

Снова и снова ветер доносил до нас эту зловещую абракадабру. У меня кровь стыла в жилах. И дело было не только в зловещем речитативе, в этих жутких гортанных звуках. Скорее, в *слаженности* этого... пения? А голоса, доносившиеся сквозь снегопад, явно исполняли его не впервые. Это было отнюдь не механическое, бездумное повторение чуждых звуков, а стройный хор из сотни или более голосов, самым точным образом синхронизированных. Это приглушенное, ритмичное, леденящее душу скандирование превратило зловещее таинство во впечатляющую какофонию, которой ничего не стоило взломать пустоту между мирами. Неожиданно мне стало понятно: если Итаква действительно существует, он должен услышать этот хор голосов и откликнуться на него.

— Времени почти не осталось, — прошептала моя спутница, больше обращаясь к самой себе, чем ко мне. — Место церемонии скорее всего находится в самой середине леса. И Кирби сейчас там!

Я вглядывался в снежную завесу. Надо сказать, что снегопад вновь усилился. Тем не менее мне удалось рассмотреть, что южный (то есть ближайший к нам) костер пылал на некотором расстоянии к северо-востоку от нас, а западный — примерно в полумиле к юго-западу.

— Если мы проберемся точно между двумя этими кострами, — сказал я, — и, войдя в лес, возьмем курс точно на северный костер, то попадем примерно в середину леса. Мы можем доехать до опушки на санях и оставить их под деревьями, но затем придется идти пешком. Если получится сгрести Кирби в охапку и скрыться — что ж, может, вездеход и выдержит нас троих.

— Да, — ответила она, — по-видимому, стоит попробовать. Уж если рисковать, так рисковать. По крайней мере я узнаю, чем все это кончится.

После этих ее слов я вновь завел мотор, мысленно поблагодарив ветер, который нам благоприятствовал. Мерный речитатив заклинания также был нам на руку — мы вполне могли незаметно приблизиться к опушке леса.

И я повел нашу машину вперед — через открытое снежное пространство, к опушке леса. Пока мы ехали, пламя гигантских костров, играя зловещими бликами, отражалось от серых, лохматых снеговых туч. Я мгновенно понял: мы на пороге бури, которая положит конец всем другим бурям...

На опушке леса, все еще незамеченные, мы спешили и оставили снегоход под низко повисшими ветвями огромной сосны, а сами пешком двинулись в глубь леса.

Мы вынуждены были идти медленно, с осторожностью. О фонариках речь, конечно, не шла. Однако, преодолев пару сотен ярдов, мы увидели впереди мелькание факелов, а голоса зазвучали громче и отчетливее. Если здесь и были выставлены дозорные, мы наверняка их миновали, а они, на наше счастье, нас не заметили. В голосах скандирующих уже слышались истеричные нотки — неистовство медленно нарастало, заряжая морозный воздух невидимой, но зловещей энергией.

Вскоре мы подобралась к периметру обширного свободного пространства — деревья здесь были повалены, образовав нечто вроде высокой платформы в центре. Вокруг этой платформы стояла пестрая толпа одетых в парки и кухлянки мужчин и женщин. В свете полыхающих факелов их лица казались красноватыми. Глаза светились безумием. Тут были и эскимосы, и индейцы, и белые, и даже негры — люди самого разного этнического и расового происхождения, по моим прикидкам человек сто пятьдесят.

Тем временем дело быстро шло к полуночи, и оглушающее скандирование достигло пика — громче кричать, казалось, было уже просто невозможно. И все-таки оно стало громче! Затем, издав последний вопль, обступившая платформу толпа упала лицом в снег. Все, кроме одного.

— Кирби?!

Я услышал, как рядом со мной негромко ахнула миссис Бриджмен. Этот одинокий, обнаженный по пояс человек начал медленно, но гордо подниматься по ступеням на бревенчатую платформу.

— Кирби! — на этот раз она громко позвала его по имени, глядя вперед и вырываясь у меня из рук, когда я попытался удержать ее.

— *Он идет! Он идет!*

Этот экстатический вопль вырвался из полутора сотен глоток сдавленным шипением, заглушив собой крик миссис Бриджмен. Неожиданно я ощутил в воздухе некое напряжение.

Распростерты на снегу фигуры выжидающе смолкли. Снег прекратил падать с небес. Все вокруг застыло, и лишь бегущая миссис Бриджмен нарушала это впечатление, да еще, пожалуй, подрагивающее пламя факелов, воткнутых в снег. В тишине звучали лишь удары женских ботинок о твердую ледяную корку поверх глубокого снега.

Кирби уже достиг вершины пирамиды, а его мать пыталась обежать внешний круг распростертых на снегу тел, когда все началось. Неожиданно миссис Бриджмен замерла на месте и устремила на небо полный ужаса взгляд. От страха она даже прикрыла ладонью рот. Я тоже, выгнув шею, посмотрел вверх и различил среди лохматых, клубящихся туч какое-то движение.

— *Он идет! Он идет!* — Из полутора сотен глоток опять вырвался сдавленный вопль.

И тогда в считанные секунды произошла масса событий — кульминация жуткого действия, какая не привидится и в ночном кошмаре. Я до сих пор молюсь, чтобы все увиденное и услышанное мной оказалось лишь иллюзией, порожденной близостью к толпе помешанных людей, чья психика подвержена таинственному пятилетнему циклу.

Как мне все это описать?

Я помню, что кинулся вперед, пробежал несколько шагов по поляне — и лишь затем вслед за миссис Бриджмен перевел взгляд на небо, где поначалу увидел лишь клубящиеся лохматые тучи. А еще мне запомнилось, как юноша по имени Кирби стоял на сложенной из бревен платформе, воздев кверху руки, словно призывая кого-то снизойти с небес на землю. Волосы его развевались на ветру, который неожиданно налетел откуда-то сверху, из заоблачных высей. И намертво врезалась в мою память *тьма*, что обрушилась на нас с облаков, подобно черному метеориту — тьма с уродливыми очертаниями человека и глазами, горящими посреди огромной, словно раздувшейся головы. В моих ушах до сих пор стоит вопль ужаса и омерзения, который вырвался из груди несчастной женщины. Как сейчас вижу: вот она застыла на месте, словно каменное изваяние, узнав явившийся с небес ужас...

Чудовищное божество шагало по ветру к земле — теперь уже медленнее, и все равно оно напоминало мне огромную хищную птицу, которая спускается на перепончатых лапах по исполинской, невидимой глазу винтовой лестнице к поджидавшей ее на вершине пирамиды фигуре. Затем огромная черная голова повернулась, и чудовище, что звалось Шагающим с Ветром, заметило истерично вопящую женщину, которая застыла посреди распростертых на снегу тел людей, пришедших ему поклониться, — заметило и *узнало*.

Неожиданно Оно застыло прямо в воздухе. Горящие, словно угли, глаза сделались еще больше, а к небу резко взлетели огромные черные руки. Этот жест мог означать лишь одно — бешенство и гнев. Гигантская рука взметнулась к облакам и на секунду исчезла за ними, но в следующее мгновение появилась вновь, чтобы швырнуть на Землю что-то громадное и круглое. Миссис Бриджмен издала крик — резкий, пронзительный крик ужаса. В следующее мгновение круглое нечто, прорезав со свистом воздух, обрушилось на нее, распластало по мерзлой земле и взорвалось, как бомба, тысячей... ледяных осколков!

В этот жуткий миг вокруг сложенной из бревен пирамиды взбурлил хаос. Ударной волной меня отбросило назад, к деревьям. В следующее мгновение я вновь окинул взглядом поляну и увидел... сплошное кровавое месиво.

Изуродованные ледяной бомбой тела культистов катились в разные стороны от эпицентра взрыва, в котором считанные секунды назад стояла миссис Бриджмен. Некоторые

тела подбросило в воздух, и они все еще падали на землю — медленно, словно красные листья. Из-под основания пирамиды, в тех местах, куда врезались ледяные осколки, потихоньку начали выкатываться бревна.

Увы, Итаква еще не закончил.

Мне словно бы открылись мысли исполинского чудовища, что бесновалось в ночном небе:

Не те ли это люди, что должны верно служить Ему? Не они ли предали Его в минуту, когда Он должен был впервые встретиться со своим земным сыном? Что ж, они поплатятся за свою ошибку, за то, что позволили дочери человека, матери Его сына, помешать священной церемонии!

Несколько мгновений землю бомбардировали ледяные ядра. Они обрушивались на людей, словно гигантские градины, круша и убивая все вокруг. И когда последняя бомба взорвалась тысячей острых как бритва ледяных осколков, снег сделался алым от крови, а крики умирающих заглушили даже безумный свист ветра, который Итаква принес с собой из межзвездных пространств. Этот жуткий ветер едва не повалил деревья вокруг; бревна, из которых была составлена пирамида в центре поляны, трещали и ломались, как спички.

Но что-то изменилось в одинокой фигуре, застывшей в центре этого хаоса, на вершухе обреченной пирамиды.

Пока гигантское человекоподобное существо давало выход гневу, обрушивая на культистов ледяные бомбы, которые оно выхватывало откуда-то с небес, юноша-полубог, стоя на вершине пирамиды, наблюдал за тем, как его отец сеет среди собравшихся на поляне людей страдания и смерть. Он видел, как в долю секунды его мать превратилась в кровавое месиво, как на его глазах более сотни людей — едва ли не все, кто свято чтит его отца, кто возносил ему молитвы, — нашли здесь свой ужасный конец. Так он смотрел, словно зачарованный, на кровавое зрелище — а затем запрокинул голову назад и закричал. Это был крик агонии, крик отчаяния, ужаса и нарастающего в груди гнева.

И в этом крике слышалось его демоническое происхождение. Ибо ветры кричали вместе с ним; с адским ревом, визгом, завыванием они носились вокруг бревенчатой платформы, выдергивая из нее бревна, подбрасывая их вверх, — и те кружились в воздухе, словно попав в гигантский водоворот, из которого им уже не суждено было вырваться. Даже тучи — и те, ведомые его гневом, неслись и сталкивались в небесах, пока небесный Отец не узрел в конце концов гнев своего земного Сына... но вот понял ли?

Ибо Итаква вновь устремился с небес на землю. Ступая перепончатыми ногами, заскользил он вниз на потоках воздуха и широко распростер руки, словно готовясь принять сына в отцовские объятия...

...и я — весь в ссадинах и синяках, на грани обморока, оглушенный завыванием дьявольского ветра — увидел нечто такое, после чего отпали последние сомнения: я тоже стал жертвой пятилетнего цикла помешательств и массовой истерии.

Ведь как только древнее божество спустилось с небес, сын его устремился ему навстречу; он бежал против ветра — вернее, летел громадными прыжками, исторгая из груди ужасный рев, от которого, казалось, небо готово было треснуть пополам, а тучи в панике разбежаться в стороны. На моих глазах Кирби увеличивался в размерах. Он рос и раздувался, пока не сравнялся величиной со своим жутким отцом — Кирби, сын Итаквы, чьи когтистые руки были вытянуты в жажде крови, чья оскаленная, звериная пасть алкала мести.

На какой-то миг Итаква, словно в удивлении, замер на месте — на фоне истерзанных небес возвышались два гигантских силуэта, две гигантских головы с огненными сверкающими очами. Неожиданно фигуры понеслись друг на друга, и небосвод сотрясла такая вспышка ярости, что на какой-то миг обе они слились в моих глазах в одно слепящее пятно, смешались в грохот грозовых раскатов.

Я тряхнул головой и вытер со лба иней с замерзшими каплями крови. Когда я вновь осмелился взглянуть на небеса, то увидел лишь бегущие по небу тучи, что неслись, как безумные, прочь от этого места — а над ними, где-то в небесных высях, две удаляющиеся

черные точки, которые вели битву на фоне знакомого, но такого недоброго орнамента из звезд и созвездий.

С того часа прошли примерно сутки. Как я сумел пережить ужасы предыдущей ночи — этого мне никогда не узнать. Но я все-таки жив и даже физически невредим, хотя и опасаясь за свой рассудок. Если есть рациональное объяснение случившемуся, то выглядит оно примерно так: имела место снежная буря невиданной, разрушительной силы, во время которой я и сошел с ума. Также известно, что миссис Бриджмен сгинула среди снежных заносов и теперь наверняка мертва, даже несмотря на ее удивительную способность переносить холод. Но как объяснить все остальное?..

С другой стороны, если отбросить в сторону все доводы разума и прислушаться к шепоту ветров, что переговариваются о чем-то снаружи моего жалкого убежища... Смею ли я отрицать то, что говорят мне органы чувств?

Все, что последовало за кошмарной бойней и разыгравшейся в небесах схваткой, я помню лишь урывками. Помню, как добрался до снегохода и как тот сломался примерно через полчаса езды по жуткой метели; как я, окоченев от холода и сгибаясь под грузом снаряжения, продолжал упорно идти вперед, прорываясь сквозь гигантские сугробы; как провалился в углубление в снегу, очертания которого вновь наполнили меня невыразимым ужасом. Помню, как шел до тех пор, пока, вконец не выбившись из сил, не рухнул здесь, под пологом деревьев. Я также помню, что в то мгновение осознавал: остаться здесь означает только одно — смерть. Припоминаю, как ставил палатку, как укреплял стены, как разводил огонь в походной печке... И больше ничего — вплоть до того момента, когда проснулся на следующий день, примерно в двенадцать.

Меня разбудил холод. Печка давно прогорела, однако пустые жестянки из-под супа подсказали мне, что перед тем как окончательно поддаться усталости, я все-таки заставил себя поесть. Открыв резервуар с топливом, я зажег печку и вновь утолил голод, после чего принялся сушить и согревать одежду. Затем, подкрепившись и почти согревшись, а также радуясь тому, что на улице стало заметно теплее, я взялся за укрепление своего последнего пристанища — больше рассчитывать было не на что.

Примерно в четыре часа пополудни небо подсказало мне, что надвигается новая буря. Именно в тот момент мне пришла в голову идея найти снегоход и перенести в убежище бесценные остатки топлива из бака. Вскоре опять пошел снег, и я едва не заблудился, но к шести уже был «дома» — вместе с галлоном топлива, добытого из покалеченного снегохода. Я впустую убил около четверти часа, пытаясь починить неисправную машину. Думаю, она до сих пор валяется там, где я ее бросил, в полумиле от моего убежища. Именно тогда, зная, что дни мои сочтены, что мне осталось прожить лишь несколько суток среди снежной пустыни, я начал записывать эту историю. Моя судьба меня больше не страшит, ибо как можно бояться того, что неизбежно? Я прекрасно осознаю свое положение: до Нависсы отсюда слишком далеко, и пешком мне туда никогда не добраться — нечего даже тешить себя надеждой. У меня есть пища и топливо на три дня. Так что здесь... здесь я проживу еще несколько суток и, возможно, кто-нибудь меня даже найдет. Если же покинуть убежище в глупой надежде добраться пешком до Нависсы, когда надвигается буран... Возможно, меня хватит на пару дней, но мне ни за что не преодолеть несколько десятков миль по снежной пустыне.

Сейчас около четырех часов утра. Мои часы остановились, так что я лишен возможности точно определять время суток. Снежная буря, которая, по моим прикидкам, должна была обойти меня с севера, вновь разбушевалась — разбудило меня завывание ветра. Должно быть, я уснул где-то в полночь, когда делал записи в дневнике.

Странно: ветер ревет и воет, но сквозь отверстие в стене палатки мне видно, что снежные хлопья не кружатся в бешеной пляске, а спокойно падают с черных небес. Да и палатка моя стоит и даже не колышется. Что все это может означать?

Теперь мне понятно, в чем дело. Меня ввел в заблуждение медальон. Отыскав проклятый кусок золота у себя в кармане, я из последних сил швырнул его в сугроб. Там он теперь и лежит, визжа и завывая вместе с ветром, что дует между мирами.

Покинуть убежище — значит обречь себя на неминуемую гибель, но оставаться в нем дальше?..

Я должен поторопиться, ибо Он пришел! Явился на зов демонов, заключенных в медальоне... Он здесь. В этом нет никаких сомнений. Это не иллюзия, не порождение моего воспаленного ума. Это факт. *Он припал к земле, он ищет меня!..*

Я не осмеливаюсь взглянуть ему в глаза... ибо не знаю, что могу увидеть в их огненных глубинах. Зато мне точно известно, как я умру. Слава богу, смерть моя будет быстрой.

Как тихо вокруг! Снегопад гасит все остальные звуки. Черное существо поджидает снаружи, словно огромная клякса на фоне чистого белого снега. Температура начинает снижаться, все стремительнее и стремительнее. Печка больше не согревает меня. Именно так я перейду из мира живых в мир мертвых — в тесной утробе моей палатки, и все потому, что видел Итакву.

Это конец... у меня на лбу образуется налет инея... мои губы трескаются... кровь стынет у меня в жилах... мне все труднее дышать... мои пальцы белы как снег... холодно... холодно...

«НАВИССА ДЕЙЛИ»

Новая жертва холодов!

Незадолго до наступления рождественских праздников из Еловой Долины, где расквартированы на зиму члены северо-западного отделения Канадской королевской конной полиции, поступили печальные известия. Воспользовавшись временным затишьем в разгуле стихий, констебли Макколей и Стерлинг отправились в незаселенный район к северу от Нависсы, надеясь выйти на след своего бывшего коллеги, констебля Джеффри, который пропал без вести в октябре. Полицейским не удалось обнаружить следов констебля Джеффри, однако ими было обнаружено тело Дэвида Лотона, американца-метеоролога, который также числился пропавшим с октября. Мистер Лотон вместе с миссис Люсиль Бриджмен, тоже до сих пор не найденной, отправился на поиски ее сына, некоего Кирби Бриджмена. Предполагалось, что этот молодой человек отправился в снежную пустыню в сопровождении нескольких эскимосов и индейцев, однако не было обнаружено ни следа этой группы. По словам констеблей Макколей и Стерлинга, тело мистера Лотона удастся вернуть лишь с приходом весенней оттепели, поскольку оно вмерзло в глыбу прозрачного льда, которая окружила также и его палатку. В подробном отчете говорится, что глаза покойника оказались широко открыты, словно замерз он в считанные секунды.

«НЕЛЬСОНОВСКИЙ ХРОНИКЕР».

Кошмар под Рождество

Исполнители рождественских песен в районе Хай-Хилл буквально окаменели от ужаса, когда в одиннадцать часов вечера откуда-то с верхних ветвей дерева, растущего во дворе дома номер десять по Черч-стрит, где они устроили свой вечерний концерт, на них обрушилось тело молодого человека. Сила падения была такова, что обледеневшая обнаженная фигура увлекла за собой немало сломанных веток. По крайней мере двое свидетелей этого происшествия утверждают, что изуродованное тело молодого человека — которого, возможно, удастся опознать по странным перепончатым пальцам ног — упало не с дерева, а прямоиком с неба. Расследование этого случая продолжается.

Кошмар на ярмарке

Эта новелла была написана в первой половине 1972 года. Кирби Макколей продал ее от моего имени редактору Эдварду Берглунду для антологии, которую планировалось назвать «Ученики Ктулху». И «Кошмар на ярмарке» действительно был в ней опубликован — в 1976 году, издательством «DAW Books», в симпатичном томике в мягкой обложке, ныне ставшем библиографической редкостью. С тех пор повесть не раз перепечатывалась в различных антологиях — например, совсем недавно в моем авторском сборнике «Под торфяниками и в прочих темных местах», выпущенном издательством «TOR». Влияние Лавкрафта нигде не заметно так, как в этой повести!

Ярмарке с аттракционами крупно не везло. Моросящий дождь приглушил блики на хромовом покрытии электрических автомобильчиков и космических ракет. Неоновая подсветка даже на фоне ночного неба казалась какой-то тусклой. А о так называемой толпе посетителей и говорить нечего. Однако было всего два часа ночи, и дела еще вполне могли пойти на поправку.

Будь погода лучше, — а она была скверной даже для октября, — и будь Бентли городом, а не заштатной деревушкой, то, возможно, вся картина смотрелась бы гораздо веселее. С наступлением темноты неоновые огни и обыкновенные лампочки засветили бы во всю силу, а вульгарно покрашенные, цыганского вида девицы за прилавками в считанные мгновения превратились бы в пленительных златокудрых Лорелей. Вот тогда бы действительно стало весело, а не как сейчас.

Это был четвертый из пяти дней, что луна-парку предстояло провести в «городе». Можно сказать, ежегодное событие. Впрочем, событие ли? Странствующие комедианты Ходжсоновского парка аттракционов знавали лучшие времена, хорошие и плохие условия, но давно ко всему привыкли и безропотно терпели любые неудобства. Однако среди шумных, грязных, зловонных атрибутов ярмарочной площади было и нечто такое, что тотчас бросалось в глаза. А появилось это нечто с тех пор, как Андерсон Тарп, в отсутствие своего брата Гамильтона, снял фасад старого павильона «кунсткамеры», где демонстрировались разные уродливые диковинки, чтобы заново написать на досках и холсте зловещие слова: ГРОБНИЦА ВЕЛИКИХ ДРЕВНИХ.

Глядя сквозь крошечные очки на нарисованные потеки «крови» на буквах, аркой начертанных над входом в виде разинутой пасти дракона, Хайрам Хенли нахмурился. На его лице читалось не столько типичное в таких случаях праздное любопытство, сколько неподдельная озабоченность. Губы беззвучно, как будто в благоговейном трепете, произнесли звуки, составлявшие зловещую надпись. Затем он засунул обтянутые перчатками руки еще глубже в карманы дорогого, изящно скроенного пальто и втянул шею в поднятый воротник.

Хайрам Хенли узрел в названии павильона нечто такое, что способно призывным набатом встревожить даже куда более приземленные умы. Узрел и невольно вздрогнул. «Великие Древние!» — еле слышно произнес он, и в его шепоте прозвучала нота жутковатого восхищения.

Исследования старинных мифов и давно позабытых легенд, а также интерес к древностям хеттской культуры на Ближнем Востоке и в Турции стоили Хенли места профессора археологии и этнографии в Мелдхэмском университете. «Ктулху, Йиб-Тстл, Йог-Сотот, Сумман — Великие Древние!» На его лице вновь появилось выражение благоговейного трепета. Увидеть памятник древней культуры... и где! На деревенской ярмарке... Невероятно!

И все же бывшего профессора не столько удивило, сколько встревожило странное собрание артефактов Андерсона Тарпа. А вот то, что владелец этого жалкого балагана назвал свою коллекцию столь громким именем, отнюдь не удивительно. Впрочем, Хенли знал, что на свете наверняка найдутся те, кто счел бы уже само название ярмарочного балагана

кошунственным, не говоря уже о выставленных в нем экспонатах. К счастью, таких людей было мало — о культе Ктулху слышали лишь считанные единицы, в основном признанные авторитеты в области оккультных знаний, да с полдесятка разрозненных группок, объединяющих любителей эзотерики. Правда, Хайраму вспомнились далекие дни, когда он без зазрения совести тратил университетские деньги на поиски древностей, которые, если верить зазывной надписи, в данный момент демонстрировались в стенах разрисованного драконами и чертями ярмарочного балагана.

Дело в том, что Хенли уже приходилось слышать об этой Гробнице Великих Древних, в которой, за грубыми стенами из досок и парусины, украшенных безвкусной мазней, хранились реликты эпохи, прекратившей существование миллионы лет тому назад, когда Вавилон был всего лишь небрежным эскизом в замыслах зодчего Татниса III. Фигурки и фрагменты покрытых иероглифами табличек, испещренные мудреными письменами папирусы, зловещего вида статуэтки из зеленого нефрита и почти превратившиеся в труху фолианты, изъеденные книжным червем. Хенли имел все основания полагать, что многие из этих раритетов пребывают сейчас за фасадом дома ужасов Андерсона Тарпа.

Разумеется, там наверняка найдутся и прочие «диговинки», какие обычно можно увидеть в увеселительных заведениях такого рода: двухголовый зародыш в банке со спиртом, подобным же образом заспиртованный щенок с пятью лапами, фальшивая мумия, завернутая в полоски красно-зеленой ткани, огромные летучие мыши («вампиры»), неподвижно висящие вверх ногами в проволочных клетках прямо под потолком, вне досягаемости испуганных женщин и загипнотизированных жутковатым зрелищем мужчин и детей. Хайрама Хенли все это нисколько не интересовало. Тем не менее правой, затянутой в перчатку рукой он нащупал в кармане пальто серебряную монетку, без которой перед ним не распахнулись бы двери, ведущие в дом ужасов Тарпа.

Хайрам Хенли был тощим, невысоким мужчиной средних лет. Худощавое тело, укутанное в плотное пальто, лысеющая голова и крошечные очки, за которыми прятались водянистые глаза, затянутые в перчатки руки, которые он обыкновенно держал в карманах, коротковатые брюки, не полностью прикрывавшие башмаки из черной лакированной кожи — все это придавало ему в высшей степени чудаковатый вид. И все же интеллект Хенли был очевиден, на его высоком челе эрудита ясно читался глубокий ум. Его глаза, несомненно, повидали немало загадочных событий, а ноги, бесспорно, исходили множество далеких дорог, так что, несмотря на обманчивое впечатление, которое производила внешность бывшего университетского преподавателя, его тощая фигура требовала к себе пиетета со стороны прочих представителей рода человеческого.

Скорчившийся на крошечном стульчике в будке для продажи билетов Андерсон Тарп был, напротив, высок, более шести футов ростом, хотя и столь же тощ, как профессор. Его волосы преждевременно поседели, однако Тарп сознательно отпустил их до плеч в духе причесок ученых мужей прошлого, дабы произвести впечатление на публику, которая по наивности заподозрила бы в нем немалую эрудицию... вроде той, что читалась во взгляде человека, который в данную минуту предстал перед окошечком кассы, протягивая ему шестипенсовик. Крошечные глазки Тарпа под черными бровями гипнотизера смили Хенли коротким изучающим взглядом, однако уже в следующее мгновение хозяин павильона приветствовал посетителя почти искренней улыбкой и, протянув ему билет, попытался вернуть и шестипенсовик.

— Только не от вас, сэр, ну что вы, нет! Ни в коем случае! Не от человека, которого так искренне интересуют тайны. Не от человека вашего положения. Я никак не могу принять ваши деньги, сэр. Ваш приход для нас великая честь!

— Благодарю вас, — сухо ответил Хенли, близоруко сощурившись, и прошел в шатер, расположенный сразу же за билетной кассой. Улыбка медленно сползла с лица Тарпа, сменившись коварным выражением. Балаганщик быстро ссыпал в карман несколько монет, полученных за проданные билеты, и, отодвинув холщовый полог, проследовал за Хенли внутрь затхлого «музея» с посыпанным опилками полом.

В главном, довольно просторном помещении шатра его поджидала жалкая кучка посетителей — не более десяти человек. Но сколь искусно ни изображал Тарп интерес к ним, его планы простирались лишь на одну персону — бывшего профессора. Комплимент, который он высказал Хенли в билетной кассе, был отнюдь не бескорыстной лестью. Тарп моментально узнал в посетителе ту самую высокообразованную «муху», ради поимки которой, собственно, и создавалась «мушиная липучка», а именно новая загадочная надпись над входом в бывшую выставку уродов.

Умники вроде этого, размышлял Тарп, уже не раз наведывались в Гробницу Великих Древних. От многих из них он слышал, что некоторые его *артефакты* — предметы, которыми он сейчас владел и которые в свое время собрал его брат, из тех, что хранились в отдельной, огороженной части полотняного шатра, — были невообразимо древними. Одного из таких посетителей настолько впечатлил и напугал вид этих старинных вещей, что он опрометью выскочил из заведения Тарпа и больше сюда не возвращался. Это случилось в мае, и хотя с той поры прошло уже полгода, Тарп так и не приблизился к пониманию сути загадочных предметов, которые когда-то привез его брат Гамильтон из дальних уголков мира. Именно из-за них в 1961 году, спасая свою жизнь, Андерсон и вынужден был его убить.

Тогда он здорово запаниковал, хотя ему ничто не мешало отвести от себя подозрения, сообщив в полицию о гибели брата. Старожилам Ходжсоновской ярмарки уже давно было известно, что с Гамильтоном Тарпом случилось нечто ужасное и непоправимое. Относительно его здравомыслия имелись самые серьезные сомнения, хотя вслух этого, разумеется, никто не говорил. Андерсона наверняка признали бы невиновным в убийстве брата — в суд дело передали бы лишь ради соблюдения формальностей, — однако он все равно запаниковал. И кроме того, возникли некоторые... последствия.

Тело Гамильтона он тайно зарыл в земле под «кунсткамерой». Что касается старожилов ярмарки, то они с радостью поверили в рассказ Андерсона о внезапном отъезде его брата в очередную долгосрочную экспедицию, пристрастие к которым и стало причиной всех этих неприятностей.

Андерсон задумался...

Они с братом выросли на ярмарке; правда, тогда она вместе со всеми аттракционами принадлежала их отцу. «Ярмарка Тарпа» была известна по всей Англии своими умеренными ценами и безукоризненным поведением владельца. Куда бы Тарп-старший ни приезжал со своими павильонами, — надо сказать, «кунсткамера» с уродцами была его самым любимым детищем, — его работникам выходила хорошая выручка. Сборы резко пошли на спад лишь после смерти старого Тарпа.

Финансовые неудачи были в значительной степени связаны с пристрастием юного Гамильтона к старинным книгам и сомнительного характера легендам, а также любви к путешествиям, приключениям и неутолимой жажде знаний. Его первой расточительной затеей стала поездка, имевшая целью поиск сокровищ на далеких островах Тихого океана, предпринятая на основе неточной и явной сфальсифицированной карты. В его отсутствие — он отправился в путешествие на пару с одним негодяем-авантюристом — за ярмарочным шатром присматривал Андерсон. Дело приняло скверный оборот, и после возвращения Гамильтона братья стали владельцами лишь нескольких каменных табличек, украшенных омерзительными изображениями, плюс пары статуэток, сотворенных руками неизвестных аборигенов. Самым отвратительным из этой коллекции был зловещего вида крылатый идол, похожий на осьминога. Гамильтон поместил эту уродину в задней части вагончика, ибо выставить ее на всеобщее обозрение означало бы отпугнуть скептически настроенную публику.

Правда, этот самый идол явно имел дурное влияние на младшего из братьев. У Гамильтона вошло в привычку вставать по ночам, чтобы посмотреть на него, пока Андерсон мирно спит. Однако тот нередко просыпался и слышал, как во время таких ночных визитов его брат *разговаривал* с идолом. Пару раз он даже слышал сквозь сон, как Гамильтону кто-то *отвечал*, и это особенно его встревожило! До того как брат снова отправился в странствия

по дальним уголкам великих аравийских пустынь, этот обожающий тайны мечтатель начал страдать от жутких ночных кошмаров.

И вновь в отсутствие Гамильтона дела пошли самым скверным образом. Андерсон вскоре был вынужден продать Белле Ходжсон весь ярмарочный городок, оставив себе и брату лишь «паноптикум». Прошел год, затем еще один, прежде чем Гамильтон вернулся из своих странствий. Он тотчас же потребовал причитающуюся ему часть доходов, не предпринимая, однако, никаких усилий к тому, чтобы далее самому зарабатывать на хлеб. Андерсон не стал с ним спорить. За время отсутствия Гамильтон сильно изменился, из мечтательного юноши он превратился в зрелого, угрюмого мужчину, и Андерсон стал даже немного его побаиваться.

Однако были и куда более очевидные изменения. Иными стали не только привычки Гамильтона, изменилась и сама внешность. Так, например, младший из братьев постоянно носил лохматый черный парик, как будто пытался скрыть преждевременное облысение, которое, однако, ни для кого на ярмарке не было секретом и раньше никоим образом его не беспокоило. Гамильтон замкнулся в себе, сделался неразговорчивым и стал избегать людей. Он ни с кем не общался и лишь изредка, с явной неохотой вступал даже в самые обычные разговоры.

Более того, перед вторым своим продолжительным отъездом Гамильтон, похоже, завел интрижку с одинокой темноглазой гадалкой, юной «мадам Зала» — особой цыганских кровей. Однако после возвращения он охладил к ней, а люди стали часто замечать, что, когда он проходит мимо нее, черноглазая ворожея осеняет себя языческим крестом. Однажды Гамильтон и сам это заметил и, побелев от ярости, поспешил скрыться в «кунсткамере», где пробыл до конца дня. Мадам Зала быстро собрала пожитки и ночью укатила куда-то в своем вагончике, ничего никому не объяснив. Люди решили, что Гамильтон чем-то пригрозил ей, однако предпочли не вмешиваться. Тот, со своей стороны, заявил, что Зала была «шарлатанкой низкого пошиба, неспособной вызвать даже кишечные газы!»

Балаганщики сошлись во мнении, что Гамильтон сильно изменился, а ближе к концу в нем проявились первые признаки надвигающегося помешательства...

И самое главное, Гамильтон возобновил ночные randevu с похожим на осьминога идиолом, хотя теперь такие визиты случались чуть реже. Пусть и ненамного реже, но они, тем не менее, явились провозвестниками куда более зловещих событий, ибо вскоре Гамильтон поместил идола в самом «паноптикуме», в отдельном, довольно просторном углу полотняного шатра, и если и заходил туда, то не один...

Из окна своего вагончика Андерсон Тарп наблюдал любопытную картину: заглянув в «кунсткамеру», посетители, все как один на вид образованные люди, направлялись вслед за братом к вышеупомянутому закутку. При этом Андерсон никогда не видел, чтобы кто-то выходил оттуда! В конечном итоге, когда его брат сделался еще более нелюдимым и замкнутым, Андерсон самым нешуточным образом взялся шпионить за ним, о чем позднее серьезно пожалел.

Между тем Гамильтон произвел некие изменения в интерьере «кунсткамеры». Он полностью отгородил одну ее треть для хранения коллекции раритетов, собранных во время путешествий. Тогда Андерсона чрезвычайно удивило, что брат совсем отказался от демонстрации своих сокровищ кому бы то ни было, кроме нескольких избранных лиц. Это были те самые представители «привилегированной публики», которые следовали за Гамильтоном в его частный музей и больше оттуда не выходили.

Разумеется, Андерсон в конечном итоге решил, что ответ на эту загадку столь же прост, сколь и фантастичен. Во время своих странствий Гамильтон где-то приобрел познания в науке грабежа, которую теперь с успехом практиковал в своей «кунсткамере». Тела? Он закапывал их в землю, после чего ярмарка перебиралась на новое место. Но деньги... куда же он девал деньги? Видимо, именно они или, скорее, их отсутствие и были главным мотивом Гамильтона. Уж не прячет ли он где-нибудь награбленное, дожидаясь дня, когда вновь отправится в странствия в очередную экзотическую страну? Не имея и малой доли от темных

махинаций Гамильтона, Андерсон решил обратить ситуацию себе на пользу и, так сказать, взять брата с поличным.

И все-таки лишь в начале весны 1961 года Андерсону удалось наконец «подслушать» разговор между братом и очередным, причем явно преуспевающим, посетителем «кунсткамеры». Гамильтон выделил этого джентльмена, явно образованного, из числа прочих посетителей и пригласил в свой передвижной домик. Андерсон, хорошо зная привычки брата и подозревая, что именно должно произойти, спрятался поблизости, на расстоянии, позволявшем подслушать предстоящий разговор.

Всего разговора он так и не услышат, однако разобрал достаточно много, чтобы сделать вывод: Гамильтон посвящен в изрядное число эзотерических тайн. Впервые слух Андерсона уловил такие диковинные имена, как Ктулху и Йиб-Тстл, Тсатоггуа и Йог-Сотот, Шудд-Мьель и Ньярлатотеп, имена чудовищных богов доисторических времен. Упоминал брат также и следующие слова: Ленг и Лх-Йиб, Мнар, ИБ и Сарнат, Р'лайх и красный Зот, и Андерсон понял, что это города и страны, считавшиеся древними даже в далекие времена на заре веков. Он услышал, как брат описывал и называл манускрипты, книги и таблички с письменами. Андерсон даже вздрогнул: некоторые из этих древностей хранились в числе прочих экспонатов в гамильтоновской коллекции. В частности, он услышат названия таких писаний, как «Некрономикон», «Хтаат Аквадинген», Пнакотикскис рукописи и «Текст Р'лайха». Похоже, гипнотизм Гамильтона заключался в его поразительной эрудиции в том, что касалось древних мифов и преданий.

Поняв, что брат и его гость собрались выйти из домика наружу, Андерсон быстро юркнул за соседний шатер, чтобы продолжить наблюдение. Он заметил покрасневшее лицо нового наперсника Гамильтона, его возбужденную жестикуляцию, а затем до его слуха донеслось произнесенное шепотом предложение брата. Джентльмен согласно кивнул, широко раскрыв глаза, в которых читались одновременно и восторг, и ужас. Затем посетитель ушел, а Андерсон заметил на лице брата выражение жутковатого триумфа и чего-то еще... ну, конечно же, торжествующего зла!

Но именно лицо посетителя — того самого, что производил впечатление человека, не стесненного в средствах, однако склонного к весьма сомнительным начинаниям, — вызвало у Андерсона великое беспокойство. Он узнал это лицо и при первой же подвернувшейся возможности украдкой просмотрел журналы по археологии и антропологии, которые его брат в последнее время читал с таким интересом. Все было именно так, как он и думал: намеченная Гамильтоном жертва оказалась не кем иным, как известным археологом, чье имя, Стейнтон Гэмблер, высоко почиталось в кругах любителей приключений и ученых благодаря его пристрастию к авантурным экспедициям. Андерсон ощутил нарастающее беспокойство: брат просто не мог бесконечно лишать страну выдающихся личностей. В один прекрасный день его поймут с поличным и тогда...

Тот день тянулся для Андерсона ужасно медленно, и когда наступила ночь, он пораньше отправился спать. Однако, услышав, как зашевелился Гамильтон, он тут же вскочил. Вскоре до его слуха донесся приглушенный шепот. Следуя за источником звуков, он, как и предполагал, оказался рядом с «паноптикумом». В следующее мгновение из-за облаков показалась луна, и он увидел Гамильтона в обществе Стейнтона Гэмблера.

Андерсон поспешил за ними в направлении полотняного шатра и проскользнул в распахнутую пасть дракона. Перед пологом, заменявшим дверь в уголок, где располагался личный музей его брата, он остановился и занял место, с которого мог наблюдать за происходящим. Вскоре он услышал, как чиркнула спичка, и за пологом вспыхнуло пламя свечи. После этого смолкнувший ненадолго шепот возобновился, а свет скользнул по внутреннему пространству «музея». Андерсон отступил назад на пару шагов. Теперь он вполне отчетливо слышал негромкий разговор и даже уловил плохо сдерживаемое возбуждение в голосе Гэмблера.

— ...но это — настоящая *фантастика* ! Я давно верил что, что подобные раритеты могли чудом сохраниться, и это убеждение не раз стоило мне доброго имени и репутации

ученого, и вот теперь... Молодой человек, вы прославитесь на весь мир! Вы это понимаете? Да известно ли вам, что находится здесь? Это же самые что ни на есть убедительные доказательства существования культа пресловутого Ктулху! Что за жуткие жертвоприношения... что за варварские ритуалы! Где, *где*, скажите, вы все это нашли? Я непременно должен это знать! А вот этот самый идол, который по вашим словам, якобы способен вызывать дух самого Ктулху! Да разве кто поверит в подобное? Я, разумеется, знаю, что Венди-Смит...

— Венди-Смит! — грубо оборвал его Гамильтон. — Можете забыть всех этих Венди-Смитов и Гордонов Уолмсли! Они не раскрыли тайну, а лишь коснулись ее поверхности! Я же проник в самые ее глубины! Исследователи, мечтатели, мистики — жалкие дилетанты! Да они бы умерли, все до единого, доведись им увидеть то, что видел я, и побывать там, где посчастливилось ступить моим ногам. Никто из них даже мечтать не смел о том, что *узнал я*!

— Но зачем вы прячете его здесь? Почему не откроете это место для всех желающих? Почему не сообщите всему миру о вашей находке? Опубликуйте статью, непременно опубликуйте! Мы вместе могли бы...

— Вместе? — Голос Гамильтона зловеще затрепетал, подобно огоньку свечи на ветру. — Вместе?! Доказать, что культ Ктулху существовал? Показать его всему миру? Опубликовать статью? — В темноте его смешок прозвучал особенно издевательски, и Андерсон услышал, как Гэмблер сделал резкий вдох. — Мир еще не готов, Гэмблер, да и звезды этому не благоприятствуют! Вы, подобно многим вашим предшественникам, хотите предупредить мир об Их присутствии, о днях Их владычества, что может, в свою очередь, привести к новому открытию: *Они уже здесь*! Действительно, Венди-Смит был прав, даже слишком прав — ну и где сейчас этот Венди-Смит? Нет, нет. *Их* не волнуют обычные дилетанты, за исключением тех, которые представляют для Них опасность и должны быть уничтожены! Иа, Р'лайх! Вы не мечтатель, Гэмблер, вы не верующий! Вы недостойны попасть в число Великих Жрецов! Вы... вы опасны! Желаете доказательств? Я предоставлю вам доказательства! Слушайте и смотрите...

Андерсон дорого заплатил бы за возможность увидеть то, что происходило дальше, поскольку в следующее мгновение Гамильтон задул свечу. Ранее ему удалось найти в холсте довольно крупную дырку, позволявшую неплохо разглядеть закуток, в котором находился идол. Тогда его взгляду предстал полукруг, составленный из покрытых какими-то письменами каменных табличек и похожий на осьминога идол, возвышавшийся на пьедестале в виде трона. Сейчас же, в темноте, этот «глазок» был совершенно бесполезен.

Оставалось полагаться лишь на слух. Через несколько секунд из «музея» донесся голос Гамильтона — необычно вибрирующий, однако далекий оттого, чтобы сорваться на крик. Это было какое-то заклинание, которое отличали жуткие каденции и отсутствие размеренного ритма. Младший Тарп произносил не слова, а какие-то нечленораздельные звуки, череду вербальных несовместимостей, которую не смог бы воспроизвести ни один человеческий артикуляционный аппарат! Когда заклинание закончилось, последовал сдавленный вздох удивления Гэмблера, обреченного на смерть. Андерсон был вынужден отпрянуть от смотрового отверстия, чтобы не быть замеченным в зеленоватом свечении, неожиданно возникшем вокруг дьявольских раритетов на нечестивом алтаре его брата.

Неожиданно свечение сделалось еще ярче. Заполнив собой весь «музей», оно заструилось наружу сквозь незаметные днем крошечные прорехи в его полотняных стенах. Это было необычное зрелище. Ничего подобного Андерсон никогда не видел: свет словно извивался и подергивался в каком-то жутковатом медленном танце. Андерсон вновь оказался свидетелем происходящего — тени Гамильтона и его собеседника четко вырисовывались на фоне полотняной стены. Теперь не было никакой необходимости тайно подглядывать, поскольку разворачивавшаяся на глазах Гамильтона драма вряд могла быть более зримой и четкой. Центр зеленоватого сияния попеременно то обретал яркость, то тускнел, пульсируя, словно некое таинственное сердце из чистого света. Гамильтон застыл с одной стороны, вскинув руки в торжествующем жесте. Стейнтон Гэмблер весь съежился. Он прикрыл

руками лицо, словно в попытке защитить глаза от нестерпимого жара, или же, что более вероятно, от некоего жуткого зрелища, представшего его взгляду!

При этом Андерсон с удивлением отметил одну вещь: хотя Гэмблеру полагалось истошно вопить от страха, до его слуха не доносилось ни единого звука. Он даже подумал, что внезапно оглох. Гамильтон в эти мгновения также должен был громко кричать, ибо кадык его двигался в безумном ритме заклинания, точнее, в полном отсутствии ритма. Его откинута назад голова, вздымающиеся плечи — что это, как не свидетельства его нечестивого триумфа? Тем не менее все происходило в полной тишине! Отсюда Андерсон сделал вывод, что странный зеленый свет каким-то образом изменил нормальный ход вещей, полностью лишив мир звуков; что своей изумрудной пульсацией он поглотил финальный акт чудовищной пьесы кошмарного театра теней. В следующее мгновение ядро света запульсировало еще быстрее и ярче. Гамильтон метнулся к беззвучно кричавшему ученому и, схватив его за воротник, толкнул в это свечение.

Ядро мгновенно уменьшилось в размерах, как будто проглотило самое себя и превратилось в сияющий шар раскаленного света. Но где же Гэмблер? Испуганному взору Андерсона было видно, *что на фоне матерчатой стены осталась лишь одна слабая, смутно вырисовывавшаяся тень. Это была тень его брата!*

Лучи зеленого света, словно по мановению волшебной папочки погасли, вслед за этим вернулись звуки, и Андерсон услышал собственное участвовавшее дыхание. Он тут же насторожился и приник к потайному «глазку», чтобы увидеть, что произойдет дальше. Внутри полукруга все еще виднелось зеленое свечение с единственной яркой точкой внутри. Гамильтон наклонился к этому стремительно тускнеющему свету, и из его горла вырвались звуки — низкие, басовитые, трепещущие благоговением:

Иа, нафлгхн Ктулху Р'лайх мглв'нафх,
Эха 'унгл вглв хфлгхглуи нгах' глв,
Энгл Эха гх' иихф гнхугл,
Нхфлгнг ух'эха вгах'нагл хфглуфх —
У'нг Эха'гхглуи Аиих эхн'хфлгх...
Не мертво то, что в вечности пребудет,
Со смертью времени и смерть умрет.

Пока Гамильтон читал свое нечленораздельное заклинание, которое завершали две малопонятные строки — свет продолжал меркнуть; вскоре осталось лишь тусклое зеленое свечение, и тогда брат заговорил по-английски. Однако модуляции голоса и паузы позволили Андерсону сделать мгновенный вывод, что это не что иное, как перевод только что отзвучавших строк:

О, Великий Ктулху, спящий в Р'лайхе,
Жрец твой приносит тебе жертву,
Дабы ускорить твой приход
И приход иных Спящих.
Я, твой жрец, прославляю тебя...

И тогда Андерсона Тарпа охватил неопикуемый ужас: только что на его глазах человека принесли в жертву чудовищному древнему божеству. Ему стоило немалых усилий не закричать. Он невольно попятился назад и... наткнулся на клетку с летучими мышами.

Прежде чем он успел броситься наутек, одна за другой, быстро сменяя друг дружку, произошли три вещи. Последние лучи зеленого света полностью погасли, и «музей» на мгновение погрузился во тьму, которую, однако, тут же сменил яркий свет. И пока Андерсон приходил в себя, из-за матерчатой двери появился Гамильтон. Его глаза злобно сверкали, лицо было искажено гримасой ярости.

— Ты! — с нескрываемым отвращением процедил он и схватил брата за воротник пижамы. — Что ты *видел* ?

Андерсон рывком высвободился и сделал шаг назад.

— Я... я видел все, впрочем, я и раньше обо всем догадывался. Это же надо, мой брат — убийца!

— Избавь меня от своих лицемерных высказываний! — усмехнулся Гамильтон. — Если ты давно об этом знал, то успел стать пособником убийцы. — В его глазах появилось рассеянное выражение. — Да и в любом случае никакое это не убийство, хотя тебе этого не понять!

— Конечно, куда мне! — на этот раз пришла очередь Андерсона усмехаться. — Ты принес жертву твоему так называемому богу, Великому Ктулху! Были ведь и другие жертвы, верно?

— Были, — кивнул Гамильтон, который, как показалось Андерсону, погрузился в состояние транса.

— А где же тогда деньги?

— Деньги? — Отсутствующее выражение в глазах Гамильтона тут же исчезло. — Какие деньги?

Андерсон понял, что брат не притворяется и действительно не понимает вопроса. Так неужели главным его мотивом были отнюдь не деньги? Не личная выгода? А это значит...

Значит, все эти слухи и намеки на безумие брата, что ходили по их ярмарке, вовсе не досужие домыслы, не имеющие под собой никаких оснований?

Как будто в ответ на невысказанные вопросы, Гамильтон заговорил снова. Слушая его, Андерсон не мог не поверить в его слова.

— Ты такой же, как и все остальные, Андерсон. Ты не видишь дальше своего носа. И виной тому твоя безудержная алчность. Деньги? Ты думаешь, что Их интересует богатство? Нет, оно Им безразлично, так же, как и мне. Они богаты своей тысячелетней историей... Им принадлежит будущее.

Глаза Гамильтона вновь яростно блеснули.

— *Им* ? Кого ты имеешь в виду? — нахмурившись, спросил Андерсон и попятился.

— Ктулху и остальным. Ктулху и Глубоководным, Их братьям и Им подобным, спящим вечным сном в исполинских склепах там, внизу. *Иа, Р'лайх, Ктулху фхтагн!*

— Да ты просто спятил!

— Ты так думаешь? — спросил Гамильтон и, шагнув к брату, приблизил к нему лицо. — Спятил, говоришь? Может быть, но только я вот что тебе скажу: когда ты и тебе подобные будут сведены до уровня домашнего скота, прежде чем Земля очистится от привычных тебе форм жизни, ваши жалкие стада будет пасти кучка преданных жрецов, среди которых окажусь и я. Я, ставший на службу Великому Ктулху!

Глаза Гамильтона вспыхнули сатанинским огнем.

Услышанное окончательно уверило Андерсона в том, что его брат безумен. Однако, несмотря на этот чудовищный вывод, он попытался извлечь из него хотя бы какую-то выгоду.

— Гамильтон, — произнес он после недолгого раздумья, — никто не может запретить тебе поклоняться каким угодно богам, но только не забывай о том, что нам с тобой нужно на что-то жить. Твое поклонение Ктулху может принести нам неплохие деньги. Если только...

— Нет! — злобно прошипел Гамильтон. — Мне довольно одного поклонения Ктулху. Больше мне ничего не надо. Вот здесь, — он кивком головы указал на огороженный участок «музея» у себя за спиной, — находится Его храм. Приносить Ему жертвы и одновременно думать о собственном благополучии было бы просто кощунственно. И когда Он придет, то может отвергнуть меня!

При этих словах глаза Гамильтона расширились, и он вздрогнул.

— Ты не знаешь Его, Андерсон. Он бог, великий и ужасный, страшный и могущественный. Сейчас Он находится далеко от нашего мира, покоится в глубинах Р'лайха, но Его небытие — это скорее не смерть, а сон, и Он непременно пробудится ото сна! Когда

звезды встанут на нужные места, мы выберем тех, кто ответит на Зов Ктулху, и тогда Р'лайх возвысится вновь, и вселенная содрогнется в изумлении! Ведь в древнем мире даже горгоны были Его жрицами! А ты говоришь мне о каких-то деньгах! — Гамильтон вновь презрительно усмехнулся. Судя по всему, в ту минуту он находился в полной власти безумия. Однако усмешка тут же сменилась коварной улыбкой: — И ты бессилён что-либо сделать — если скажешь другим хотя бы слово об увиденном, я под присягой заявлю, что ты с самого начала был моим пособником! Что касается тел, их никто никогда не найдет! Они отправились к спящему Ктулху, отправились в лучах света, который Он посылает мне, когда я, обращаясь к тьме, взываю к Нему! Так что доказать ничего не удастся...

— Может, и не удастся, но что в скором времени тебя упекут в сумасшедший дом, в этом я не сомневаюсь!

Шпилька угодила точно в цель. На мгновенно побледневшем лице Гамильтона появилось выражение испуга.

— В сумасшедший дом? Ты не посмеешь! Тогда я не смогу служить ему, приносить жертвы и...

— Можешь не беспокоиться, — прервал его Андерсон. — В мои планы не входит сажать тебя в сумасшедший дом. Прошу тебя, посмотри на вещи моими глазами. Покажи мне только, как ты добиваешься этого своего зеленого свечения. Ну, не своего, а спящего Ктулху. И мы сможем с тобой ладить по-прежнему, вот только нужно решить вопрос с деньгами...

— Нет, Андерсон, — едва ли не с нежностью в голосе ответил ему брат, — так не пойдет. Ты мне не поверишь, даже если я представлю тебе свидетельство моей принадлежности к сонму жрецов великого Ктулху, скрытое под этим париком, который я вынужден постоянно носить — Знак Ктулху. Все равно я не смогу почитать моего великого повелителя и служить Ему так, как ты говоришь. Извини, Андерсон. — Теперь на его лице появилось печальное выражение, а в следующий миг он выхватил из ножен, спрятанных под пиджаком, длинный нож. — Я пользуюсь им в тех случаях, когда они сильнее меня или готовы оказать сопротивление. Ктулху это не нравится, потому что Он предпочитает получать их целыми и невредимыми, но... — взмахнув рукой с зажатым в ней ножом, Гамильтон недоговорил.

Андерсона спасла стремительность движений — он успел отскочить в сторону, а в следующий миг лезвие вспорол воздух там, где только что находилась его грудь. Затем братья сошлись в жестоком поединке — Гамильтон тщился нанести Андерсону удары ножом или укусить его, а последний отчаянно сопротивлялся, пытаясь сохранить себе жизнь. Обезумевший Гамильтон, похоже, обладал силой трех обычных людей и вскоре опрокинул брата на землю. Сцепившись, они покатались по полу.

В конечном итоге с головы младшего брата слетел парик. Андерсону — омерзение от представшей его взгляду картины вдруг придало ему сил — удалось вывернуть руку Гамильтона и вогнать нож прямо в грудь безумцу. Затем Тарп быстро вскочил на ноги и испуганно отпрянул от жуткого создания, что корчилось в предсмертных муках на усыпанном опилками полу, создания, которое еще недавно было его братом. Вот только брат ли это? Голову этого существа венчал странный головной убор, представлявший собой копошащуюся массу белых червей толщиной с палец, чем-то напоминающую обительницу морей актинию, впившуюся, как вампир, во все еще живой мозг!

Позднее, когда наступило утро, Андерсон понял: даже если бы и существовал человек, которому можно было всецело довериться, он все равно не сумел бы толково объяснить, что стряслось минувшей ночью, всего несколько часов назад. Ему самому все эти события казались нереальными, и в памяти остались лишь обрывки того, что последовало за жуткой смертью брата. Примерно полчаса он ждал, понимая, что в шатер в любой момент, привлеченные странным светом и шумной возней, могут заглянуть люди. И тогда они увидят тело Гамильтона... но он был *вынужден* ждать, не в силах прикоснуться к бездыханному телу — по крайней мере до тех пор, пока белые черви продолжали шевелиться. Его брат умер почти мгновенно, а вот жуткая «корона» прожила дольше...

Затем, когда омерзительная — паразитирующая? — тварь замерла в неподвижности, Андерсон взял себя в руки и заставил выкопать яму в мягкой земле под слоем опилок. Задача была не из легких, потому что копать пришлось в полной темноте и в присутствии жуткого извояния Ктулху. Позднее Андерсон вспоминал, насколько мягкой, к его великому удивлению, оказалась земля. А еще она была влажной, хотя под полотняным шатром ей надлежало быть сухой и твердой. Кроме того, Андерсону запомнился сильный морской запах, застарелый запах гниющих водорослей и придонной слизи. Этот запах был ему хорошо знаком, поскольку долго сохранялся после каждого «жертвоприношения» Гамильтона. Раньше Андерсон не придавал этому значения, видя здесь случайность, однако теперь ему стало ясно: запах возникал вместе с зеленым светом, равно как и необычное состояние абсолютной тишины.

Затем, чтобы побыстрее привести все в порядок, он — утопав землю и убрав свидетельства того, что в шатре копали землю, — откинул в сторону полог, заменявший дверь, чтобы немного проветрить помещение. Но, сделав все для того, чтобы устранить следы кошмарного ночного происшествия, Андерсон еще долго не мог расслабиться. Напряжение последних часов не отпускало его даже утром, когда забрезжил рассвет и обитатели луна-парка начали пробуждаться ото сна.

Когда в полдень Ходжсоновская ярмарка окончательно открылась для посетителей, Андерсон все еще был охвачен тревогой, опасаясь разоблачения. Всякий раз, вступая в разговоры с окружающими, он чувствовал, как его кожа покрывается холодным потом. Страх лишь ненадолго отпускал его в перерывах между ярмарочными представлениями. Но самые неприятные минуты в тот день он пережил, когда в «музей» Гамильтона нахально попытался заглянуть какой-то подросток в кожаной куртке. Андерсону пришлось едва ли не коленом под зад выпихнуть наглого юнца наружу, хотя в шатре не осталось ни единого следа ночного происшествия.

Впоследствии Андерсон удивлялся тому, что схватка с братом не привлекла ничьего внимания. Тем не менее это было именно так. Даже цепные псы, охранявшие ярмарку, не стали поднимать шума. А ведь именно эти четвероногие стражники всякий раз по возвращении Гамильтона из заморских странствий становились более нервными, чем обычно, часто рычали и лаяли. Андерсон решил, что зловещее «состояние тишины», сопровождавшее зеленое свечение, рассеялось ночью над всей территорией ярмарки и «нейтрализовало» собачий лай. Или, может быть, животные все-таки что-то слышали, но молчали из страха?.. Пожалуй, второе предположение было ближе к истине, поскольку позднее выяснилось, что многие собаки скулили всю ночь, забившись под вагончики своих хозяев...

Два дня спустя ярмарочный городок снялся с места и отправился странствовать дальше, а тело Гамильтона Тарпа осталось лежать в земле. Худшие опасения Андерсона, наконец, оставили его, и к нему понемногу вернулось былое спокойствие. До известной степени этому содействовал тот факт, что странствующие балаганщики проникательно (хотя и по совершенно неверным причинам) связали беспокойство Андерсона с его злосчастным безумным братом. Поэтому, едва они заметили отсутствие Гамильтона, Андерсон лишь пожал плечами в ответ:

— Да кто его знает, где он? Может, в Тибете. Или в Египте. Или в Австралии. Он снова куда-то уехал, не сказав мне ни слова. Так что его может носить где угодно.

Хотя подобные вопросы неизменно носили вежливый и сочувственный характер, Андерсон понимал: на самом деле любопытство окружающих искренним не назовешь. В душе обитатели ярмарочного городка были только рады, что его брат «снова куда-то уехал».

Прошло полтора месяца, в течение которых странствующие балаганщики регулярно останавливались в деревнях и небольших городках. Все это время Андерсону удавалось гнать от себя воспоминания о смерти брата и собственном в ней участии — практически все, за исключением того жуткого существа, обитавшего у Гамильтона на голове. Это было незабываемое зрелище: «анемон», еще долго шевелившийся после того, как его хозяин

испустил дух. Гамильтон назвал эту штуку символом своей принадлежности к касте жрецов, он так и сказал: «Знак Ктулху»... но скорее всего то была редкая форма раковой опухоли или же разновидность некоего червя-паразита вроде солитера. Андерсон всякий раз содрогался, вспоминая зловещую жреческую «корону» брата, что, впрочем, неудивительно. Восседа на голове Гамильтона, эта уродина производила впечатление *разумной*. Мысль о том, насколько глубоко эта штуковина могла уходить корнями в голову безумца, была еще более неприятной...

Нет, лучше не думать о том, как щупальца мерзкого существа шевелятся внутри мозга Гамильтона, хотя, судя по всему, именно эта тварь и стала причиной его помешательства. Андерсон не считал себя человеком слабым, однако теперь подобные мысли все чаще и чаще тревожили его, казалось бы, уравновешенное состояние духа; когда же его стали посещать кошмары, он возложил вину за них на все ту же жуткую тварь.

Сначала они были смутными и неконкретными: какие-то непонятные силуэты на фоне туманных горизонтов, бескрайних просторов и пустынных морских побережий; далекие острова с причудливыми шпилями и башнями — такие далекие, что дикий существа, обитавшие на них, казались спящему Андерсону чем-то вроде насекомых. Впрочем, его это и не огорчало. Их очертания постоянно менялись и были не слишком приятны глазу. Эти формы отличала примитивная простота, из чего напрашивался вывод, что он находится в давно забытых человечеством первозданных краях. От этих грез Андерсон неизменно пробуждался в мрачном настроении духа.

Однако с приходом лета его сны приобрели иной характер, стали визуально более четкими и, главное, по-настоящему пугающими, а не просто неприятными, как раньше. Такие видения (откуда взялась эта неясная убежденность, Андерсон не знал) имели фоном скудно освещенные недра одного из островных городов — не то зал, не то склеп фантастических размеров и пропорций. И всегда он преклонял колени перед идолом в виде осьминога... за исключением одного случая, когда это был не идол, а реальное, наделенное зловещим сознанием живое Существо!

Но еще хуже стало после того, как некий странный голос заговорил с ним на языке, который Андерсон сначала не сумел разобрать. Он дрожал, стоя перед кошмарным созданием, восседавшем на покоем на трон пьедестале; созданием, чьи размеры в сотни раз превышали размеры каменной статуэтки из «кунсткамеры». Нет, конечно, это был всего лишь сон, и Андерсон осознавал нереальность происходящего, однако щупальца кошмарного существа извивались и подергивались, а клешни цеплялись за переднюю часть трона. А затем раздавался его голос...

Пробуждаясь от подобных кошмаров, Андерсон понимал, что они не более чем порождения сатанинских образов той ночи — с её зеленым светом, запахом моря и адской «короной» на голове брата. Ведь как только он просыпался, первым, что ему вспоминалось, был тот жуткий голос; он издавал звуки, подобные тем, которые Гамильтон произносил до появления зеленого света и после того, как принес в жертву незадачливого ученого. Год приближался к концу, и сны становились все неприятнее и тревожнее день ото дня. Несколько раз у Андерсона возникало ощущение, что спящий Ктулху вскоре зашевелится и проснется!

Стоило Андерсону пробудиться, как перед его мысленным взором тут же с поразительной четкостью возникали увиденные во сне кошмары. Он сделал неутешительный вывод: с ним повторяется та же история, что произошла с его братом, когда тот возвратился из второй поездки в дальние страны. Андерсону Тарпу было чего испугаться. Да, он видел жуткие сны, в которых, по признанию Гамильтона, и появляется Ктулху. А разве сны не возвещают грядущий великий ужас?

И все же в менее мрачном расположении духа Андерсон все чаще ловил себя на мыслях о зловещем оружии Гамильтона — пульсирующем зеленом свете. Будучи человеком довольно начитанным, он кое-что слышал об успехах, достигнутых человечеством в области лазерных технологий. Вскоре он убедил себя в том, что для «жертвоприношений во славу

Ктулху» брат использовал какую-то зарубежную научную разработку. Эх, выяснить бы, как он это делал!..

Одна загвоздка: наука такого уровня требует сложного оборудования! Ломая голову над этим вопросом, Андерсон, как ему казалось, нашел наконец разгадку: какими бы аппаратами или техническими устройствами ни пользовался его брат, они наверняка надежно спрятаны внутри похожего на осьминога идола — или даже встроены в каменные таблички с загадочными письменами, образующие над ним полукруг. Возможно, подобно лучам электрических «глаз», которые управляли качкой и порывами холодного воздуха в «Ноевом ковчеге», аттракционе их ярмарки, заклинания Гамильтона — не что иное, как своеобразный звуковой детонатор, приводящий в действие скрытую лазерную установку или какое-то аналогичное устройство. Запах моря и гниющих водорослей — это, должно быть, естественное последствие такого рода процессов, подобно тому, как угарный газ и отработанная смазка являются техническими отходами при работе двигателей, а запах озона сопутствует электрическим разрядам.

И таблички, и идол находились на своем прежнем месте. Единственным новшеством в «музее» стало отсутствие разделительной перегородки. Привезенные Гамильтоном древние артефакты были все так же выставлены в «кунсткамере» для обозрения посетителей. Но что, если их разместить точно так, как и раньше — вдруг получится узнать, как применяется «заклинание»? Что тогда? Удастся ли ему в таком случае вызвать зеленый свет? А если удастся, сможет ли он, Андерсон Тарп, использовать его в тех целях, в которых он предлагал применять его Гамильтону? По всей вероятности, ответ на этот и другие вопросы кроется в книгах покойного брата...

Андерсон не сомневался, что в собрании древних книг, которые медленно, но верно гнили в чулане их вагончика, содержится масса намеков на подобные вещи. Сначала он принялся читать трухлявые тома из чистого любопытства. Многие из них были на непонятных ему языках, вроде старонемецкого или латыни, и по крайней мере один написан шифром, похожим на тот, что Андерсон видел на каменных табличках в «музее».

Среди прочих книг в коллекции Гамильтона отыскились «Комментарии к „Хтаат Аквадинген“» Фири и основательно зачитанный экземпляр другой книги того же автора, «Комментарии к „Некрономикону“». А еще одна, переписанная от руки корявым почерком, оказалась собственно «Некрономикон» — или, точнее, его переводом. Прочитать ее Андерсон не сумел, ибо она была на немецком языке в самом архаичном его варианте. Кроме того, среди книг брата Андерсон обнаружил большой конверт, набитый пожелтевшими от времени листами бумаги. Из надписи на нем явствовало, что это — «Исполненный Ибн Шоддатхуа перевод „папируса Мум-Натх“». Что касается более узнаваемых трудов, то в коллекции имелись и такие известные произведения, как «Золотая ветвь» Фрэзера и «Культы ведьм в Западной Европе» Маргарет Мюррей, однако по сравнению с вышеназванными раритетами это было легкое чтение, своего рода беллетристика.

В декабре и конце января Андерсон Тарп все свободное время посвящал изучению старинных книг. В конечном итоге он стал — насколько это было возможно — знатоком жутковатой ктулхианской мифологии. Он узнал о Старших Богах, а также добрых силах и божествах, которые существовали в «мире и славе» близ Бетельгейзе, звезды в созвездии Ориона, о могуществе зла Великих Древних. Он прочитал об Азатоте, кошунствующем посреди бесконечности, о вездесущем Йог-Сототе, обитающем одновременно во всех временах и пространствах; о богоподобном существе Ньярлатоте, посланце Великих Древних; о Хастуре Ужасном — адском создании, «повелителе межзвездных пространств»; о плодовитом Шуб-Ниггурате, «черном козле с тысячью младых» и, наконец, о самом Великом Ктулху, непостижимом средоточии зла, просочившемся со звезд подобно космическому гною, когда Земля была молода и жизнь на ней лишь только зарождалась...

Существовали и другие, не столь могущественные боги и создания, более или менее забытые или имеющие косвенное отношение к центральной ветви мифологий. Андерсон прочел о Дагоне и Глубоководных, о Йиб-Тстле и Ночных призраках, о народе чо-чо, Йиге,

Чаугнаре Фаугне, Ниогтхе и Тсатоггуа; об Атлах-Нахе, Ллойгоре, Зхаре и Итакве, о Шудд-Мьеле и рожденном от метеора Глааки, о пламенном Ктутхе и отвратительных Псах Тиндала.

Он узнал о том, как из-за своих жутких ритуалов Великие Древние были заточены в темницы, где томятся уже целую вечность, готовые вновь воцариться на Земле... Ктулху, завладевший безумным сознанием его брата, покоился в глубинах Р'лайха, ожидая того времени, когда звезды примут «правильное положение», чтобы те, кто покорно служит ему — будь то люди или кто-то еще, — смогли наконец совершить таинства, которые позволят ему вновь стать властителем его бывших наземных царств. Все это вызывало у Андерсона огромный интерес.

Чем больше он читал, тем больше осознавал фантастическую глубину этой темы, хотя и пытался уверить себя, что с его стороны это всего лишь мимолетный интерес к подобного рода абракадабре. Тем не менее ночью 2 февраля 1962 года ему было явлено своего рода знамение: кошмар до того сильный, что память о нем еще несколько недель не отпускала Андерсона, особенно когда до него дошло значение даты, на которую пришелся этот сон. Разумеется, это случилось на Сретенье — особенный день для тех, кто интересуется оккультными науками. Итак, наступило Сретенье, и Андерсону Тарпу привиделись подводные базальтовые башни циклопических пропорций. Ему было известно, что в этих гробницах спит омерзительный Повелитель Ктулху, спит и видит грезы о грядущем владычестве...

Но на этом видение не кончилось. Во сне Андерсон прошел сквозь эти стены, чтобы снова оказаться во внутренних покоях и преклонить колени перед спящим богом. Увы, сон Древнего был беспокоен: его демонические клешни шевелились, а сложенные крылья трепетали, будто пытались распрямиться и перенести его сквозь океанскую толщу в ни о чем не подозревающий верхний мир! Затем, как и в прошлый раз, до сознания Андерсона Тарпа донесся голос — и на этот раз он прозвучал по-английски!

— Ты хочешь поклоняться Ктулху? — со зловещей интонацией спросил трубный глас. — Ты делаешь вид, будто хочешь стать ЕГО жрецом? Я вижу, что НЕТ, ТЫ НЕ ХОЧЕШЬ, но все равно дерзаешь выведывать его секреты! Предупреждаю тебя: убийство одного из жрецов Ктулху — великий грех, и все же ты совершил его. Это грех, оскорбляющий ЕГО. Еще БОЛЬШИЙ грех — пытаться разгадать его секреты, не состоя у Него на службе. Однако несмотря ни на что, ТЫ ПЫТАЕШЬСЯ РАЗГАДАТЬ ИХ! Помни о моём предупреждении и живи дальше. Живи и молись своему жалкому богу, чтобы тебе довелось погибнуть при первой волне Великого Пробуждения. Пеняй на себя, если навлечешь на себя гнев Великого Ктулху!

Голос умолк, однако эхо его стихло не сразу. Парализованному страхом Андерсону показалось, будто к нему, сидящему в зловонной слизи у подножия тропа, тянутся зловещие щупальца Ктулху...

В следующий миг в его сознание, с каждой секундой становясь все громче, ворвался многоголосый вой, и когда щупальца спящего бога оказались в опасной близости от него, Андерсон с криком пробудился на мокрых от холодного пота простынях. И тогда он понял, что за стенами вагончика царит суматоха. Все сторожевые псы, от мала до велика, как сидящие на цепи, так и свободно разгуливающие по территории ярмарочных балаганов, оглашали ночное пространство жутким воем. Казалось, будто они воют на бесстрастные звезды, а на их завывания откликаются сотни таких же взбудораженных псов во всей округе.

Утром балаганщики с жаром обсуждали причину столь странного беспокойства собак, и на основании найденных клочков шерсти все пришли к выводу, что виной тому была бродячая кошка, имевшая несчастье застрять под одной из повозок и разорванная на части огромным датским догом. Это объяснение несколько не убедило Андерсона, который никак не мог взять в толк, почему столь же странным образом вели себя и собаки в соседнем городке, почему они подхватили столь неестественный лай и вой своих собратьев, обитающих среди ярмарочных павильонов...

Следующие две недели Андерсон, к своей великой радости, спал спокойно и поэтому

решил вернуться к изучению ктулхуанской мифологии. Отчасти это было вызвано любопытством, отчасти (как ему думалось) необходимостью. Он по-прежнему надеялся, что научится использовать зеленый свет себе во благо. Его решимость подкрепляло то, что в последнее время кассовые сборы были крайне скудны. Вот почему он вновь отгородил угол шатра и все свободное время уделял в равной степени книгам Гамильтона по оккультным наукам и терпеливому изучению каменного идола и покрытых письменами табличек. Никаких намеков на скрытые механизмы он так и не нашел, однако довольно быстро обнаружил то, что считал первым реальным шагом к осуществлению своих амбиций.

Все оказалось просто: поверхность каменных табличек была испещрена загадочными письменами, представляющими любопытную смесь клинописных значков и скоплений точек, причем на каждой скрижали имелись и те и другие. Это бросилось ему в глаза уже давно и особого удивления не вызвало, однако в конечном итоге Андерсон узнал эти значки — точно такие же он видел в переписанном от руки отрывке «Некрономикона». Более того, в этой работе имелись переводы по меньшей мере на два языка, причем один из них оказался архаичной формой немецкого.

Познания Андерсона в немецком языке, даже в его современном виде, были более чем скромны, отчего ему пришлось обратиться за помощью к Гансу Мюллеру, старому балаганщику. Однако зрение у того давно ослабело, так что вряд ли он смог бы выполнить просьбу Андерсона, будь даже текст составлен на современном немецком языке. Правда, уступив его настойчивым уговорам, Мюллер все-таки перевел одно из предложений — сначала на современный немецкий, а уж потом на английский: «Gestorben ist nicht, was fbr ewig ruht, und mit unbekannten Aconen mag sogar der Tod selbst sterben». Означало это примерно следующее: «Тот, кто спит вечным сном, не обязательно мертв. Со временем умирает даже сама смерть».

Услышав эти слова, произнесенные с сильным акцентом, Андерсон еле удержался от удивленного возгласа. Он уже знал их: это было не что иное, как вариация того самого парадоксального двустишия, которым его брат однажды завершил злодейское «жертвоприношение Великому Ктулху».

Что же до второй группы значков, начертанных на табличках, то здесь Андерсона ждало разочарование. Они также встречались в старинной книге и поначалу показались ему чем-то вроде шифра, однако в немецком варианте их не обнаружилось. Мюллер же, хотя и не испытывал желания возиться с заплесневелым, зловещим фолиантом, высказал в конце концов догадку, что эти значки никакой не шифр, а лишь обычные буквы некоего давно забытого языка. Андерсону осталось только признать правоту старика. На полях пожелтевшей страницы, прямо напротив «шифра», стояла пометка, сделанная рукой его брата: «Да, но как это произносится?»

Этой ремаркой Гамильтон не ограничился, поставив еще и дату. Отсюда Андерсон сделал вывод: запись была сделана еще до второго, рокового периода скитаний брата по дальним странам. Как знать, что довелось повидать Гамильтону в этих странствиях, что испытать? Лишь в одном сомнений не возникало: он побывал в неведомых местах, пережил много странностей — и в результате вернулся домой с жуткой «коронай» на голове.

Наконец Андерсон решил, что этот бессмысленный с виду набор букв (о чем бы ни шла речь, о естественном процессе или магическом действе) — на самом деле формула, посредством которой знающий человек может вызвать к жизни странный зеленый свет в «храме Ктулху», устроенном его покойным братом. В общем, Андерсон поблагодарил старого Мюллера, и когда тот ушел, принялся дальше изучать старинную книгу, весь вечер проломав голову над ее содержанием. Когда опустились сумерки, перед его глазами забрезжил свет вдохновения...

Через несколько дней «музей» превратился в Гробницу Великих Древних. Кроме того, Андерсон зашел в городскую типографию и оставил заказ на печать новых входных билетов. На них, кроме нового названия аттракциона и новой цены, с обратной стороны можно было прочесть загадочную надпись:

Любой взрослый человек, желающий поговорить с хозяином Гробницы Великих Древних на тему истинно оккультных феноменов или обсудить вопросы, связанные с Великими Древними, Р'лайхом и мифологией Ктулху, может договориться о встрече с владельцем павильона.

Андерсон Тарп, владелец

* * *

Хозяева других аттракционов ни сном ни духом не ведали ни об этой затее Андерсона, ни о его познаниях в области оккультных наук, реальных или гипотетических, из-за которых эта затея стала возможна. Вернее, не знали до тех пор, пока ярмарка не перебралась на новое место. Известно об этом им стало уже из местной прессы, опубликовавшей рекламные анонсы, в которых сообщалось об их приезде. Разумеется, Белла Ходжсон и без того старалась заблаговременно оповещать публику о перемещениях луна-парка, однако вряд ли ее оскорбила подобная самодеятельность Андерсона Тарпа. Любая хорошая реклама, которую он сам придумал и сам же оплатил, могла лишь способствовать большему притоку публики ко всем аттракционам передвижной ярмарки.

Очень скоро план Андерсона стал приносить реальные плоды: если сборы и не увеличились, то по крайней мере объявление начало привлекать к «музею» более эрудированных посетителей. Его единственной целью, конечно же, был поиск таких людей. Андерсон не оставлял надежды, что хотя бы один из них сумеет перевести загадочные письма — и это, в свою очередь, поможет ему вызвать к жизни загадочный зеленый свет.

Такие авторитетные люди обязательно должны существовать. Его брат приобрел оккультные знания за относительно короткое время, а ведь у многих других на это уходит целая жизнь. Вне всякого сомнения, рано или поздно он найдет человека, который отыщет разгадку, и тогда секрет смертоносного оружия окажется в его, Андерсона, руках. Когда же это произойдет, он опробует свечение на несчастном, раскрывшем ему тайну, а значит, о ней никто больше не узнает. А потом... потом возникнет масса интересных вариантов...

В первой половине апреля в передвижном домике Андерсона побывало несколько любопытных посетителей; некоторые из них оказались самыми настоящими чудаками, людьми не от мира сего, однако было среди них и несколько искренне увлеченных и по-настоящему эрудированных типов. Обыкновенно владелец павильона вытягивал из них все, что они знали о древних загадках, имевших отношение к мифологии Ктулху, одновременно стараясь выведать, в какой степени они владеют древними наречиями и мертвыми языками. Дважды ему пришлось испытать разочарование, ибо дважды он оказывался на неверном пути. Как-то раз, увидев идола и таблички с письменами, впечатленный посетитель подарил ему книгу Уолмсли «Комментарии к расшифровке кодов, криптограмм и древних надписей». Впрочем, книга ничем не помогла Андерсону, поскольку оказалась слишком сложной для его понимания.

В апреле один посетитель любезно поделился с ним адресом так называемого оккультного детектива, некоего Титуса Кроу, которого мог заинтересовать этот вопрос. Прежде чем покинуть луна-парк, этот джентльмен, таинственный художник по имени Чандлер Дэвис, настоятельно посоветовал Андерсону раз и навсегда забыть о древних богах, ибо ничего хорошего из такого увлечения не выйдет, как их ни изучай — всерьез или из праздного любопытства.

Оставив без внимания слова художника, Андерсон в тот же день написал Титусу Кроу на его лондонский адрес, присовокупив к письму скопированные им значки и просьбу сделать заключение относительно их смысла — или, что более желательно, привести их фонетическую расшифровку. После этого он стал с нетерпением ожидать ответа. Тот пришел в начале мая, но, к разочарованию Андерсона, содержал лишь короткую записку от Кроу, который, подобно Дэвису, порекомендовал ему не соваться в подобные дела и вообще

оставить эту опасную тему. Никаких объяснений не прилагалось, как и предложения продолжить переписку. Кроу даже не потрудился вернуть копию зашифрованных надписей, столь усердно срисованных из «Некрономикона».

В ту ночь, будто вослед двойному предостережению, Андерсону опять приснился затонувший Р'лайх. В очередной раз он увидел себя коленопреклоненным перед тронем спящего Ктулху и услышал голос, отозвавшийся в его сознании зловещим эхом. Во сне кошмарное создание, восседавшее на пьедестале, уже не казалось абсолютно застывшим, как раньше, а голос его звучал более требовательно и грозно:

— Тебя предупреждали, **НО ТЫ ВСЕ РАВНО ЛЕЗЕШЬ, КУДА НЕ СЛЕДУЕТ!** Хотя Великое Пробуждение состоится уже совсем скоро, и над миром уже нависла тень Великого Ктулху, ты все еще пытаешься разгадать Его секреты, надеясь обернуть их себе во благо! В эту ночь тебе будет знак; если тебе не дорога жизнь, можешь не придавать ему значения, но подумай, что будет, если Ктулху лично явится к тебе во сне, как раньше являлся к другим!

Проснувшись следующим утром, Андерсон узнал, что ночью местных собак вновь охватил приступ безумного беспокойства — точно такой же, как и три месяца назад, на Сретенье. Совпадение показалось ему крайне странным и потому вызвало нешуточное беспокойство, которое лишь усилилось после того, как он прочел утренние газеты.

Неужели об этом поведал ему во сне таинственный голос — вот он, «знак»? Неужели это последнее предостережение? Тогда, пожалуй, знак этот был явлен многим, ибо ночь оказалась богатой на зловещие и необъяснимые происшествия: пациентов психиатрических лечебниц по всей стране охватило странное возбуждение, нормальные с виду люди совершали жуткие самоубийства — то есть, образно выражаясь, произошел выплеск магмы безумия. Кроме того, в двух центральных газетах сообщалось, что Чандлер Дэвис был помещен в психиатрическую клинику Вудхолм.

Дэвис, как выяснилось, изобразил жуткую картину под названием «Пейзаж Г'харне», и разгневанная домохозяйка тут же её сожгла. Это вызвало у художника приступ помешательства, от которого он так и не оправился. Более того, через несколько дней в тех же газетах появилось известие о смерти Дэвиса!

Будь Андерсон Тарп натурой не столь толстокожей, его честолюбивые планы не такими навязчивыми, а ощущения не притуплены постоянной близостью старой «кунсткамеры», он, возможно, и пережил бы ужас, знакомый лишь горстке людей. Но Андерсон был человек неотесанный и, в отличие от брата, от избытка фантазии не страдал. Все предзнаменования, свидетельства и предостережения он отбросил прочь уже через пару дней после памятного кошмара и сопутствующих ему аномалий. Иными словами, Тарп не оставил своих занятий, все еще надеясь раскрыть тайну зеленого света и единолично завладеть ею.

Время тянулось медленно, месяц за месяцем. Между тем, посетителей у Гробницы Великих Древних становилось все меньше и меньше, несмотря на отчаянные усилия Андерсона. Чем явственней сокращались сборы, тем больше он падал духом. И хотя он по-прежнему давал рекламные объявления в газеты, и время от времени в его «музей» заглядывали эксцентричные любители оккультных знаний, ни один из них так и не смог прибавить ничего существенного к тому, что ему уже было известно о мифологии Ктулху. Навязчивое желание отыскать разгадку отрывка из «Некрономикона» также оставалось неудовлетворенным.

Андерсон пару раз обращался к старому Гансу Мюллеру с просьбой перевести этот фрагмент, даже предлагал немцу немалые деньги, однако тот не проявил к его предложению ни малейшего интереса — говорил, что слишком стар для роли переводчика. Мол, зрение у него уже слишком слабое, а денег на его нехитрые нужды много и не надо. Кроме того, ему не нравилась сама книга. Однако старик скрыл от Андерсона, что увиденное им на ломких, пожелтевших страницах попросту не поддавалось переводу.

Таким образом, Андерсона в очередной раз постигло разочарование.

В середине октября угрюмый владелец Гробницы Великих Древних избрал новую тактику. Не важно, сколь упорно и скрупулезно Андерсон изучал книги покойного брата, все

равно ему не хватало знаний, чтобы должным образом проанализировать имевшуюся в его распоряжении информацию. Но ведь наверняка есть люди, посвятившие подобным исследованиям всю свою жизнь, и если не удалось завлечь их в свой шатер, значит, нужно просто написать им и изложить суть проблемы. Нет, конечно, ему уже приходилось просить содействия (у того же Титуса Кроу, к примеру), однако теперь он не станет обращаться к разного рода сектантам и оккультистам — исключительно к светилам науки. Следующие несколько дней он посвятил поискам адреса профессора Гордона Уолмсли из Гуля, всемирно известного специалиста по шифрам, чья книга «Комментарии к расшифровке кодов, криптограмм и древних надписей» вот уже почти семь месяцев хранилась в его передвижном домике. Пусть она и оказалась чересчур сложна для понимания, однако ее автору наверняка не составит труда расшифровать отрывок из «Некрономикона». Андерсон быстро набросал письмо профессору и в третью неделю октября отправил его по почте. Откуда ему было знать, что в это время Уолмсли выполнял поручение Археологического музея Буэнос-Айреса и усердно занимался расшифровкой иероглифов, обнаруженных в руинах древних сооружений на склонах горы Аконкагуа близ Сан-Хуана. Письма Андерсона Тарпа он не получил — точнее, добралось оно до него не сразу, поскольку было отправлено на его йоркширский адрес. Кроме того, ученый муж, увлеченный работой над аргентинской находкой, удостоил полученное послание лишь беглым взглядом. Позднее профессор обнаружил, что куда-то его засунул, и снова отыскать не смог. Так листок бумаги со зловещими письменами канул, на счастье, в небытие.

Тем временем Андерсон с нетерпением ожидал ответа и вместе с другими балаганщиками и обслугой луна-парка готовился к празднованию Хэллоуина. Дело было в Батли, небольшом городке в северо-восточной части Англии, на границе с Шотландией. Именно тогда, в двадцать седьмую ночь месяца, владелец «кунсткамеры» получил третье и последнее предупреждение. День выдался холодный и влажный, с моря дул сильный солоноватый ветер, вызвавший в памяти Андерсона неприятные образы.

Утром двадцать восьмого октября, проснувшись в мокрой от пота постели, Андерсон Тарп решил, что увиденный им невыразимый кошмар навеян вчерашней непогодой. От этого, однако, его воспоминания менее жуткими не стали.

Во сне он вновь побывал в затонувшем Р'лайхе, но на сей раз город предстал перед ним в грозной реалистичности, которой не доставало предыдущим видениям. Андерсон чувствовал на себе тяжкий груз океанической толщи, от которого, казалось, вот-вот раскрошатся кости, ощущал смертельный холод черной воды. Когда ему едва не выдавило глаза, Андерсон попытался закричать — и тогда ему в рот хлынуло море, разрывая горло, легкие и желудок сокрушительной массой, столь же плотной, как и металл. И хотя этот ужас длился всего секунду, Андерсон понял: в океанских глубинах, пред троном Повелителя Р'лайха, Великого Бога, на заре времени спустившегося на Землю с далеких звезд, он нашел собственную смерть, стал жертвой во имя всемогущего Ктулху...

Прошло четыре дня, но Тарп все еще содрогался при мысли о последнем сне. Впрочем, сейчас, провожая посетителей к выходу из шатра, он выбросил ее из головы. После этого Андерсон повернулся к единственному человеку, который не спешил уходить. Речь Тарпа звучала чисто механически; произнося ее, он освободил свой разум от всех мыслей, кроме необходимости разгадать главный секрет, который его брат унес с собой в могилу. Хайрам Хенли ответил ему взглядом, в котором читалось оскорбленное разочарование. Секунду помолчав, профессор заговорил:

— Это же надо, Гробница Великих Древних! Да вы настоящий шарлатан, сэр! — неприязненно произнес он. — Да я нашел бы куда более зловещие эпизоды в сказках братьев Гримм и разыскал бы больше раритетов на чердаке моей тетушки! Я надеялся, что ваша, с позволения сказать, экспозиция представляет хоть какой-то интерес, но, похоже, я ошибся. — Глаза посетителя саркастически блеснули за стеклами очков.

На какое-то мгновение сердце Андерсона застучало чаще обычного, но он постарался

взять себя в руки. Может, настал тот самый долгожданный момент истины?.. Может, все-таки стоит попытаться?

— Вы несправедливы ко мне, сэр. Более того, вы задели мои чувства! — с театральным гневом, которому научился за долгие годы общения с балаганщиками, выпалил он. — Неужели вы действительно поверили, что я выставлю на всеобщее обозрение бесценные археологические находки? Разве стал бы я помещать их здесь, перед ордами бестолковых обывателей, из десяти тысяч которых лишь один распознает их, не говоря уж о том, чтобы по достоинству оценить?! Подождите!

С этими словами Андерсон нырнул в отгороженный участок шатра, где находились раритеты Гамильтона, и через несколько секунд вернулся с бронзовой статуэткой размером с ладонь. Очертаниями вещица походила на продолговатого, безглазого кальмара. Однако, несмотря на отсутствие даже относительного сходства с каким бы то ни было земным существом, смотрелась она на удивление зловеще. Андерсон почтительно протянул статуэтку бывшему профессору.

— Что вы скажете об этом? — поинтересовался он. Выбрав наугад этот предмет из числа прочих в коллекции своего покойного брата, Андерсон надеялся, что он действительно может представлять «научный интерес».

Его выбор оказался в высшей степени удачным. Хенли буквально впился в статуэтку глазами; выражение его лица стало постепенно меняться. Он принялся внимательно разглядывать «музейный экспонат», после чего произнес:

— Это обитающее в глубинах Земли существо, Шудд-Мьель, или нечто в том же роде. Сходство удивительное, и вещь, безусловно, весьма древняя. Отлита из бронзы, но скорее всего изготовлена ранее бронзового века. — Интонация Хенли неожиданно смягчилась. — Где вы её взяли?

— Значит, она вас все-таки заинтересовала? — улыбнулся Тарп, не зная, что ему делать: то ли все объяснить, то ли вообще отказаться от объяснений.

— Конечно, заинтересовала, — кивнул Хенли, и чересчур поспешно. — Я действительно был к вам несправедлив. Это в высшей степени любопытная вещица! У вас... у вас есть еще что-нибудь подобное?

— Все мое время, — ответил Тарп, воздев руки в примиряющем жесте, с трудом сдерживая нестерпимое желание озвучить крайне важный для него вопрос. — Во-первых, кто вы такой? Вы же понимаете, что мои... вещи не предназначены для праздного любопытства, ведь они...

— Да, да, я вас прекрасно понимаю, — прервал его Хенли. — Меня зовут Хайрам Хенли. Я являюсь... точнее, раньше был профессором археологии и этнографии Мелдхэмского университета. Недавно я ушел оттуда, чтобы заняться собственными научными изысканиями. Признаюсь, что зашел к вам из любопытства. Один друг дал мне ваш входной билет, с забавным приглашением на обратной стороне... Скажу честно, ничего особенного я не ожидал увидеть, но...

— Но теперь вы увидели нечто такое, в реальность чего раньше не могли даже поверить, верно?

— Именно. А вы? Кто вы такой?

— Меня зовут Тарп, Андерсон Трап, я владелец этого... — он небрежно махнул рукой, — ...этого заведения.

— Отлично, мистер Тарп, — сказал Хенли. — Мне крупно повезло, что я встретил человека, чьи познания в выбранной мною области соответствуют моим и который обладает столь ценной коллекцией. — С этими словами он поднял бронзовую статуэтку к глазам и на мгновение впился в нее взглядом. — Вы можете... показать мне остальные экспонаты?

— Я позволю вам лишь бегло взглянуть на них, — туманно пообещал Андерсон, поняв, что Хенли прочно сел на крючок. — Может, заключим сделку? Точнее, обменяемся кое-чем...

— Чем? У меня ничего нет. Что вы имеете в виду?

— Вам нечего дать мне взамен? — ответил вопросом на вопрос Тарп, приподнимая

занавесь, закрывавшую вход в «музей», дабы Хенли мог шагнуть внутрь. — Но ведь вы, если не ошибаюсь, знаете древние языки?

— Древние языки всегда относились... — Бывший профессор не закончил фразу и шагнул внутрь. Здесь он остановился и обвел изумленным взглядом загадочные «экспонаты»: ...к сфере моих интересов. — Он снова сделал паузу и, вытянув руку, прикоснулся к идолу, затем к каменным табличкам, не в силах оторвать глаз от статуэток и тотемов. Наконец он повернулся к Тарпу. Лицо его покраснелось от возбуждения и... Трудно сказать, что это было. Благоговейный трепет? Страх? Осуждение? Все вместе? Что-то другое?

— Я не украл их, уверяю вас, — быстро произнес Тарп.

— Нет, разумеется, не украли, — согласился Хенли. — Но ведь это... бесценные сокровища давних эпох!

Андерсон уже больше не мог сдерживаться.

— Древние языки... вы понимаете их? Вы можете сделать перевод с древнего языка на современный английский?

— Разумеется, но при условии...

— Вы хотели бы обладать тем, что видите здесь? — бесперемонно прервал его Андерсон.

Хенли торопливо схватил за руку хозяина «музея».

— Вы... шутите?

— Нисколько, — покачал головой Тарп, стараясь придать как можно больше убедительности своему лживому ответу. — Я не шучу. В ходе моих изысканий я обнаружил нечто такое, что имеет для меня огромную, первостепенную важность. Мне нужен перевод фрагмента одного древнего текста. Точнее, мне нужен *оригинал* его произношения. Если вы сумеете разрешить мою проблему, все эти вещи будут вашими. Вы сможете... участвовать в этом.

— О каком фрагменте идет речь?! — воскликнул Хенли. — *Где* он?

— Идемте со мной.

— Но... — Хенли быстро сделал шаг в сторону и опять дотронулся затянутой в перчатку рукой до жутковатых экспонатов.

— Нет, нет. — Тарп отвел его руку в сторону. — Позже. У вас еще будет для этого время. Вернемся к моей проблеме. Сегодня ночью мы с вами встретимся здесь, и все это действительно станет вашим...

Бывший профессор послушно вышел вслед за Андерсоном из шатра и зашагал к его домику на колесах. Зайдя в свое жилище, Андерсон показал ученому переписанный от руки отрывок из «Некрономикона».

— Вы можете прочесть, что здесь написано? — требовательно осведомился Андерсон Тарп, с трудом скрывая возбуждение. — Сможете правильно прочесть отрывок?

— Мне понадобится немного времени и уединенное место, — последовал ответ. — Я, пожалуй, возьму этот отрывок с собой. И как только разберусь в нем...

— Когда? Сколько времени вам понадобится?

— К ночи управлюсь...

— Прекрасно. Я буду вас ждать. Здесь нас никто не потревожит. Сегодня празднуют Хэллоуин, и луна-парк будет открыт допоздна, но народ к этому времени устанет веселиться... — Тарп неожиданно поймал себя на том, что размышляет вслух, и быстро посмотрел на собеседника. Хенли бросил на него сквозь стекла маленьких очков странный взгляд. Очень странный взгляд...

— Здешние люди очень суеверны, — поспешил пояснить он. — Было бы неразумно открыто демонстрировать наш интерес к раритетам. Они слишком невежественны, и у меня уже возникали с ними неприятности. Им не нравятся кое-какие из этих вещей.

— Понимаю, — ответил Хенли. — Я сейчас пойду работать над переводом и вечером вернусь. При известной доле везения мне потребуется не слишком много времени. Давайте договоримся на полночь. — Он торопливо переписал фрагмент текста в записную книжку,

затем встал и пошел к выходу. Андерсон проследил за ним взглядом. Когда ученый муж скрылся из виду, Тарп громко рассмеялся, хлопнул себя по ляжке и отправился на поиски одного из парней, работавших на карусели с космическими ракетами.

Час спустя, к удивлению остальных балаганщиков, — как-никак, после двенадцати посетителей заметно прибавилось, — Андерсон Тарп запер Гробницу Великих Древних и отправился в свой домик. Он хотел попрактиковаться в пользовании магнитофоном, который купил по его просьбе в Батли один из коллег.

Как и все гениальное, последняя фаза его плана была на редкость проста. Разумеется, в его планы не входило выполнять обещание, данное Хенли. Он лишь запишет на магнитофон зачитанный вслух отрывок, после чего...

Если текст заклинания будет озвучен неверно, то, разумеется, «сделка» не состоится; тогда бывший профессор навсегда исчезнет, и больше о нем никто не услышит. Но что, если заклинание сработает?.. Тогда Хайрама Хенли тем более нельзя оставлять в живых, чтобы он никому не рассказал о хозяине Гробницы Великих Древних и его необычном предложении. Ему придется исчезнуть в загадочном зеленом свете. Гамильтон, помнится, называл этот трюк «жертвоприношением Великому Ктулху».

И все же что-то в коротышке-профессоре не давало Андерсону покоя — и его внимательный взгляд, и готовность сделать все, что от него хотели. Андерсону вспомнился недавний сон, а затем и другие, более ранние кошмары. Он даже передернулся от омерзения — и вновь подумал, что безумные утверждения брата оказались не так безумны, как представлялось на первый взгляд. Но каковы все же его шансы? Впрочем, не важно, что это — наука или магия, конечный результат все равно одинаков. Андерсон азартно потер руки. Похоже, что ему наконец-то привалила удача...

В полночь посетители ярмарочного городка начали расходиться. Глядя, как они один за другим исчезают в промозглой темноте, Андерсон порадовался, что снова начал накрапывать дождь — если б не он, разгоряченный празднованием Хэллоуина народ наверняка бы задержался, и огни аттракционов еще долго горели бы, а музыка продолжала звучать до глубокой ночи. Но окончательно все утихло лишь час спустя, и теперь был слышен лишь шум дождя, барабанившего по парусине шатров и крашеным металлическим поверхностям киосков и каруселей. Наконец, свет в луна-парке полностью погас, а его работники разошлись по своим вагончикам и улеглись спать. Вскоре после этого послышался стук в дверь. Странно, но сторожевые псы, обычно такие бдительные, ничем не возвестили о приходе ночного посетителя. Возможно, они просто не отличили запоздалого гостя от тех, кто недавно покинул территорию ярмарочного городка.

Войдя внутрь, Хенли тотчас же заметил вопрошающий взгляд Тарпа.

— Да-да, я все принес. Похоже, это действительно что-то вроде заклинания — призыв, обращенный к безгранично могущественным силам. Сейчас я зачитаю вам текст...

— Нет, нет! Не здесь!.. — оборвал его Андерсон. — Сейчас я включу магнитофон. Он стоит в шатре. Пойдемте!

Ничего не сказав, Хенли покорно последовал за Тарпом, и вскоре они оказались в заветном уголке, где хранились бесценные раритеты далеких эпох, пленившие его воображение. Тарп щелкнул выключателем, и вспыхнула тусклым светом электрическая лампочка. Включив магнитофон, Андерсон сказал ночному гостю, что готов слушать заклинание. Хенли ответил не сразу. Встав рядом с идиолом, он повернулся лицом к Андерсону и смерил его пристальным взглядом.

— Вы... уверены? — спросил он владельца коллекции. — Вы уверены, что это действительно вам нужно?

— Что? — нервно ответил вопросом на вопрос Андерсон. В нем шевельнулось дурное предчувствие. — Конечно, уверен. Но что вы имеете в виду под «этим»?

Хенли печально покачал головой.

— Ваш брат оказался глуп — он даже не подозревал, что рано или поздно вы натворите столько бед!

Глаза Тарпа расширились, от удивления он раскрыл рот.

— Полиция! — с трудом взяв себя в руки, прохрипел Андерсон. — Вы из полиции!

— Ничего подобного, — успокоил его Хенли. — Я действительно тот, за кого себя выдаю... более того, сейчас я вам это докажу!..

Звуки, которые Хенли произнес в следующую минуту, в точности воспроизводили богомерзкую абракадабру. Хотя намек бывшего профессора, что судьба Гамильтона для него не тайна, и выбил Тарпа из колеи, больше его поразило другое: едва нечеловеческое заклинание смолкло, как в полукруге табличек возникли лучи призрачного зеленого света. Ему все стало ясно. Кем бы ни был этот Хайрам Хенли, полицейским или действительно университетским профессором, с ним нужно кончать. Правда, это и без того было у Тарпа на уме — разделаться с Хенли, как только тот сделает свое дело. И вот все готово. Заклинание записано на магнитофонную ленту, и теперь он может вызывать смертоносный зеленый свет в любое время, когда пожелает. Не исключено, что Хенли когда-то был коллегой Гамильтона. Может, это брат рассказал ему о своем увлечении? Или он сам догадался? Впрочем, какая разница...

Хенли повернулся спиной к Андерсону и протянул руки к каменному идолу, озаренному зловещим зеленым сиянием. Однако в тот момент, когда балаганщик выхватил из кармана нож, он обернулся и, странно улыбаясь, посмотрел ему прямо в глаза. Похоже, профессор несколько не испугался — лишь улыбка сменилась печалью на его лице.

— Нет-нет, мой друг! — покачив головой, произнес Хенли.

Дальнейших слов Андерсон Тарп не услышал — как и в прошлый раз, зеленый свет лишил окружающий мир всех до единого звуков.

Балаганщику неожиданно стало страшно, однако он знал, что делать. Хотя в шатре было намного холоднее, чем бывает обычно в середине осени, на лбу Андерсона выступили бисеринки пота. Сжимая в руке нож, он двинулся на ночного гостя и в следующее мгновение вскинул руку для удара, но неподвижная до того фигура Хенли вдруг дернулась в сторону.

Это движение не укрылось от Тарпа, чьи губы тотчас застыли в беззвучном зверином крике, в котором смешались животный ужас и обычный страх. Черные перчатки Хенли упали на пол, и Тарп едва не выронил нож, так и не нанеся смертельного удара. У него на глазах из пальцев Хенли полезли наружу толстые белые черви и самым омерзительным образом принялись извиваться на полу павильона.

В следующую секунду, скорее от испуга и отвращения, нежели путем логических рассуждений, Андерсон осознал, что никакой Хенли не преподаватель, а самый настоящий жрец Ктулху! Следовательно, с ним нужно кончать. Своей жуткой червивой рукой лжепрофессор попытался отразить его удар. Лица его было не узнать. Еще мгновение — и отрубленная кисть с извивающимися червями отлетела на усыпанный опилками пол, а с губ монстра сорвался безмолвный крик. «Хенли» взмахнул изуродованной рукой, и в лицо Тарпу полетели брызги белой слизи.

Андерсон вслепую нанес несколько ударов, что-то несвязно и беззвучно бормоча. Левой рукой он тем временем пытался вытереть с лица мерзкую белесую жижу. Удары не попали в цель: «Хайрам Хенли» успел отскочить в сторону.

Тарп, все так же вслепую, хотя и с удвоенной яростью, принялся наносить ножом удары по окружавшему его зеленому пульсирующему пространству, с каждым мгновением приближаясь к ядру зловещего свечения. Неожиданно клинок вонзился в нечто похожее на подгнившую плоть. На мгновение уверенность вернулась к Андерсону; он с трудом открыл глаза и увидел, куда пришелся удар.

Из самого ядра зеленого света кольцами выползло нечто длинное и тонкое, осклизлое и покрытое омерзительными пятнами, пахнущее морскими глубинами и подводными водорослями... Это было щупальце — лицо-щупальце, понял Тарп, — конвульсивно подергивающееся, как подергивается рука спящего человека.

Действуя чисто рефлекторно, он нанес еще один удар. Увы, лезвие не причинило щупальцу никакого вреда: оно словно вонзилось в жидкую грязь. Место, по которому

скользнула сталь, тут же заросло. В следующее мгновение нож вывалился из руки Андерсона. Гигантское щупальце метнулось в его сторону, и Тарп издал последний безмолвный крик.

Конец щупальца, словно обладая самостоятельным разумом, захлестнулся петлей вокруг горла Андерсона и с силой сдавил его. Затем последовал резкий рывок — и чудовище втащило несчастного в самое ядро зеленого света. В последнее мгновение жизни Тарп разглядел на огромном лице глаза — адские глаза, которые приоткрылись лишь на секунду, чтобы взглянуть на него. И Тарп понял: он — жертва Ктулху...

После этого зеленое свечение стало ослабевать, и вскоре в шатер вернулись привычные звуки. Хайрам Хенли натянул на руки перчатки. Стараясь не обращать внимания на боль от ножевого ранения, он заговорил нараспев:

О, Великий Ктулху, спящий в Р'лайхе,
Жрец твой приносит тебе жертву,
Дабы ускорить твой приход
И приход иных Спящих.
Я, твой жрец, прославляю тебя...

Как только ядро зеленого света уменьшилось в размерах, он опрокинул в него фигурку идола. За идолом последовали таблички и прочие предметы седой древности. Вскоре в шатре ничего не осталось. Хенли охотно оставил бы все эти предметы себе, однако приказ, полученный им во сне из Р'лайха, не допускал подобных вольностей. Как только будет найден жрец на смену Гамильтону Тарпу, Великий Ктулху найдет способ вернуть эти вещи в свой Храм.

«Хенли» погасил последние лучи тусклого света. На его глазах зеленое сияние стало быстро съезживаться, пока не превратилось в крошечную точку, но вскоре погасла и она. Остался лишь запах моря да темный осклизлый круг на посыпанном опилками полу...

Некоторое время спустя работники и обитатели ярмарочного городка были разбужены сиреной пожарной машины, примчавшейся к охваченному пламенем кругу полотняных шатров, киосков и передвижных вагончиков. Это пылали домик Андерсона Тарпа и принадлежавшая ему Гробница Великих Древних.

Спасти ничего не удалось. Помогая тушить пожар, обитатели луна-парка не заметили, что их собаки вновь испуганно забились под передвижные домики. Впрочем, позднее они искренне удивились, узнав, что полиция так и не обнаружила останков Андерсона Тарпа.

Нехватка одного из аттракционов ярмарки после гибели в огне «паноптикума» была вскоре восполнена появлением шатра «мадам Зала», чья владелица вместе с лошадью и передвижным домиком вернулась в луна-парк после загадочного пожара. Произошло это через неделю после трагических событий. Мадам Зала по-прежнему колесит по градам и весям вместе с другими балаганщиками Беллы Ходжсон, но никогда не вспоминает о братьях Тарп. В отдельные дни года, хорошо известные всем, кто обладает хотя бы самыми скромными познаниями в области оккультных наук, она порой осеняет себя давно забытым языческим крестом...

Порча

Над этой повестью я работал с декабря 2002 по январь 2003 года. Написана она специально по просьбе редактора Стивена Джонса для его антологии «Странные тени над Инсмутом», посвященной портовому «городку с дурной репутацией», плоду фантазии Лавкрафта. Населен Инсмут Глубоководными — амфибиями, внешне похожими на людей, но стоящими на более низкой ступени развития и поклоняющимися Владыке Ктулху в его обители Р'лайх. «Порча» — одно из немногих произведений по Мифам Ктулху, вышедших из-под моего пера в последние годы. Если не считать неизбежных, даже обязательных

декораций и прочего, эта повесть довольно быстро отстраняется от литературного влияния Лавкрафта, чтобы стать на все сто процентов оригинальным произведением. По моему мнению, она ничуть не уступает «Рожденному от ветра», написанному тридцатью годами ранее. «Порча» увидела свет в издательстве «Fedogan & Bremer», в вышедшей ограниченном тиражом антологии «Странные тени над Инсмутом». Публикация была приурочена ко Всемирному конвенту фэнтези, состоявшемуся в городе Мэдисон, штат Висконсин, в ноябре 2005 года.

Джеймс Джеймисон посмотрел в бинокль на фигуру на пляже — одинокого парня у самой кромки моря — и заговорил:

— В его возрасте я и сам мечтал об этом. Бродить по берегу моря, сочинять книги — быть может, даже стихи. Или просто шататься по белу свету... Но у моих стариков были иные планы на этот счет. Что ж, может, оно и к лучшему. «От твоей поэзии никакой пользы, сынок. От пустых мечтаний и безделья — тоже». Это слова моего отца, врача по профессии. Каков отец, таков и сын, верно я говорю? — Он опустил бинокль и улыбнулся своим спутникам. — И все равно мне кажется, что такая жизнь была бы по мне.

— Бродить по берегу моря, значит? Я бы тоже не отказался, — произнес Джон Тремейн, немолодой директор технического колледжа в Сент-Остелле. — Вдыхать запах моря, любоваться бескрайним горизонтом, ощущать, как ветер треплет твои волосы, слушать крики чаек? Уж лучше это, чем вечно срывать голос, призывая к порядку несносных сорванцов. Ах да! Еще любоваться солнечными бликами на волнах, чувствовать тепло песка под ногами, когда он просачивается между пальцев, — согласитесь, кто перед этим устоит? Но увы... Уже поздно, не тот возраст, да и профессия у меня не та. — Он покачал головой. — Спасибо, лучше не надо. И не надейтесь увидеть меня во время отлива прогуливающимся «руки в брюки» или роющимся в груде водорослей. — Он на мгновение остановился, пожал плечами, а потом продолжил: — По крайней мере не теперь. Хотя, с другой стороны, когда я был молод и вел уроки изобразительного искусства и труда, преподавал плотницкое и столярное ремесло, вообще работал с деревом, — в смысле, обрабатывал его, а не блуждал по лесам... вот тогда было самое время для таких прогулок. Да я, в общем, и гулял... Да-да, представьте себе. Ведь когда приходит осень, к берегу прибывает самые лучшие куски.

— Куски? — На миг Джилли Уайт вернулась на землю из заоблачных высей, где витали ее мысли, и растерянно заморгала красивыми зелеными глазами, переводя взгляд с одного собеседника на другого в надежде понять, о чем речь. — Извини, Джон, я прослушала...

— Да, куски дерева, — улыбнулся директор колледжа. — Когда ветер дует с моря, все эти кривые, отполированные песком коряги запутываются в водорослях. Отбеленные морской солью, узловатые, перекореженные... Те дни давно прошли, но... — Он вздохнул, снова пожал плечами и лишь затем закончил фразу: — Но если я когда и был бродягой, то именно тогда.

На это Дорин — его высокая, стройная, чуть высокомерная, но в целом очень даже симпатичная жена — заметила:

— Вы же часто у нас бываете, Джилли. Разве не помните работы Джона? А поначалу это были простые коряги, Джон выловил их из моря.

И все обратили взоры на Джилли.

Всего их было четверо — пятеро, если считать дочь Джилли Уайт, Энн, которая с книгой в руках устроилась с подветренной стороны песчаной дюны, примерно ярдах в двадцати пяти от них, и потому не могла слышать разговора. Над её головой, словно брови закопанного в песок великана, торчали султанчики травы, а сама девочка, свернувшаяся калачиком, могла сойти и за глаз. Именно там и пребывала мыслями Джилли Уайт — рядом с пятнадцатилетней дочерью, у дюны, а еще — с одиноким бродягой у кромки воды, там, где пенился прибой и песок потемнел от влаги.

Все как одни были в куртках и свитерах, призванных защищать хозяев от ветра — тот брал не столько силой, сколько упорством. На таком ветру недолго застудить уши, а потом он

все равно найдет способ пробраться к вам под одежду. К тому дело и шло. До конца сентября было еще далеко, но ветер дул почти уже по-зимнему.

— Работы Джона? — опять переспросила Джилли. Мыслями она по-прежнему находилась далеко, хотя физически сидела вместе со всеми на веранде доктора (вернее, бывшего доктора) Джеймса Джеймисона, с которой открывался вид на пляж. Наконец она опомнилась: — Ах, его работы! Из плавника... Да-да, разумеется, я обратила на них внимание, и скажу честно, они мне понравились. Вы уж извините, что я сразу не поняла. Когда вы сказали «куски», мне подумалось об осколках. Словно что-то разбилось на куски, понимаете?

Джеймисон подумал: «А ведь она и сама очень хрупкая. Еще не сломалась, но трещины уже поползли, и долго может не выдержать...»

Чтобы отвлечь внимание от Джилли, он сказал:

— Моряцкая резьба, говорите? Как, однако, интересно. С удовольствием бы взглянул на ваши работы.

— В любое время, — ответил Трмейн и добавил: — Не считите за грубость, Джеймс, но я вас поправлю: это не моряцкая резьба.

— Вот как? — удивился его пожилой собеседник. — Что же это тогда такое?

Трмейн уже открыл рот, но жена его опередила:

— Моряцкой резьбой занимались в прошлом китобои. — Дорин не любила обращаться к людям по именам. — Впрочем, это тоже своего рода искусство.

И недовольно насупив брови, — не иначе как её раздражал беспрестанный ветер, — она на миг умолкла, откинула с лица непослушную прядь и лишь затем продолжила объяснения:

— Так называют странные орнаменты, которые наносят на морские раковины, китовый ус и тому подобное.

— Ах да! — воскликнул Джеймс. — Ну конечно же!

Взглянув на бледную Джилли, которую, хотя она и укуталась поплотнее, уже начинала бить дрожь, он тепло ей улыбнулся и произнес:

— Вот видите, милая Джилли, не вы одна сегодня путаетесь. Коряги, моряцкая резьба, да еще этот ветер — а он, между прочим, усиливается и, того гляди, выдует нам мозги... Неудивительно, что мы уже забываем, о чем шла речь. Может, лучше вернемся в дом, как вам такая идея? Думаю, нам всем не помешало бы выпить по рюмочке коньяку. Заодно угощу вас кое-чем: оказывается, в деревенской пекарне делают отличные пироги с дичью. Тогда я по крайней мере буду спокоен, что накормил вас, напоил и обогрел, прежде чем отпустить по домам.

Но чуть только его гости гуськом направились в дом, бывший доктор тотчас схватил бинокль и вновь окинул взглядом пляж. В этом глухом, пустынном месте вряд ли увидишь на берегу много народу, а в такое время года — вообще ни души. Искатель раковин еще не ушел. Ссутулившись и низко склонив голову, он все также брел по влажному песку. Похоже, дочка Джилли, эта книгочейка и тихоня, наконец заметила его. Более того, она встала и направилась вдоль берега ему навстречу.

В это мгновение ему на плечо легла рука Джилли. От неожиданности Джеймисон вздрогнул.

— Все нормально, — негромко сказала она (даже как-то заговорщически, подумалось доктору), — вы не беспокойтесь. Молодой Джефф и Энн — друзья. Они вместе ходили в школу... по крайней мере какое-то время. Они ведь еще совсем дети.

— Батюшки-светы! — Джеймисон заморгал старческими, с поволокой глазами. — Надеюсь, вы не подумали, будто я за ними слежу? Вернее, за вашей дочерью. А что касается этого... как его зовут, Джефф?

— Все нормально, — повторила Джилли и увлекла его за собой в дом. — Говорю вам, нет никаких поводов для беспокойства. Вы наверняка уже не раз встречались с ним в деревне, и не исключено, что он даже вызвал у вас профессиональный интерес. На самом деле Джефф безобидное существо, уж поверьте мне...

Джилли ела медленно — вероятно, не желая участвовать в разговоре. Когда Тремейны собрались уходить, она еще не успела доесть свою порцию.

— В любом случае, — проговорила она, — мне нужно дождаться Энн. Она скоро вернется... Ей строго велено возвращаться домой, как только начнет темнеть.

— А вас не пугает, что она гуляет по берегу с местным идиотом? — Слова Джона прозвучали как-то слишком резко. Возможно, он пожалел о своей несдержанности, потому что тотчас прикусил губу и отвернулся, пока Дорин помогала ему надеть куртку.

— Не обращайтесь внимания на моего мужа. — Дорин изобразила, правда неубедительно, некое подобие улыбки. — По его мнению, все дети идиоты. Вот что бывает, если всю жизнь проработаешь учителем.

— Лично я предпочитаю думать, что парню просто не повезло, — подала голос Джилли. — И, конечно, в прибрежной деревушке люди вроде него сразу бросаются в глаза. Но я рада, что они с Энн... друзья.

— Вы, разумеется, правы, — поспешил загладить оплошность Джон. — Не исключено также, что я неправильно выбрал профессию. Но в целом Дорин права. Когда весь день работаешь с детьми, особенно с подростками, да особенно в наше время, когда на какого-нибудь поганца даже голос повысить нельзя, не говоря уже о том, чтоб хорошенько поддать по мягкому месту...

Дорин, уже в дверях, вздернула подбородок:

— По-моему, я ничего такого не говорила. Во всяком случае, таких грубостей!

— Ну, ты меня и без того прекрасно понимаешь, — проворчал Джон и поплелся вслед за супругой, тотчас наткнувшись на нее, потому что она остановилась на крыльце. Затем — почти в унисон, будто враз вспомнив о хороших манерах — оба заглянули внутрь, чтобы поблагодарить хозяина дома за гостеприимство.

— Не стоит благодарности, — ответил тот, — к тому же я скоро и сам загляну к вам в гости. Хочется поглядеть на ваши работы.

— Будем только рады, — отозвался Джон.

— Можете заглянуть в любое удобное для вас время, вечером или в выходной день, — добавила Дорин. — Мы так рады, доктор, что вы поселились в наших краях!

— А не пора ли уже звать меня Джеймсом? — Джейми сон помахал им на прощание, закрыл дверь, повернулся к Джилли и вопросительно вскинул кустистую бровь.

— Согласна, слегка напыщенные, но ведь соседи, — пожала она плечами. — А то ведь здесь подчас бывает так тоскливо...

Они подошли к широкому окну и проводили взглядом машину Тремейнов, которая покатила по дороге к дому, расположенному менее чем в миле отсюда. Джилли жила еще примерно в полумиле от них, а крошечная деревушка — вернее, скопище старых рыбацких домишек — прилепилась к берегу еще примерно в пятистах ярдах дальше. Отсюда её не было видно — мешал скалистый, выступающий в морс мыс, который назывался Южным. На дальнем конце деревни располагался его близнец, Северный. Вместе они образовывали укромный залив с рыбацкой гаванью.

Джеймсон наблюдал за автомобилем Тремейнов, пока тот не исчез из виду, после чего обернулся и с едва скрываемым восхищением посмотрел на Джилли. Поймав на себе его взгляд, она слегка наклонила голову и спросила:

— Что-то не так?

Пойманный, так сказать, с поличным, старик смутился и ответил:

— Дорогая, надеюсь, вы не станете возражать, если я скажу вам, что вы очень привлекательная женщина? И хотя я в этих краях человек относительно новый, достойных холостяков в деревне я пока что-то не заметил.

Джилли нахмурилась. С ее губ был готов сорваться вопрос — или возможно даже, язвительная отповедь, по доктор ее опередил.

— Виноват, виноват, — он даже вскинул руки, — понимаю, это меня совершенно не

касается. К тому же я постоянно забываю, что ваш муж...

— Умер всего полтора года назад, — закончила за него Джилли.

Старик вздохнул.

— Мои манеры ничуть не улучшились с возрастом, — произнес он. — Я приехал сюда в надежде обрести покой и уединение. В надежде, что прошлое позади... Увы, я ошибся; похоже, у меня просто духу не хватит оставить врачебную практику. Для моих пациентов я целитель, исповедник, защитник и друг. Я и думать не могу, что вновь окажусь в этой роли.

Джилли покачала головой, грустно улыбнулась и сказала:

— Джеймс, я ничего не имею против ваших комплиментов, заботы и даже любопытства. Мне... мне даже приятно осознавать, что до меня еще кому-то есть дело. Что кому-то я еще нужна.

— Но ведь вы нахмурились.

— Да, но вовсе не из-за ваших слов, — ответила она, — а из-за того, как вы их произнесли. Вернее, из-за вашего акцента.

— Моего акцента?

— Да, он почти такой же, как у моего мужа. Он, как и вы, был американец.

— Вот уж не знал. И у него был похожий акцент? Акцент уроженца Новой Англии, я вас правильно понял? — Неожиданно в голосе доктора Джеймисона зазвучали новые, тревожные нотки, столь не похожие на отеческую заботу, какую он проявлял к Джилли раньше. — Могу я поинтересоваться, откуда он был родом? Из какого города?

— Джордж был родом из Массачусетса, из какого-то прибрежного городка — вроде нашего поселка, наверное. Господи, да как же он назывался? Ипсвич? Аркхем? Или, может, Инсмут? Он частенько упоминал все три названия, поэтому точно сказать не могу. Признаюсь честно, в том, что касается американской географии, я полный ноль. Но если вам интересно, могу поискать его свидетельство о рождении. Оно должно было сохраниться...

Хозяин дома сел и жестом предложил гостю последовать его примеру.

— Интересно? — переспросил он. — Пожалуй, нет. Лучше не будить спящую собаку.

— Спящую собаку? — Джилли в очередной раз нахмурилась.

Доктор глубоко вздохнул и лишь затем ответил:

— Видите ли, несколько месяцев — подчеркиваю, всего несколько месяцев — я практиковал в Инсмуте. Весьма странное место, надо сказать, даже для наших времен. Хотя нет, зачем забивать вам этим голову...

— А вот теперь уже интересно мыслить! — воскликнула его гостя. — Что же было в нем странного?

— Ну, раз уж вам интересно... Главным образом, население — дегенераты, отпрыски близкородственных браков, умственно отсталые... в общем, такие же, как ваш Джефф. Да, я как-то раз столкнулся с ним и не мог не обратить на него внимания... есть в нем нечто такое, что тотчас бросается в глаза... — Старик осекся: от него не ускользнуло, как дрожат на подлокотниках кресла руки Джилли. Заметив на себе его взгляд, она переложила их на колени и крепко сжала — так, что костяшки пальцев побелели. Очевидно, что-то в его словах не на шутку ее встревожило. Доктор поспешил сменить тему:

— Ладно, давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом, — предложил он, выпрямившись в кресле. — И примите мои извинения — зря я коснулся частных дел. Но такая женщина, как вы, молодая, привлекательная — и в такой глуши... Вам следует уже сейчас задуматься о будущем. Да вы, наверное, и сами понимаете, что пора отсюда уезжать, пора покинуть это место. Пока вы здесь, вас будут вечно преследовать воспоминания. А как говорится в одной старой поговорке, с глаз долой...

— ...из сердца вон? — закончила она за него.

— Что-то в этом роде, — кивнул он. — У вас еще есть шанс начать жизнь заново — в другом городе, большом или не очень, лишь бы в нем нашелся хоть один достойный холостяк. — Он кисло улыбнулся. — Извините, я опять вторгаюсь в вашу личную жизнь.

Джилли не ответила на его улыбку, а лишь сказала:

— Я действительно подумываю о том, чтобы уехать отсюда. Причем уже довольно давно, однако есть причины, которые меня держат здесь. Во-первых, прошло не так уж много времени с тех пор, как Джордж... с тех пор, как он...

— Я понимаю, — кивнул Джеймисон. — Еще не настал подходящий момент или у вас просто нет сил, чтобы приступить к осуществлению ваших планов.

— А во-вторых, продать коттедж будет не так уж легко — по крайней мере за приличную цену. Вам же ведь дом достался фактически даром, не так ли?

Доктор снова кивнул.

— Когда люди умирают или перебираются в другие края, их дома остаются пустовать, так? Если кто-то и переезжает в эти места, то одни старые скряги вроде меня.

— И в этом нет ничего удивительного, — сказала Джилли. — В деревне нет ни школы для детей, ни работы для взрослых. Рыболовство вот уже много лет как не приносит никаких доходов... Правда, последние пару лет дела пошли немного лучше. А магазины и развлечения? Ближайший супермаркет расположен в Сент-Остелле! Когда погода портится, старая дорога превращается в западню — одни рытвины да ухабы, а временами ее полностью размывает. Так что кому, скажите на милость, захочется здесь жить? Разве что горстка отдыхающих приедет в летние месяцы да, совсем уж редко, люди вроде вас, пенсионеры. И кроме того...

— Да? — Он хитро попытался повернуть разговор в нужное русло: — Джилли, в ваших словах кроется противоречие. Несколько блестящих доводов в пользу того, чтобы уехать — и пара очень неубедительных, чтобы остаться. Или я чего-то не знаю?

Она на какое-то время погрузилась в себя, и руки ее, словно пара испуганных птиц, вновь опустились на подлокотники кресла...

— Все дело в моей дочери, — сказала она, помолчав какое-то время. — В Энн. Если мы здесь и останемся еще на какое-то время, то только из-за нее...

— Вот как?

— Видите ли... Она берет уроки игры на фортепьяно у мисс Хардинг из деревни и дважды в неделю изучает иностранные языки в вечерней школе в Сент-Остелле. Она обожает эти занятия. Она у меня уже, можно сказать, настоящая переводчица. У нее все так здорово получается, и не хотелось бы так резко все обрывать.

— Языки, говорите? — Брови старика вопросительно выгнулись. — Что ж, думаю, как переводчица она не будет иметь недостатка в работе. Или же, на худой конец, реализует себя на преподавательском поприще.

— Вот и я тоже так считаю! — горячо подхватила Джилли. — В этом я вижу ее будущее. У нее дар к языкам. Представляете, она даже понимает жесты!

— Жесты?

— Ну да, язык глухонемых.

— Ах да, понятно. А как насчет высшего образования?

— Школьные отметки у нее хорошие, — поспешила пояснить Джилли. — Так что проблем с поступлением в университет у нее не возникнет. Хотя ведь есть и такие люди, которым это ни к чему. К тому же, если быть до конца откровенной, она у меня домоседка. Вряд ли ей будет хорошо среди чужих людей...

И вновь Джеймисон понимающе кивнул.

— Предпочитает общество себя самой.

— И ведь она еще такая юная! — добавила Джилли. — Я тоже когда-то была такой. И знаю, что у всех у нас бывают в жизни трудные периоды. Она и без того слегка нервная — в смысле, на ней сказались смерть отца и все такое прочее... Так что с переездом, думаю, придется повременить. Вот и все.

Дав понять, что не намерена больше развивать эту тему, Джилли повернула разговор в другое русло — точнее, вернулась к тому, с чего он и начался.

— Знаете, — произнесла она после небольшой паузы, — может, с моей стороны это и

нездоровый интерес, но вы заинтриговали меня своим рассказом об Инсмуте... о его странных обитателях.

«Обитатели, — повторил про себя Джеймисон. — Да, слово самое то».

В принципе ничто не мешало ему произнести это вслух. Но пару мгновений назад, когда Джилли еще не закончила фразу, дверь на веранду открылась и в комнату вошла Энн. Девочка на секунду застыла в дверном проеме на фоне вечернего неба, вопросительно глядя на старика и мать. Волосы ее колыхал ветер. Лицо девочки было болезненно-бледным, взгляд огромных зеленых глаз холоден и колюч. Наверно, она слишком долго гуляла по пустынному пляжу и успела сильно озябнуть.

Прикрыв дверь, она подошла к камину и стала греться.

— О чем ты сейчас говорила, мама? — поинтересовалась она у Джилли. — Ты что-то сказала про «странных обитателей».

Та в ответ лишь пожата плечами:

— То, о чем мы говорили, касается лишь нас с мистером Джеймисоном. Что-то ты у меня чересчур любопытная.

С возвращением Энн их беседа иссякла сама собой. И когда Джеймисон задерживал шторы, он вновь заметил на фоне песчаных дюн понурый силуэт Джеффа. Отбрасывая длинные уродливые тени, парень медленно брел в сторону деревни.

Что ж, самое время везти Энн и Джилли домой.

Целую неделю стояла непогода. Все это время Джеймс Джеймисон сидел в кресле возле окна и смотрел поверх веранды, дюн и полосы пляжа на ревуший, бушующий океан. Но сколько бы ни лил дождь, как бы ни бесновался прибой, как бы ни раскалывали небо молнии в лохматых тучах, рано или поздно среди дюн возникала знакомая долговязая фигура. «Молодой Джефф», как выразилась Джилли Уайт, несчастный парнишка из рыбацкого поселка...

Иногда этот мальчик — или молодой человек, раз уж на то пошло — одиноко брел вдоль линии прибоя, а иногда и вплотную к воде, шлепая прямо по пене, когда волны накатывались буквально ему под ноги. Джеймисон наблюдал за ним в дорогой, мощный бинокль и время от времени брал в фокус лицо Джеффа.

Наклонный лоб и почти лысая голова, широкий рот с мясистыми губами, глаза навывкате и чешуйчатая шишка на месте подбородка, из которой в разные стороны торчала щетина... И кожа — сама по себе грубая, да еще эти странные складки и наросты, особенно между ушами и воротником...

Однажды днем, ближе к концу недели, когда погода слегка успокоилась, Джеймисон также заметил на пляже и Джона Тремейна. Похоже, дорогу, связывающую поселок с внешним миром, снова размыло, и директор школы смог на пару деньков забыть про опостылевшую работу и посвятить себя любимому занятию. И верно, шагая вдоль линии прибоя, он время от времени наклонялся, чтобы получше рассмотреть прибившийся к берегу кусок дерева. В это же самое время на пляже находился деревенский дурачок, и пути их пересеклись. Джеймс наблюдал за ними, пока они не встретились на визире его бинокля.

Тремейн согнулся над темным лоскутом водорослей, а Джефф вышел на него из-за дюны. Вот и встреча... Директор школы, завидев парня, мгновенно выпрямился и отшатнулся прочь. Более того, он принял угрожающую позу, подняв над головой массивный, узловатый сук. Парень тотчас замер на месте и остался стоять, растерянно болтая руками. Безвольный его рот то открывался, то закрывался вновь в немом протесте.

Что это было со стороны Тремейна — отвращение, ненависть или откровенный ужас? А может, дело просто в неожиданности? Джеймисон так и не смог определиться. Но так или иначе, нелюбовь Тремейна к «наглым щенкам», похоже, приобретала гипертрофированные масштабы в отношении тех, кто был не столько нагл, сколько убог.

Впрочем, сцена эта длилась считанные секунды и закончилась, едва начавшись. Тремейн поспешил домой, а Джефф остался стоять, непонимающе глядя ему вслед. Конец

первого действия. Но и увиденного Джеймсу Джеймисону хватило, чтобы вспомнить о собственном обещании навестить к Тремейнам в гости и полюбоваться на скульптуры из древесины. Что ж, чем не причина нанести визит?

В субботу Джеймисон уточнил по телефону, остается ли приглашение в силе, и в воскресенье вечером преодолел пустынную милю до дома своих ближайших соседей. Машину он оставил на обочине дороги. Поскольку здесь, кроме его собственного, стояли лишь дома Джилли Уайт и Тремейнов, вряд ли она кому-нибудь помешала бы.

— На днях видел вас у моря, — бросил старик Джону Тремейну, удобно расположившись в кресле с бокалом вина в руке. — Смотрю, вы любитель копаться в песке и водорослях.

Хозяин дома кивнул:

— После того разговора во мне снова проснулся азарт. Уже нашел парочку очень приличных коряг.

— У вас наметанный глаз, — польстил ему Джеймисон, причем не без умысла. — Кстати, если не ошибаюсь, в этой комнате как раз выставлено несколько ваших шедевров. Вы не обижайтесь, но для меня это не столько творение рук человеческих, сколько результат работы ветра, морских волн и песка, благодаря которому вы просто вернули к жизни куски дерева при помощи наждака и лака, фантазии и непревзойденного мастерства. Думаю, не будет преувеличением сказать, что вы подарили им новую, впечатляющую жизнь!

— Вот как? — удивился Тремейн. Он принял лесть Джеймисона за чистую монету, не распознав в ней уловку, при помощи которой гость хотел втереться к нему в доверие. Поварившись немного в этом замкнутом, изолированном мирке, старый врач не сомневался: директор школы и его супруга будут в курсе всех местных событий. И здесь он наверняка получит ответы на все интересующие его вопросы — особенно те, которых никак не мог добиться от Джилли.

Джеймисон подозревал (или скорее был уверен), что какие-то обстоятельства чуть не довели Джилли до нервного срыва. Но о каких обстоятельствах идет речь? Здесь так много оставалось неясностей, так много недосказанного... Прежде чем принимать какие-либо решения и тем более уж приступать к делу, нужно все выяснить...

Вот почему бывший врач коротал теперь вечер в обществе Тремейнов. В конце концов, это его и Джилли ближайшие соседи, да и общественное положение у них примерно одинаковое. В отличие от деревенских жителей, которые — хотя на им подобных, как говорится, земля держится — были явно слеплены из другого теста и привыкли держать рот на замке. Из таких не вытащишь и слова, нечего даже надеяться.

Так, вернемся к нашим корягам...

— Да-да, именно так! — заверил он хозяина дома, явно польщенного его неожиданным комплиментом. — Давайте посмотрим на стол, за которым мы сейчас сидим и пьем вино. Он изготовлен из прибитого к берегу бревна — вы посмотрите, как четко виден рисунок древесины, как хорошо он отполирован! — На самом деле стол был довольно уродлив. Затем Джеймисон указал в другой конец комнаты. — И как не восхищаться вон той подставкой под цветочные горшки! Такой насыщенный черный цвет... Лак?

— Лак для яхт. — Теперь Тремейн был готов лопнуть от гордости. — А черная она потому, что это эбеновое дерево.

— Диоспирос, — встала Дорин Тремейн, возвращаясь из кухни с нагруженным закусками подносом. — Очень тяжелое дерево. Между прочим, тропическое. Одному богу известно, как долго оно носилось по волнам, пока его не прибило к нашему берегу.

— Потрясающе! — воскликнул Джеймисон. — И я не только о подставке. Ваши познания — и не только в древесине, как я успел заметить, — делают вам немалую честь.

Теперь настала очередь хозяйки зардеться от гордости. Она тотчас засуетилась.

— Надеюсь, Джеймс, вам понравится мой палтус.

— *Psetta maxima*. — Джеймс тоже решил блеснуть своими познаниями. — Если это

рыба, моя дорогая леди, то вам нечего опасаться. Я не из тех, кто воротит нос от хорошо приготовленной рыбки.

— Я купила его в деревне у Тома Фостера, — пояснила Дорин. — У него всегда самая лучшая рыба, хотя от него самого я не в восторге.

С этими словами она забавно сморщила носик.

— У Тома Фостера? — уточнил Джеймисон и покачал головой. — Нет, такого парня я не знаю.

— И не надо, — успокоил старика Джон Тремейн, помогая ему подняться и пересесть к обеденному столу. — Том, может, и отличный рыбак, но это все, что о нем можно сказать хорошего. О нем самом и его жене-цыганке.

Джеймисон моргнул старческими глазами и с интересом переспросил:

— Цыганке?

— Никакая она не цыганка, — возразила Дорин. — У нее просто внешность такая, а вообще-то — ни капли цыганской крови. Если не ошибаюсь, ее прабабка была полинезийкой. Их много в наши края понаехало из Девона и Корнуолла. В те времена, когда в Полинезию и Вест-Индию часто ходили торговые суда, моряки нередко привозили из далеких стран темнокожих подружек и жен. Как бы то ни было, Фостеры — единственные, кто взял на себя заботу о юном Джеффе. Думаю, мы должны быть им благодарны — хоть кто-то теперь присматривает за бедным парнем.

— Ну скажешь! — фыркнул Джон Тремейн. — Было бы куда лучше, если б за ним присматривала родная мамаша. А еще лучше — отец... Впрочем, теперь это невозможно.

— Да и не было никогда возможно, — добавила Дорин. — Если учесть, какие это повлекло бы за собой трудности, обвинения и всяческие другие препоны.

Глядя, как она раскладывает рыбу по тарелкам, Джеймисон признался:

— Боюсь, я вас не совсем понимаю. Не могли бы вы... скажем так, ввести меня в курс дела?

Супруги переглянулись, затем оба посмотрели на Тремейна.

— Понимаю, — сказал он, — здесь явно какой-то секрет, который мне знать не положено. Что ж, на нет и суда нет. В конце концов, я здесь человек новый.

— Да нет, не в этом дело, — поспешила заверить его Дорин. — Просто...

— Просто это очень деликатный вопрос, — пояснил ее супруг. — И не то чтобы даже деликатный — дело-то прошлое... но о таких вещах не принято распространяться. К тому же дело касается вашего соседа, пускай даже и бывшего.

— Соседа? — Джеймисон нахмурился. — Так речь о Джордже Уайте? Да, он был вашим соседом, но отнюдь не моим. Так что же это за тайна?

— А вы что, разве ничего не почувствовали? — подхватила Дорин. — Я имею в виду бедняжку Джилли. Разве вас не удивило, что они с дочерью так привязаны...

— К этому чертовому дурачку? — поспешил вставить свое веское слово Джон Тремейн. Старик неторопливо кивнул.

— Кажется, начинаю понимать. Значит, существует определенная связь между Джорджем Уайтом, Джилли, Энн и...

— Совершенно верно, и Джеффом, — закончила его мысль Дорин. — Ноя предлагаю для начала поужинать, а потом уж приступать к разговору. Причин что-то от вас скрывать у нас нет. В конце концов, вы ведь бывший врач и наверняка наслышаны о подобных, если не худших случаях. Но лучше начинать, а не то еда остынет.

В итоге трапеза прошла в относительном молчании. Дорин Тремейн оказалась поистине превосходной стряпухой. Поданное к ужину вино также было выше всех похвал.

— Это случилось пятнадцать лет назад, — начал Джон Тремейн. — Тогда мы были в этих краях люди новые — примерно как вы сейчас. В те дни этот край процветал: рыбы в море водилось вдоволь, так что местные рыбаки отнюдь не бедствовали. Летом пляжи и магазины были полны народа. Теперь же остались только почта, пивная да пекарня. Почта

также выполняет роль деревенской лавки, и в ней сосредоточена почти вся здешняя торговля. Но у пристани по-прежнему можно купить свежую рыбу — пока её еще не отправили во внутренние районы. Вот, пожалуй, и все. А тогда...

Тогда здесь даже построили несколько новых домов, так что поселок вытянулся вдоль моря. Наши с вами коттеджи — как раз с тех времен. Вы не могли не заметить, что они не такие старые, как остальные. Но дорогу протянули только до вашего дома, и с тех поре практически не ремонтировали. Дом Джилли и Джорджа лет на двадцать старше и расположен ближе к деревне, поэтому он такой уединенный. Что касается других, которые планировали построить вдоль дороги, то они так и остались на бумаге. Цены на стройматериалы взлетели, летний сезон уже не приносил прежнего дохода, а рыба в море начала быстро исчезать.

К тому времени Джордж и Джилли Уайт жили здесь уже года два. Они познакомились и поженились в Ньюки, а сюда перебрались нотой же причине, что и мы: недвижимость здесь стоила гораздо дешевле, чем в крупных городах. Судя по всему, работы у Джорджа не было. По наследству ему досталось несколько дорогих вещей из чистого золота, и жил он тем, что потихоньку продавал их одному антиквару в Труро. Джилли иногда редактировала материалы для местных изданий.

— Что касается золота Джорджа, — встряла в его повествование Дорин, — то это были ювелирные украшения, причем удивительные. Я купила у него брошь и иногда надеваю её. Полагаю, что это уникальная вещь. Очень красивая, хотя и странная. Не хотите взглянуть?

— Еще как хочу! — воскликнул старик.

И пока Дорин ходила за брошью, Джон продолжил свой рассказ:

— Словом, Джилли тогда вынашивала Энн, а Джордж — что ж, он был не из домоседов. У них имелась машина — она и по сей день на ходу, но в основном простаивает в гараже. На ней Джордж ездил в Сент-Остелл, Труро, Ньюки и бог знает куда еще. Обычно он уезжал из дома дня на два-три, иногда на все выходные — чистое свинство по отношению к Джилли, которой до родов оставалось всего ничего. Ладно, не будем отвлекаться на частности... Судя по всему, Джордж всегда был порядочной сволочью. Когда Джилли сказала ему, что беременна, вот тогда-то он и пустился в свои... в общем, он...

— Загулял? — Старик выпрямился в кресле. — Вы хотите сказать, он был бабником?

В этот момент в столовую вернулась Дорин с небольшой шкатулкой в руках.

— О, Джордж Уайт был не просто бабником, — протянула она. — Это был всем бабникам бабник, полный развратник! Пока бедняжка Джилли была беременна, он успел завести себе любовниц во всех близлежащих городках!

— Неужели? — удивился доктор. — Но откуда вам это известно? Об этом ведь как-то не принято говорить вслух.

— Такие вещи не скроешь, — заявил Джон Тремейн. — Его там видели. Кое-то из местных жителей видел, как он заходил в дома, «пользующиеся дурной славой», если можно так выразиться. А кое-кто из деревенских холостяков, чьи моральные устои также оставляли желать лучшего, узнали о его репутации от дам из тех же, с позволения сказать, домов. Но знаете ли, Джеймс (а я уверен, что вы как врач наверняка это знаете) — как ни печально, но что посеешь, то и пожнешь. И в случае Джорджа Уайта это оказалось более чем верно, причем по ряду причин.

— Вот тут-то история и становится щекотливой, — произнесла, поднимаясь со стула, Дорин. — Мне нужно кое-что сделать на кухне, так что я должна вас покинуть.

С этими словами она оставила шкатулку на столе и закрыла за собой дверь.

— Джордж что-то подцепил, — негромко проговорил Джон, как только она вышла.

— Что-что?

— Это единственное разумное объяснение, какое мне приходит на ум. Он подцепил ужасную болезнь. По всей видимости, от какой-то из женщин, с которыми... общался. Но и это еще не все.

— Вот как? — покачал головой доктор. — Бедняжка Джилли.

— Бедняжка, это точно! Крошке Энн было всего несколько месяцев, когда в деревне объявилась эта шлюха из Ньюки со своим жутким ублюдком. Она обвиняла Джорджа Уайта в том, что это он сделал ей этого уroda.

— А! — протянул Джеймисон. — Кажется, я все понимаю. Этот ребенок — Джефф.

— Вы угадали. Тот самый кретин, которого усыновили Фостеры и который все еще бродит по деревне. Умственно отсталый парень лет пятнадцати — правда, на вид ему можно дать лет восемнадцать, да и силы у него побольше, чем у ровесников... и не кто иной, как незаконный ребенок Джорджа Уайта и сводный брат Энн. А поскольку я отношусь к Джилли с большой симпатией, я нахожу это... это существо абсолютно омерзительным.

— Не говоря уже о том, что он опасен, — добавил Джеймисон.

— Что-что вы сказали? — переспросил Джон. На его лице читался испуг.

— Я тут на днях сидел на веранде, — произнес доктор. — И увидел вас вместе... с этим парнем. Как я понял, вы с ним... из-за чего-то не ладили.

— Вы верно все поняли, — ответил Трмейн. — Он неожиданно вырос передо мной, словно из-под земли. А ведь одному богу известно, что творится в его уродливой голове. Напугал до полусмерти — выскочил из-за дюны, разевая рот, как рыба на песке. Да, чертова рыбина, вот кого он мне напоминает! Брр! Противно даже подумать. А вы думаете, зачем он понадобился Фостеру? Затем, что Фостер его использует.

— Как? Использует? — Казалось, доктор пришел в неопиcуемый ужас. — Что вы имеете в виду? Физическое надругательство?

— Да что вы, ничего подобного! — Трмейн даже всплеснул руками. — Нет-нет. Но вы видели, как плавает этот идиот? Боже милостивый, будь у него чуть побольше мозгов, и из него вышел бы олимпийский чемпион! Не верите? Да он в воде даст фору любому дельфину. Вот как Фостер его использует.

— Боюсь, что все-таки не до конца вас понимаю, — признался Джеймисон. На лице его читалось замешательство. — Вы хотите сказать, Фостер использует этого парня для ловли рыбы?

— Именно! — кивнул его собеседник. — И не будь погода в последние дни такой ужасной, вы этого идиота на пляже не увидели бы. Потому что он сидел бы с Томом Фостером в его лодке. Парень в любую погоду ныряет в океан и гонит рыбу к этому дегенерату, который сейчас за ним присматривает.

Джеймисон громко расхохотался. Затем смех его резко оборвался, и он спросил:

— Но... неужели вы и впрямь в это верите? Что человек может, как пастух, подгонять рыбу? Ведь это просто невероятно!

— Вы так считаете? — спросил его Трмейн. — То есть вы не верите мне на слово... Хорошо, в следующий раз, как будете в деревне, загляните в тамошнюю забегаловку. Поговорите с рыбаками. Поинтересуйтесь, почему у Фостера всегда самые лучшие уловы.

— И все же загонять рыбу в сети... — продолжал упорствовать доктор, но Трмейн его перебил:

— Этого я не говорил. Я сказал, что он ее гонит. Есть в нем нечто такое, что привлекает к нему рыб. — Он кисло улыбнулся: — Понимаю звучит это невероятно, просто чушь какая-то, однако...

Трмейн надул губы, пожал плечами и умолк.

— Хорошо, — отозвался Джеймисон. — Где-то правда, а где-то слухи. Но лично мне все еще многое неясно. Что это, например, за ужасная болезнь, которой заразился Джордж Уайт? И что вы понимаете под словом «ужасная». Все венерические заболевания по-своему ужасны. Хороших среди них нет.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Трмейн. — Но только не эта. Есть просто дурные болезни, а что касается тон, о которой говорю я, то она была омерзительной. И он передал её этому своему дегенерату-отпрыску.

— Что вы сказали?

— Джефф сейчас — точная копия Джорджа Уайта незадолго до...

— Незадолго до того, как умер.
— Нет, — хмуро покачал головой его собеседник. — Все не так просто. Он не просто умер — наложил на себя руки.

— А, теперь понятно, — отозвался доктор. — Значит, это было самоубийство. Тремейн кивнул.

— Я знаю, нехорошо так говорить, однако для такого человека, как он — с его сексуальными аппетитами, — лучше именно так. Имея такое заболевание... да он, можно сказать, был ходячей бомбой!

— Боже мой! — воскликнул Джеймисон. — Ему что, так никто и не поставил диагноз? Неужели у этой болезни нет названия? Кто его лечил?

— Джордж не обращался к врачу. И чем больше Джилли настаивала, тем больше он замыкался в себе. Лишь она одна может вам рассказать, что означало жить бок о бок с таким человеком, как Джордж, в его последние недели. Но бедняжка терпела это пятнадцать лет — и каково же ей было наблюдать за напастью, пожиравшей его день ото дня... Боже, откуда только в этой женщине столько сил!

— Кошмар, суший кошмар! — воскликнул Джеймисон и неожиданно нахмурился. — И тем не менее Джилли и её ребенок... судя по всему, им болезнь не передалась!

— Нет, и за это мы должны быть благодарны Всевышнему, — произнес Тремейн. — Смеею только предположить, что Джилли знала о его болезни и поэтому она — или они — прекратили... ну, вы меня понимаете.

— Разумеется, — кивнул доктор. — Мне известно, что они оставались мужем и женой лишь на бумаге. Однако если Энн и Джефф родились с интервалом всего в несколько месяцев, а этот ваш Джефф был дефективным с самого рождения, то Энн воистину счастливица.

— Это точно, — поддакнул Тремейн. — Стоит ли удивляться, что у ее матери теперь никуда не годятся нервы? Мы с женой знакомы с Уайтами гораздо дольше, чем вы, Джеймс, и я уверяю вас, что ни разу не встречал женщины, которая так тряслась над ребенком, как Джилли.

— Тряслась?

В эту минуту в комнату вернулась Дорин.

— Ну да. Стоит дочери чихнуть или кашлянуть, или прыщик вдруг у девочки вылезет, как мать начинает вокруг нее суетиться, словно это смертельное заболевание. Кожа у Энн прекрасная, но если летом вы увидите их вдвоем на пляже и если вдруг у девочки выступит на коже раздражение от солнца и песка — посмотрите на реакцию Джилли!

— Удивительно, что мать вообще ее выпускает из дома, — согласился с женой Тремейн.

Затем заговорили о чем-то еще, и беседа продолжалась еще примерно минут тридцать-сорок, после чего Джеймисон посмотрел на часы.

— Кажется, мне пора, — сказал он. — По телевизору сегодня несколько интересных передач, не хотелось бы пропустить. — Он повернулся к Дорин: — Прежде чем распрощаться, не покажете ли вы мне брошь? Пока мы разговаривали, вы занимались делами на кухне, а я не осмелился открыть коробку в ваше отсутствие.

— Разумеется! — ответила Дорин. — Как тактично с вашей стороны!

С этими словами она открыла небольшую, подбитую бархатом шкатулку и передала ее через стол гостю. Брошь была пришпилена к подушечке на дне. Доктор не стал ее оттуда вынимать, а лишь повертел коробочку в руке, рассматривая брошь под разными углами.

— Вы совершенно правы, — произнес он спустя пару секунд. — Это, несомненно, красивая вещь, однако не все с ней ладно... Я не впервые вижу золото подобной работы. Но, видите ли... — здесь он сделал паузу, по всей видимости, подбирая слова.

— Что-то не так? — спросила Дорин.

— Как бы это сказать, — начал было он, однако снова умолк и даже прикусил губу. — Дело в том, что... Не знаю, может, я зря вам это говорю...

Дорин взяла у него из рук шкатулку с брошкой.

— Теперь вы просто обязаны мне все сказать! Иначе я вас не отпущу. Вам кажется, что с брошкой что-то не так? И что же именно? Не хотите же вы сказать, что это подделка? Или золото низкой пробы? Или же вообще никакое не золото? — Ее тон с каждым мгновением все повышался. — Так в этом дело, Джеймс? Меня обманули?

— При той цене, которую вы заплатили, скорее всего нет. Все дело в назначении этой вещи. В том, что она собой символизирует. Дорин, скажу со всей откровенностью: это не тот амулет, который приносит счастье.

— То есть брошь приносит несчастья. Но каким образом?

— Когда-то я увлекался антропологией — точно так же, как ваш супруг резьбой по дереву. Судя по орнаменту и работе... полагаю, что эта брошь попала сюда с одного из южных островов, где ее, по всей видимости, изготовил шаман какого-то местного племени.

— Что? Шаман? — Дорин в испуг схватила за горло.

— Именно, — кивнул Джеймсон. — Изготовив ее из сплава золота и какого-то блестящего металла, он наверняка собирался наложить на нее проклятие, а затем проследить, чтобы она попала к его злейшему врагу. Нечто вроде симпатической магии — правда, о «симпатии» к жертве речь не идет.

Дорин вновь взяла в руку шкатулку и впилась взглядом в ее содержимое.

— Сказать по правде, она мне никогда особенно не нравилась. Просто хотелось как-то поддержать Джилли — зная, что у них в доме появились хоть какие-то деньги, я спала бы спокойней. Из-за любовных похождений Джорджа они едва сводили концы с концами.

Джон Тремейн взял шкатулку из рук супруги, несколько мгновений пристально рассматривал брошь, а затем проговорил:

— Похоже, что вы правы, Джеймс. Вещица и впрямь какая-то неприятная. Словно откуда-то из другого мира. Все эти причудливые арабески — это ведь не листва земных деревьев, а скорее... переплетенные водоросли, если не щупальца осьминогов. А такие неровные края часто можно увидеть у морских раковин. Да, вещица и впрямь занятная — до тех пор, пока не приглядишься к ней поближе. Ну да, вы совершенно правы. Работа довольно грубая, явно творение рук какого-нибудь примитивного островитянина.

С этими словами он вернул шкатулку жене.

— Я немедленно ее продам! — воскликнула та. — Я знакома кое с кем из ювелиров, которым Джордж Уайт сплавлял свои так называемые драгоценности.

Она посмотрела на доктора.

— Только не подумайте, что я суеверна, но, как говорится, береженого бог бережет. Откуда мне знать, в чьих руках она успела побывать.

— Дорогая моя, вы совершенно правы, — произнес Джеймсон. — Однако признаюсь, что ваша брошь разбудила во мне искренний интерес — подобные вещицы всегда меня увлекали. Если решите ее продать, не несите лучше к ювелиру, а обращайтесь прямо ко мне. Сколько бы вы за нее ни заплатили, думаю, я в состоянии вернуть вам эту сумму. Если не больше.

— Как это мило с вашей стороны! — воскликнула Дорин, провожая гостя до двери. — Но вы уверены?

— Абсолютно уверен, — ответил Джеймсон. — Позвоните мне утром, как все хорошенько взвесите, и, не стесняясь, назовите вашу сумму.

Тремейны проводили гостя до его машины.

Зима наступила быстро и решительно, заперев почти всех деревенских жителей по домам. Рыбачьи лодки стояли на приколе в гавани, так что если где дела и шли хорошо, то исключительно в местной забегаловке.

Ведя машину по местами разбитой дороге на работу в расположенный в Сент-Остелле колледж, его директор Джон Тремейн проклинал тот день, когда купил дом в этих краях, погнавшись за: а) дешевизной и б) за «уединением и потрясающей красотой девственной

природы». Что касается уединения, то по этой части все было в порядке, а вот потрясающая красота... Какая еще может быть красота в такой глухомани, особенно зимой? Ну а потрясений — вернее, сотрясений на ухабистой дороге — ему хватало по горло. Как только придет весна, если ему предложат хоть сколько-нибудь приличную должность, они с Дорин, не раздумывая, снимутся с места и переедут в Сент-Остелл. Конечно, недвижимость там дороже, но какая разница...

При необходимости можно продать машину и ездить на работу велосипедом — глядишь, сэкономишь на бензине и техобслуживании.

Что касается семейства Уайтов, то есть Джилли и Энн, они по большей части сидели дома, зато к ним стал регулярно навещаться старый американец. Для Джеймса Джеймисона эти люди стали как родные, и не было случая, чтобы он появился у них на пороге без какого-нибудь подарка или угощения. Чаще всего это были именно угощения: свежий пирог из пекарни, буханка хлеба или кусок сыра, изредка — бутылка хорошего вина. Его визиты оказались весьма кстати, поскольку на старой машине Джилли ездить стало небезопасно, Энн же приходилось посещать уроки игры на фортепьяно и иностранных языков. Джеймисон с готовностью отвозил девочку на занятия и обратно, ни разу не взяв и гроша за свои услуги.

Однажды, когда у Энн заболело горло, — от чего ее мать тотчас впала в истерику, — Джеймисон осмотрел юную пациентку и обнаружил у нее легкий ларингит. Предписанное им лечение — аспирин по таблетке три раза в день и полоскание горла морской водой — сотворило чудеса как с Энн, так и с ее матерью. Однако его забота на этом не кончилась. Став свидетелем нескольких истерик у Джилли, добрый доктор прописал лекарство и ей. Женщина пробовала протестовать: мол, он не должен себя утруждать, ведь он уже на пенсии — и так далее, и тому подобное. Тем не менее приготовленные им пилюли сделали свое дело: нервы её заметно успокоились, чего она не знала уже очень давно. Разумеется, никакие пилюли не могли полностью избавить Джилли от тревог и волнений за дочь, однако даже в те минуты, когда она начинала суетиться, руки ее больше не дрожали так сильно, как раньше. Кроме того, теперь ей стало легче сосредотачиваться. И что самое главное, почти уже ставшие привычными кошмары определенного рода перестали посещать ее по ночам. Как-то раз Джилли с радостью заявила, что теперь спит гораздо лучше.

В отдельные дни, когда непогода делала передышку, Энн отправлялась на уроки музыки к миссис Хардинг, живущей на другом конце поселка, пешком. Джилли обыкновенно провожала дочь до половины пути и пользовалась подвернувшейся возможностью, чтобы заглянуть в булочную или пополнить на почте запасы провизии. Поскольку зима выдалась холодной, такая возможность подворачивалась ей редко. Чаще всего Джеймисон подкатывал к их дому на машине, чтобы отвезти Энн на занятия. Дошло до того, что Джилли уже стала его ждать, а Энн — натура замкнутая и необщительная — начала воспринимать старого доктора как отца или по крайней мере как деда.

Однажды, в середине января, когда ветер гнал на берег высокие волны, а с моря, почти параллельно земле, неслась снежная колючая крупа, старик и его юная пассажирка прибыли к дому миссис Хардинг, где их уже поджидал Том Фостер. Точнее, поджидал он Джеймисона. Было видно, что рыбак чем-то взволнован.

Старик пару раз уже сталкивался с ним в пивной. Это был хмурый бородатый громила со скрипучим голосом. Водилась за ним дурная привычка громко стучать по стойке пустой кружкой, дабы привлечь внимание бармена и заказать очередную пинту. Приятелей даже среди рыбаков у него почти не имелось — в общем, другого такого нелюдима еще надо было поискать. Тем не менее сегодня ему в срочном порядке понадобился друг — вернее сказать, не друг, а доктор.

Местная старая дева, мисс Джулия Хардинг, отправила рыбака ждать в небольшую оранжерею рядом с прихожей — он был не из тех, кого принято приглашать в дом. Однако Фостер, до того нервно расхаживавший по тесному помещению взад-вперед — несколько шагов вправо, несколько влево, — кинулся к Джеймисону, стоило пожилому врачу

переступить порог.

— Мальчишка! — прохрипел он, хватая доктора за руку. — Спать не может, так доконала его чертова чесотка. Я знал, что вы приедете сюда с барышней, вот и решил подождать. Я был бы вам благодарен, а уж поверьте, Том Фостер не из тех, кто забывает сделанное добро. Дело даже не во мне, а в Джеффе. Он так расцарапал себе кожу, что на ней места живого нет, а он все скребет ее и скребет. А у меня, чтобы отвезти его в город, машины нет. Да и вообще, мне не очень-то и нужен городской лекарь. Довольно будет, если парня вы посмотрите...

— Я уже давно не практикую, — было видно, что пожилой врач в растерянности.

Но тут его за руку схватила Энн.

— Прошу вас, помогите ему! Я вас умоляю, посмотрите Джеффа! Я тоже поеду с вами.

Мисс Хардинг погрозила девочке пальцем:

— Вот как. А как же ваш урок, моя милая? — Она посмотрела сначала на Фостера, потом на Джеймисона, в надежде, что те поддержат её, но поскольку те явно не собирались этого делать, молча покачала головой — мол, нет так нет. — Господи, да что это я? Если с бедным парнем творится что-то неладное, то о каких уроках может идти речь? А с ним беда, никаких сомнений, потому что мистер Фостер не из тех, кто стал бы поднимать шум — если только речь не идет о рыбной ловле. Тем более не в такую погоду.

— Что верно, то верно, — буркнул Фостер, либо пропустив мимо ушей, либо вовсе не заметив шпильку, отпущенную в его адрес.

— Ну как, едем? — спросил он у Джеймисона.

— Что ж, — вздохнул старик. — Вреда от этого точно не будет. К тому же у меня по старой привычке всегда лежит в багажнике докторский чемоданчик. Правда, лекарств в нем нынче не слишком много, однако...

Он всплеснул руками, усадил Фостера рядом с девочкой на заднее сиденье и повез их к жилищу рыбака. Это был старый дом у самого берега моря, на другой стороне гавани.

Жена Тома Фостера, невысокая, смуглая, черноволосая, однако не такая хмурая, как ее супруг, вытерев руки о фартук, схватила Джеймисона за руку и повела за собой в дом. Она ничего не сказала — лишь указала на полуоткрытую дверь, ведущую в спальню.

Там, за дверью, находился Джефф. Под грубым одеялом вырисовывались очертания его мощного тела. А еще в комнате стоял запах, который даже при желании ни с чем не спутаешь — запах рыбы. С другой стороны, рыбой провонял и весь дом. Джеймисон, поморщив нос, посмотрел на Энн, однако та, судя по всему, даже не замечала бившую в нос вонь. Куда больше ее волновало состояние здоровья захворавшего друга. Она шагнула ближе к его постели. Джефф, очевидно, почувствовал ее присутствие, потому что в следующий миг из-под одеяла показалась круглая голова, и он посмотрел на нее пронзительным взглядом зеленых глаз.

— Не подходите к нему, барышня! — выкрикнул Том Фостер. — Знаю, вы с ним друзья неразлейвода, но вам сюда нельзя. Он там под одеялом голый. А вид у него, скажу я вам, страх посмотреть, так он себя всего расчесал. Так что лучше идите-ка вы отсюда да посидите вместе с мамашей Фостер в комнате.

И, при всей своей грубости и неотесанности, он галантно, под ручку выпроводил Энн вон из спальни.

Как только он закрыл за ней дверь, Джеймисон пододвинул к кровати стул и произнес:

— А теперь, молодой человек, прошу вас; только без паники. Я здесь дня того, чтобы посмотреть, что с вами такое.

С этими словами он начал стягивать с больного одеяло, однако в следующее мгновение из-под одеяла высунулась рука с короткими перепончатыми пальцами и потянула его на себя. Врач успел заметить под острыми ногтями кровь. Тело под грубой тканью сотрясала дрожь, а в огромных влажных глазах застыл ужас.

Фостер тотчас подался вперед.

— Ну-ну, парень, не упирайся. Это лекарь, друг нашей барышни и мамули Фостер.

Покажись ему — глядишь, и поможет тебе избавиться от чесотки.

Существо по имени Джефф (потому что с близкого расстояния он вообще не был похож на человека) открыл рот, и Джеймисон увидел ряд зубов — небольших, но острых как иглы. Правда, угрозы в этом не было никакой — Джефф просто приоткрыл губастый рот в немой мольбе. Перепончатая рука также ослабила хватку, и врач беспрепятственно стащил одеяло дальше.

Хотя Фостер встал прямо за спиной медика, пристально наблюдая за тем, что тот будет делать, вид чешуйчатого тела не особенно его смутил. А ведь еще пять лет назад врач в Сент-Остелле сказал рыбаку, что это самый тяжелый случай ихтиоза за всю его практику. Сейчас же тело парня было как минимум раза в два страшнее — под короткой бородавчатой шеей и покатыми, но сильными плечами вся грудная клетка — а местами и руки — была расчесана до крови. На них буквально не осталось живого места. Пожилой врач открыл чемоданчик, попросил принести ему горячей воды и чистое полотенце. Фостер удовлетворенно кивнул. Похоже, он не ошибся: этот Джеймисон явно из той старой породы врачей, что считают своим долгом бороться за жизнь любого пациента — даже вроде уроды, который лежал сейчас под одеялом.

Но едва Фостер повернулся, чтобы выполнить его просьбу, старик поднял руку и сказал: — Том, вы о нем заботитесь?

— Что-что? — не понял Фостер. — Ну да, я и моя хозяйка, мы заботились о нем пятнадцать лет. За пятнадцать лет можно привыкнуть к чему угодно, даже к тому, что становится не лучше, а только хуже. А к людям — даже таким уродам, как этот парень, — всегда притерпишься и полюбишь даже, дай только время.

Услышав его слова, Джеймисон кивнул.

— В таком случае заботьтесь о нем лучше.

И он не стал больше задерживать Фостера.

Энн увидела, как мистер Фостер выносит из комнаты Джеффа мокрые, в розовых разводах полотенца. Лишь после этого ей разрешили зайти к ее другу. Девочка тотчас бросилась к постели больного.

Когда она вошла, старый доктор уже укладывал медицинские принадлежности в сумку. Больной лежал под чистой, белой простыней, которая была натянута ему под самое горло. Шея парня была обмотана бинтом, чтобы удерживать повязку под левым ухом, правая рука лежала поверх одеяла. Предплечье, там, где Джефф буквально соскреб себе кожу, также было перебинтовано, и лишь в одном месте наружу просочилось немного крови.

— Что с ним? — спросила с порога Энн. Бледная от страха, она поднесла руку к губам и смотрела на Джеймисона широко открытыми глазами. Доктору она показалась бледнее обычного. — Что это такое?

— Кожное заболевание, — ответил тот. — Возможно, от вшей или чесоточного клеща. Думаю, я хорошо его обработал. Так что причин для волнения нет. Зуд наверняка доставлял ему жуткий дискомфорт, а так ничего смертельного. Вот увидишь, Джефф скоро поправится.

Но тут заговорил Том Фостер:

— Я теперь в долгу перед вами, мистер Джеймисон, сэр. Если вам что-то понадобится, спрашивайте, не стесняйтесь. Не в моих привычках забывать тех, кто сделал мне добро. Такого за мной отродясь не водилось.

— Что ж, Том, — согласился Джеймисон. — Возможно, я как-нибудь наведаюсь к вам за рыбой. Думаю, это будет посильная для вас плата за мои скромные услуги. А пока нам нужно поговорить о других вещах. — С этими словами он обернулся к Энн: — Не станешь возражать, милая, если я попрошу тебя подождать меня в машине?

Энн сидела у постели больного, держа Джеффа за руку. Они смотрели друг на друга, и Джеймисон отметил про себя, что у обоих есть нечто общее, а именно удивительные темно-зеленые глаза. Однако сходство ограничивалось только цветом. Нет, конечно, если присмотреться, то у Энн глаза тоже были слегка навывкате, но у парня...

Хотя огромные глаза Джеффа казались сейчас даже больше обычного, старый врач был вынужден признать, что это самая человеческая черта во всем его внешнем облике.

Парень высвободил руку. Его короткие пальцы зашевелились — быстро, можно даже сказать, осмысленно, словно он подавал ей какие-то знаки, которые Энн тут же поняла и принялась отвечать ему тем же самым образом. Этот «разговор» длился считанные мгновения. Затем Джефф перевел водянистый взгляд на Джеймисона и скривил лицо в гримасе, которая, по всей видимости, была призвана означать улыбку.

— Он просит, чтобы я поблагодарила вас от его имени. Спасибо, — сказала Энн.

С этими словами она поднялась и вышла из комнаты, а затем из дома...

Как только они остались наедине, Джеймисон заговорил с Фостером полупшепотом:

— Знаете, что я соскреб с вашего парня?

— Откуда мне знать? — удивился Фостер. — Это вы лекарь, а не я.

— Вот как? — произнес старик. — А ведь вы рыбак. И при этом утверждаете, что отродясь не видели ничего подобного. Что ж, тогда я вам скажу: это были рыбы вши, Том. Небольшие ракообразные, которые паразитируют на рыбах. Так вам приходилось их видеть, Мистер Рыболов?

Фостер отвернулся, а затем нехотя кивнул:

— Видел, как не видеть. Обычно их полным-полно на камбале и любой другой придонной рыбе. Но чтобы на человеке? Чтобы они облюбовали человеческое тело? — Он покачал головой. — Да я глазам собственным не мог поверить, вот и все.

— Что ж, теперь, надеюсь, вы им верите, — ответил Джеймисон. — И подцепить он их мог, лишь подолгу находясь в морской воде. Они проникли ему под кожу — прежде всего в тех местах, где она шелушится, — и сосали его кровь, как блохи сосут кровь шелудивого пса. Судя по глубине проникновения, они у него уже давно.

— Вот оно как? То есть вы намекаете, что я не забочусь о парне? Я правильно понял? — Было видно, что Том рассердился, причем не на шутку, — Я, кажется, объяснил вам, почему не сразу заметил. Это вы лучше объясните мне, почему, если парень подцепил заразу уже давно, расхворался он только сейчас?

Доктор кивнул:

— Думаю, мне не сложно ответить на этот вопрос, Том. Это потому, что кожа его высохла. А поскольку рыбьим вшам нужна влага, они начали зарываться глубже под кожу, ближе к кровеносным сосудам. Естественно, парня стал одолевает нестерпимый зуд. Когда же он стал чесаться, то состояние его лишь ухудшилось. Вот что у вас здесь произошло. А теперь, Том, скажите мне: когда вы в последний раз выходили в море? Готов поспорить на что угодно, что давно!

— Ага! — вскричал Фостер. Глаза его хищно сузились. — С вами все понятно, мистер Джеймисон. Наслушались местных сплетен. И что же эти болтливые деревенские кумушки наболтали вам? Что Том Фостер заставляет бедного идиота плавать для него в море? Чтобы тот загонял ему в сети рыбу? Ха! — Он покачал головой. — Все это враки, сэр, скажу я вам. Парень плавает, потому что ему это нравится, потому что ему хочется плавать — причем в любую погоду. Так что за ним нужен глаз да глаз. Представляю, какие сказки вам тут про меня рассказывали! Но раз уж вы спрашиваете, отвечу. Знает ли этот парень, в каких местах водится лучшая рыба? Еще как знает, иначе откуда у меня всегда самый лучший улов! Всегда! Чего еще вам интересно?

— Ничего, Том, — негромко ответил Джеймисон. — Зато вы в состоянии кое-что сделать для парня. Если ему хочется плавать, пусть плавает — главное, чтобы в деревне об этом не знали. И если он вновь подцепит эту заразу... вы видели, что я делал, и теперь сумеете помочь ему сами. Но чтобы вы ни делали с ним, не позволяйте его коже высыхать. Мне кажется, она постоянно нуждается в соленой морской воде...

Град прекратился, и Энн, спрятавшись от ветра за домом, поджидала доктора снаружи.

А поскольку дверь была приоткрыта, до нее донеслись обрывки разговора между врачом и Фостером. Она ничего не сказала, пока они с Джеймисоном не сели в машину. Лишь тогда она поинтересовалась:

— У него были рыбы вши?

Вопрос это прозвучал спокойно; в нем не слышалось ни удивления, ни ужаса.

Джеймисон ответил ей, заводя мотор:

— О, какие только странные инфекции и паразитов не подхватывают порой люди! Я, например, слышал, что СПИД — болезнь, которая разрушает иммунную систему, — передался нам от обезьян. Чего стоит коровье бешенство, которое можно подцепить, покусав зараженной говядины! А пситтакоз? Ну кто бы мог подумать, что этой дрянью нас может наградить обыкновенный попугай! Ну а этот мальчик... Что тут скажешь — любитель поплавать в море.

— Странно, — задумчиво произнесла Энн, когда они выехали за пределы деревни, — мой отец... он не любил море. Это еще мягко сказано. У него было полно книг — про море и про другие вещи. И все-таки он его боялся. Говорил, оно манит его. Утверждают, что он совершил самоубийство. Возможно, так оно и было, но по крайней мере он умер так, как хотел. Помню, как однажды он сказал мне: «Если настанет время уходить, живым оно меня не возьмет». До самых своих последних дней отец говорил вещи, которые казались полной бессмыслицей, но мне кажется, он имел в виду море.

— А почему ты так думаешь? — спросил Джеймисон, краем глаза заметив, что она смотрит на него — видимо, ожидая реакции.

— Из-за того, как он покончил с собой... спрыгнул прямо на скалы с Южного мыса. Его прибило к берегу... вернее то, что от него осталось.

— Какой кошмар! — воскликнул старик, резко разворачивая машину на пустынный проселок, что вел к дому Джилли. — И вы с матерью продолжаете жить здесь — можно сказать, прямо на берегу!

— Думаю, так ей просто спокойнее, — отозвалась девочка. — Например, за меня.

Джилли поджидала их на пороге. Доктор остановил машину. Он с удовольствием поговорил бы с Энн еще — ему было интересно, что девочка хотела сказать последней фразой, а еще хотелось побольше узнать о книгах, которые она упомянула — книгах о море, принадлежавших ее отцу. Однако Джилли уже спешила им навстречу. Неожиданно Энн дотронулась до руки старика:

— Давайте не будем говорить маме про Фостеров. Если она узнает, что у Джеффа рыбы вши, с ней опять случится нервный припадок, — попросила она, после чего вышла из машины и нарочито бодрым голосом произнесла: — Спасибо, что подвезли меня.

А шепотом добавила:

— И что помогли Джеффу.

Зима тянулась долго, и Джеймисон, чтобы убить время, посещал соседние городки. Иной раз он заезжал в такую даль, как Фальмут или Пензанс. А чтобы как-то развеять скуку, раз в неделю либо навещался в гости к Джилли или к Тремейнам, либо приглашал их к себе «на светский вечерок», как называл он эти мероприятия. Один раз доктор даже сумел уговорить Джилли составить компанию ему и Тремейнам, когда они собрались посидеть в портовом кабачке.

В тот раз Энн тоже поехала с ними. Пить она как несовершеннолетняя не имела права, — более того, не имела права переступить порог питейного заведения, — но владелец ее знал и потому поставил перед ней стакан апельсинового сока. К тому же вряд ли полиции пришлось бы в голову нагреть сюда с облавой.

Столик их стоял близко к огромному открытому очагу, в котором шипели и потрескивали поленья. Заведение в этот час пустовало, обслуживание было на высоте. В этой приятной, расслабляющей атмосфере им подали здоровую деревенскую пищу, приготовленную в местной пекарне. Даже Джилли немного взбодрилась и пребывала в

прекрасном настроении. Что касается Тремейнов, то даже они отбросили свойственное им высокомерие и показали себя с самой лучшей стороны.

Однако неприятности не заставили себя ждать: ближе к концу вечера они нагрянули в кабачок в обличье Тома Фостера и его подопечного, Джеффа. Эта странная пара ввалилась с холода и заняла маленький столик в самом темном углу заведения. Вряд ли они с порога обратили внимание на веселую компанию, уютно устроившуюся возле теплого очага. Однако Фостер, прежде чем пройти к самому дальнему столику, прищурившись, обвел взглядом зал.

Так приятный вечер был неожиданно испорчен.

— Это он проверяет, нет ли здесь его врагов, — полушепотом прокомментировал Тремейн. — Что ж, прекрасно его понимаю. Бойтся, как бы не «настучали» на него.

— Врагов? — не понял Джеймисон. — Вы хотите сказать, других рыбаков из поселка? И с чего, если не секрет, они должны «стучать» на него?

— Взгляните сами, — ответил Тремейн и указал на бармена, который уже спешил к столику в дальнем углу с подносом в руках. — Пинта для Тома и еще половинка для этого... юного Джеффа. Он разрешает парню пить пиво — это, между прочим, алкоголь, — а ведь тот не старше Энн. То есть я хочу сказать, одно дело держать этого... держать этого убогого недоумка в нашей деревне, и совсем другое — намеренно отравлять спиртным его и без того куцые мозги.

Энн вся напряглась и тотчас встала на защиту парня.

— Никакой он не недоумок, — заявила она. — Пусть Джефф не умеет хорошо говорить и не такой, как все, но с головой у него все в порядке. Между прочим, он кое в чем очень даже хорошо разбирается, — добавила она, в упор глядя на Тремейна.

Директор колледжа от удивления открыл рот.

— Ну, я...

Не успел он закончить фразы, как его перебила жена:

— Джон, ты сам напросился на неприятности. Забыл, что с нами Энн? А они ведь с Джеффом друзья. Может даже, она единственный его друг! Думай, что говоришь.

— Да я ведь просто... — начал было оправдываться Тремейн, но тут в разговор вмешался Джеймисон:

— Ну-ну, довольно. Давайте не будем портить себе приятный вечер. Я вполне допускаю, что между присутствующими имеются некие расхождения во взглядах, но ни к чему из-за этого ссориться. Если Том Фостер поступает неправильно, это его грех. С другой стороны, должны же у бедного парня быть хоть какие-то удовольствия в жизни...

— Совершенно с вами согласна, — заявила Дорин и колючим взглядом посмотрела на мужа. — Видит бог, радостей на его долю выпало немного.

На этом разговор прекратился. Сказанного не воротишь, и уютный вечер у очага, который так хорошо начался, был окончательно и бесповоротно загублен. Какое-то время они еще пытались поддерживать разговор, но все без толку. Оскорбленный в лучших чувствах, Тремейн нацепил надменное выражение лица, его супруга демонстративно поджала губы. Джилли вновь замкнулась в себе, а что касается Энн, то ее присутствие было чисто номинальным. Ее мысли витали где-то далеко...

После этой злосчастной вылазки в пивную их встречи почти сошли на нет. Дружба — если, конечно, то была дружба — если и продолжалась, то скорее по необходимости. Будучи в некотором роде местной элитой, никто из них не мог свободно общаться с другими жителями деревни, стоявшими ниже их на социальной лестнице.

В этой ситуации старый врач оказался, так сказать, меж двух огней. С одной стороны, он старался поддерживать дружбу с Тремейнами, с другой — при первой же возможности спешил на помощь Джилли Уайт и ее дочери. Более того, время от времени он наведывался в портовый кабачок, где сумел завести знакомства кое с кем из местных рыбаков — а это было достижением, учитывая их природную замкнутость. Тремейн считал, что доктор либо святой, либо полный идиот, в то время как Джилли и Энн Уайт видели в нем настоящий подарок

судьбы.

Однажды вечером вначале марта Джилли позвонила старику — под тем предлогом, что вот-вот закончатся лекарства, которые он еще по осени приготовил для нее. Однако Джеймисон тотчас заподозрил, что причина не только в этом. В голосе женщины слышалось одиночество. Интуиция подсказывала старому доктору: Джилли просто хочется с кем-то поговорить.

Он тотчас приехал к ней.

Джилли угостила его стаканом шерри. После того как он вручил ей месячный запас лекарств, она предложила ему сесть.

— Я чувствую себя круглой идиоткой. Позвонила вам в такой поздний час, а ведь весь день напоминала себе — не забыть бы про лекарства. Надеюсь, я не слишком вас обременила своей просьбой?

— Отнюдь, — произнес старый доктор. — Но если хотите знать правду, скажу честно, я слегка озабочен тем, что вы принимаете слишком много лекарств. По моим расчетам, на сегодня у вас еще должен был оставаться приличный запас — по меньшей мере еще на две недели. Нет, конечно, я могу и ошибаться... Память уже не та, что прежде, и частенько подводит. Однако...

— Ой... — растерялась Джилли, но тотчас взяла себя в руки: — Нет-нет, у вас прекрасная память. Это моя вина. Я такая неуклюжая — рассыпала на днях ваши таблетки... Понимаете, не хотелось принимать их после того, как они побывали на полу.

— Что ж, весьма разумно, — ответил Джеймисон. — Однако лекарство вы принимаете давно, а я еще ни разу не поинтересовался, как у вас теперь с самочувствием. Видите ли, Джилли, с годами мы не становимся моложе, и от моих врачебных навыков осталось жалкое подобие. Не хотелось бы думать, что этими моими пилюлями вы навредили своему здоровью.

— Навредила! Что вы, совсем наоборот! — поспешила заверить старика Джилли. — Чувствую себя намного лучше.

Я стала спокойнее — меня больше не преследуют страхи, но... Знаете, минуту назад вы пожаловались на память, Джеймс. А вот я вашей памяти завидую! Не хочу сказать, что это все из-за таблеток, — хотя кто знает, возможно, это побочный эффект, — но я постоянно на чем-нибудь спотыкаюсь. И не только в речи или в мыслях, но и физически. У меня явно нарушено равновесие, а порой я испытываю жуткую слабость. Может, вы и сами заметили?

— Да-да, побочный эффект, — кивнул доктор. — Наверное, вы правы. Но в таком малолюдном месте, как это, вообще легко впасть в забывчивость. С кем здесь говорить? Время от времени вы видите со мной, и, разумеется, рядом с вами Энн... вот, пожалуй, и все.

Джеймисон обвел взглядом комнату и нахмурился.

— Кстати, где она?

— Спит. — Джилли поднесла палец к губам. — Когда погода улучшилась, она стала много гулять по пляжу. Гуляет и читает, такая умница! Кстати, вам никогда не приходило в голову, почему она не посещает школу? Да потому что ей нечего там делать, вот почему. Она рано ушла из школы, вскоре после того, как ее отец... после того, как Джордж... после того, как он... — Джилли умолкла и дотронулась до лба, словно пыталась вспомнить, о чем говорит.

— Да-да, я вас понимаю, — произнес старик и подождал, пока она снова заговорит.

Несколько мгновений Джилли растерянно моргала. Она даже потрясла головой, словно желая стряхнуть с себя забывчивость, а потом спросила:

— Извините, о чем вы говорили?

— Я всего лишь спросил, чем еще могу быть для вас полезен, — ответил Джеймисон. — То есть не считая этих таблеток. Может, вам хочется поговорить? В конце концов, чем не повод составить друг другу компанию? Немного дружеского общения не повредит никому из нас.

— Поговорить? — переспросила Джилли и нахмурилась. — Ах, поговорить! Все, теперь вспомнила! Как-то раз вы начали мне что-то рассказывать, но вас прервали. Кажется, это была Энн. Да-да, она появилась, когда вы рассказывали про... кажется, про тот прибрежный городок в Америке, откуда Джордж был родом. Я не ошибаюсь?

— Про Инсмут? — уточнил старик. — Да, полагаю, вы правы. Припоминаю. А еще мне запомнилось, что вы тогда сильно нервничали. Джилли, как мне показалось, — я сужу как врач, ну или как бывший врач, — некоторые темы почему-то вселяют в вас беспокойство. Вы уверены, что хотите услышать про Инсмут?

— Вы правы. Некоторые темы действительно плохо воздействуют на меня, — медленно произнесла Джилли. — И все равно я обожаю слушать истории о моем муже, о его семье. Особенно о его семье и предках. — Она заговорила чуть быстрее: — В конце концов, что нам известно о генетике? О тех чертах, унаследованных нами от предков, которые мы передаем из поколения в поколение? Видимо, слишком долго я пыталась не думать про прошлое Джорджа. Здесь такое творилось, Джеймс... — Она схватила старика за руку. — Жуткие изменения, уродства... я должна быть уверена, что ничего из этого больше не произойдет — по крайней мере не со мной и не с моей дочерью! — Она затараторила: — А если и произойдет, я должна знать, как мне быть... как быть с...

Она не договорила — так и осталась стоять, открыв рот, словно неожиданно поняла, что, поддавшись эмоциям, сболтнула лишнее.

На несколько мгновений воцарилась тишина. Первым ее нарушил Джеймисон:

— Простите, моя дорогая, но я все-таки уточню, — негромко произнес он. — Вы действительно хотите, чтобы я рассказал вам про Инсмут?

Джилли вздохнула поглубже, постаралась унять дрожь в пальцах, нервно впившихся в подлокотник кресла, и ответила:

— Да, мне действительно хотелось бы узнать как можно больше об этом городе и его обитателях.

— А не случится ли так, что после того, как я уеду отсюда, вас начнут преследовать навязчивые мысли? А ваши сны? Считаю своим долгом предупредить: вы сами приглашаете кошмары в свой дом.

— Я хочу знать, — твердо проговорила она. — Насчет кошмаров вы правы, мне они ни к чему. Но я все равно хочу знать. Я *должна* знать.

— Энн сказала мне, что после её отца остались какие-то книги, — продолжал ее отговаривать Джеймисон. — Возможно, ответы на ваши вопросы найдутся на их страницах?

— Книги Джорджа? — Джилли передернулась. — Эти мерзкие книжонки? Он все время сидел, зарывшись в них носом! Когда прошлым летом на пляже сгребали и жгли водоросли, я попросила Энн заодно бросить в огонь и эти книжки. — Она пожала плечами, словно извиняясь: мол, что поделаешь. — Да и вообще, что я могла в них вычитать? Ведь они были написаны не по-английски. Вообще не взялась бы утверждать, на каком языке... Но самое отвратительное, какие они были на ощупь. Мне от одного прикосновения к ним становилось дурно.

Старик прищурился, кивнул и повторил свой вопрос:

— Так вы по-прежнему настаиваете, чтобы я рассказал вам про Инсмут — если одно только воспоминание о стопке старых, подгнивших книг вызывает у вас тошноту? Вы ведь попросили Энн сжечь их, даже не проверив, о чем они и в чем их ценность... Знаете, мне почему-то кажется, что не зря я приехал в ваши места, Джилли. Да здесь и врачом быть не надо: вам явно что-то не дает покоя, преследуют какие-то навязчивые мысли... Если так будет продолжаться и дальше, это может развиваться в самый настоящий психоз. Поэтому...

— ...теперь вам все ясно, — закончила за него Джилли и откинулась на спинку кресла. — Я заболела от беспокойства — или «навязчивых мыслей», и помогать вы мне не желаете.

Старик взял ее руку в свою, легонько сжал и покачал головой.

— Джилли, — негромко произнес он. — Вы неправильно меня поняли. Возможно,

психология и входит в число относительно новых разновидностей медицины, но я не настолько стар, чтобы полностью отвергать ее. Спешу заверить вас, мне кое-что известно о человеческой психике — более чем достаточно, чтобы с уверенностью сказать: с вашей все в порядке.

Она вопросительно посмотрела на него, отказываясь верить услышанному. Джеймисон продолжил:

— Моя дорогая, вы наконец стали раскрываться, вы уже сознательно повернулись лицом к вашей проблеме, в чем бы та ни состояла... а значит, уже сделали первый шаг к избавлению от нее. И поэтому я готов помочь вам.

Его собеседница облегченно вздохнула, а затем произнесла:

— Но если ради этого нужно рассказать мне про Инсмут?..

— Так тому и быть, — кивнул доктор. — Единственное, о чем я вас попрошу — не перебивать меня. Очень легко сбиваюсь.

Джилли, не раздумывая, кивнула в знак согласия. И Джеймисон начал свой рассказ...

— Во время врачебной практики в Инсмуте мне довелось столкнуться с рядом весьма странных случаев. Многие тамошние жители — дети близкородственных браков, так что кровь у них порченная. Я бы очень хотел выразиться по-другому, но не могу найти более точных слов. А главный симптом порчи — это так называемая инсмутская внешность, которая очень далека от обычной, человеческой.

Тем не менее, среди множества легенд об этом месте и его обитателях попадались мне и такие, в которых утверждалось, что на самом деле все обстоит с точностью до наоборот. Что не близкородственные браки стали причиной болезни, а, наоборот, смешение крови, браки между черными и белыми. Когда-то белые моряки плавали в южные моря, где вели торговлю с местными племенами, и нередко брали в жены чернокожих островитянок. Более того, в тех же самых преданиях говорится, что опустившиеся морские волки общались не только с туземными женщинами, но и... ладно, не надо пока об этом, у такого рода слухов с реальностью мало общего.

Но откуда бы ни взялась эта болезнь, в чем бы ни состояла ее причина — я имею в виду подлинную причину, — нельзя, как мне кажется, исключать определенную связь со старыми моряками и тем, что они привозили из морских приключений. Несомненно, кое-кто из них вступал в брак и возвращался назад с чернокожей женой. В наше время никто не стал бы делать из этого события, но в середине девятнадцатого века на подобные вещи смотрели косо. Предполагаю также, что эти женщины привозили с собой кое-какие личные вещи, а также обычаи своей родины: безделушки, одежду, кулинарные привычки, разумеется... возможно, даже свою религию. Или же слово «религия» слишком сильное и не подходит для примитивных верований островитян?

В общем, больше мне о происхождении порчи выяснить ничего не удалось. Что же касается внешности местных жителей, того жуткого уродства, которое отличало наружность многих из них, — это, я склонен думать, все же была какая-то болезнь... не исключено даже, что не одна.

Относительно формы — или форм — этого заболевания (с этого места Джеймисон начал лгать или по крайней мере слегка отступать от истины) нужно знать следующее: не будь я осведомлен чуть лучше, сказал бы, что довольно типичный случай имеется у нас прямо под боком. Я имею в виду несчастного парня, которого приютили Фостеры и с которым дружит ваша дочь — молодого Джеффа. Разумеется, я не берусь утверждать, что существует какая-то связь — пока непонятно, откуда вообще ей быть. Но многое в наружности парня роднит его с жителями Инсмута, даже если это и разные заболевания. Судите сами...

Нездоровая кожа, которая шелушится даже сильнее, чем при самом тяжелом ихтиозе; странная, шаркающая походка; аномально крупные глаза — с возрастом больным становится все труднее закрывать веки. Речь — если это можно назвать речью, скорее гортанное

хрюканье; отталкивающие наросты и складки, которые придают человеку сходство с лягушкой или рыбой. Как видите, все эти черты присутствуют во внешности нашего Джеффа. Даже Джон Тремейн, и тот как-то раз обмолвился, что-де юный Джефф напоминает ему выброшенную на берег рыбу. И если ему каким-то образом передалась инсмутская порча... стоит ли удивляться, что у людей возникают определенного рода фантазии? Думаю, не стоит.

Джеймисон на мгновение умолк и в упор посмотрел на Джилли. Пока он говорил, та еще сильнее побледнела и глубже вжалась в кресло. Пальцы, крепко стискивающие подлокотники, побелели от напряжения. И Джеймисон впервые заметил седину у нее в волосах, на висках. Правда, сейчас она сидела спокойно, не дергаясь и не ерзая, как то водилось за ней раньше, и все ее внимание было сосредоточено на нем — и том, что он ей рассказал.

Джеймисон ждал, какая же реакция последует на его рассказ. Спустя пару мгновений Джилли наконец обрела дар речи и произнесла:

— Вы упомянули безделушки, которые женщины-островитянки привозили с собой из-за дальних морей. Как я понимаю, речь о ювелирных украшениях. Вам ведь наверняка доводилось их видеть? Просто хочу спросить: какого рода безделушки? Не могли бы вы их описать?

Старый доктор озадаченно насупил брови.

— Ага! — воскликнул он и понимающе кивнул. — Мне кажется, Джилли, мы с вами говорим о разных вещах. Я имел в виду именно безделушки: браслеты и ожерелья из раковин, украшения, вырезанные из скорлупы кокосового ореха... и тому подобная ерунда. Однако не исключая того, что лично вы под безделушками понимаете совсем другое... Миссис Тремейн показывала мне брошку, которую приобрела у вашего мужа. О да, я питаю особый интерес к такого рода вещам — и потому перекупил ее! На самом же деле единственными «безделушками», упоминавшимися в тех легендах, были дешевые украшения, которые капитаны судов предлагали островитянам «на обмен». Обмен? Уж лучше скажем со всей откровенностью — бессовестный обман и грабеж! А те «безделушки», которые, судя по всему, интересуют вас... с ними наивные дикари расставались ради дешевых бус и прочей дребедени. Я имею в виду местные ювелирные изделия — подлинные, выполненные из ценных сплавов золота. Вот что моряки Инсмута выманивали у невежественных туземцев! И вы спрашиваете, видел ли я их? Видел, как не видеть, и не только брошь, которую приобрел у Дорин Тремейн...

Доктор все больше и больше приходил в возбуждение — тема увлекла его не на шутку. Но вдруг он опомнился — взял себя в руки, поудобнее расположился в кресле и лишь затем продолжил свой рассказ.

— Ну вот, — произнес он, — разве я не говорил вам, что меня легко заносит на посторонние темы? Вы не поверите, но я уже совершенно не помню, о чем шла речь минуту назад.

— Я задала вам вопрос об украшениях островитянок, — напомнила ему Джилли. — Подумала, не могли бы вы описать мне какую-нибудь вещицу — или по крайней мере рассказать, где ее видели... И еще вы говорили... что-то про моряков, которые общались не только с туземцами, но и с какими-то *существами*. Мне ваши слова показались... гм, любопытными.

— Ах вот что, — вздохнул старик. — Относительно последнего, милая, уверяю вас — это все выдумки. Что же касается ювелирных изделий... где же я их видел? Ну конечно же, в Инсмуте, где же еще! Там есть музей — ну или некое подобие музея, а вернее сказать, священное место, алтарь предков. Я мог бы рассказать о нем подробнее, если желаете. И если вы уверены, что не будете потом терзаться тревогами.

С этими словами Джеймисон в упор посмотрел на свою собеседницу, словно хотел проникнуть в ее мысли. Однако она восприняла его взгляд совершенно спокойно.

— Расскажите, пожалуйста, — кивнула она. — И я обещаю вам, что постараюсь... не

терзаться тревогами. Прошу вас, продолжайте.

Джеймисон кивнул, погладил подбородок и возобновил свой неторопливый рассказ:

— Антропология, наука о происхождении человека и его образе жизни, всегда меня привлекала. А старый Инсмут, несмотря на все свои недостатки, был местом примечательным — с удивительной историей и фольклором, которые я пока обрисовал вам очень смутно.

Некоторые из женщин (назвать их дамами язык не поворачивается), обращавшихся ко мне за помощью, принадлежали к туземной линии крови. Не обязательно, надо сказать, испорченной. Несмотря на многие поколения, отделявшие их от темнокожих предков, в них все равно можно было узнать потомков островитян из южных морей. Именно благодаря пациенткам во мне проснулся интерес к украшениям, которыми они себя увешивали — всем этим старинным брошкам, браслетам и ожерельям. Я видел немало подобных вещей, выполненных в одном и том же грубоватом стиле, с использованием схожих примитивных орнаментов.

А вот подробно их описать уже труднее. Цветочный орнамент? Вроде бы нет. Арабески? Думаю, самым точным было бы сравнить его с диковинными растениями, чьи побеги и ветки самым причудливым образом переплелись... только речь не о наземной растительности. Скорее, нечто океаническое — разные там водоросли, а между ними ракушки и рыбы... в особенности рыбы. В целом все образовывало неземные картины, которые могла бы создать какая-нибудь рыба или амфибия. На некоторых украшениях за хаосом водорослей проглядывали контуры зданий — странных, приземистых пирамид и башен со странной геометрией. Казалось, будто неизвестные мастера — кем бы или чем они ни были — пытались изобразить сгнувшую Атлантиду или какую-то другую подводную цивилизацию.

Старик опять на время умолк.

— Боюсь, мое описание не слишком удачно, но, думаю, его хватит, чтобы у вас создался некий образ. К тому же я не настолько сблизился с инсмутскими женщинами, чтобы они позволили рассматривать их побрякушки, все эти броши и цепочки, с близкого расстояния. Впрочем, я всегда расспрашивал владелицу, откуда у нее та или иная вещь. Увы, разговорчивостью они не отличались и отвечали, как правило, односложно и уклончиво... За исключением одной, что была помоложе других. Это она посоветовала мне сходить в музей.

В лучшие времена там располагалась церковь — еще до того, как здесь появилась порченная кровь, потому что потом старая добрая христианская вера поспешила покинуть эти края. Это было приземистое каменное здание, в котором давно не осталось и намек на святость. Стояло оно рядом с другим, не менее внушительным строением, украшенным колоннадой, на фронтоне которого еще читалась выцветшая надпись: «Эзотерический орден Дагона».

Дагона, каково? Давным-давно это здание тоже служило храмом... ну или чем-то вроде святилища. Чем не задачка для антрополога? Конечно же, речь шла о Дагоне, морском божестве — наполовину человеке, наполовину рыбе. Когда-то в древности ему поклонялись филистимляне, затем его культ переняли финикийцы, которые называли его Оанном. И вот эти полинезийские островитяне, жившие фактически на другом конце света, предлагали ему свои подношения — или по крайней мере возносили молитвы. В Инсмуте в двадцатых годах девятнадцатого века их потомки свято чтит эту традицию! И пусть это покажется вам глупостью, милая, но я не удивлюсь, если узнаю, что культ жив и сегодня, в наши дни.

Ну вот, я опять отвлекся! Господи, о чем же я говорил? Ах да, о старой церкви... вернее, о музее.

Он производил несколько странное впечатление: окна закрыты ставнями, цокольный этаж непропорционально высок. Именно здесь, в этом полуподвале, и были выставлены «экспонаты». Под пыльным стеклом в незапертых ящиках моим глазам предстала потрясающая коллекция золотых украшений. Признаюсь честно, меня поразило, что к экспонатам не прилагалось никаких пояснительных табличек. Более того, в музее не имелось

даже экскурсовода или смотрителя, который охранял бы эти бесценные сокровища от воришек. Впрочем, о наплыве посетителей речь и не шла. За все время мне не встретилось там ни одной души — даже церковной мыши.

Но эти золотые украшения, изготовленные из странного сплава... их можно было разглядывать часами. А еще там имелась небольшая, очень специфическая библиотечка, состоявшая из нескольких сотен книг. Все как одна жутко старые, они потихоньку покрывались плесенью и медленно превращались в прах на открытых полках. За исключением двух-трех неприятных трудов, я не узнал ни одну из них. А поскольку даже заглавия большинства фолиантов были мне недоступны, я не давал себе труда заглядывать под их обложки. Но будь на моем месте вор, он наверняка бы вышел из музея, спрятав под пальто редкие, бесценные тома, на которых потом сделал бы целое состояние — и никто не остановил бы его, не обыскал и не привлек к ответственности. Кстати, если память мне не изменяет, лет двадцать назад несколько книг и украшений действительно были похищены. Не то чтобы золото в Инсмуте относилось к числу редкостей: в девятнадцатом веке моряки привозили его из плаваний в избытке. Один из них даже построил завод, где очищал свою добычу от примесей! Я решил туда навеститься. Увы, к моему великому разочарованию, завод стоял пустым и полуразрушенным... как и весь старый город, после того... поговаривали, будто в Инсмуте вспыхнула какая-то эпидемия, и в конце двадцатых годов правительство было вынуждено пойти на крутые меры. Но я снова отвлекся, потому что это уже другая история.

Немного поерзав в кресле, Джеймисон неожиданно подвел итог сказанному:

— Ну вот, теперь вы все знаете, моя дорогая. Надеюсь, ваше любопытство удовлетворено. Мне по крайней мере ничего больше не известно об этих украшениях. Может, что-то забыл?... Да нет, пожалуй, ничего...

Теперь настала очередь Джилли Уайт смерить собеседника пристальным взглядом. Не все в его рассказе было гладко: порой в нем проскальзывали туманные намеки и недомолвки, а кое-что — в этом Джилли не сомневалась — Джеймисон явно предпочел от нее скрыть. Эти недоговоренности вызвали у нее вопросы.

— Насчет золота... да, теперь мне понятно, — сказала она. — Но вы объяснили далеко не все. Вообще-то мне даже показалось, что вы сознательно обходите стороной некоторые темы. А я х-хочу, я х-хочу!.. — Она с силой ударила ладонями по подлокотникам кресла, чтобы унять заикание. — А я хочу знать. Об этом — как вы там выразились? — «общении» между моряками и кем-то там. Вы сказали, это выдумки. Но чем бы это ни было, мне нужно знать... И еще... об их верованиях, об их религии, о к-культе Дагона. Про мастеров, сделавших украшения, вы сказали: «кем бы или чем они ни были». Как это понимать? А эпидемия? При чем тут «крутые меры»? Джеймс, если вы мне вообще друг, вы д-д-должны понимать, как это для меня важно!

— Я вижу только, что расстроил вас, — ответил доктор и погладил ее по руке. — И мне кажется, я догадываюсь, отчего вы лишились душевного покоя. Вы пытаетесь увязать услышанное с вашим мужем, верно я говорю? Полагаете, что в его жилах также текла испорченная кровь? Даже если и так, вашей вины в том нет. И если порча — это болезнь то и его вины нет тоже. Нельзя корить себя за то, что ваш муж оказался... переносчиком. В любом случае теперь его нет, и на ваших беспокойствах можно поставить точку. Не надо мучить себя глупой мыслью, что... этим дело не кончилось.

— Тогда попытайтесь меня переубедить, — произнесла она уже спокойнее. Теперь можно было говорить в открытую. — Расскажите мне все, чтобы я разобралась и сделала для себя окончательный вывод.

Джеймисон кивнул:

— Что ж, рассказать-то мне не трудно, хотя по большей части это будет пересказ дремучих легенд, поверий и слухов, а также рыбацких историй про русалок и им подобных обитателей моря. Однако, учитывая состояние ваших нервов, я, пожалуй, воздержусь.

— Ах да, моих нервов, — вздохнула Джилли. — Одну минутку.

Она встала и сходила на кухню за стаканом воды и парой пилюль.

— Видите, я четко выполняю ваши рекомендации. Послушайте и вы меня — расскажите. — Она подалась вперед, и ее пальцы впились в подлокотники кресла. — Прошу вас... если не ради меня, то хотя бы ради Энн.

Он понимал ее — и не сумел ответить отказом.

— Уговорили, — произнес он. — Но, моя милая, то, что не дает вам покоя и омрачает вашу жизнь — это... это просто ужасное заболевание и ничего более. Иначе и быть не может. Поэтому, прошу вас, не смешивайте фантазии с реальностью — это прямой путь в сумасшедший дом...

И он рассказал ей остальное.

— Байки, которые до меня дошли... были просто невероятны! Легенды, рожденные наивным первобытным сознанием — вернее, первобытным невежеством. Видите ли, если говорить о Дагоне, то у островитян имелись свои собственные мифы, которые передавались из поколения в поколение. Их кровь была настолько испорчена, а внешность до того уродлива, — по всей видимости, эти дикари носили заразу в себе так давно, с незапамятных времен, — что они решили, будто созданы по образу и подобию своего творца, рыбьего бога Дагона.

Дикари о многом поведали морякам. Например, что в ответ на их молитвы Дагон подарил им не только изобилие рыбы, но и странный золотой сплав — судя по всему, его вымывало из местных гор в период дождей. Именно местные жрецы — шаманы-целители, жрецы культа Дагона и его Эзотерического ордена — тайком занимались изготовлением ювелирных украшений, часть которых дошла и до нас.

Однако современная легенда — та, которую можно услышать в Инсмуте и его окрестностях, — гласит иное: в обмен за богатый улов и золото островитяне отдавали своих детей морю — вернее, человекоподобным существам, что обитали в море, так называемым Глубоководным. Эти создания поклонялись Дагону и другим «божествам» морских глубин — в частности, великому Ктулху и Матери Гидре. В этом же предании говорится, что, обуреваемые жаждой золота, а также прочих знаков благосклонности со стороны полубытых богов из сомнительных мифов (например, обещания вечной жизни), моряки Инсмута последовали примеру островитян и начали приносить своих детей в жертву Дагону. Впрочем, это были уже не столько жертвоприношения, сколько спаривания. Таким образом, обе легенды винят в появлении порчи смешанные браки: чистая человеческая кровь смешалась с кровью Глубоководных. Разумеется, таких браков быть не могло в принципе, потому что морскою народа не существует. И не существовало, однако это не остановило горстку самых опустившихся горожан. Они основали секту, доказательством чему является украшенный портиком и колоннадой храм, посвященный так называемому Эзотерическому ордену Дагона.

Все, теперь осталось рассказать лишь про «эпидемию» 1927–1928 годов...

Что ж, семьдесят лет назад наше общество отличалось гораздо меньшей терпимостью. Как это ни печально, но когда из Инсмута поползли слухи о том, как далеко зашла порча, о множестве больных и уродливых людей, которые там живут, то реакция федерального правительства была, на мой взгляд, неоправданно жесткой. Появись в те годы СПИД, реакция оказалась бы такой же — паника и поспешные решения. За этим последовала череда облав и арестов. Старые, полусгнившие дома на набережной сносили и сжигали. Однако никаких официальных обвинений не последовало, и ни один человек не был предан суду. Правительство твердило что-то невнятное о чрезвычайно заразной инфекции. Поговаривали, что заболевших тайком разместили по военным и флотским тюрьмам.

Таким образом, старый Инсмут почти полностью обезлюдел и даже спустя семьдесят лет практически не восстановил свою численность. Правда, теперь там имеется современная лаборатория, где работают специалисты — некоторые из них уроженцы Инсмута. Они продолжают изучать наследственное заболевание, а заодно оказывают потомкам тех, кто

уцелел после полицейских облав 1928 года, посильную помощь. Я тоже работал там, пускай и недолго; признаюсь честно, занятие это неблагодарное. Я видел страдальцев на самых разных стадиях заболевания и порой мог предложить им лишь самую примитивную медицинскую помощь. Поскольку среди тамошних врачей и специалистов... как бы это помягче выразиться... бытует мнение, что для тех, в чьих жилах течет испорченная кровь, никакой надежды нет. И пока болезнь сама собой не растворится в общем генофонде, «инсмутскую внешность» не истребить...

Джилли восприняла его слова спокойно, даже слишком спокойно. Джеймисону подумалось о затишье перед бурей. Она смотрела, не мигая, куда-то перед собой, однако взгляд этот был скорее задумчивым, нежели отсутствующим. Несколько минут они сидели молча. Наконец старый доктор не выдержал и спросил:

— Ну что, Джилли? Вас все еще что-то тревожит?

Она перевела взгляд на него и ответила:

— Да, буквально одна вещь. Вы упомянули про вечную жизнь — будто морякам за поклонение Дагону и другим глубоководным божествам было обещано бессмертие... Но что, если некоторые отворачивались от этой веры, отступались от культа? Видите ли, незадолго до смерти Джордж частенько бормотал во сне, и я нередко слышала, как он твердил, будто не желает жить вечно — жить таким. Полагаю, он имел в виду свою болезнь. Но не могу поверить... хотя почему *не могу*? Я верю, что он разделял подобные взгляды. Как вы думаете, в-в-возможно ли, что мой муж был членом этого инсмутского к-к-культа? И есть ли в нем хоть крупица истины? Хотя бы малая толика?

Джеймисон покачал головой:

— Хотя бы малая толика? Только в его воображении, милая моя. Поймите, чем хуже становилось Джорджу, тем больше болезнь сказывалась и на его психике. И он занялся тем, чем занимаетесь теперь вы — поисками несуществующих объяснений. А поскольку ваш муж наверняка общался с членами секты и потому знал бытующие в их среде предания, он наверняка уверовал, что хотя бы в чем-то они соответствуют действительности. А вам нельзя следовать его примеру. Нельзя, слышите?

— Но эта порча в крови, — произнесла она едва ли не шепотом. Голос ее прозвучал как будто из могилы. — У него, у Джеффа... а если у Энн т-т-тоже?

— Джилли, дорогая, выслушайте меня. — Старый врач твердо взял ее за руку. После той лжи и полуправды, которую Джеймисон поведал ей за эти полчаса, он приготовился сказать самую большую свою ложь. — Джилли, я знаю вас с дочерью — особенно Энн — уже достаточное время. Исходя из того, что мне известно об инсмутской порче, а также о вашей дочери, я готов поставить на кон мою врачебную репутацию и уверенно сказать: она нормальна, как и мы с вами.

При этих его словах Джилли облегченно вздохнула и чуточку расслабилась.

Джеймисон понял, что пора уходить, и поднялся с кресла.

— Мне пора, — произнес он. — Уже поздно, а перед сном еще нужно кое-что сделать.

С этими словами он направился к двери, однако на пороге задержался и добавил:

— Передайте Энн от меня привет. Жаль, не удалось сегодня повидаться. А может, это и к лучшему. Нам необходимо было поговорить.

Джилли проводила его (слегка пошатываясь, отметил Джеймисон) и уже в дверях сказала:

— Даже не знаю, как отблагодарить вас. У меня словно камень с души свалился. И так всегда, стоит с вами п-п-по-говорить.

Она дождалась, когда он сядет в машину, и, прежде чем закрыть дверь, помахала ему рукой.

Отъезжая от дома, старый доктор заметил краем глаза какое-то движение за шторой в окне верхнего этажа. Там располагалась спальня Энн. На какое-то мгновение ему показалось, будто в просвете между занавесками возникло ее лицо... ее огромные зеленые глаза. Интересно, подумал Джеймисон, и давно она проснулась? И спала ли она вообще? Если нет,

девочка наверняка подслушала их с Джилли разговор.

А может, она уже и сама все знает?

Долгая зима с её хворями — ларингит у Энн, грипп у Дорин Тремейн — постепенно перешла в весну. В деревенских садах и в цветочных ящиках на подоконниках зеленые побеги превратились в цветы. Низкое небо прояснилось и с каждым днем все больше наполнялось голубизной.

Однако среди всех этих изменений были и другие, не столь естественные и не столь приятные. Джеймисону выпало стать свидетелем и тех и других.

Он нередко видел, как Джефф — словно обычный деревенский паренек — бредет по пляжу вдоль линии прибоя. Да вот только на обычных ребят он не походил... и был серьезно болен.

Джеймисон следил в бинокль за этим сутулым бродягой — вот он плетется, шаркая ногами, чуть вразвалочку, втянув голову в плечи и повыше подняв воротник. И хотя погода значительно улучшилась, Джефф больше не плавал в море. Он приходил, чтобы просто посмотреть на него. Время от времени он останавливался и поднимал уродливую голову, чтобы окинуть взглядом морскую даль до самого горизонта — взглядом, полным тоски, думал старик, пытаясь издали прочесть на лице парня хоть какие-то признаки эмоции. От его родства с водой и явной, пусть даже бесполезной на суше, физической мощи осталась лишь бледная тень. Короче говоря, Джефф заметно сдал.

Старый врач слышал, о чем поговаривали в деревенской пивной. В среднем уловы выросли, а вот у Тома Фостера дела, наоборот, шли гораздо хуже, чем раньше. Удача оставила его, и неуклюжий увалень больше не при водил его лодку в самые рыбные места. По крайней мере так думали деревенские жители, другие рыбаки. Однако правду пожилому доктору поведал сам Том Фостер, когда они вместе сидели за кружкой пива в том же кабаке.

— Ох уж этот парень, — сокрушался рыбак. — Что-то с ним неладно. Говорит, что море манит его и ему страшно. Вот он и бродит по пляжу, глазает, как барашки несутся к берегу, а кататься на них уже не хочет. Не пойму, о чем это он, но парнишка постоянно ноет, что «еще не готов» и что, наверно, никогда не будет готов... а если уйдет сейчас, то ему конец. Один бог ведает, куда это он собрался. Я вам честно скажу, парень плох. Готов поспорить, попроси я его выйти со мной в море, он бы не отказался, да только не буду я этого делать. Одно хорошо — он часами лежит в ванне, чтобы как следует намокнуть, так что с кожей у него теперь все в порядке. Зуд его больше не донимает, потому что рыбьих вшей вы ему тогда вывели.

Старый рыбак пожал плечами — мол, что тут добавишь? — и допил свое пиво. Потом он подытожил свои размышления:

— Ни плавания в море, ни рыбьих вшей — вот и вся история. А что до остального... боюсь я за парня, ей-богу, боюсь.

— Ответьте мне на один вопрос, только честно, — обратился старик к Фостеру. — Зачем вы взяли к себе этого парня? Насколько могу судить, никто вас не заставлял. Ведь вы, как я понимаю, ему не родной отец. Он ведь подкидыш, да еще эти... осложнения, они же с самого начала были.

Фостер кивнул:

— Это все моя женушка, она взяла его. Ей прабабка рассказала о таких мальчиках — она ведь жила когда-то на тех островах. Вот моя женушка и решила его взять. Да и я со временем стал считать его почти что за сына, как-никак, на моих глазах рос. Но мы всегда знали, кто его настоящий папаша. Да и как не знать, тоже мне секрет... Все и так видно. Джордж, кто же еще. Он и деньги нам платил — долю свою.

— Джордж Уайт давал вам деньги?

— Да, за то, что мы кормим и поим Джеффа, — с готовностью признался Том Фостер. — Что верно, то верно. Даже драгоценности свои стал продавать — всякие там украшения и побрякушки. Ради парня, ну и ради собственного удовольствия... по крайней

мере так говорили. Хотя это уже не моего ума дело...

А еще была бедняжка Джилли Уайт. Она — вернее, ее здоровье — также заметно сдала. Ее постоянно преследовали кошмары; они стали являться к ней регулярно, с каждым разом делаясь все более фантастическими — почти на грани гротеска. Речь и координация движений тоже заметно ухудшились. Джилли заикалась, часто по нескольку раз повторяла одну и ту же фразу, а иногда теряла равновесие и падала, когда — казалось бы, что может быть проще? — пыталась пройти в дверь. В каком-то смысле она превратилась в узницу собственного дома, лишь изредка отваживаясь выйти на берег, чтобы посидеть вместе с дочерью на весеннем солнышке.

Что касается ее снов...

Задача оказалась не из легких, но терпеливый Джеймисон все-таки вытянул из Джилли кое-что о содержании ее кошмаров. Остальное рассказывала ему Энн, когда они возвращались с ней из Сент-Остелла после занятий. Неудивительно, что самые худшие из кошмаров Джилли были связаны с её бывшим мужем, Джорджем Уайтом. И не с его самоубийством, как ни странно, а с его болезнью, которая прогрессировала все быстрее до самой его смерти.

В частности, Джилли снились лягушки и другие амфибии, а также рыбы... но не создания природы. Герои ее кошмаров словно являлись из другого мира — жуткие мутанты, гибриды человека и каких-то чудищ. Человеком всегда был Джордж Уайт. Его лицо и тело словно бы накладывались на другую анатомию — амфибий или рыб, а чаще всего существ, сочетающих признаки обоих родов... и кого-то еще. Короче говоря, Джилли Уайт снились Глубоководные, и Джордж принадлежал к их числу!

Энн Уайт рассказала старому доктору, как ее мать бормотала всякую ерунду про «огромные влажные глаза, которые не закрываются», про чешую, «шершавую и острую, как напильник», про «кожные складки на шее Джорджа, которые открывались внутрь и пульсировали... будто жабры, особенно если он храпел или задыхался во сне». Но по дороге в город и обратно Энн обсуждала с ним не только кошмары матери. Похоже, девочка решила быть с доктором до конца откровенной.

— Я знаю, вы видели меня перед окном в тот день, когда привезли маме лекарство и долго с ней говорили про Инсмут. Я услышала ваши голоса, встала с кровати, вышла на лестницу и сидела там до самого конца. Сидела тихо-тихо и поэтому разобрала почти все ваши слова.

Джеймисон кивнул:

— Значит, твоя мама сказала что-то такое, о чем бы никогда завела речь при тебе? Скажи, наш разговор не слишком тебя расстроил?

— Ну разве что чуть-чуть, а так-то — нет, — ответила девочка. — Мне известно гораздо больше, чем думает моя мать. Но вот насчет того, что вы рассказали ей — в связи с моим отцом и этими ее снами... мне хотелось бы знать одну вещь... Ей об этом рассказывать необязательно.

— Вот как?

— Да. Вы сказали, что видели больных в Инсмуте «на разных стадиях заболевания». И я подумала...

— И ты подумала, что это за стадии? — поинтересовался доктор и сам же ответил на свой вопрос: — Есть стадии, а есть состояния. Смотря как идет дело с самого начала. В отдельных случаях порча может проявить себя уже вскоре после рождения, а может и дать о себе знать гораздо позже. У некоторых она вообще почти не проявляется внешне... Некоторые появляются на свет уже с уродством.

— Как Джефф?

— Ты права, как он, — кивнул Джеймс. — Все зависит от того, насколько испорчена, так сказать, кровь у родителей. Или по крайней мере хотя бы у одного из них. Или у кого-то из предков.

И тут Энн неожиданно заявила:

— Я знаю, что Джефф мой единокровный брат. Именно поэтому мама ничего и не имеет против нашей дружбы. Она чувствует себя виноватой из-за отца... в смысле, винит себя. И поэтому она думает о Джеффе как о члене нашей семьи. Ну или вроде того...

— А ты? Что ты сама о нем думаешь?

— Считаю ли я его братом, вы хотите сказать? — спросила она и нерешительно покачала головой. — Даже и не знаю. Отчасти — да. То есть мне он не кажется уродом, если вы об этом.

— Нет-нет, мне тоже не кажется? — поспешил заверить ее Джеймисон. — Как врач я привык спокойно воспринимать ненормальности пациентов — я просто не замечаю их.

— Ненормальности? — Энн слегка наклонила голову и с любопытством, если не с вызовом, посмотрела на старика.

— Ну, хорошо, отличия от нормальных людей, — поправился он.

Она вновь взглянула на него, а потом произнесла:

— Хорошо, продолжайте. Расскажите мне об этих... стадиях и состояниях.

— Как уже говорил, одни уже появляются на свет с врожденными уродствами, — продолжил доктор, — а у других они постепенно развиваются в течение всей жизни. А кое-кто и вообще остается совершенно нормальным на вид. Таких людей в Инсмуте сейчас предостаточно. И всегда хватает тех, кто сохраняет подобие человеческой наружности на протяжении почти всей жизни, а меняться начинают лишь в преклонном возрасте. Тогда метаморфозы происходят буквально на глазах. В больнице, где я работал, некоторые из врачей-генетиков — кстати, тоже уроженцы Инсмута — пытались изменить у пациентов кое-какие гены. Они надеялись если не окончательно остановить процесс, то хотя бы замедлить его и тем самым еще на несколько лет подарить людям нормальную человеческую внешность, а значит, и нормальную человеческую жизнь.

— Человеческая наружность, метаморфозы, генетика, — задумчиво кивала Энн. — Послушать ваши объяснения, так это и не болезнь вовсе, а «метаморфоза». Ваши собственные слова! Как если бы куколка превращалась в бабочку или головастик — в лягушку. Вот только вместо головастика... — Неожиданно она нахмурилась и умолкла, задумчиво откинувшись на спинку сиденья. — Все это так сложно... Но мне кажется, ответы найдутся скоро, и я вроде бы уже начинаю понимать...

Она вдруг подалась вперед, и ее ремень безопасности натянулся.

— Ой, мы уже почти дома! — воскликнула она и испытующим взглядом посмотрела на Джеймисона. — Я даже и не заметила, как мы проехали деревню, а у меня еще осталась к вам пара вопросов. Один-два, не больше.

Старый доктор покорно сбросил скорость.

— Ну, давай спрашивай, — подбодрил он девочку.

— Этот культ Дагона... Эзотерический орден все еще существует в Инсмуте? То есть они до сих пор устраивают богослужения? Что, если человек с порченной кровью или уродливой внешностью не захочет оставаться со всеми, если отвергнет их учение и... сбежит из города? Я знаю, мама задала вам почти тот же самый вопрос. Но вы почему-то на него не ответили.

— Думаю... — проговорил Джеймисон, остановив машину перед домом Джилли. — Думаю, этот вероотступник сделал себе только хуже. Если в его внешности начнутся изменения, куда ему податься? Кто ему поможет, как не свои?

В этот момент в дверях показалась Джилли, бледная и растерянная. Однако Энн, выходя из машины, одарила старика пронизательным взглядом, и он тотчас понял, что девочка все знает. Она действительно знает гораздо больше, чем предполагает ее мать.

Развязка не заставила себя ждать. Драма разыгралась во вторую неделю мая.

В деревне появилась первая горстка туристов и отдыхающих. Городские жители сняли себе комнаты с завтраком в дешевых пансионатах, и теперь каждый день устремлялись на пляж — правда, на всякий случай захватив с собой что-нибудь из теплой одежды.

В объектив бинокля Джеймисона, случалось, попадал и старый Том Фостер со своим подопечным. Чаще всего эти двое словно спорили о чем-то. Джефф все порывался куда-то идти, а приемный папаша ковылял за ним следом, мотая головой и умоляющим жестом показывая в противоположную сторону. И хотя здоровье парня заметно пошатнулось за прошедшую зиму, ему хватало сил упрямо, хоть и спотыкаясь, шагать вперед. Бедняге Фостеру ничего не оставалось, как семенить вслед за ним, задыхаясь от быстрой ходьбы и кляня парня на чем свет стоит. Когда же юноша бывал один, — дергаясь, как диковинное пугало под морским ветром, ворошившим остатки жестких волос на его макушке, — он неизменно устремлял взгляд на беспокойные волны, будто замороженный водными просторами.

Одним погожим воскресным днем Тремейны, Джеймисон и Энн Уайт оказались на пляже вместе — точнее, в одно и то же время. Как и молодой Джефф.

Старый доктор держался подальше от песчаных дюн, на твердой земле, где было легче идти. Он шел мимо дома Тремейнов в направлении домика Джилли Уайт. Дорин и Джон Тремейны тоже выбрались подышать свежим морским воздухом и прогуливались примерно ярдах в двухстах от доктора, поэтому пока что не замечали его. Энн с такого расстояния казалась всего лишь небольшой точкой — как обычно, она читала, уютно устроившись под поросшей травой дюной, ярдах в ста от дома матери. Сегодня она не стала уходить далеко от дома: Джилли несколько дней назад слегла в постель — то ли от нервного, то ли от физического истощения, если не одновременно.

На пляже отдыхающих почти не было, не считая тех, кто рискнул раздеться до купальных костюмов и окунуться в еще холодную воду. Однако ближе всех к морю, — двигаясь в направлении от деревни и сторонясь расположившихся на пляже семей, — находился юный Джефф. Джеймисон, как водится, захватил с собой бинокль. Он остановился, чтобы взять юношу в фокус — и вид юноши поневоле вызвал в нем сочувствие.

Джефф шел шаркающей походкой, еле волоча ноги. Губастый рот его раскрылся, а бородавчатый подбородок понуро упирался в грудь. Даже на расстоянии было видно, что глаза парня затянуты мутной поволокой, а чешуйчатая кожа лица приобрела еще более нездоровый, серый оттенок. Ему словно не хватало воздуха — покатые плечи тяжело вздымались и опускались в такт дыханию.

Не замечая доктора, странное существо по имени Джефф сорвало с себя куртку и отшвырнуло ее в сторону, после чего резко повернуло к полосе влажного песка у кромки воды. Там в этот момент, заливаясь смехом, прыгали и плескались в мелкой воде какие-то дети. Заметив Джеффа, они тотчас прекратили резвиться и молча застыли на месте, а затем, разглядев его поближе, сначала попятились, а потом и вовсе бросились наутек.

Внутренний голос тут же подсказал Джеймисону, что творится что-то неладное, и он прибавил скорости — как и Тремейны. Они тоже ускорили шаг и, преодолев гребень дюн, пошли по мягкому песку пляжа. Находясь ближе к юноше, они не могли не заметить его странного поведения и тоже обеспокоились.

Энн, в отличие от них, сидела в своей ложбинке и потому даже не подозревала, что совсем рядом разыгрывается настоящая драма.

Джеймисон неожиданно продемонстрировал несвойственную его почтенному возрасту прыть, еще сильнее ускорив шаг. Чтобы ни случилось, ему хотелось оказаться как можно ближе к месту событий. Он приостановился лишь на секунду, когда до него донесся странный крик — не крик даже, а гортанное завывание, услышав которое, он со всех ног бросился по оставленным Тремейнами следам через дюны. Затем, взобравшись на гребень, старик устремил взгляд на берег — отсюда, с расстояния не больше ста пятидесяти ярдов, ему было видно все.

Энн тоже услышана этот странный вой. Она тотчас вскочила, взбежала на дюну, за которой сидела с книгой, и посмотрела в сторону моря. Ее сводный брат, стоя по колено в воде, сорвал с себя рубашку, затем, продолжая издавать все те же странные звуки — вой, шипение, — сбросил и поношенные брюки. Казалось, он обращался к морю!

Девочка со всех ног бросилась к нему, Тремейны спешили за ней. Замыкал строй Джеймисон. На бегу он краем глаза заметил, что Джилли Уайт показалась на веранде своего дома и стояла теперь, пошатываясь, в одном домашнем халате. Бледная, как привидение, она одной рукой нетвердо держалась за перила, а другой в немом ужасе прикрывала рот.

Энн уже бежала по воде к обезумевшему — или просто измученному? — юноше. Джон Тремейн сбросил ботинки, попробовал воду — не холодна ли? — закатал повыше брючины и зашлепал к Энн и Джеффу. Тем временем Джеймисон, задышавшись с непривычки, уже почти добежал до места событий.

Джефф перестал шипеть и звать. Мертвой хваткой вцепившись в руку Энн, он указал куда-то на море. Затем выпустил ее и начал жестикулировать:

«Пойдем со мной, сестра, потому что я должен уйти! Я не готов, но все равно должен! Оно зовет меня... море зовет меня, и я не могу больше сопротивляться. Я должен!»

Увидев, что девочка колеблется, он опять схватил её за руку и потянул за собой в воду. Теперь уже не оставалось сомнений, что парень окончательно спятил. Он вновь принялся что-то бормотать, тоскливо вскрикивать, подвывать, будто обращаясь с молитвой к неведомым владыкам глубин, и зубы его поблескивали желтоватой рыбьей костью.

Джеймисон был уже совсем рядом, однако Тремейн еще ближе. Директор колледжа схватил Энн и попытался отвоевать её у безумца. Отпустив ее руку, Джефф набросился на Тремейна. Острыми как бритва зубами он впился ему в плечо, прокусив тонкую ткань рубашки. Тремейн взвыл от боли, затем покачнувшись и упал в воду, которая тотчас накрыла его с головой.

Парень тут же понял, что наделал, какую непоправимую ошибку совершил. Кровь Тремейна забрызгана его лицо, вытекала из широко раскрытого рта. Наконец Джефф опомнился. Тряхнув головой, он знаками попрощался с Энн, шагнул вперед и поплыл.

Он плыл, и сразу стало ясно, что море — его родная стихия. Джеймисон, провожая его взглядом, про себя подумал: «Как жаль, что он не приспособлен для нее...»

Тремейн, пошатываясь, вышел на берег. Энн вернулась на мелководье, где вода была ей лишь по колено, и смотрела вслед удалявшемуся Джеффу. Джеймисон помог Джону Тремейну выйти на сушу, смочил в соленой воде носовой платок и приложил его к кровоточащему месту между плечом и шеей. Дорин Тремейн бросилась к ним, в ужасе заламывая руки и вопрошая, как помочь мужу.

— Отведите его домой, — сказал старик. — Только прошу вас, не снимайте платок, это поможет остановить кровотечение. Дома обработайте рану антисептиком, наложите тампон и перебинтуйте. Когда Джон оправится от шока, отвезите его в Сент-Остелл. Пусть ему там сделают уколы против столбняка плюс любые другие, какие понадобятся. Главное, поторопитесь. Вы меня поняли?

Миссис Тремейн кивнула и повела мужа домой.

Энн стояла у самой кромки воды, мокрая от талии и ниже. Жадно хватая ртом воздух, не в силах прийти в себя от пережитого ужаса, она широко раскрытыми глазами таращилась на старого доктора. Потом она обернулась в сторону моря и прохрипела:

— Джефф... Джефф...

— Давай я отведу тебя домой, — предложил Джеймисон.

— Но Джефф... как же Джефф?

— Мы поставим в известность береговую охрану, — кивнул он и накинул ей на плечи свой пиджак.

— Он сказал... сказал, что не готов, — проговорила Энн, позволив старику отвести себя от воды.

— Никто из нас не был готов, — пробормотал Джеймисон себе под нос. — Особенно к такому.

Примерно на полпути к ее дому они слышали сдавленный крик. Кричала Джилли Уайт. Шатаясь, она спускалась с обращенной к океану веранды. Одной рукой она придерживалась за перила, другой указывала то в небо, то на горизонт, то на море, на берег и,

наконец, на дочь и Джеймисона. Выражение ее осунувшегося лица быстро менялось — пустоту во взгляде тотчас заполнил неподдельный ужас, а потом ее глаза закатились и застыли, как белые камешки.

Колени у нее подогнулись, и Джилли рухнула на деревянную веранду, где и осталась лежать, корчась в судорогах и что-то невнятно бормоча сквозь пену слюны.

Береговая охрана так и не обнаружила Джеффа, хотя их катер рассекал волны до самого вечера того дня, а затем и весь понедельник, от рассвета и вплоть до наступления темноты. Врач — специалист из Сент-Остелла — надлежащим образом осмотрел Джилли Уайт, после чего в приватной беседе с Джеймисоном — подальше от любопытных ушей Энн — подтвердил диагноз старого доктора. Разумеется, после того, как специалист уехал, Энн задала ему неизбежный вопрос. Джеймисон попросил ее подождать, пока все не успокоится. Раз болезнь зашла так далеко и на данный момент улучшения не предвидится, пусть Джилли хотя бы немного придет в себя в тишине и покое. Лично он останется при больной, и они вместе станут заботиться о ней — Джеймисон подчеркнул, что рассчитывает на помощь Энн — до тех пор, пока не придется что-то решать.

В конечном итоге никакой помощи он так и не получил, хотя, откровенно говоря, не слишком на нее рассчитывал. Энн постоянно проводила время у моря — отмеряла милю за милей вдоль берега, вглядывалась в горизонт и, выбившись из сил, возвращалась домой лишь затем, чтобы поесть или поспать. Так продолжалось четыре дня, пока на пятые сутки в нескольких милях от их дома волны не выбросили на берег разбухшее от воды тело Джеффа.

После этого Энн уснула и проспала целые сутки.

А на следующее утро, в первый по-настоящему теплый день, — проведав мать и увидев, что та спит, хоть и беспокойно, — она отправилась в свою любимую ложбинку, где уже сидел старик, и устроилась рядом с ним.

Он был одет по погоде — в одной рубашке, серых хлопчатобумажных брюках и теннисных туфлях. На коленях у него лежала книга — правда, нераскрытая. Как только девочка подошла к нему, он протянул ей книгу и сказал:

— Вот, нашел ее здесь. Тебе крупно повезло, что на нее никто не набрел и что все эти дни стояла сухая погода.

Энн взяла в руки старинный фолиант и отложила его в сторонку, а потом спросила у Джеймисона:

— Вы читали?

Тот покачал головой:

— Это ведь твоя книга. Вдруг ты в ней что-нибудь написала. Я не люблю вторгаться в чужую жизнь. И не люблю, когда вторгаются в мою.

Энн взяла старика за руку и привалилась к его плечу, как бы давая понять, что они по-прежнему друзья.

— Спасибо за все, что вы сделали для нас, особенно для мамы, — произнесла она. — Я хочу сказать: я так рада, что вы приехали к нам в деревню. Пускай даже вам пришлось *приехать*, — она бросила хитрый взгляд, — все равно я рада. Вы пробыли у нас всего несколько месяцев, а у меня такое чувство, будто мы с вами знакомы всю жизнь.

— Что ж, для меня это комплимент, — отозвался Джеймисон.

— Думаю, нам можно поговорить, — торопливо добавила Энн. — Мне с самого начала так казалось, с первой встречи. А когда вы вылечили Джеффа... ну, я уже не сомневалась.

— А мы и так разговаривали, — произнес старик. — Не совсем еще откровенно, не забираясь в глубину — до сегодняшнего дня, да? — но разговаривали. Может, все дело в доверии, некоем родстве душ?

— Именно, — кивнула она. — Я знаю, что вам можно доверять секреты. Мне уже давно хотелось это сделать. Я бы с радостью поделилась ими с матерью, но она не стала бы и слушать. И все из-за ее нервов. Она обычно начинала волноваться, трясла головой или просто выходила из комнаты, чтобы ничего не слышать. Даже не уходила, а ковыляла

прочь... И с каждым днем становилось все хуже и хуже. Но вы... вы не такой.

Старик улыбнулся:

— Видно, такова моя доля. Если не ошибаюсь, как-то я раз сказал Джилли, что порой воспринимаю себя не как врача, а как исповедника. Что довольно-таки странно, потому что я не католик.

— Кто же вы тогда? — Энн вопросительно наклонила голову. — Я имею в виду, какую религию вы исповедуете? Или вы атеист?

— Что-то в этом роде, — ответил Джеймисон и пожал плечами. — Хотя кое во что я и верю. Только не в традиционного Бога — если ты, конечно, об этом. А ты? Во что веришь ты?

— Я верю в то, о чем рассказывал мне отец, — задумчиво отозвалась Энн. — Что-то из этого было красиво, что-то уродливо, что-то просто удивительно — как самые странные мифы и легенды в самых странных книгах. Да вы наверняка понимаете, о чем я, хотя я сама и не вполне уверена.

С этими словами она взяла книгу и прижала её к груди. На древнем переплете из кожи, блестящей и потемневшей от времени, как старый дуб, стояло всего три буквы затейливым шрифтом: «Э. О. Д.».

— И вот ты сидишь здесь с одной из этих книг. Возможно, самой удивительной. Конечно, заглавие у нее необычное. Твоя мать как-то сказала, что якобы велела тебе сжечь какие-то книги...

Энн посмотрела на тяжелый фолиант.

— Отцовские? — уточнила она. — Вы правы, именно от них она и хотела избавиться. Но у меня рука не поднялась бросить их в огонь. Эта одна из них. Многие я читала и перечитывала, пытаюсь в них разобраться. Иногда мне все казалось понятным, иногда — наоборот. Одно я знала точно: эти книги важны, и теперь я знаю почему. — Неожиданно она взяла его руку и сжала выше локтя. — Может, не будем больше притворяться. Ведь мне известно почти все... Почему бы вам не рассказать мне то небольшое, чего я еще не знаю? Клянусь вам: что бы это ни было, я вас не выдам. Да вы и сами это должны понимать.

Старик кивнул и осторожно высвободил руку.

— Думаю, теперь можно. При условии, конечно, что не испугаешься и не убежишь от меня... как твой отец.

— А он был очень напуган? — поинтересовалась Энн. — Никогда не понимала, зачем ему понадобилось красть из музея драгоценности и книги. Потому что, не укради он их, все могло бы быть совсем иначе. Они бы дали ему уйти.

— Скорее всего он рассчитывал продать эти книги, — ответил старик. — Надо же ему было на что-то жить. Ведь твой отец не мог не знать, сколь редки эти книги и какую ценность представляют. Но после того как он бежал из Инсмута, сменил имя и стал немного уверенней в себе, до него, видно, дошло: где бы ни всплыли эти книги, ниточка тотчас потянется и к нему... ведь книги — неопровержимая улика. И потому он решил оставить их себе.

— И при этом начал распродавать украшения?

— Потому что золото — это не то, что книги, — улыбнулся Джеймисон. — Люди нередко воспринимают его как часть себя. Нет, конечно, иногда они все-таки надевают украшения, но обычно берегут их как зеницу ока. Такие вещи обычно не выставляют на полке, чтобы все ими любовались. К тому же твой отец старался не продавать их сразу в больших количествах. Что-то одному, что-то другому, но никогда помногу в одни руки. Возможно, поначалу ему и не хотелось с ними расставаться, однако впоследствии он передумал.

— Как я понимаю, члены Эзотерического ордена не слишком зорко стерегли свои сокровища. — Слова девочки прозвучали скорее как вопрос.

— Это потому, что они считали Инсмут своим городом и чувствовали себя в безопасности, — ответил Джеймисон. — А еще потому, что предательство у членов ордена не в чести. Кроме того, провинившемуся грозило наказание.

— Наказание?

— У них есть свои законы. Как и у любого другого сообщества.

Энн пристально посмотрела ему в глаза, и Джеймисон прочел в этом взгляде доверие... взаимное доверие.

— Что еще тебе хотелось узнать? — спросил он.

— Тысячу самых разных вещей, — задумчиво проговорила девочка. — Но пока мне не хватает смелости спросить о них. Сначала нужно кое-что хорошенько обдумать... — И тотчас же спохватилась: — Вы сказали, что мой отец сменил имя.

— О да. Специально для веселой гонки, которой он мучил нас — меня — все эти годы. Но золото в конечном счете выдало его. Я всю зиму только тем и занимался, что ездил по соседним городкам и скупал его у бывших владельцев. Думаю, большая часть уже у меня. Имя же... Настоящая его фамилия не Уайт, а Уэйт. Он происходит из древнего — очень-очень древнего — рода инсмутских Уэитов. Один из его предков, да и моих тоже, плавал вместе с Оубедом Маршем по торговым делам в южные моря. Впрочем, хронологически я гораздо ближе к тем старым мореходам, чем бедняга Джордж.

Энн удивленно заморгала и даже потрясла головой. Старик, довольный тем, что впервые застал ее врасплох, не смог сдержать торжествующей улыбки.

— То есть вы тоже Уэйт? — спросила она. — Но ведь ваша фамилия Джеймисон!

— На самом деле это значит всего лишь «сын Джейми», — пояснил старый доктор. — Джейми Уэйта, если быть точным, тоже родом из Инсмута. Ну как, не ожидала? Не слишком я тебя напугал? Да, не зря тебе казалось, будто нас связывает родство душ. Как видишь, не только душ.

Какое-то время Энн молчала, пристально глядя ему в глаза.

— Да нет, не напугали, — произнесла она наконец и покачала головой. — Пожалуй, я с самого начала догадывалась, хотя и не обо всем... А Джефф, бедный наш Джефф. Выходит, что вы и ему родственник. Думаю, он тоже это знал. Это можно было прочесть в его глазах, когда он смотрел на вас.

— Джефф? — Лицо старика сделалось печальным. — Бедняга! Правда, его случай безнадежный, он никогда бы не развился до нормальной особи. Жабры у него были бесполезные, рудиментарные. Атавизм, шаг назад в развитии, который, как нам казалось, мы успешно преодолели, все еще дает время от времени о себе знать. Бедный парень застрял в одном из так называемых состояний: между естественной наследственностью и своими — точнее, отцовскими — генами, перекроенными учеными. Вместо того чтобы слиться, эти две его половины постоянно сражались между собой.

— Шаг назад, — задумчиво произнесла Энн. — Как ужасно это звучит.

Старик со вздохом пожал плечами:

— Да, но как еще его называть, учитывая, как он выглядел? Но когда-нибудь, милая, наши послы — или, если угодно, агенты — будут ходить среди людей и, ничем не выделяясь из толпы, растворятся в ней. Их будут принимать за своих. До тех пор, пока мы, Глубоководные, не станем единственной расой — истинной расой амфибий, которую изначально задумала природа. Мы были первыми, кто... кто вышел из воды, этой колыбели жизни. Со временем и земля, и океан будут принадлежать нам.

— Послы, — проговорила Энн. До нее наконец дошел смысл его слов. — Скорее агенты, пятая колонна.

— Наш авангард, — кивнул старик. — И кто знает — может, ты одна из них. Скажу больше, я бы очень этого хотел.

Энн в испуге схватилась за горло:

— Но ведь мы с Джеффом примерно одного возраста... и одной крови. И если, как вы сказали, его жабры... Эти складки у него на шее на самом деле были жабрами? Но ведь...

Она вновь схватилась за горло и принялась его ощупывать, пока старый доктор не перехватил ее руку и не отвел в сторону.

— Твои скрыты в теле, как и мои. В нас обоих генная модификация сработала

идеально. Вот почему нас так огорчило бегство твоего отца. Кстати, отчасти по этой причине мы и решили его выследить. Нам хотелось проследить, какое потомство он даст. В твоём случае все оказалось так, как мы и надеялись. В случае с Джеффом — увы, нас ожидало разочарование.

— Мои жабры? — Энн вновь потрогала горло, но потом что-то вспомнила. — А! Конечно же, ларингит! Когда у меня в декабре разболелось горло, и вы меня осматривали. Вы тогда еще порекомендовали маме давать мне по три таблетки аспирина в день. А еще полоскать горло теплой водой, и которой надо было растворить ложку соли.

— Заметь, больше ты никому не хотела показывать горло, — напомнил старик. — И почему же? С чего выбор пал на меня?

— Не хотела, чтобы меня осматривали другие врачи, — ответила Энн. — Только вы.

— Родство, — произнес старик. — И ты правильно поступила. Но волноваться не о чем. Твои жабры — пока это не более чем крошечные розовые прорезы в основании трахеи — так же совершенны, как у любого младенца (или даже зародыша) Глубоководных, выношенного на суше. И в таком состоянии они останутся... скажем так, еще очень долгое время. Примерно столько же, если не дольше, чем оставались — и будут оставаться — мои, пока я не буду готов. Тогда они выйдут наружу. Примерно месяц или около того в тех местах будет побаливать, потому что им нужно время, чтобы развиваться окончательно. В частности, в них сформируется нечто вроде пустотелых вен, которые будут доставлять воздух в твои легкие. К тому времени ты станешь чувствовать себя в воде так же, как сейчас на суше — в своей стихии. И это будет чудесно, милая моя!

— То есть вы хотите, чтобы я ушла с вами. И стала бы...

— Ты уже одна из нас! Энн, ты источаешь слабый запах, который ни с чем не спутаешь. Да-да, не удивляйся, он исходит от тебя точно так же, как исходил и от Джеффа. Ноты можешь легко ослабить его при помощи таблеток, которые мы разработали специально для этой цели, а при желании заглушить специальным одеколоном.

В очередной раз воцарилось молчание. Энн взяла его за руку и погладила от локтя к кисти. Кожа на ощупь была гладкая. А вот в обратном направлении...

— Да, — произнесла она. — Похоже, я одна из вас. У меня точно такая же кожа... Чешуйки на ней не видны. Они очень тонкие, розовые и золотистые. Но если я уйду с вами, как же тогда мама? Вы так и не сказали мне, что с ней. Чем она больна?

И вот теперь, сказав почти всю правду, старый доктор был вынужден солгать. Что еще ему оставалось? Ибо правду Энн никогда не смогла бы принять, а если и приняла бы, то лишь ценой веры. Но другого выхода он не видел.

— Твоя мама, — проговорил старик, не решаясь встретиться с Энн взглядом. Осекшись, он начал снова: — Твоя мама, твоя милая Джилли... боюсь, она еще не долго протянет.

По крайней мере в этом он не солгал.

Однако ладонь девочки взметнулась к губам, и он поспешил продолжить:

— Энн, пойми, у твоей матери тяжелое заболевание, БКЯ — болезнь Крейцфельда-Якоба, или так называемое коровье бешенство, причем на одной из конечных стадий.

И это тоже была правда... но не вся.

Энн в ужасе открыла рот:

— А мама знает?

— Как я могу ей это сказать? Или даже ты? Может, она вообще уже не придет в себя. А если и придет, то опять начнет убиваться из-за тебя. Так что будет лучше, если мы ничего не будем ей говорить о... ну, ты поняла. Энн, дорогая моя девочка, не надо, не смотри на меня так. С этим ничего не поделаешь. На сегодняшний день коровье бешенство неизлечимо. Я сделал все для того, чтобы она оставалась с тобой как можно дольше. И буду о ней заботиться до самого конца. Специалист из Сент-Остелла подтвердил мой диагноз.

— Значит, те пилюли, что вы ей прописывали, совсем не помогали? — наконец обрела голос Энн.

— Плацебо, — солгал Джеймисон. — Обыкновенные сахарные пилюли. Мама верила,

что они помогают... вот главная польза.

Разумеется, они не помогали... даже наоборот: Джилли никогда бы не отпустила дочь с ним. Да и та не ушла бы сама, пока жива её мать. Капсулы содержали синтетические прионы — простые белки, неотличимые от тех, что вызывают у человека коровье бешенство, и разработанные в тайных лабораториях старого Инсмута. Они постепенно убивали мозг Джилли, причем все быстрее и быстрее.

Энн убрала от лица руку.

— И сколько еще?..

Джеймисон покачал головой.

— Недолго. После такого серьезного потрясения — в особенности. Может, всего несколько дней. В лучшем случае месяц. Но мы с тобой будем здесь. И то, чего она лишилась, останется нам. Мы проживем долгую... очень долгую жизнь.

— Так, значит, это правда? — Девочка пристально посмотрела на него. Джеймисон ответил на ее взгляд. Слез в ее глазах он не заметил, и это его не удивило. — Правда, что мы живем... очень-очень долго? Но ведь не вечно же, да?

— Разумеется, нет, — ответил старик, — хотя иногда и возникает такое чувство. Я, например, часто теряю счет своим годам. Но я твой предок, тут никаких сомнений.

Энн со вздохом поднялась. Затем, отряхнув песок с платья, она протянула руку и помогла встать старику.

— Может, пойдем тогда к маме... дедушка?

На сей раз он улыбнулся по-настоящему широко, как улыбался только близким, обнажив два ряда мелких острых зубов.

— Дедушка? — хмыкнул он. — Нет-нет. Вообще-то я прапрадед твоего отца. А в твоём случае нужно добавить еще одно «пра».

И рука об руку они пошли к дому. Юная девочка и старый, очень старый... человек?

Вместе с Суртсеєм

Еще один экскурс в прошлое. Эту новеллу я написал тридцать восемь лет назад. Название пришлось Дерлету по вкусу. Создавалась вещь в декабре 1967 года, в разгар так называемой холодной войны, когда я служил в военной полиции и патрулировал улицы практически полностью блокированного Берлина. Как уже говорилось ранее, в ту пору я находился под безусловным влиянием лавкрафтовской прозы, поэтому не стоит удивляться, что новелла написана пышным слогом (каюсь, моя вина) и кишит прилагательными (тут уж повинен Лавкрафт). Атмосфера ужаса — также в духе Лавкрафта, правда, подана она не столь тонко, как хотелось бы. Будь ГФЛ жив и занимайся он по-прежнему литературным творчеством, он бы наверняка сумел сделать из этой вещицы что-нибудь поприличнее. Хотелось бы также думать, что пришелся бы ему по душе и сам сюжет — как Дерлету, который в 1971 году опубликовал «Вместе с Суртсеєм» в антологии «Темные истории»...

Похоже, что благодаря находке латимерии — кистеперой рыбы, предположительно обитавшей в океане более семидесяти миллионов лет назад, — нам придется заново пересмотреть устоявшиеся представления о геологических периодах, в которые протекала жизнь некоторых обитателей морей...

«Чудеса океанских глубин» Липкиджа

Фамилия: Хотри

Имя: Филип

Дата рождения: 2 декабря 1927 года

Возраст: 35 лет

Место рождения: Олд-Белдри, Йоркшир

Адрес: не указан

Профессия: литератор

ЗАЯВЛЯЕТ СЛЕДУЮЩЕЕ: (Далее следует сам текст)

Я просил, чтобы меня предупредили и обычном порядке, однако мне сказали, что ввиду моего предполагаемого состояния это не является обязательным... Подтекст очевиден. Поданной причине считаю своим долгом начать мою историю следующим образом: читатель должен четко усвоить, — прежде чем ознакомиться с моим заявлением, — что я никогда не испытывал фанатичной веры в сверхъестественное. Я также никогда не был подвержен галлюцинациям, не страдал нервными заболеваниями и не признавался душевнобольным. Не имеется также никаких письменно засвидетельствованных случаев помешательства среди моих предков, и доктор Стюарт был абсолютно неправ, признав меня сумасшедшим.

Считаю необходимым указать на это обстоятельство, прежде чем разрешить чтение моих записей, ибо даже беглое знакомство с подобными текстами способно привести консервативно настроенного читателя к неправильным выводам о том, что я либо гнусный лжец, либо абсолютный безумец, а у меня нет особого желания укреплять позиции доктора Стюарта...

Тем не менее я признаю, что вскоре после полуночи 15 ноября 1963 года мой брат испустил последний вздох у меня на руках ; в то же время подчеркиваю, что не являюсь убийцей. Цель данного заявления, — которое непременно будет долгим, поскольку я настаиваю на полном пересказе этой истории, — решительно доказать мою невиновность. Я действительно не виновен ни в каком чудовищном преступлении, и поступок, который оборвал жизнь в теле моего брата, был не чем иным, как рефлекторным действием человека, увидевшего жуткую угрозу здравомыслию всего мира. По этой причине и в свете выдвинутого против меня обвинения в помешательстве считаю своим долгом в самой подробной манере описать случившееся. Я намерен приложить все усилия к тому, чтобы последовательность событий ни в коей мере не была искажена; также постараюсь с предельной тщательностью формулировать предложения и абзацы, воздерживаясь даже от самой мысли о конце истории, когда разразился самый настоящий ужас...

С чего же лучше начать?

Пожалуй, с цитаты из высказываний сэра Эмери Венди-Смита:

«Бытуют удивительные легенды о существах, рожденных от звезд, которые населяли Землю за миллионы лет до появления человека и которые все еще таились в отдельных темных ее уголках, когда он заселил планету. По моему убеждению, эти существа сохранились на Земле и поныне».

Хочу особо подчеркнуть, что слова эти были изречены выдающимся ученым, знатоком древности, археологом, прежде чем он отправился в свое последнее злополучное путешествие в центральные области Африки. Сэр Эмери намекал на тех же кошмарных созданий, порождений ада, с которыми впервые столкнулся и я сам полтора года назад. Они тотчас приходят мне на ум, стоит мне вспомнить, как он вернулся в лоно цивилизации из самого сердца Черного континента, один и на грани безумия.

В то время мой брат Джулиан являл полную мне противоположность, поскольку непоколебимо верил во всевозможные страшные тайны. Он жадно читал все жуткие книги, какие только попадались ему в руки, будь то надежные в научном отношении «Золотая ветвь» Фрэнзера или «Култ ведьм» мисс Мюррей, равно как и плоды чистого вымысла, наподобие его любимой подборки старых, ставших библиографической редкостью выпусков журнала «Странные истории» и других периодических изданий. Полагаю, многие мои друзья придут к выводу, что его психическое расстройство было вызвано в первую очередь этим нездоровым интересом ко всему жуткому и сверхъестественному. Я, разумеется, так не считаю, хотя не буду отрицать: когда-то я и сам придерживался того же мнения.

Что касается Джулиана: он всегда был человеком физически крепким, но, увы, не отличался волевым характером. Уже в отрочестве он обладал немалой физической силой и

мог без труда постоять за себя в схватке с любым хулиганом, однако чего ему не хватало, так это решительности. Это отрицательно сказывалось и на его литературном творчестве: хотя он придумывал хорошие сюжеты, ему никак не удавалось придать жизненность и достоверность своим персонажам. Не будучи сам яркой индивидуальностью, Джулиан, похоже, мог лишь отражать в этих сочинениях собственную слабость. Я был его соавтором, помогал разрабатывать фабулу и пытался более или менее оживить его картонных героев. До недавнего времени мы с ним неплохо зарабатывали и сумели накопить приличную сумму денег. Они пришлись весьма кстати, ибо во время болезни Джулиана, когда я едва ли мог написать хотя бы одно слово, мне вряд ли удалось бы заработать столько, чтобы содержать и себя, и больного брата. К счастью, — как, впрочем, и к сожалению, — позднее необходимость опекать его отпала, но было это уже после того, как в дверь к нам постучалась беда...

В мае 1962 года с Джулианом случился нервный срыв, однако неприятности начались еще раньше — 2 февраля того же года, на Сретенье. Этот день, насколько мне известно, имеет особое значение для всех, кто хоть сколько-нибудь интересуется оккультными науками. Той ночью брату приснился сон, в котором он увидел гигантские башни из базальта, покрытые капающей мерзкой слизью и морскими отложениями, облепленные пучками водорослей. Их исполинские фундаменты были скрыты под слоем серо-зеленой жижи, а перила с неестественными, непропорциональными углами, не отвечающие законам евклидовой геометрии, исчезали в водных глубинах этого жутковатого океанского царства.

В те дни мы с ним были заняты работой над любовным романом, действие которого происходило в восемнадцатом веке. Помнится, спать в тот вечер легли поздно. Какое-то время спустя меня разбудили крики Джулиана. Когда же я услышал истерический пересказ кошмарного сна, то пробудился окончательно.

Брат бормотал что-то о картинах, представших его взгляду за этими осклизлыми крепостными валами. Помню также, как я сказал тогда — после того, как он немного успокоился, — что с его стороны довольно странно питать одновременно слабость к столь разным вещам: написанию любовных романов и чтению всяческих ужасов. Но Джулиана было не так легко пристыдить, а страх и отвращение, вызванные сном, оказались в нем так велики, что в ту ночь он отказался возвращаться в постель и коротал оставшиеся до рассвета часы, сидя за пишущей машинкой в своем кабинете. Кроме того, он потребовал, чтобы во всех комнатах горел свет.

Естественно предположить, что такой сильный ночной кошмар отбил у Джулиана желание читать по ночам страшные книги. Увы, результат был обратный — читать по ночам он не перестал, но теперь основной предмет его интересов изменился. Он начал изучать все материалы, имевшие отношение к океанскому кошмару. Например, брат отыскал и прочел такие книги, как «Подводные культы» Германа, «Обитатели морских глубин» Гастона Ле Фе, «Hydrophinae» Гэнтли и жутковатый «Хтаат Аквадинген» неизвестного автора. Однако наибольший интерес вызвала у него подборка художественных произведений на ту же тематику. Из вышеназванных книг брат почерпнул главные свои познания о ктулхианской мифологии, которую поспешил объявить не легендой, а реальностью — и часто выражал желание увидеть своими глазами «Некрономикон» безумного араба Абдулы Аль-Хазреда. Джулиан объяснял это тем, что принадлежавший ему экземпляр «Комментариев» Фири был практически бесполезен, поскольку, по его мнению, содержал лишь намеки на то, о чем Аль-Хазред рассказывал во всех подробностях.

В следующие три месяца наша работа шла из рук вон плохо. Мы не успели с книгой в срок и, не будь издатель нашим личным другом, понесли бы серьезные убытки. Увы, сочинять романы Джулиану уже не хотелось. Он настолько увлекся чтением книг оккультного характера, что у него просто не было времени для литературной работы, и мне никак не удавалось обсудить с ним сюжеты будущих произведений. Помимо этого, возникла еще одна беда — тот жуткий сон стал являться ему все чаще и чаще. Каждую ночь он видел

все те же картины — занесенные илом осклизлые башни и непристойные кошмары, наподобие тех, что описывались в книгах, которые он теперь поглощал с невиданным упоением. Действительно ли он страдал от кошмаров? Ответа на этот вопрос я не находил. Ибо неделя шла за неделей, и моему брату, по его словам, делалось все хуже, однако он с нетерпением ждал наступления вечера, хотя и просыпался наутро в холодном поту от ужасных сновидений...

За относительно невысокую плату мы сняли вполне приличный дом в Глазго, где у нас были отдельные спальни и один рабочий кабинет на двоих. Джулиан чуть ли не радовался каждому приходу кошмарных снов, хотя они делались все более страшными, пока в середине мая не случилось *это*. Брат стал проявлять патологический интерес к некоторым абзацам из «Хтааг Аквадинген», особенно его привлекали строки, в которых говорилось следующее:

Восстань!
О, Безымянные:
Кои и предреченный Тобою срок,
Тобою одним выбранный,
Чрез Заклятья Твои и Чародейство Твое
Чрез Сны и Колдовство
Да узнают о Твоем Пришествии;
И поспешат восславить Тебя
Во имя Хозяина Нашего, Рыцаря Ктулху,
Того, Кто Дремлет в Зеленой Бездне,
Отуума...

Этот и другие отрывки, заимствованные из разных источников, — в частности, из малодоступных сочинений горстки авторов, считающихся пропавшими без вести или умершими при загадочных обстоятельствах, таких как Эндрю Фелан, Абель Кин, Клейрборн Бойд, Нейланд Колум и Хорват Блейн,¹ — настолько захватили ум моего брата, что он был близок к полному нервному истощению. Однажды Джулиан лег спать поздно ночью, и вот тогда-то начался настоящий кошмар. Перед этим он читал свои ужасные книжки практически без перерыва три дня подряд. За это время Джулиан спал очень мало, урывками, да и то лишь в дневное время. На мои расспросы он отвечал, что не желает спать, «когда осталось так мало времени» и «столько непостигнутого в Глубинах». Эх, знать бы, что под этим имелось в виду!..

После того как в ту ночь он уснул, я поработал еще около часа. Но прежде чем уйти из кабинета и лечь самому, я решил хотя бы бегло проглядеть труды, настолько увлекшие Джулиана. Оказалось, что — помимо абракадабры, процитированной мною выше, — это отрывки из «Плавания святого Брендана», клонфертского аббата из Голуэя, который жил в шестом веке:

«И в течение всего дня были слышны оглушительные вопли с этого острова. Хотя он уже скрылся из виду, но до ушей братьев доносились крики тамошних жителей, а ноздри обоняли сильное зловоние. Тогда святой отец укрепил своих монахов словами: „О воины Христовы, мы будем усердствовать в истинной вере и с оружием духовным, ибо мы ныне в пределах преисподней“».²

С тех пор я внимательно перечитал «Плавание святого Брендана», и кое-что в нем оказалось пугающе знакомым — хотя, листая эти страницы впервые, я не сумел соотнести печатное слово с предметом моего беспокойства. Просто эта книга вызывала во мне смутную тревогу. Более того, я обнаружил ряд ссылок на реальные извержения подводных вулканов — в частности, те, что привели к гибели Атлантиды и континента Му, как то описано в «*Liber Miraculorum*», книге французского монаха и священника Эрве Клервосского, созданной в

1 Все эти персонажи фигурируют в мини-цикле «След Ктулху» Августа Дерлета (1909–1971).

2 Плавание святого Брендана. Пер. с лат. и ст. — фр. Н. Горелова. — СПб: Азбука-классика, 2002.

1178–1180 годах. Еще об одном, более позднем извержении говорилось лишь в сдержанном «Отчете Йохансена».¹ Однако в то время, о котором идет речь, эти вещи вызывали во мне разве что недоумение, и даже в самых безумных снах я не мог представить, к чему все это приведет.

Не помню точно, как долго спал в ту ночь, прежде чем меня не разбудил Джулиан. Открыв глаза, я увидел, что он скорчившись сидит возле моей кровати и что-то шепчет. Затем брат схватил меня за плечо. Хотя я еще пребывал в состоянии полусна, мне надолго запомнились произнесенные им слова и прикосновение сильной руки. Судя по голосу, он мог находиться в трансе. Каждое слово Джулиан подчеркивал энергичным взмахом руки.

— Они *готовятся*... Они всплывут... Они не овладели *Великой Силой*, не получили благословения великого Ктулху, потому всплытие их будет *временным* и пройдет незамеченным... Но даже этого довольно для *Переноса Сознания*... Ко *Славе* Отуума...

Используя *Других* в Африке, Шудд-Мьеля и его орды, захватившие сэра Эмери Венди-Смита, они сняли наконец волшебное *заклятие* с глубоких вод, дабы передать свои послания и образы снов; теперь, как и раньше, они обладают *властью* над грезами — пускай над ними океан! Они снова властны над снами, однако для совершения *Переноса* им нужно даже не пробивать поверхность воды, а лишь ослабить ее давление.

Се'хайе! Се'хайе!!!

Они *всплывают даже сейчас*, и Он знает меня... ищет меня... Мой разум, подготовленный ими во снах, будет находиться здесь, чтобы приветствовать Его, ибо я *готов*, и им больше не *надо* ждать. Мое неведение — это ничто, мне не нужно ничего знать и понимать! Они *покажут* мне, подобно тому, как во снах показали *Глубины*! Но они не смогут извлечь из моего слабого разума или из разума любого *другого* смертного *знаний о поверхности*... При передаче мысленные образы людей не слишком *сильны*... А толща воды — хотя усилиями Шудд-Мьеля ее пагубное воздействие почти преодолено — все еще искажает и те размытые образы, которые им *удается* получить...

Я — *избранный*... Его глазами, пребывающими в *моем теле*, они снова познакомятся с поверхностью, чтобы вдень, когда звезды займут *правильное* положение, они смогли осуществить *Великое Всплытие*... Ах! Великое Всплытие! *Проклятие Хастура!* Тысячелетние сны *Ктулху*... Когда *все* обитатели темных глубин, *спящие* в занесенных морским илом городах, *вновь* завладеют миром...

Ибо не мертво то, что пребудет в вечности, и как только минут таинственные времена, вновь придет их час, и *снова все будет так, как раньше*... Скоро, когда осуществится Перенос, Он пройдет по Земле в *моем обличье*, а я — в *ЕГО* — по великим глубинам! И там, где властвовали они *раньше*, будут властвовать *вновь*... даже братья *Йиб-Тстла* и сыны спящего *Ктулху* и их слуги... *к вящей славе Р'лайха*...

Это все, что я запомнил, хотя и довольно смутно. И, как уже было сказано, тогда речь брата показались мне полнейшей абракадаброй. Лишь позже я познакомился с некоторыми старинными легендами, древними текстами и — в прямой связи с бредовыми словами брата — с малопонятным двусутишием, приписываемым безумному арабу Абдуле Аль-Хазреду:

Не мертво то, что в вечности пребудет,
Со смертью времени и смерть умрет.

Но я отвлекся...

После того как отзвучали последние слова странного монолога Джулиана, мне потребовалось еще некоторое время, чтобы понять: его больше нет в комнате, и по всему дому гуляет холодный утренний воздух. В комнате брата его одежда аккуратно лежала там, где он ее оставил, но самого Джулиана не было. Он куда-то ушел, оставив входную дверь дома открытой.

Я быстро оделся и отправился на его поиски, которые так и не увенчались успехом.

¹ Норвежский моряк Густав Йохансен — один из персонажей «Зова Ктулху».

Когда стало светлее, я наведалься в полицейский участок, где узнал, к своему ужасу, что мой брат находится «под защитным арестом». Его нашли в северной части города, где он бесцельно бродил по улицам в одной пижаме и что-то бормотал о каких-то «гигантских богах», ожидающих кого-то в океанских глубинах. Похоже, он не отдавал себе отчета в том, чем занят и во что одет. Более того, когда я прибыл на опознание, Джулиан не узнал меня. Очевидно, Джулиан страдал от последствий некоего сильного потрясения, вызвавшего у него посттравматический шок, и совершенно не контролировал свои действия.

Устремив бессмысленный взгляд на северную стену своей камеры, он бормотал какой-то бред. В его глазах читалось откровенное безумие...

В то утро на меня свалилось огромное количество дел, причем малоприятных. Состояние Джулиана было таково, что по распоряжению полицейского психиатра его поместили в психиатрическую лечебницу Оукдин на «осмотр». Обеспечить ему надлежащий уход в этой больнице оказалось нелегко. По всей видимости, руководству клиники в минувшую ночь хватило забот и с постоянным «контингентом». Вернувшись ближе к полудню домой, я первым делом ознакомился с утренними газетами, надеясь отыскать в них объяснение странной выходке брата. Я с радостью, если только можно говорить о радости в подобных обстоятельствах, узнал, что ночная выходка Джулиана меркла по сравнению с драматическими событиями, произошедшими в других местах.

Может показаться странным, но у злоключений моего брата и этих событий оказалось нечто общее, поскольку все они были связаны с умопомешательством ранее нормальных людей или, как это имело место в Оукдине и прочих клиниках для душевнобольных, проявились в ухудшении психического здоровья пациентов. В Лондоне некий зажиточный предприниматель прыгнул с крыши дома, заявив, что должен «улететь на Юггот». Живописец Чандлер Дэвис, который позднее умер после жестокого припадка сумасшествия в Вудхолме, нарисовал, находясь «в состоянии гипнотического вдохновения», зловещий «Пейзаж Г'харне». Испуганная домоправительница сожгла картину в печке, едва та была закончена. И еще один случай, который с трудом укладывается в голове: приходской священник из Котсволда зарезал насмерть двух своих прихожан, заявив затем в полиции, что его жертвы «не имели права на существование». Еще одно происшествие из той же серии имело место близ Хардена в Дарэме, где полуночные купальщики не успели спасти рыбака, истошно вопившего о каких-то гигантских лягушках, а потом исчезнувшего под водой...

Возникло впечатление, что в ту безумную ночь произошла некая вспышка массового помешательства, которая настигла — точнее (в этом я сегодня уверен), всплыло откуда-то снизу, чтобы затем обрушиться со страшной силой, — людей, наиболее восприимчивых к подобного рода воздействиям.

Но сколь бы чудовищными ни были эти события, не они служили главным источником моих тревог. Я, разумеется, не забыл, о чем бормотал Джулиан в моей спальне; представляете, какой ужас овладел мною, когда я прочел в газете о некоем любитель-сейсмологе, зафиксировавшем, по его утверждениям, *толчки на океанском дне на участке между Гренландией и северной оконечностью Шотландии...*

Что там лепетал Джулиан о всплытии, которого никто не заметит? Выходит, нечто, произошедшее в морских глубинах, не осталось незамеченным!.. Да нет же, это курам на смех! Я усилием воли отогнал страх, охвативший меня при чтении этой газетной заметки. Какими бы сильными ни были подводные толчки, этот факт вряд ли имел отношение к помешательству моего брата.

В общем, я счел за лучшее усмотреть в этом случайность, чем искать причины происшествий той ужасной ночи. Я даже поблагодарил судьбу за то, что газеты лишь мельком упомянули случай с моим братом. Скандал мог существенно повредить нам обоим.

Зато Джулиану это было в высшей степени безразлично — как, впрочем, и все остальное, ибо спустя год он по-прежнему оставался в полубессознательном состоянии, в котором обнаружила его полиция. За прошедшие месяцы его мания приобрела столь

фантастический характер, что он прекратился в объект интереса для многих психиатров. В частности, бредовые речи моего брата привлекли внимание одного психоаналитика с Харли-стрит, который так заинтересовался этим случаем, что даже отказался от гонорара. Я навещал брата довольно часто и каждый раз, бывая в Лондоне, пытался вручить доктору Стюарту деньги, но он даже слышать не хотел об оплате своих услуг и не принимал никаких возражений. История болезни нового пациента представлялась ему столь любопытной, что, по его словам, он счел для себя профессиональным счастьем заняться изучением такого причудливого случая душевного расстройства. Просто невероятно, что тот же самый человек, который так достойно показал себя, напрочь был лишен желания вникнуть в мой случай, когда судьба привела меня, как прежде моего брата, в палату для умалишенных. И все же Джулиан попал в хорошие руки, да и в любом случае с моей стороны было бы в высшей степени неразумно настаивать на оплате. Гонорары доктора Стюарта выражались астрономическими — цифрами.

Вскоре после того, как доктор Стюарт взял Джулиана под свою «опеку», я начал изучать составленные братом карты звездного неба, как астрономические, так и астрологические, и взялся за чтение собранных им книг оккультного характера. Тогда я изучил немало произведений подобного рода: работы Фермольда, Леви, Принна и Гезраэля, а также — в запасниках библиотеки Британского музея — труды Магнуса, Глиннда и Аль-Хазреда. Я прочел «Текст Р'лайха» — и «Отчет Йохансена», основательно проштудировал легенды об Атлантиде и Му. Я портил зрение, перелистывая древние фолианты из частных коллекций, и находил источники легенд и мифов, относящихся к океану. Я прочел рукопись Эндрю Фелана, тексты допроса Абея Кипа, свидетельские показания Клейрборна Бойца и Нейланда Колума, повествование Хорвата Блейна. Не ускользнули от моего внимания бумаги Джефферсона Бейтса, и нередко, томясь бессонницей, я размышлял о загадочной судьбе Эноха Конгера.¹

Наверное, зря я это делал.

Эти занятия отняли у меня почти целый год, но я так и не приблизился к пониманию причин сумасшествия моего брата. Хотя нет, пожалуй, это не совсем так. Думается, он вполне мог лишиться рассудка, начитавшись жутких книг, о которых я упоминал выше, тем более что речь идет о человеке вроде Джулиана, обладавшем натурой куда более чувствительной, нежели у большинства людей. Тем не менее это отнюдь не единственное объяснение. В конце концов, его интерес к подобным вещам был давним, ими он увлекался всю свою жизнь. Мне до сих пор не понятно, как случилось, что интерес этот стал решающим фактором его заболевания. Нет, очевидно, начало всему положил роковой сон, привидевшийся ему на Сретенье.

Тем не менее нельзя сказать, что тот год был для меня потерян. Я и сейчас не верю в зловещее возвращение былых времен, не верю в великих древних богов, ожидающих своего часа в океанских впадинах, в злосчастную судьбу человечества, воплощенную в образах кошмарных обитателей морских глубин. Смог бы я сохранить здравомыслие, если бы принял на веру эту фантазмагорию? Правда, я сделался поистине знатоком зловещих тайн древней Земли. Некоторые факты, добытые в процессе изысканий, вызывали у меня жгучий интерес. Я имею в виду ряд странных случаев, удивительным образом похожих друг на друга: случай Джо Слейтера, бродяги из Катскильских гор (1900–1901 годы); случай Натаниэля Уингейта Пизли из Мискатоникского университета (1908–1913 годы); наконец, случай Рэндольфа Картера из Бостона, чье исчезновение в 1928 году было тесно связано с необъяснимым происшествием, случившимся с неким Свами Чандрапутрой² в 1930 году. Признаться, я изучил и другие случаи предполагаемой одержимости демоническими силами — все они в равной степени достоверны, — но упомянутые выше имеют для меня особую важность, ибо

¹ Оба персонажа придуманы Августом Дерлетом.

² Джо Слейтер — см. примечание к «Ужасу в Оукдине». Профессор Пизли — главный герой повести «За гранью времен», написанной Г. Ф. Лавкрафтом в 1934 году. Рэндольф Картер и таинственный Свами Чандрапутра — персонажи рассказа «Врата серебряного ключа» (1934), созданного Лавкрафтом в соавторстве с Э. Хоффманом Прайсом, а также некоторых других произведений.

в них просматриваются определенные параллели с участием моего несчастного брата.

Однако время прошло быстро. И каким неподдельным было мое изумление, — вернее, небывалое облегчение и радость, — когда июльским утром 1963 года я совершенно неожиданно для себя на шел в почтовом ящике письмо от доктора Стюарта, в котором он извещал меня, что Джулиан резко пошел на поправку. И действительно, когда я приехал в Оукдин, доктор подтвердил: Джулиан *полностью* здоров. По словам Стюарта, излечился мой брат едва ли не в одночасье; здесь, впрочем, я засомневался, ибо подметил в поведении брата несколько ненормальных черт.

Хотя во всем остальном успехи, достигнутые врачом, поражали. Когда я в последний раз видел Джулиана — это было всего месяц назад, — мне стало не по себе, столь чудовищны были масштабы его помешательства. Тогда я стоял рядом с ним возле забранного решеткой окна, в которое, как мне сказали, он мог часами смотреть на север. В ответ на мое осторожное приветствие брат пробормотал: «Ктулху, Отуум, Дагон: Обитатели Глубин во тьме, все глубоко спят, дожидаясь пробуждения...» Мне не удалось добиться от него ничего другого, кроме этой бессмыслицы.

Но каковы были перемены! На сей раз брат тепло приветствовал меня — хотя теперь я задним числом понимаю: узнал он меня не сразу, с легким опозданием. Немного поговорив с ним, я пришел к отрадному выводу: не считая одной новой идиосинкразии,¹ передо мной стоял практически тот же человек, которого я знал до болезни. А пресловутая странность заключалась вот в чем: у брата, по всей видимости, появилась ужасная фотофобия, и теперь он носил большие темные очки, полностью закрывавшие глаза и предохранявшие от попадания солнечного света с боков. Однако, как я выяснил позднее, объяснялась эта причуда другими причинами...

Пока Джулиан собирал вещи, готовясь к обратному отъезду в Глазго, доктор Стюарт отвел меня в свой кабинет. Когда я подписал все документы, нужные для выписки, врач поведал мне о просто-таки фантастическом выздоровлении моего брата. Как оказалось, на прошлой неделе, войдя в палату Джулиана как-то утром, доктор Стюарт обнаружил его сжавшимся в комочек под одеялом. Мой брат отказался выходить из комнаты, пока ему не принесут темные очки. Какой бы неожиданной ни показалась эта просьба, она необычайно обрадовала изумленного психиатра. Еще бы — впервые за весь срок лечения пациент продемонстрировал сознательное восприятие окружающей действительности!

В общем, очки стали свидетельством профессиональной удачи доктора Стюарта, ибо, едва их принесли, Джулиан быстро вернулся в нормальное психическое состояние. Огорчало психиатра только одно — решительный отказ моего брата их снимать. По словам Джулиана, *свет резал ему глаза* ! Однако добрый доктор заметил, что чего-то подобного и следовало ожидать. За время долгой болезни Джулиан так сильно отдалился от нормального мира, что его органы чувств частично атрофировались, буквально отказались функционировать. Мой брат напоминал человека, который много лет просидел в темной пещере, а теперь вышел в залитый ярким светом внешний мир. Это отчасти объясняло ту неуклюжесть, какая поначалу сопровождала все его движения. Один из ассистентов доктора Стюарта обратил мое внимание на то, как необычно Джулиан брался за предметы, даже самые маленькие, когда хотел поднять их или рассмотреть поближе, — словно он забыл, для чего служат пальцы! В первое время Джулиан не ходил, а скорее ковылял вперевалку, как пингвин. Его заново обретенные способности к разумному выражению мыслей порой отказывали ему, и тогда вместо нормальных звуков человеческой речи он издавал какие-то утробные шипящие звуки, казавшиеся мне пародией на английский язык. Однако все эти ненормальности исчезли уже через несколько дней, а потому причины неожиданного выздоровления Джулиана остались такой же загадкой, как и причины его внезапного помешательства.

Сидя в купе первого класса поезда Лондон — Глазго, несущегося на север, и давно уже

¹ Идиосинкразия — измененная, болезненная чувствительность организма к некоторым веществам или воздействиям.

исчерпав все вопросы, какие хотелось задать брату, — кстати, отвечал он крайне уклончиво, — я погрузился в чтение захваченной на дорогу книги. Через несколько минут, вздрогнув от грохота проходившего мимо встречного поезда, я оторвался от книжной страницы и... несказанно поразился, что в купе кроме нас с Джулианом никого нет. Ибо мой брат заинтересовался какой-то старой газетой, и я не знаю, что подумали бы наши возможные попутчики, случись им увидеть выражение его лица... Пока Джулиан читал ту заметку, оно сделалось сначала раздраженным, потом едва ли не злобным. Странные черные очки лишь усиливали эффект, одновременно придавая его лицу оттенки злобного сарказма, жестокого триумфа и нескрываемого презрения. Я был неприятно поражен, однако смолчал, а позднее, когда Джулиан вышел в коридор подышать свежим воздухом, схватил газету и отыскал рубрику, которую читал мой брат и которая, по всей видимости, вызвала на его лице столь богатую гамму чувств. Тут же вернулся прежний страх. За последний год я практически не держал в руках газет, и прочитанное явилось для меня шоком. И все же впечатление было такое, будто где-то и уже это слышал... В заметке сообщалась о событиях, практически повторявших события той злосчастной ночи. Обострения у душевнобольных по всей стране. Необъяснимые, безумные и страшные поступки людей, ранее считавшихся нормальными. Всплеск деятельности зловещих сект и черные мессы в центральных графствах Великобритании. Необычные морские животные, выброшенные на побережье близ Хардена, и еще более загадочные происшествия в Котсволдских холмах в Глостершире.

Словно холод океанских глубин коснулся моего сердца... Я быстро перелистал остальные страницы и едва не выронил газету, наткнувшись на то, что почти ожидал увидеть: в Атлантике между Гренландией и северной оконечностью Шотландии были зафиксированы толчки на морском дне. Я инстинктивно впился взглядом в дату над заметкой. Как и следовало ожидать, газета была *недельной давности*... Подводное землетрясение произошло именно в то утро, когда доктор Стюарт нашел моего брата скорчившимся под больничным одеялом, в палате с зарешеченным окном!

И все же мои страхи, по всей видимости, оказались беспочвенными. По возвращении в Глазго брат первым делом уничтожил все свои книги по оккультизму, что несказанно меня обрадовало. Правда, при этом он не предпринимал ни малейших попыток вернуться к сочинению книг. Вместо этого Джулиан уныло слонялся по дому, размышляя, как мне казалось, о своей продолжительной болезни (по его словам, о периоде безумия он ничего не помнил). При этом он ни разу, вплоть до ночи, когда умер, не снимал очков. Подозреваю, что Джулиан не расставался с ними даже в постели, но для чего они ему понадобились и в чем заключался смысл слов, произнесенных в ту давнюю ночь в моей комнате, — все это стало понятно мне гораздо позже.

Меня заверили, что фотофобия брата со временем пройдет, однако день шел за днем, и скоро ждать стало уже бессмысленно. Кстати, вскоре я заметил в характере брата перемены иного рода. Если раньше Джулиан отличался застенчивостью, замкнутостью и почти полным безволием, — о чем, кстати, свидетельствовал и его слабый подбородок, — то теперь его было не узнать. Он вступал со мной в препирательства по малейшим пустякам. Его лицо — губы и особенно подбородок — приобрело абсолютно несвойственную ему твердость.

Все это не переставало меня удивлять, и по мере того, как одна неделя сменялась другой, я проникался все большей и большей уверенностью в том, что с моим якобы излечившимся братом далеко не все в порядке. Помимо его меланхоличной задумчивости, в нем поселилось нечто пугающее. Почему он больше не рассказывал о чудовищных снах, терзавших его каждую ночь? Одним небесам известно, как мало он спал, но даже если ему и случалось уснуть, меня частенько будило его бормотание, в котором слышались отголоски увиденных во время болезни кошмаров.

Впрочем, примерно в середине октября с Джулианом случилась отрадная перемена. Он заметно повеселел и даже занялся старыми рукописями, которые уже давно пылились незаконченными — хотя и вряд ли всерьез. В конце месяца брат удивил меня неожиданным

признанием: оказывается, у него давным-давно появился замысел для хорошей книги, однако толком взяться за нее до сих пор не получалось. Работать над рукописью он будет сам, но сначала необходимо изучить кое-какие источники, потому что для подобного произведения требуется особенно тщательная подготовка. Джулиан попросил меня по возможности не нарушать его уединения, насколько то позволяло наше скромное жилище. Я согласился со всеми его условиями, хотя и не понимал, зачем ему понадобилось оставаться одному в комнате и запирается изнутри, — или почему он расчистил «для будущих нужд» просторный подвал нашего дома. Правда, никаких вопросов я задавать не стал. Брат тактично попросил об уединении — и, насколько это зависело от меня, получил его. Должен, однако, признаться: меня охватило нешуточное любопытство.

С тех пор мы виделись лишь за обеденным столом (очень и очень нечасто), да еще тогда, когда Джулиан приходил в библиотеку за нужными книгами. Последнее происходило каждый день с завидной регулярностью. Поначалу я встречал Джулиана у дверей библиотеки — мне было интересно, над чем он работает. Я надеялся, что смогу разгадать его намерения по подбору книг.

Увы, эта уловка нисколько не приблизила меня к пониманию его замыслов, а лишь сбивала с толку. Я не мог понять, для чего ему могли понадобиться «Ядерное оружие» Лаудера, «Рентгеновские лучи» Шалля, «Огромная вселенная» Кудерка, «Человек и энергия» Уббелоде, «Чудеса современной науки» Кина, «Современная психиатрия» Стаффорда Кларка, «Эйнштейн» Шуберта, «Электрический мир» Гебера, а также многочисленные выпуски журналов «Нью Сайентист» и «Прогресс науки»... А ведь эти увесистые тома он таскал к себе в подвал каждый день. И все же Джулиан не давал мне серьезных поводов для беспокойства — не как раньше, когда читал далекие от науки труды, которые затем уничтожил по возвращении из больницы. Увы, моему душевному спокойствию не суждено было продлиться слишком долго.

Как-то в середине ноября, закончив особо трудную главу со скрипом продвигавшейся книги, я пошел к Джулиану, чтобы поделиться своей радостью. В то утро брат еще не попадался мне на глаза, но его исчезновение я обнаружил лишь тогда, когда, постучав в его дверь, не услышал ответа. В последнее время, уходя из дому, он стал запирает дверь на ключ, однако на сей раз она оказалась открыта, что весьма меня удивило. Войдя, я увидел на прикроватном столике записку — большой лист бумаги, на котором корявыми буквами было выведено следующее:

Филип, меня не будет четыре-пять дней. Уехал в Лондон, есть дела в Британском музее.
Джулиан

Сердясь на брата за внезапный отъезд, я собрался было выйти из комнаты, как вдруг на глаза мне попался дневник, валявшийся на полу у изножья кровати. В том, что Джулиан ведет дневник, не было для меня ничего нового — до болезни он исправно делал записи. Будучи человеком порядочным и не привыкшим совать нос в чужие секреты, я уже хотел уйти, не прикасаясь к тетрадке, как мой взгляд привлекло слово, написанное крупными буквами на открытой странице: Ктулху.

Всего одно слово... но и его хватило, чтобы вселить в меня тревогу. Неужели к Джулиану возвращается прежняя болезнь? Неужели снова потребуется лечение? Вспомнив, что доктор Стюарт говорил о возможности рецидива, я посчитал своим долгом ознакомиться с содержанием дневника. Правда, возникла одна — почти непреодолимая — проблема. Чтение представлялось невозможным: страницы тетради были испещрены каким-то незнакомым шифром — вернее, похожими на клинопись значками, вроде тех, что попадались в сожженных книгах Джулиана. Я заметил несомненное сходство этих значков с минускулами и точками «Фрагментов Г'харне» — помнится, в свое время меня поразила статья о них в одном журнале по археологии. Впрочем, сходство оказалось чисто внешним. В дневнике мне встретилось лишь одно знакомое слово, «Ктулху», но даже оно было

перечеркнуто, а поверх него, словно после минутных раздумий, рука Джулиана добавила какую-то бессмысленную закорючку.

Решение пришло быстро. В тот же день, захватив с собой дневник, я поездом отправился в Уорби. Та статья, посвященная «Фрагментам Г'харне», принадлежала перу профессора Гордона Уолмсли, куратора музея Уорби, одного из величайших мастеров перевода. Помимо всего прочего, Уолмсли заявлял о превосходстве своей теории над аналогичной работой эксцентричного и давно пропавшего без вести знатока древней истории, археолога сэра Эмери Венди-Смита. Профессор был признанным авторитетом в том, что касалось Фитмарского камня — современного аналога прославленного Розеттского камня с его двумя разновидностями древнеегипетского письма, — а также иероглифов на Гефских колоннах. Также за ним числилось несколько других переводов и расшифровок древних тестов. Мне чрезвычайно повезло, что я застал его в музее, поскольку на той неделе он собирался лететь в Перу, где его ждала работа, достойная его замечательных научных познаний. Несмотря на свою занятость, профессор проявил искренний интерес к дневнику моего брата и поинтересовался, откуда были скопированы иероглифы на его страницах, а также кем и с какой целью. Я солгал, что мой брат срисовал эти загадочные письмена с черного монолита, обнаруженного где-то в горах Венгрии, — такой камень действительно существовал, поскольку упоминание о нем встретилось мне в одной из книг Джулиана. Профессор Уолмсли подозрительно сощурился, выслушивая мои лживые речи, однако иероглифы вызвали у него такое жгучее любопытство, что он откинул сомнения прочь. Вплоть до той минуты, когда я собрался уйти из его кабинета, мы пребывали в молчании. Профессор настолько увлекся дневником, что на время даже забыл о моем присутствии. Однако прежде чем покинуть музей, я заручился у него обещанием вернуть дневник в наш дом в Глазго через три дня вместе с копией перевода, если таковой удастся сделать. На мое счастье, Уолмсли не стал спрашивать, для какой цели мне понадобился перевод.

Моя вера в способности профессора Уолмсли в конечном итоге подтвердилась, но, увы, с большим опозданием, поскольку Джулиан вернулся в Глазго утром на третий день — то есть на сутки раньше обещанного. Пропажа дневника, который все еще оставался у профессора, обнаружилась очень быстро.

Когда объявился Джулиан, я без особого энтузиазма работал над книгой. До этого он, по всей видимости, успел побывать у себя в комнате. Неожиданно я ощутил, что в кабинете присутствует посторонний: погруженный в вымышленный мир, я не услышал, как отворилась дверь. И вдруг стало ясно: рядом со мной что-то есть! Я говорю «что-то», ибо именно так оно и было! За мной наблюдало некое живое существо... Я осторожно обернулся. В дверях, с перекошенным от ненависти лицом, стоял Джулиан; правда, стоило мне оторвать взгляд от работы, как он, хотя глаза его и были по-прежнему скрыты очками, попытался придать лицу дружелюбное выражение и даже улыбнулся фальшивой улыбкой.

— Похоже, я куда-то засунул мой дневник, Филип, — медленно проговорил он. — Вот, только что приехал из Лондона и никак не могу найти. Ты случайно его не видел? — В его голосе прозвучали насмешливые нотки. — Вообще-то сам дневник мне не нужен, но я в нем записал шифром пару идей, которые могут пригодиться в работе над рассказом. Раскрою тебе один секрет: я пишу рассказ в жанре фэнтези. Точнее, в нем сочетаются элементы хоррора, научной фантастики и фэнтези. Сейчас смешение жанров очень популярно. Думаю, и нам пора сделать себе имя на этом поприще. Я дам тебе почитать рукопись, как только закончу черновой вариант. Ну понятно, дневника ты не видел. Извини, мне нужно привести в порядок кое-какие бумаги.

Джулиан стремительно вышел из кабинета, не дав мне времени на ответ. Признаюсь честно, его уход меня обрадовал. Кроме того, вместе с братом исчезло и ощущение, что в комнате присутствует кто-то чужой. Внезапно ноги мои сделались словно ватными, а в кабинете незримым облаком повисла зловещая аура. С приближением ночи это чувство лишь усилилось.

Лежа в ту ночь в постели, я размышлял о странностях в поведении Джулиана, пытался найти для них рациональную подоплеку. Фэнтези? С чего вдруг? Это же совсем не в его духе! И откуда, если речь всего лишь о рассказе, эта гримаса ненависти? Да и вообще, зачем писать рассказ в дневнике? Всевозможные страшилки всегда привлекали Джулиана — даже чересчур, как я уже говорил, — но создавать собственные он прежде не порывался. А как же те книги, которые он брал в библиотеке? С фэнтези они совершенно не вяжутся! И еще какая-то мысль не давала мне покоя, однако у меня никак не получалось сосредоточиться на ней. Внезапно я понял, что же именно вселило в меня тревогу, едва дневник Джулиана попал ко мне в руки: *где, во имя всего святого, мой брат научился писать иероглифами?*

Ага, вот где собака зарыта!

Разумеется, в выдумку насчет рассказа я не поверил. То была не более чем уловка, рассчитанная на то, чтобы сбить меня толку. Но зачем? С какой целью? Что замышляет мой брат? Впрочем, все яснее некуда: Джулиан вновь оказался на грани умопомешательства, и чем скорее я свяжусь с доктором Стюартом, тем лучше... Эти беспокойные мысли не давали мне спать до самого утра, и даже если мой брат в ту ночь и производил какой-то шум, то я этого не слышал. Но в конце концов на мою измученную душу навалился крепкий, тяжелый сон.

Наверно, не мне вам объяснять, что дневной свет обладает способностью прогонять худшие ночные кошмары. Утром мои страхи притупились, и я решил подождать несколько дней, прежде чем связываться с доктором Стюартом. Джулиан провел все утро и день, запершись в подвале. С приходом вечера я, наконец обеспокоенный, решил за ужином поговорить с ним по душам. За едой я намекнул брату, что его поведение кажется мне странным, а также в самых осторожных выражениях намекнул на возможность рецидива. Его ответы меня удивили. Джулиан утверждал, что это из-за меня ему приходится уединяться для работы в подвале, — мол, подвал — единственное место в доме, где он может быть абсолютно уверен в полном уединении. Услышав про рецидив, брат рассмеялся и сказал, что никогда еще в жизни не чувствовал себя лучше, чем сейчас. Слова об «уединении», в которых крылся явный намек на пропажу дневника, заставили меня пристыженно замолчать, а заодно помянуть недобрым словом профессора Уолмсли и его музей, хотя бы в мыслях.

И все-таки, вопреки уверениям брата, та ночь оказалась хуже некуда. Джулиан что-то бормотал и стонал во сне, не давая мне покоя. Проснувшись в полдень тринадцатого числа, чувствуя себя совершенно разбитым от бессонницы, я твердо решил: пора действовать.

Утром я видел Джулиана лишь мельком, когда он спускался из своей комнаты в подвал. Его лицо показалось мне бледным и каким-то неживым — очевидно, виной тому были кошмары. И все же, хотя он выглядел изможденным, им владело какое-то лихорадочное возбуждение.

Моя тревога только усилилась. Я даже написал два письма доктору Стюарту, однако затем скомкал их и выбросил в корзину для бумаг. Если Джулиан не лжет, очень не хотелось бы лишаться доверия брата из-за пустяка... сколько его остаюсь, этого доверия? Ну а если он все-таки говорит неправду? Во мне вновь проснулось любопытство, желание непременно узнать, чем же он все-таки занимается. В тот день я дважды поддался страху и стучал в дверь подвала, требуя объяснений. Джулиан оставил мой стук без внимания, но я был настроен решительно. Когда брат наконец вышел из подвала — уже почти ночью, — я подждал его у двери. Он закрыл за собой дверь и повернул ключ в замочной скважине, стараясь сделать это так, чтобы я не успел заглянуть внутрь. Затем посмотрел на меня сквозь темные очки и одарил жалким подобием улыбки:

— Филип, ты всегда был терпелив со мной, — произнес он и, взяв меня под локоть, повел по лестнице на первый этаж, — и я допускаю, что мое поведение, должно быть, кажется тебе странным. На самом деле все очень просто, но пока я не могу рассказать тебе о своих занятиях. Ты просто должен верить мне и набраться терпения. А бояться, что болезнь снова ко мне вернется, ни к чему. Я абсолютно здоров и превосходно себя чувствую.

Мне нужно еще немного времени, чтобы завершить то, что я задумал. После этого — наверное, послезавтра — я сам отведу тебя в подвал и все покажу. А пока я попрошу тебя немного потерпеть, совсем недолго. Поверь мне, Филип, скоро ты узнаешь нечто такое, что до основания перевернет твои представления о мире. Скоро ты все поймешь. А пока не проси объяснений — сейчас ты просто мне не поверишь. Лучше все увидеть собственными глазами, личный опыт убедительнее всяких слов. Еще раз повторяю: я отведу тебя туда, и ты сам все увидишь.

Он показался мне очень разумным и логичным, пускай немного взволнованным — как ребенок, который хвастается новой игрушкой. Хотелось ему верить. Я отогнал от себя все подозрения, и мы вдвоем отправились ужинать.

Все утро четырнадцатого числа Джулиан перетаскивал бумаги — я даже не подозревал, что их окажется так много, целые кипы — и прочий хлам в маленьких картонных коробках из своей спальни в подвал. После скромного обеда он отправился в библиотеку, чтобы «навести справки, сделать последние уточнения» и вернуть оставшиеся книги. Когда он покинул дом, я спустился в подвал и обнаружил, что дверь заперта, а ключ Джулиан унес с собой. Позднее брат вернулся и провел почти весь день в подвале, выйдя оттуда лишь поздно ночью. Вид у него был необычайно взволнованный. Еще спустя какое-то время я ушел к себе в спальню, а через минуту услышал стук в дверь.

— Ночь сегодня удивительно ясная, Филип. Дай-ка, думаю, полюбуюсь звездным небом...ведь звезды, как ты помнишь, всегда манили меня. Из моего окна их толком не видно. Буду признателен, если ты разрешишь мне посидеть у тебя и посмотреть на звезды.

— Какие могут быть вопросы, старина! Проходи и устраивайся поудобнее, — ответил я, несколько удивленный такой просьбой. Джулиан прошел через всю комнату и облокотился на подоконник. Я тоже поднялся с кресла и встал с ним рядом. Не снимая очков, брат устремил взгляд на ночное небо. Похоже, его интересовали какие-то конкретные созвездия.

— Глядя на звезды, невольно веришь, что это не просто украшение неба. Есть в них какой-то скрытый смысл, — произнес я.

Настроение брата мгновенно изменилось.

— Ты на что намекаешь? — процедил он и смерил меня подозрительным взглядом. Очков Джулиан, разумеется, не снимал, но ощущение было именно такое. Я был поражен его реакцией, потому что говорил без всякой задней мысли.

— Я просто хочу сказать, что, возможно, древние астрологи в чем-то были правы, — ответил я.

— Астрология — древняя и точная наука, Филип, тебе не следует так легковесно отзываться о ней. — Брат говорил медленно, словно сдерживая всплеск эмоций. Что-то подсказало мне, что лучше замолчать. Через пять минут Джулиан ушел. Размышляя о его поведении, я какое-то время сидел неподвижно и продолжал смотреть на звезды. Мне почему-то вспомнились слова, которые он произнес в ночь накануне помешательства: «...чтобы в день, когда звезды займут *правильное* положение, они смогли осуществить *Великое Всплытие*...»

В ту ночь я не сомкнул глаз. Мне мешал уснуть шум, бормотание и стоны, доносившиеся из комнаты Джулиана. Во сне он нес какую-то околесицу о Великой Зеленой Бездне, Пурпурном Пожирателе, заточенном Шогготе, Йиб-Тстле, Тсатогтуа, каких-то космических криках, губах Бугг-Шаша, обитателях Ледяной Бездны. Ближе к утру, нещадно устав от бессонницы, я наконец погрузился в тяжелый сон и проснулся поздно утром пятнадцатого числа.

Джулиан уже спустился в подвал. Умывшись и одевшись, я вспомнил про его обещание и поспешил к подвальной двери. Однако на полпути мое внимание привлек знакомый звук: что-то просунули в щель для корреспонденции.

Дневник!

Безосновательно опасаясь, что и Джулиан мог услышать этот звук, я бегом бросился к

входной двери, схватил с коврика обернутую в коричневую бумагу бандероль и поспешил к себе спальню. Там я быстро заперся изнутри и торопливо надорвал упаковку. Дверь в спальню Джулиана была не заперта, и я решил, что, пока он в подвале, незаметно подброшу дневник за изголовье его кровати; дескать, он сам его уронил. Однако стоило мне, отложив дневник в сторону, взяться за чтение сколотых скрепкой страниц, выпавших из надорванной обертки бандероли, как задуманный обман вылетел из моей головы. Уолмсли сдержал свое обещание. Отбросив письмо, я принялся торопливо просматривать перевод зашифрованных записей Джулиана. Вот они, необходимые доказательства — в аккуратно написанных абзацах, снабженных кое-где комментариями. Но читать все не было необходимости: некоторые слова и фразы сами бросились в глаза.

«Это обличье [форма?] вызывает у меня отвращение. По крайней мере это ненадолго. Могут возникнуть трудности, потому что сначала форма [тело/обличье?] не поддавалась мне. Боюсь, это в какой-то мере насторожило [? —?]. Мне также приходится прятать [защищать/скрывать?] часть себя, которая также проникла с переправкой [путешествием/переходом?].

Я знаю, что разум [? —?] плохо переправляется в Глубины... и, конечно же, его глаза были разрушены [уничтожены?] полностью...

Проклятие на эту воду, что успокаивает [сдерживает?] силу Великого [?]. В эти редкие времена [периоды?] я поглядел на [сидел/наблюдал?] многое и изучал то, что видел и о чем читал, но мне пришлось приобретать эти знания тайно. Послания разума/мысленные сообщения [телепатия?] от моего рода [собратьев?] в [? —?] около места, которое люди зовут [?] Дьявола, мало мне помогли, потому что эти существа/создания достигли потрясающих успехов в глубинные времена [моменты/периоды] после их [?] нападения на обитателей [?][Дьявола.

Я видел многое и знаю, что не настало еще время для великого пришествия [всплытия/восхождения?]. Они создали оружие [?] мощи. Есть шанс/риск потерпеть поражение, а такого не должно произойти.

Но если [?????] они??? обратят свои устройства против самих себя [??? двинут???] народ против народа [?? тогда??] разрушительная/катастрофическая война, сравнимая с [имя — возможно, *Азатот*, как в *Пнакотикских рукописях*].

Разум [? —?] был уничтожен, не выдержат тяжести глубин... Потребуется вступить в контакт с моей естественной формой, чтобы повторно стать ею [войти в нее?].

Ктулху! [?] триумфа[??] мне не терпится вернуться в собственную форму[тело/обличье?]. Мне не нравится, как его брат [слово „брат“ подразумевает вероломство?] смотрит на меня... но он ничего не подозревает...»

На страницах перевода было еще много всего, очень много, но большую часть текста я просмотрел бегло и закончил знакомство с ним последним абзацем, который предположительно появился в дневнике незадолго до того, как Джулиан отправился в Лондон.

«[Дата?]... ждать еще шесть [короткий период времени?]... Затем звезды должны занять... правильное положение [прийти в норму?] и если все сложится удачно, то может быть завершен/осуществлен перенос».

Это было все, но и этого оказалось больше, чем достаточно. Упоминание о том, что я «ничего не подозревал» (речь, видимо, шла об ужасах, вызвавших первый приступ помешательства у Джулиана), окончательно убедило меня: брат мой серьезно болен.

Схватив дневник, я выбежал из комнаты, думая лишь об одном: что бы Джулиан ни затеял, его непременно нужно остановить. Новые «интересы» представляли нешуточную угрозу для его душевного здоровья, и кто поручится, что лечение окажется успешным и в следующий раз? Если произойдет рецидив, мой брат может навсегда лишиться рассудка.

Я принялся, как безумный, барабанить в дверь. В следующее мгновение та

распахнулась, и я в буквальном смысле влетел в подвал. Влетел... да, из разумного мира в мир безумный, чуждый, кошмарный, не похожий ни на что. Сколько буду жив, никогда не забуду увиденное. На расчищенном участке в центре подвала красным мелом был начертан несомненный символ зла. Мне он попадался в книгах, которые уничтожил Джулиан... Теперь мне известно, что он означает, и всякий раз при мысли о нем я передергиваюсь от омерзения. В стороне от знака я увидел кучку золы — это было все, что осталось от многочисленных рукописей моего брата. На кирпичях, между которыми пылал огонь, лежала металлическая решетка. На стенах я разглядел начертанные зеленым и синим мелом знаки, в которых узнал богомерзкий «Код Нихарго». В воздухе висел тяжелый запах ладана. Вид у подвала был какой-то призрачный, нереальный. Он напоминал живую иллюстрацию к творениям Элифаса Леви — классическое логово чернокнижника. Испуганный этим зрелищем, я повернулся к Джулиану и в последнюю секунду заметил, как взметнулась массивная кочерга, обрушившаяся затем мне на голову. Предпринять я ничего не успел. Не смог, *ибо мой брат снял темные очки, и вид его ужасных глаз поверг меня в оцепенение...*

Через какое-то время я очнулся — будто выплыл на поверхность темного моря. Сторонясь бесчисленных его обитателей, я вынырнул во внешний мир, где лишь свет умирающего, красно-оранжевого солнца тускло освещал рябь на морской глади.

Когда пульсация в моей несчастной голове слегка унялась, эта рябь обрела резкие очертания, превратившись в узор на ткани моего пиджака. Оранжевый свет при этом никуда не делся! Надежда, что все окажется ночным кошмаром, тут же разбилась вдребезги. Я осторожно поднял голову, и помещение возникло перед моим взглядом с невероятной отчетливостью. Слава Богу, Джулиан стоял спиной ко мне, не показывая лица. Случись мне снова увидеть его жуткие глаза, я наверняка бы снова потерял сознание.

Оранжевый свет исходил от пламени, вырывавшегося сквозь положенную на кирпичи решетку. Там же находилась и кочерга, которой меня оглушили. Она была погружена в самое сердце огня, и ее металлическая часть — до самой деревянной рукоятки — раскалилась чуть ли не добела. Бросив взгляд на часы, я понял, что пробыл без сознания довольно долго — до полуночи оставалось совсем немного. При этом выяснилась и еще одна малоприятная деталь: оказывается, брат привязал меня к какому-то старому креслу. Я напряг мускулы и не без удовольствия отметил, что путы слегка ослабли. Усилием воли я заставил себя не думать о лице Джулиана и его жутких глазах. Когда же он вновь взглянул в мою сторону, мне пришлось собрать воедино последние остатки самообладания.

Его лицо представляло собой белую бесстрастную маску, на которой сияли холодные, недобрые и неописуемо чужие глаза. Клянусь всем святым, они были в два раза больше обычного — выпученные, красные, от злобы чуть не вылетавшие из орбит.

— Ах, вижу, ты вернулся к нам, дорогой брат! Но почему ты так смотришь на меня? Это лицо тебе кажется ужасным? Поверь, мне оно не нравится даже больше, чем тебе.

Кошмарная правда — или то, что я принял за правду, — стала доходить до моего сознания.

— Черные очки! — ахнул я. — Вот почему ты носил их даже ночью. Тебе пугало, что люди могут увидеть твои больные глаза!

— Больные? Боюсь, ты не совсем прав. Да, я был вынужден носить очки, это верно. Но боялся я другого: что глаза выдадут меня, а это вряд ли обрадовало бы тех, кто послал меня сюда. Ибо Ктулху, обитающий в глубинах морей на дальнем краю мира, уже известил Отуума, моего владыку, о своем неудовольствии. Во сне они вели беседу, и Ктулху был разгневан! Мне действительно нужны очки, ибо глаза мои привыкли к мраку океанских глубин! Жизнь на поверхности сначала показалась мне истинной мукой, но постепенно я к ней притерпелся. В любом случае я здесь не задержусь... а уходя, захвачу это тело с собой. — Он с презрением ущипнул себя. — На потеху.

Эта околесица привела меня в ужас. Я умолял брата признать собственное безумие, лепетал что-то о современной медицине, которая сможет вылечить его глаза. Мои слова

потонули в мерзком, ледящем кровь хохоте.

— Джулиан! — воскликнул я.

— Джулиан? — переспросил он. — Джулиан Хотри? — Он подошел ко мне, и теперь его жуткое лицо отделяли от моего какие-то сантиметры. — Ты что, слепой? *Я — Пеш-Тлен, колдун из Бездны Гелл-Хо на севере!* — Он быстро отвернулся, оставив меня в жутком смятении. Я лихорадочно пытался сложить фрагменты кошмарной мозаики. Мифология Ктулху. Отрывки из «Хтаат Аквадинген» и «Плавания святого Брендана». «Они обладают властью над грезами...» Перенос сознания. «Они всплывают даже сейчас... Его глазами, пребывающими в моем теле...» Исполинские боги, ждущие в глубинах морей. «Он пройдет по Земле в моем обличье...» Подводное землетрясение у берегов Гренландии. Бездна Гелл-Хо на севере...

Боже праведный! Неужели такое возможно? Неужели это не выдумки Джулиана, а нечто невероятное, но, увы, реальное? Существо, что стоит передо мной... Неужели он — оно — действительно смотрит на наш мир глазами чудовища, затаившегося на дне океана? И если это так, *то неужели моим братом управляет разум этого монстра?*

Эти мысли вихрем промчались в моей голове, и меня охватило... нет, не безумие, а скорее неспособность, нежелание принять то, что неприемлемо для любого здравомыслящего человека. Не знаю, как долго это продолжалось, однако из оцепенения меня вывел первый удар далеких часов, возвестивший о наступлении полуночи.

В этот миг мой разум прояснился. Глаза существа, называющего себя Пеш-Тленом, засверкали еще неестественнее, когда он — при условии, конечно, что слово «улыбка» подходит для такой жуткой гримасы — улыбнулся в знак окончательного триумфа. Увидев этот сатанинский оскал, я понял, что сейчас произойдет нечто страшное, и попытался высвободиться. К счастью, веревки еще немного ослабли. Существо между тем отвернулось от меня, чтобы вытащить из огня кочергу. Когда часы пробили в двенадцатый раз, оно вскинуло руки и, делая в воздухе странные пассы кончиком раскаленной кочерги, принялось произносить заклинания, издавая при этом такие мерзкие звуки — писк, вой и хрип, — что я непроизвольно съежился. Не укладывалось в голове, как эти нечеловеческие звуки могли вырываться из горла того, кого еще сегодня утром я называл своим братом. И все же, несмотря на фантастичность происходящего, я отчетливо их слышал. Впрочем, слышал ли? Действительно, когда эта безумная какофония прекратилась, *результат заклинания стал виден воочию!*

В одном из углов подвала начали сплетаться воедино извивающиеся струйки зеленого дыма. Я не видел, как и когда возник этот дым — словно ниоткуда! Струйки образовали нечто вроде столба, который на глазах уплотнялся и вращался все быстрее и быстрее, пока не обрел некую форму. Где-то в ночи за пределами подвала сверкнула молния, и в небе прогремел гром. Как мне сказали позднее, над городом разразилась невиданной силы гроза, какой не было целый год, но я почти не слышал ни грома, ни шума проливного дождя. Ибо глаза мои были прикованы к фигуре в углу подвала, которая беззвучно вращалась, все набирая скорость.

Потолок в подвале был высокий, около трех метров, но существо, возникшее из дыма, быстро заполнило собой пространство от пола до потолка.

Тогда я закричал, и сознание милосердно покинуло меня. Ибо разум мой в очередной раз сопоставил страшные факты и понял, зачем Пеш-Тлену понадобилось вызывать из далеких глубин — или откуда там еще — это кошмарное создание. Ответ на этот вопрос находился наверху, в моей комнате — если только Джулиан не успел там побывать. Перевод профессора Уолмсли... Разве не Джулиан, не Пеш-Тлен, или кем там еще было это существо, написал в своем дневнике: «Потребуется вступить в контакте моей естественной формой, чтобы повторно войти в нее»?

Потеря сознания была, видимо, кратковременной: когда я вновь пришел в себя, фигура в углу подвала еще не сформировалась полностью. Теперь она не вращалась, но ее очертания — не считая темной сердцевины — по-прежнему оставались нечеткими и дрожащими, как

картина, которую зритель видит сквозь завесу дыма. Тварь, которая когда-то была Джулианом, стояла у стены подвала, протянув руки к рождающемуся в углу существу. По его напряженному лицу то и дело пробегали мерзкие судороги нетерпения.

— Смотри! — равнодушно произнес тот, кого я еще утром называл братом, поворачиваясь ко мне. — Видишь, что сотворил я вместе с Глубоководными? Узри, смертный, вот твой брат — *Джулиан Хотри!*

До конца моих дней — который, боюсь, уже недалек — я не смогу изгнать из памяти это жуткое зрелище. Подобно тем, кто тонет во сне, я отчаянно вцепился в барьер разума, не осмеливаясь закрыть глаза, ибо кто знает, какие ужасы могли предстать перед моим мысленным взором за закрытыми веками. Стоило Пеш-Тлену произнести эти слова, как создание в углу окончательно материализовалось!

Представьте себе черную массу извивающихся щупалец и открытых ртов, лоснящуюся, три метра в высоту... Представьте чудовищное нечеловеческое лицо, в котором зияют разверстые орбиты-воронки с остатками вырванных человеческих глаз... Представьте жуткие, леденящие кровь вопли и вообразите, как существо, только что описанное мной, отвечает на ваши крики безумно знакомым голосом... *голосом, который вы мгновенно узнаете!*

— Филип! Филип, где ты? Что случилось? Я ничего не вижу... Мы вышли из моря, а потом меня забросило куда-то еще, и я услышал твой голос. — И жуткое создание принялось раскачиваться взад-вперед. — Не дай им забрать меня, Филип!

Это был голос моего брата — прежнего, разумного Джулиана, которого я когда-то знал. И в следующую секунду мною овладело безумие, но не простое: за ним стояла четкая цель. Когда минутой раньше я потерял сознание, тело мое расслабилось, и путы окончательно разошлись. Наконец-то почуввав свободу, я вскочил на ноги; веревки упали на пол. Омерзительно подергивая щупальцами, огромное слепое чудовище, тяжело ступая, двинулось в мою сторону. Одновременно с этим красноглазый демон в обличье моего брата, раскинув руки, сделал шаг ему навстречу.

— Джулиан! — крикнул я. — Осторожней, он проникнет в тебя при первом же прикосновении! После чего убьет и утащит обратно в глубины океана!

— Обратно в глубины? Нет! Не хочу! Не пойду! Нет! — Созданное Пеш-Тленом чудовище, говорящее голосом моего брата, незряче обернулось и принялось размахивать щупальцами. При этом оно задело своего творца, и тот полетел через весь подвал. Недолго раздумывая, я схватил кочергу, которую колдун успел сунуть в огонь, и двинулся в сторону фигуры, распластавшейся на полу.

— Стой, Джулиан! — бросил я через плечо своему несчастному брату, когда колдун вновь поднялся на ноги. — Убирайся, Пеш-Тлен! — Что делать дальше, я не знал. Было ясно лишь одно: нельзя допустить, чтобы эти два создания соприкоснулись. Я принялся приплясывать, словно боксер на ринге, старясь отогнать безумного Пеш-Тлена раскаленной кочергой.

— Время пришло! Воссоединение не ждет! — взвыло красноглазое существо. — Прочь с дороги!.. — Голос колдуна уже ничем не напоминал человеческий. — Ты не сможешь остановить меня... я должен... должен... должен установить... контакт! Я должен... *бхфг-нгий фхтлхлх хегм — йе'ххг наркх !* Тебе не обмануть меня!

Вокруг гигантской фигуры у меня за спиной, будто след исполинской улитки, начала расплзаться лужа омерзительной слизи. Продолжая истошно вопить, Пеш-Тлен рванулся к своему творению, но споткнулся о щупальца зловонной твари. Он тут же потерял равновесие и, размахивая руками, наткнулся лицом на конец кочерги. Десять сантиметров раскаленного металла вошли в его глаз, как нагретый нож в масло. Раздалось шипение, звук которого мгновенно утонул в душераздирающем вопле злосчастного колдуна, а от лица его поднялось небольшое облачко пара. Через долю секунды Пеш-Тлен рухнул на пол.

Склизкий черный гигант за моей спиной издал жуткий крик. Я резко обернулся, выпуская из рук кочергу. Обмотав щупальцами кошмарную безглазую голову, уродливый

обитатель морского дна раскачивался из стороны в сторону, словно пытался защитить себя от удара. Но уже в следующее мгновение он замер на месте, его упругие конечности безвольно опали — и моему взгляду предстало лицо с многочисленными ртами и безобразными гниющими глазницами.

— Я знаю, ты убил его, — произнес голос Джулиана, правда, на сей раз еле слышно. — С ним покончено, да и со мной тоже. Я уже чувствую, как они зовут меня обратно. — Затем его голос стремительно отлетел ввысь в истерическом визге: — *Им не взять меня живым!*

Чудовище вздрогнуло, и его очертания начали искажаться, теряя прежнюю форму. Ноги перестали повиноваться мне, и я рухнул на пол. Вероятно, сознание опять покинуло меня, — точно сказать не могу, — но когда я вновь посмотрел в ту сторону, чудовище куда-то пропало. В подвале остались только слизь на полу да уродливый труп колдуна.

Не знаю, откуда в моих мышцах нашлись силы, чтобы вынести измученное тело из подвала. Нет, не рассудок двигал моими членами, ибо мною владело безумие. Мне хотелось стоять под безжалостными ударами молний и кричать во всю глотку на ужасные, искаженные ливнем звезды. Хотелось плыть сквозь жуткие моря черной, нечестивой крови. Мне хотелось прильнуть к сморщенным грудям Йиб-Тстла. Охваченный помешательством, я что-то бормотал и стонал, ковыляя под оглушающие раскаты грома по пустынным улицам, пока не рухнул от изнеможения... Вспышки молний не вернули мне рассудка...

Остальное вы знаете. Я проснулся в этом мире, увидел белые простыни и вас, полицейского психиатра, услышал ваш приятный голос... Почему вы так хотели, чтобы я изложил все это на бумаге? Думаете, от этого что-то изменится? Да, я признаюсь, что убил своего брата, но ведь я выжег не *его* мозг. Вы все твердите об «ужасном заболевании глаз». У Джулиана не было заболевания глаз! Неужели вы думаете, что другой глаз — тот, что остался цел, — принадлежал моему брату? А что вы скажете о зловонной луже слизи в подвале? Неужели вы настолько глупы? Просили меня сделать письменное заявление, так что получайте его! Смотрите, смотрите, черт вас возьми, вот я пишу его... И этот мерзкий красный глаз... он всегда наблюдает за мной... кто бы мог подумать, что губы Бугг-Шаша способны засасывать с такой силой? Смотри... красная тварь... остерегайся Пурпурного Пожирателя! *Нет, не отбирайте у меня бумагу!*..

ПРИМЕЧАНИЕ

Сэр, по вашей просьбе мы связались с доктором Стюартом, и он, осмотрев мистера Хотри, высказал свое мнение как специалиста: этот человек еще безумнее своего брата. По мнению Стюарта, нельзя также исключать вероятность того, что болезнь глаз Джулиана Хотри началась вскоре после его частичной реабилитации и, возможно, была вызвана постоянным ношением черных очков. После того как доктор Стюарт ушел, Хотри долго возмущался и написал вышеприведенное заявление.

Дэвис, наш специалист, лично осмотрел лежащее в подвале тело. Он убежден, что младший брат, по всей видимости, страдал тяжелой формой неизвестного заболевания глаз.

Следует отметить: в безумных фантазиях обоих братьев имеется несколько любопытных параллелей с недавними реальными событиями — подчеркиваю, это не более чем совпадения. Одно из таких событий — рождение вулканического острова, получившего название Суртсей. Хотри, должно быть, что-то узнал о Суртсее уже после того, как попал под наблюдение врачей, и попросил принести ему газеты. Ознакомившись со злополучной заметкой, безумец принялся кричать: «О господи, они назвали его именем из другого мифа!» Персоналу больницы пришлось использовать смиренную рубашку...

РОЖДЕНИЕ ОСТРОВА

Вчера утром, 16 ноября, солнце впервые взошло над длинным, узким островом, расположенным в море севернее побережья Шотландии; его координаты 63 градуса 18 минут северной широты и 20 градусов 36 1/2 минут восточной

долготы. Остров Суртсей, поднявшийся на поверхность 15 ноября, первоначально имел около 20 метров в высоту, но постоянно увеличивался в размерах. Свидетелем фантастического «рождения» острова стал экипаж рыболовецкого судна «Айлейфер II», находившегося к западу от Гейрфугласкера и южнее архипелага Вестманнаэйар. Помимо этого была отмечена повышенная активность водных масс, что серьезно затруднило наблюдение, а также такие явления — вследствие подводной вулканической деятельности, — как высокие столбы дыма, вздымавшиеся над поверхностью воды на высоту более трех километров, невиданной силы грозовые штормы и взлетающие в воздух лавовые бомбы. Суртсей получил свое название по имени великана Сурто из скандинавской мифологии, который «прискачет с юга, дабы сразиться с богом Фрейром в Рагнареке». Эта схватка будет предшествовать концу света и приходу Сумерек Богов. Подробности, а также соответствующие фотоснимки — далее в этом же номере...

Все еще находясь в смиренной рубашке, Хотри в конечном итоге успокоился и попросил, чтобы ему прочитали и другие интересные газетные заметки. Доктор Дэвис выполнил его просьбу, причем Хотри сильно взволновал текст следующей статьи:

ИЗГАЖЕННЫЕ ПЛЯЖИ

Гарвин-Бэй, самое северное побережье Шотландии, этим утром оказалось чудовищно загажено. На протяжении примерно четырехсот метров прилив оставил после себя на песке черную слизь. Зловоние было столь велико, что рыбаки не смогли выйти в море. Анализ, проведенный учеными, уже выявил наличие органической основы. Предполагается, что это некая разновидность нефти. Специалисты по морским перевозкам недоумевают, поскольку в течение последних трех месяцев в прибрежных водах не проходило ни одного нефтеналивного танкера. На берег было выброшено такое огромное количество дохлой рыбы, что жителям соседнего Беллоха пришлось предпринять серьезные профилактические меры для борьбы с антисанитарией. Есть надежда, что сегодняшний ночной прилив очистит загрязненный участок побережья...

Когда заметку дочитал и до конца, Хотри заявил: «Джулиан обещал, что живым они его не возьмут». После этого, все еще в смиренной рубашке, он каким-то образом вскочил с кровати и, разбежавшись, выбросился из окна своей палаты на четвертом этаже. Сила удара была столь велика, что подозреваемый вывалился наружу и упал на землю вместе с решеткой и оконной рамой. Все произошло так стремительно, что никто не успел ему помешать.

Прилагаю данные документы к моему основному отчету.

Сержант Дж. Т. Мьюир 23 ноября 1963 года

Полиция г. Глазго

Властелин червей

«Властелин червей» — еще одна из повестей, в которой мне удалось вырваться из-под влияния Лавкрафта... с неизбежной, разумеется, на него оглядкой. Ибо как можно написать историю в духе Мифов, не затрагивая их традиционных тем? В общем, можно или нельзя, но я старался. В 1982 году, то есть спустя год после того, как я, отслужив двадцать два года, демобилизовался из армии, Кирби Макколей решил, что ему разумнее сосредоточить свои усилия как агента на продвижении на рынок куда более перспективного, нежели моя скромная персона, клиента (кажется, это был некто по имени Стивен Кинг). Тогда я послал Полу Гэнли из издательства «Weirdbook Press» — полупрофессиональной фирмочки, представленной, собственно говоря, только им самим, — экземпляр «Властелина червей». Реакции Пола не заставила себя ждать. Повесть ему понравилась, и он купил ее у меня, слово в слово, уже после первого прочтения. Позднее до меня дошло, что я мог бы для начала попытать счастья в журнале «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», где

шестью годами ранее уже вышел «Рожденный от ветра». Мое новое произведение было из той же оперы. К тому же там мне наверняка бы заплатили больше, а уж в том, что лишние деньги мне не помешали бы, сомневаться не приходилось. Однако журнал «Weirdbook Magazine» уже давно публиковал мои произведения, так что мы с ним были в некотором роде друзья. «Властелин червей» — это также мое любимое детище. Действие в нем происходит сразу после Второй мировой войны, а главный его герой — оккультный детектив Титус Кроу. Здесь он еще молод, так что все его приключения и превращения еще далеко впереди. Повесть впервые увидела свет в семнадцатом номере журнала «Weirdbook Magazine», в 1983 году, а недавно была переиздана в составе моего сборника «Гарри Киф. Некроскоп и другие странные герои».

Двадцать два — это число Мастера! Его можно описать только самыми яркими словами, ибо он — Великий Человек. Им восхищаются и его уважают все, кто его знает, ибо он наделен Разумом и Властью, и ему подвластна Магия! Да-да, он самый главный Маг. Однако спешу предупредить: как существуют День и Ночь, точно так же существуют и два сорта Магии: Белая и Черная.

«Нумерология» Гроссмана Вена, 1776

I

Война отгремела. Миновало Рождество 1945 года, новогоднее веселье еще не успело окончательно испустить дух, а Титус Кроу сидел без работы. Молодой человек, чей интерес к темной и загадочной стороне жизни, к тайному знанию проявил себя уже в раннем возрасте, работал прежде на министерство обороны — в двух, на первый взгляд, не связанных между собой, однако в равной степени секретных областях. С одной стороны, Титус давал рекомендации министерству в том, что касалось некоторых оккультных интересов фюрера. С другой — использовал свои таланты нумеролога и криптографа, чтобы взламывать коды неуклюжей и неповоротливой военной машины врага. В обеих ипостасях ему сопутствовал немалый успех, но теперь война была позади, и он, несмотря на все свои таланты, оказался не удел. В общем, Титус Кроу сидел и ломал голову над тем, как найти им достойное применение. Слава всемирно известного специалиста по оккультному знанию еще не нашла его. Более того, мало кто подозревал, что его дарованию суждено раскрыться во многих областях науки. Титус понимал: свершений еще будет немало, путь впереди длинный... и тем не менее сейчас он маялся без дела. И это после того, как он пережил бомбардировки Лондона, как на протяжении нескольких лет привыкал к завываниям сирены воздушной тревоги... Усталость, накопившаяся за годы войны, по-прежнему сидела где-то внутри него.

Вот почему он искренне обрадовался, когда пришел ответ на письмо, отосланное, в свою очередь, как отклик на газетное объявление. В объявлении говорилось, что Джулиан Карстерс, так называемый «Современный маг», он же «Властелин червей», эксцентричный глава некой секты, ищет молодого человека на должность секретаря. На ближайшие три месяца соискателям предлагается работа в его загородном доме. Деньги предлагались вполне приличные (хотя это было не самое главное); частично работа состояла в каталогизации библиотеки оккультной литературы, принадлежащей Карстерсу. Хотя объявление не отличалось конкретностью, Титус не сомневался, что работа придется ему по душе, и потому с нетерпением ждал встречи со своим новым работодателем — Джулианом Карстерсом, который, по его мнению, наверняка был не столько чернокнижником, сколько большим чудачком.

Наступило 9 января 1946 года, среда, и Кроу наконец приехал в Могильники. Впервые услышав это название, он тотчас представил себе бесконечные курганы и кромлехи...

Поместье располагалось в самом конце бегущей через лес извилистой частной дороги, неподалеку от причудливого и живописного городка Хаслмир в графстве Сюррей. Просторный двухэтажный особняк был обнесен каменной стеной, за которой скрывались темно-зеленые кустарники, заросшие тропинки и дубы, чьи ветви клонились к земле под тяжелыми гирляндами плюща. В общем, Могильники мало походили на большинство английских поместий.

Когда-то дом этот отличался редкой красотой, следы которой сохранились и по сей день. Однако в последнее время — возможно, из-за войны — за ним явно никто не следил, и он пришел в запустение. Вдобавок к традиционно унылому виду, который характерен в первые недели года для любого сельского дома в Англии, особняк отличала некая мрачность. Было в грязноватых верхних окнах, в кирпичной кладке, в тени дубовых ветвей и разросшемся вокруг дома кустарнике нечто такое, отчего Кроу невольно замедлил шаг. Сомневаясь, правильно ли вообще поступает, молодой человек прошел через скрипучие железные ворота на территорию поместья и направился сначала по подъездной дороге, а затем по густо заросшей шиповником тропинке к парадному крыльцу.

Кроу позвонил. Массивная дверь открылась подозрительно быстро, и в проеме показалось сперва бледное, осунувшееся лицо Джулиана Карстерса, а затем уж и он сам. Титус ожидал увидеть совсем другого человека. И верно, внешность хозяина дома была такова, что даже та малая толика воодушевления, которая еще оставалась в нашем герое, мгновенно угасла. Короче говоря, своим видом Карстерс мог испугать кого угодно.

Без каких-либо любезностей, даже не протянув руки, Карстерс повел молодого человека по мрачным коридорам особняка в гостиную — темную комнату, где тени, казалось, были нарисованы прямо на дубовых панелях. Хозяин включил тусклую лампу, которая все равно не сумела разогнать царивший здесь полумрак — и уж тем более запаха пыли и плесени. Лишь тогда Карстерс представился и предложил юноше присесть. Руки для приветствия он, однако, так и не подал.

Даже такого скудного освещения хватило, чтобы Кроу хорошенько разглядел внешность своего работодателя. Увиденное не внушало особой радости. Карстерс оказался высоким и худым, едва ли не истощенным мужчиной, с широким лбом, копной густых темных волос и кустистыми бровями. Его бледность удивительным образом сочеталась с царившей в доме атмосферой заброшенности. Прибавьте к этому впалые щеки и сутулые плечи — и вы получите человека, которому на вид можно было дать от семидесяти пяти до восьмидесяти лет, если не больше. Что-то в Карстерсе наводило на мысли об искусственно замедленном старении, как то обычно бывает при виде мумий, выставленных в музее.

Однако, приглядевшись повнимательнее к его лицу (разумеется, украдкой), Кроу обнаружил оспины, трещины и морщинки, которым не было числа. Казалось, либо Карстерс жил сверх положенного ему времени, либо сумел многое втиснуть в отпущенный ему срок. Титус вновь поймал себя на том, что мысленно сравнивает этого человека с пыльной, высохшей от времени мумией.

И все же светилась в его темных глазах некая мудрость, которая, надо сказать, несколько скрасила первоначальное впечатление от этого холодного, едва ли человеческого лица. Хотя внешняя оболочка Карстерса не вызывала теплых чувств, Титусу подумалось, что эрудиция хозяина дома, его искушенность в оккультных науках, которой он достиг, скитаясь по свету в поисках утраченного знания, многого стоят. Было в наружности старика что-то от ученого или по крайней мере от человека, преданного своему делу.

А еще чувствовалась в нем некая скрытая сила, которая вступала в странное противоречие с морщинами, выгравированными на осунувшемся лице и костистых руках. Когда же он заговорил, голосом некогда звучным и певучим, Титус мгновенно понял, что имеет дело с великим человеком. После пары несущественных вопросов Карстерс поинтересовался датой рождения Титуса, после чего умолк и впился в юношу выжидательным взглядом.

Надо сказать, этот вопрос и вправду застал Титуса врасплох; юноша почувствовал, как

по спине пробежал неприятный холодок, словно неожиданно открылась дверь и откуда-то потянуло сквозняком. Каким-то подспудным чутьем юноша понял, что заданный Карстерсом вопрос таит в себе опасность, сродни дулу пистолета у виска. И машинально, не отдавая себе отчета, он назвал вымышленную дату, прибавив себе четыре года:

— Второе декабря 1912 года, — ответил он с нервной полуулыбкой. — А почему вы спрашиваете?

Несколько мгновений Карстерс сидел опустив веки, однако затем глаза его открылись, и он расплылся в зловещей улыбке. Из груди старика вырвался вздох облегчения.

— Мне лишь хотелось подтвердить свою догадку, что вы по гороскопу Стрелец. Так оно и оказалось. Видите ли, наука о звездах — это давняя моя страсть, как, впрочем, и ряд других так называемых тайных наук. Как я понимаю, вам известно о моей репутации? К примеру, о том, что мое имя связывают с разного рода темными и ужасными ритуалами и обрядами? О том, что я (согласно одной газете) — воплощение Антихриста, или по крайней мере таковым себя возомнил. — Карстерс кивнул и насмешливо улыбнулся. — Да, разумеется, вы в курсе. Увы, истина гораздо прозаичнее, уверяю вас. Я лишь баловался магией — главным образом, чтобы развлечь кое-кого из друзей моими весьма скромными талантами. Один из них — это астрология. Что же касается некромантии и тому подобных вещей, то... Разрешите полюбопытствовать, мистер Кроу: как на ваш взгляд, возможно ли такое в наше время?

И он вновь продемонстрировал свою жутковатую улыбку.

Не успел молодой человек произнести хотя бы пару слов, чтобы заполнить возникшую паузу, как хозяин дома заговорил вновь:

— А чем интересуетесь вы, мистер Кроу? — осведомился он.

— Чем интересуюсь я? Ну, я... — начал было Титус. Правда, в самую последнюю секунду, когда с его языка едва не сорвалось признание, что и он тоже интересуется разного рода эзотерическими и оккультными вещами, — правда, исключительно из области белой магии, — по спине юноши вновь пробежал неприятный холодок. Однако, заметив, как расширились и заблестели глаза его собеседника, Титус постарался стряхнуть с себя оцепенение. И тут же понял: еще чуть-чуть — и он целиком и полностью оказался бы во власти Карстерса; судя по всему, это был своего рода гипноз. Поэтому он поспешил собраться с мыслями и изобразил зевок.

— Прошу меня извинить, сэр, — произнес он, — за мою непростительную неучтивость. Не знаю, что на меня нашло, но я действительно чувствую себя очень утомленным. Боюсь, я только что едва не уснул.

Заметив, что улыбка Карстерса сделалась еще более неестественной, вымученной, а последовавший за ней кивок чуточку резковат, он счел нужным продолжить:

— Мои интересы довольно банальны — немного археологии, немного палеонтологии...

— Ничего себе «банальны»! — фыркнул Карстерс. — Скорее наоборот, они свидетельствуют о натуре любознательной, пусть даже речь идет о вещах, которых давно нет на свете. Нет-нет, уверяю вас, это вполне достойные увлечения для молодого человека.

Он поджал тонкие губы и задумчиво потер подбородок, прежде чем заговорить вновь:

— Но с этой войной археология многое потеряла, вам так не кажется? Насколько мне известно, каких-либо выдающихся находок в последнее время не было.

— Что вы, скорее, наоборот! — с пылом возразил Титус. — Тридцать девятый был во всех отношениях удивительный год. Наскальная живопись в Хоггаре и раскопки в Бреке в Сирии. Бронзовые скульптуры Ифе в Нигерии. Открытия, сделанные Блегером в Пилосе и Вейсом в Микенах. Сэр Леонард Вули и хетты... Что до меня, мой интерес был прикован к работам, которые Восточный Институт вел в Мегиддо, в Палестине. Правда, это было в тридцать седьмом году. Лишь пошатнувшееся здоровье помешало мне выехать на место раскопок вместе с отцом.

— Ах вот оно как! — воскликнул Карстерс. — Это, я гляжу, у вас семейный интерес! Прошу вас, не переживайте, что остались тогда дома. Раскопки в Мегиддо принесли весьма

скромные результаты. Нашим друзьям из Восточного Института сопутствовал бы куда больший успех, ведь они раскопки всего в каких-то двадцати пяти милях к северу-востоку.

— На берегах Галилеи? — Кроу слегка удивило, что хозяин дома неплохо разбирается в его любимом предмете.

— Да-да, именно там, — сухо подтвердил Карстерс. — Там пески времени похоронили не один интересный город. Однако скажите мне: каково ваше мнение по поводу наскальной живописи в пещере Ласко?¹ Если я не ошибаюсь, она была обнаружена в тридцать восьмом году?

— В сороковом, — поправил Титус. Его улыбки как не бывало: он понял, что его экзаменуют. Судя по всему, знания Карстеса в области археологии — по крайней мере, пока речь шла о недавних находках — не уступали его собственным. — Точнее, в сентябре тысяча девятьсот сорокового года. Вне всякого сомнения, она исполнена кроманьонцами, а её возраст насчитывает от двадцати до двадцати пяти тысяч лет.

— Отлично! — Карстерс вновь просиял. Очевидно, Титус экзамен выдержал.

Хозяин дома поднялся с кресла. Он высился над Кроу, который сам был немалого роста, подобно башне.

— Что ж, думаю, мистер Кроу, вы мне подходите. Пойдемте, я покажу вам библиотеку. Именно в ней вы и будете проводить большую часть времени. Вас, несомненно, порадует множество окон и обилие естественного света. Окна, как вы понимаете, зарешечены, ибо многие из моих книг поистине не имеют цены.

И он повел Титуса за собой по лабиринту сумрачных коридоров, размышляя на ходу вслух:

— Нет, конечно, лично меня отсутствие света более чем устраивает, ибо я страдаю куриной слепотой. Вы наверняка заметили, какие широкие и темные у меня в полумраке зрачки. По той же причине в доме нет ярких электрических лампочек. Надеюсь, вам это не помешает?

— Ничуть, — ответил Кроу, хотя на самом деле ощутил себя узником — затхлости и гнили, бесконечных темных коридоров...

— Значит, вас интересуют древности? — продолжал хозяин дома. — Любопытно... Известно ли вам, что окаменелые ракушки, которые часто попадают тут, на юге, называли когда-то в народе когтями дьявола? — И он рассмеялся сухим, лающим смехом. — Нам с вами крупно повезло жить в век просвещения и науки.

II

Ототкнув ключом дверь библиотеки, Карстерс пригласил Титуса в просторное помещение, после чего сам пригнулся и шагнул в довольно низкий для человека его роста дверной проем.

— Ну вот мы и пришли, — зачем-то пояснил старик. Он стоял, слегка покачиваясь и прикрыв ладонью глаза, чтобы оградить их от тусклого света, который просачивался сюда сквозь зарешеченные окна. — Надеюсь, вы отнесетесь с пониманием...

Он быстро пересек покрытый толстым ковром пол и задернул шторы. В комнате тотчас воцарился полумрак.

— Выключатели вот здесь. — Он указал на стену. — И вы вольны включать свет на свое усмотрение, когда меня рядом нет. Что ж, мистер Кроу, вот ваше место работы. Да, чуть не забыл: с требованием, о котором вы писали в письме, я согласен. Так что выходные дни целиком и полностью принадлежат вам. В это время вы свободны. Такой график устраивает и меня, поскольку это единственно удобное время для встреч — по выходным я принимаю у себя кое-каких знакомых.

А вот в будние дни я попросил бы вас оставаться здесь. За занавеской в дальнем углу

¹ В 1940 году в пещере Ласко (Франция) были обнаружены рисунки кроманьонцев, возраст которых, по некоторым данным, составляет 27 тысяч лет.

есть альков, туда проведено освещение. Там я поставил для вас кровать, небольшой стол и стул. Не волнуйтесь, мешать вам не будут. Клянусь, я не стану вторгаться в вашу частную жизнь — при условии, что и вы со своей стороны не будете докучать мне. Проще говоря, в этом доме существуют определенные правила. Например, вы ни при каких обстоятельствах не имеете права приглашать к себе гостей. Мой дом закрыт для посетителей. Кроме того, вам не дозволено спускаться в подвал. Что касается остальной части дома — можете бродить по нему, где и сколько вздумается... за исключением моего рабочего кабинета. Хотя, как мне кажется, для подобного рода экскурсий у вас просто не будет оставаться времени. В любом случае, кроме меня, тут никого нет.

Кстати, вам понятно, что я могу нанять вас только на три месяца? Отлично. Деньги вы будете получать ежемесячно, авансом, а чтобы не возникало взаимных обид, я настаиваю на подписании контракта, в котором будут оговорены права и обязательства обеих сторон. Мне бы не хотелось, чтобы вы бросили порученное вам дело, не доведя его до конца.

Что же касается самой работы, то она довольно проста, особенно для человека с археологической жилкой. И здесь я предоставляю вам полную свободу действий. Собственно говоря, вам нужно лишь расставить все книги строго по порядку, сначала по категориям, затем по авторам в алфавитном порядке внутри каждой категории. Опять-таки, на какие категории вы их разделите — это решать только вам. Со своей стороны я требую лишь наличие перекрестных ссылок. И последнее — мне нужен полный перечень книг по названиям, опять-таки в алфавитном порядке. Ну как, беретесь вы за эту работу?

Титус обвел взглядом помещение библиотеки — высокие, до потолка, стеллажи и пыльные, заваленные книгами столы. Книги лежали повсюду, где только находилось место. Примерно семь-восемь тысяч томов, мысленно прикинул Кроу. Три месяца перестали казаться ему чересчур долгим сроком. С другой стороны, те немногие заглавия, которые он успел разглядеть на корешках...

— Я уверен, — произнес он наконец, — что вы останетесь довольны моей работой.

— Отлично! — кивнул Карстерс. — Поскольку дело уже к вечеру, я предлагаю пройти в столовую и поужинать, после чего вы вернетесь сюда и, если возникнет желание, начнете знакомиться с моими книгами. По-настоящему ваша работа начнется завтра, в четверг. Я буду беспокоить вас лишь изредка, если мне самому понадобится зайти в библиотеку или проверить вас. Ну как, устраивают вас такие условия?

— Вполне, — ответил Кроу и вновь последовал за хозяином дома сквозь лабиринт темных коридоров.

Пока они шли, Карстерс протянул ему ключ от библиотеки.

— Возьмите, вам он понадобится. — Заметив, что Кроу нахмурился, он пояснил: — В последние годы дом не раз привлекал к себе грабителей. Именно по этой причине я был вынужден поставить на окна решетки. Если вор вновь проникнет в дом, вы всегда сможете запереться от него в библиотеке.

— Я сумею о себе позаботиться, мистер Карстерс.

— Ничуть в этом не сомневаюсь, — отозвался тот, — однако моя забота о вас продиктована эгоистичными соображениями. Если вы, мистер Кроу, останетесь целы, то целы останутся и мои книги.

И он в очередной раз одарил Титуса своей жутковатой улыбкой.

Они ужинали, сидя на противоположных концах длинного стола в тускло освещенной столовой, столь же мрачной, как и весь остальной дом. Сам ужин состоял из ломтей холодного мяса и красного вина, против чего Титус возражений не имел, однако отметил про себя, что на тарелке у Карстерса совсем другая пища — нечто красное и более мягкой консистенции, хотя расстояние помешало ему рассмотреть, что же это такое. Когда молчаливый ужин закончился, Карстерс отвел Титуса в кухню — хорошо оснащенное, хоть и несколько грязноватое помещение, к которому примыкала забитая съестными припасами кладовая.

— С этого момента, — пояснил хозяин дома замогильным голосом, — вы будете сами готовить себе еду. Можете брать все, что пожелаете. Сам я ем немного и предпочитаю принимать пищу один. Да, как вы наверняка уже поняли, прислуги в доме нет. Кстати, я заметил, что вы любитель вина. Как, впрочем, и я. Можете пить любое, какое пожелаете — в подвале я храню приличный запас.

— Благодарю вас, — отозвался Кроу. — А теперь я хотел бы уточнить еще пару деталей.

— Прошу вас, не стесняйтесь.

— Я приехал сюда на машине, и...

— Ах да, ваш автомобиль. Поверните налево с подъездной дорожки, как только въедете в ворота. Там вы найдете небольшой гараж. Двери открыты. Думаю, в течение недели вам лучше держать машину в гараже, иначе с наступлением холодов можно посадить аккумулятор. Вы хотели узнать что-то еще?

— Мне понадобится ключ? — спросил Титус после короткой заминки. — Я имею в виду, ключ от дома — если вдруг я захочу уехать на выходные.

— Вам он ни к чему, — покачал головой Карстерс. — Я лично выпущу вас из дома в пятницу и впущу, когда вы вернетесь в понедельник утром.

— Что ж, в целом условия меня удовлетворяют. Правда, должен предупредить: я люблю свежий воздух и хотел бы время от времени гулять в саду.

— По такому-то бурелому? — Карстерс коротко усмехнулся. — Это место заросло так, что нетрудно и заблудиться. Нет-нет, бояться нечего — входная дверь в течение дня не запирается. Единственное, о чем вас попрошу — в случае моего отсутствия не захлопните ее ненароком за собой.

— Отлично, я все понял, — произнес Кроу. — Что ж, остается только поблагодарить вас за ужин и, разумеется, взять на себя мытье тарелок.

— В этом нет необходимости, — вновь покачал головой Карстерс. — Сегодня этим займусь я. В будущем каждый из нас будет сам мыть за собой. А пока поставьте в гараж свою машину.

С этими словами он повел Кроу из кухни подлинным мрачным коридорам к входной двери. И пока они шли, Титус вспомнил знак, который заметил на увитой плющом стене сада. Стоило ему обмолвиться на эту тему, как Карстерс вновь усмехнулся.

— «Осторожно, злая собака»? Никаких собак здесь нет. Табличка нужна лишь для того, чтобы отпугивать непрошенных визитеров. Скажу больше, я терпеть не могу собак, а они не выносят меня.

Кроу вышел из дома, поставил машину в гараж и вновь вернулся в библиотеку. К этому времени хозяин дома уже уединился у себя в кабинете или где-то еще, и Титус остался наедине с самим собой. Переступая порог библиотеки, он не смог удержаться и в предвкушении облизнул губы. Если хотя бы один или два корешка, которые он разглядел на полках, окажутся не муляжами, а настоящими книгами... тогда библиотека Карстерса — настоящий кладезь оккультного знания. Кроу решительным шагом направился к ближайшим полкам и тотчас заметил с полдюжины книг столь редких, что они успели уже стать преданием! Он откопал на удивление хорошо сохранившийся экземпляр «Liber Ivonie» дю Норда и «De Vermis Mysteriis» Принна. Подумать только, эти раритеты были небрежно рассованы по полкам вперемежку с такими банальными трудами, как «Культ ведьм» мисс Маргарет Мюррей и сомнительными опусами мадам Блаватской и Скотта-Эллиота...

На второй полке Кроу нашел «Cultes de Goules» д'Эрлетта, «Image du Mond» Готье де Метца и «Ключ к мудрости» Артефиуса. Третья полка порадовала невероятным количеством томов на тему морских загадок и чудовищ — здесь было и жутковатое творение Гэнтли под названием «Hydrophinnae», и «Хтаат Аквадинген», и немецкое издание «Unter Zee Kulten», «Обитатели глубин» Ле Фе и «Fischbuch» Конрада фон Гернера, изданная примерно в 1598 году.

Двигаясь вдоль полок, Титус Кроу почувствовал, как его тело покрывается холодной

испаринной при одной только мысли о ценности этих книг, не говоря уже об их содержании. Список бесценных томов оказался столь внушителен, что вскоре юноша потерял им счет. Были здесь и Пнакотикские рукописи, и «Семь таинственных книг Хсана»; потом Титус наткнулся на «Текст Р'лайха», а в самую последнюю очередь — на древний, в иссиня-черном переплете, украшенный золотыми и серебряными арабесками том, который оказался не чем иным, как самим «Аль-Азифом»!¹ При виде этих сокровищ у нашего героя закружилась голова, и он присел за один из пыльных столов, чтобы прийти в себя.

Лишь когда Титус, пошатываясь, опустился на стул и приложил руку к разгоряченному лбу, он понял, что неважно себя чувствует. Стоило обратить взгляд на корешки древних книг, с его тела ручьями катился пот; от вина Карстерса в горле и во рту подозрительно пересохло. Нет, он вряд ли выпил лишнего, но вдруг напиток оказался слишком крепким? Хорошо, отныне он не будет пить больше одного стакана за раз...

Тогда ему и в голову не могло прийти, что в вино подмешано какое-то зелье.

Спокойно, но все еще покачиваясь на нетвердых ногах, он поднялся со стула, включил свет в алькове, где для него была приготовлена постель, выключил свет в библиотеке и улегся. Не успел он положить голову на подушку, как его тотчас сморил сон.

Сон со сновидениями.

В алькове было темно, однако в библиотеку сквозь зарешеченные окна проникал тусклый лунный свет, который колыхался вместе с ветвями садовых деревьев. Шторы были не задернуты, а вокруг кровати, устремив на него взгляд светящихся глаз, стояли четыре фигуры в темных одеяниях с низко надвинутыми капюшонами. Затем одна из этих фигур сделала шаг вперед, и внутреннее чутье подсказало ему, что это Карстерс.

— Он спит, хозяин? — шепотом поинтересовался незнакомый ему голос.

— Да, сном младенца, — ответил Карстерс. — Открытые глаза, устремленный в пространство взгляд — все это верный признаки того, что снадобье подействовало. Ну и как вам он?

Третий голос, низкий и грубый, рассыпался хриплым смехом:

— Думаю, он нам подходит, Хозяин. Проживете еще лет сорок—пятьдесят.

— Тише! — рявкнул на шутника Карстерс и обжег его свирепым взглядом. — Чтобы я ничего подобного больше не слышал! Ни здесь, ни где-либо еще!

— Хозяин! — В голосе говорящего послышались испуганные нотки. — Прошу простить меня! Я не подумал...

Карстерс лишь презрительно фыркнул.

— Никто из вас не привык думать...

— А каков его знак, Хозяин? — поинтересовался четвертый голос, липкий и тягучий, словно жидкая глина. — Благоприятный?

— О да! Он Стрелец, как и я. И его числа... благоприятствуют нам, — едва ли не по-кошачьи промурлыкал Карстерс. — Его полное имя не просто содержит девять букв: в традиционной системе дата его рождения дает нам число двадцать семь — то есть девять, взятое трижды. Однако взятые по отдельности, они дают нам еще лучший результат, поскольку сумма их цифр равна восемнадцати!

— То есть трижды шесть! — раздался сдавленный возглас.

— Именно, — подтвердил Карстерс.

— Что ж, на вид он высокий и сильный, Хозяин, — произнес тот, кому досталось от Карстерса. — Похоже, из него получится отличное вместилище.

— Будь ты проклят! — вновь обрушился на него хозяин дома. — Идиот! Сколько раз можно тебе повторять, что... — На какой-то миг его голос перешел в яростное шипение. — Вон! Вон! Вас, дуралеев, ждет работа, как, впрочем, и остальных. Но сначала уясните: он — именно Тот Самый, утверждаю со всей ответственностью, и он пришел сюда по собственной воле, как то и должно быть.

¹ Оригинальное (арабское) название «Некрономикона».

Три фигуры растворились во мраке, но Карстерс остался. Он еще раз посмотрел на Титуса и затем произнес шепотом:

— Это был сон. Просто сон. И его, мистер Кроу, лучше забыть. Хранить его в памяти совершенно не стоит. Ведь это лишь сон... сон... сон...

Произнеся эти слова, он сделал шаг назад и задернул шторы. Лунный свет тотчас померк, и в библиотеке воцарилась крошечная тьма. Однако спящему еще долго мерещилось, что глаза Карстерса висят над ним в темноте, словно улыбка Чеширского кота.

III

Утром, когда тусклый, почти сумеречный январский свет проник сквозь пыльные окна, лишь оттенив угрюмое убранство библиотеки, Титус Кроу проснулся, потянулся и зевнул. Спал он плохо, и голова теперь раскалывалась от боли — да, не надо злоупотреблять хозяйским вином! А еще ему вспомнились обрывки сновидений... но ведь то был всего лишь сон, и его следовало выбросить из головы. И чем скорее, тем лучше...

Тем не менее, все еще лежа в постели, он попытался вытащить обрывочные образы сновидения из глубин памяти на поверхность. Ведь что-то все-таки ему снилось... Увы, у Титуса так ничего и не вышло. Он был готов поклясться, что во сне видел Карстерса и кого-то еще, но вот подробности... Наверно, они и не стоят того, чтобы их помнить.

Однако навязчивые мысли упорно отказывались исчезать. У Титуса возникло чувство, что, если он не вспомнит хотя бы самую малость, душевного спокойствия ему не видать. Так бывает, когда не можешь вспомнить нужное слово, которое вертится на языке — и с каждым разом ускользает. Еще у Титуса сохранилось смутное ощущение, будто ночью он слышал странный хор голосов, наподобие речитатива или литургии, который эхом отдавался в недрах дома. Откуда же он доносился? Уж не из подвалов ли? Не иначе как виной тому слова Карстерса, что в подвалы ему вход заказан. Видимо, подсознание углядело в них какой-то зловещий смысл.

Кроме того, юношу мучило жестокое похмелье. Вино, говорите?.. Крепкое?.. О да!

Титус поднялся с постели, надел халат и отправился на поиски ванной комнаты. Десять минут спустя он вышел из нее заметно посвежевшим и направился в столовую. Там он обнаружил короткую записку от хозяина дома: он, дескать, будет отсутствовать весь день, однако требует, чтобы Титус как можно скорее приступил к работе. Кроу пожал плечами, позавтракал, убрал за собой грязную посуду и уже хотел вернуться в библиотеку, как заметил на видном месте упаковку аспирина. Юноша улыбнулся предусмотрительности Карстерса. Похоже, старикан знал, что наутро неумеренность в спиртном даст о себе знать, и эти таблетки были призваны снять синдром похмелья, чтобы он мог приступить к работе с ясной головой.

Однако улыбка исчезла с лица Кроу, когда он вернулся в библиотеку и задумался, как лучше приступить к порученному делу. Чем дольше он разглядывал книги, чем дольше перебирал их, тем сильнее нарастало в нем подозрение, что старик их не просто коллекционирует, а использует. Видимо, вчерашняя предосторожность оказалась не лишней... Он вновь задумался о вчерашнем вопросе Карстерса и его «давней страсти» — астрологии. Странно, но на полках не нашлось ни одного тома по астрологии.

Зато не столь странно, подумал Кроу, что в ответ на заданный вопрос он сказал откровенную ложь. Как нумеролог, он понимал важность имен, чисел и дат — особенно для тех, кто увлекается оккультизмом! Ни один чародей за долгую историю человечества еще ни разу не открыл дату своего рождения врагу. Да что там дату, даже имя! Кто поручится, что другой человек не воспользуется этим знанием, что бы повлиять на вашу судьбу? В темных закоулках человеческого ума подчас рождаются знаменательные фразы, которые мы слышим изо дня в день, вроде: «Ему выпал несчастливый номер». Имя же издревле считалось вторым «я» человека, чуть ли не его душой. Любой колдун, прознавший чье-то имя, мог использовать его во вред его обладателю. Библия полна намеков на священный, таинственный характер

имени — к примеру, третьего, «тайного» имени Всадников Апокалипсиса или же имени ангела, что поинтересовался у отца Самсона: «Что ты спрашиваешь об имени моем? Оно чудно».¹ А ведь в сравнении с египетскими легендами о грозной власти имен Священное Писание — это почти современная литература. Ладно, теперь волноваться уже поздно. Даже если Карстерс и знает его имя, настоящая дата рождения Титуса ему неизвестна.

А ведь когда хозяин дома поинтересовался его увлечениями, Кроу охватило какое-то неведомое чувство. Он был готов поклясться, что в тот миг собеседник едва не погрузил его в гипнотический сон. И опять-таки Титус ему солгал — по крайней мере ограничился полуправдой. Неужели в этот момент им руководило бессознательное желание защититься, оградить себя от вторжения извне? А если так, то почему? Чем ему мог навредить Карстерс? Это же нелепо!

Что касается археологии и палеонтологии, то наш герой действительно питал интерес к этим наукам и располагал обширными знаниями в обеих областях. Но то же самое можно было сказать и про Карстерса! Интересно, что имел в виду хозяин дома, рассуждая о неудачной экспедиции Восточного Института? Если бы раскопки проводились в Галилее, она бы закончилась по-иному...

Кроу машинально схватил с полки огромный, запыленный атлас мира — не самого свежего издания — и принялся переворачивать толстые, слегка замусоленные страницы в поисках карты Ближнего Востока, Палестины и Галилейского моря. На полях нужной ему страницы кто-то давным-давно написал красными чернилами цифру «1602», а на самой карте, вдоль северного берега озера — три крошечных крестика того же цвета. Над центральным крестиком значилось «Хоразин».

Кроу мгновенно узнал это имя. Он вернулся к стеллажам, после недолгих поисков обнаружил неплохо сохранившуюся «Иллюстрированную Библию для семейного чтения» в двух томах под редакцией Джона Китто и перенес увесистый второй том к себе на стол. В Евангелии от Матфея и от Луки он быстро нашел нужные ему стихи, а от них перешел к примечаниям в конце десятой главы Евангелия от Луки.

О тринадцатом стихе там говорилось следующее:

Хоразин — данное место нигде не упоминается, за исключением этого и параллельных текстов, и то вскользь. Судя по всему, это был довольно крупный город на берегу Галилейского озера в окрестностях Капернаума, поскольку он упоминается вместе с ним и Вифсаидой. Отвечая на вопрос доктора Ричардсона о Капернауме (см. комментарий к IV, 31), местные жители также связали Хоразин с этим городом.

Кроу проверил указанный комментарий и нашел еще одно упоминание о Хоразине, который нынешние аборигены тех мест называли «Хоразин». На сегодняшний день от некогда процветавшего города остались лишь руины. Кроу поджал губы, вернул атлас на полку и вновь окинул задумчивым взглядом карту Галилеи, помеченную тремя крестиками. Если центральный крест обозначал Хоразин (вернее, то место, где сейчас лежали его руины), тогда два других — это, по всей видимости, Капернаум и Вифсаида, проклятые города, чье разрушение было предсказано Иисусом. Как верно заметил Карстерс, пески времени действительно поглотили немало интересных селений на берегах Галилейского озера.

Больше Джон Китто, доктор богословия, ничем не сумел ему помочь. Конечно, масштабы его Библии впечатляли, но вопрос о Хоразине можно было исследовать и поподробнее. Как-никак, по сведениям Титуса, этот город считался одним из возможных мест рождения «Антихриста», которое якобы случилось в 1602 году.

Титусу Кроу хотелось побольше разузнать о Карстерсе — кто он, где родился, откуда в нем интерес к мистике и оккультизму. Юношу так и подмывало взяться за эти поиски, однако он в очередной раз напомнил себе, что находится здесь не в роли шпиона, а в роли наемного

¹ Книга Судей, 13. 8.

работника, и должен выполнять порученное ему дело. К тому же ему нравилось рыться в книгах — особенно таких, как в библиотеке Карстера. Да, такому собранию можно было только позавидовать — ничего подобного Титус еще не видел, даже в недоступных для широкой публики фондах таких солидных учреждений, как Британский музей или Национальная библиотека. Более того, скажи ему кто-нибудь еще неделю назад, что в мире существует такая частная коллекция, он бы рассмеялся этому человеку в лицо. Не говоря уж о средствах, которые потребуются на приобретение такого огромного количества книг, вряд ли кому хватит для этого времени и упорства — слишком коротка человеческая жизнь для столь грандиозного дела! Но еще одно обстоятельство поражало Титуса даже больше: как мог владелец библиотеки оказаться настолько беспечен или ленив, что она пришла в такое плачевное состояние!

Увы, достаточно было обвести взглядом книжные полки. Даже в полдень, когда Титус, отложив свои заметки, направил стопы в кухню, упадок и разрушение в очередной раз дали о себе знать. Выходя из библиотеки, юноша заметил на ковре рядом с дверью червя — книжного червя, как решил Кроу, хотя раньше ему ни с чем подобным не приходилось сталкиваться. Он поднял жирную розовую тварь с пола. От червя, который оказался холодным на ощупь, исходил неприятный запах. Раньше Титус считал, что книжные черви мельче и суше, а внешне походят на насекомых. Этот же был гладким и склизким! Титус тотчас вернулся в библиотеку, открыл крошечное зарешеченное окошко и выбросил омерзительную тварь в кусты. А перед тем как сесть за стол, с огромным тщанием вымыл и высушил руки.

Остаток дня пролетел быстро, без происшествий, и Титус задумался об ужине лишь в девять, когда голод — но отнюдь не усталость — наконец заявил о себе. За это время он набросал план работ, определился с категориями и ближе к концу рабочего дня начал расчищать одну из полок, с которой хотел приступить к нелегкому труду.

На ужин он разогрел себе тушеной говядины из жестянки, отварила несколько картофелин, приготовил кофе, а напоследок поставил на огромный пустой стол единственный бокал и бутылку хозяйского вина. Правда, на этот раз он выпил всего один стакан, и то не полный. Наконец, похвалив себя за умеренность в выпивке, Титус удалился к себе в альков с книгой — увлекательнейшим сочинением господина де Мариньи «Исследования Таро». Вскоре по телу разлились приятное тепло и сонливость, однако это состояние ничем не походило на вчерашнее. Примерно в половине одиннадцатого, заметив, что клонит носом, он улегся в постель и проспал всю ночь без сновидений.

* * *

Пятница прошла тихо. Титус за весь день ни разу не столкнулся с хозяином дома и даже не слышал его голоса. Он даже не смог бы с уверенностью утверждать, дома ли Карстерс, что, впрочем, вполне устраивало юношу, ибо он до сих пор не избавился от смутных подозрений насчет своего работодателя. Однако вечером Карстерс, как и обещал, появился и отпустил его на выходные. Его тощая, долговязая фигура, по щиколотку погруженная в туман, маячила на подъездной дорожке, пока Кроу не выехал на главную дорогу.

В Лондоне Титусу быстро наскучило. В ту ночь, как и в следующую, он спал плохо, а воскресный день превратился для него в одну бесконечную пытку тоской — это, надо сказать, было совершенно не в его характере. Дважды он ловил себя на том, что его мучает жажда, и облизывал губы, вспоминая о вине из погребов Карстера. В половине восьмого вечера, почти машинально, он стал собирать вещи. Всегда цепкая память на этот раз подвела его: Титус напрочь позабыл, что ему было приказано вернуться на работу лишь утром в понедельник.

Примерно в десять он уже поставил автомобиль в маленький гараж поместья и с

чемоданом в руке зашагал мимо трех других автомобилей, припаркованных на подъездной дорожке. Приблизившись к дому, он ощутил себя полным кретином: Карстерс явно принимал гостей и возвращения Титуса, разумеется, не ожидал. Впрочем, если дверь не заперта, можно пройти в дом незамеченным и никого не потревожить.

Дверь и впрямь оказалась не заперта. Титус на цыпочках юркнул внутрь и быстро прошел в библиотеку. На столике, рядом с записной книжкой, он обнаружил бутылку вина и записку:

Дорогой мистер Кроу!

Я пробежал глазами ваши заметки, и они поразили меня своей скрупулезностью. Пока качество вашей работы меня удовлетворяет. Большую часть понедельника меня дома не будет, надеюсь увидеть вас до отъезда. На тот случай, если вы вернетесь чуть раньше, я оставил вам небольшой презент.

Приятных снов.

Дж. К.

Все это было в высшей степени любопытно. Словно Карстерс заранее предвидел, что Титус вернется в поместье раньше положенного! В любом случае старик хорошо к нему отнесся, и со стороны Титуса было бы крайне невежливо не поблагодарить хозяина дома за бутылку вина. Он мог, по крайней мере, хотя бы сделать попытку — и не стыдиться потом, что пробрался в дом тайком, как воришка. Тем более что час был еще не слишком поздний.

Размышляя таким образом, Титус пропустил для смелости стаканчик вина, после чего зашагал по мрачным неосвещенным коридорам и в конце концов добрался до кабинета Карстерса. Заметив полоску тусклого света, выбивавшуюся из-под двери, и услышав голоса, Кроу замер на месте и задумался, правильно ли поступает. Он уже хотел отправиться в обратный путь, как услышат собственное имя. Тогда Титус прислушался, сосредоточив все внимание на разговоре, который в эти минуты происходил в кабинете Карстерса. Разумеется, до него долетали лишь обрывки фраз, и тем не менее...

— Дата назначена... Канун Сретенья, — донесся до него голос хозяина дома. — А пока я... его своей воле. Он *работает* на меня — надеюсь, вам это понятно? — и отчасти... власти с самого начала. Моя воля, подкрепленная... остальное доделает вино. А теперь я определился, и... никаких возражений. Говорил раньше и... снова: он тот, кто нам нужен. Гарбетт, скажи, есть у него какие-нибудь пороки?

На вопрос ответил низкий, гортанный голос. Титусу уже доводилось слышать его, но где и когда?

— Никаких. По крайней мере ничего не удалось обнаружить. Ни женщинами, ни наркотиками не... лишь изредка балует себя сигаретой... Не играет в азартные игры, не сорит деньгами, он...

— Он чист! — вновь раздался голос Карстерса. — Но ведь ты... работал на министерство обороны. В... качестве?

— Это каменная стена. Хозяин... все равно что ломиться в Национальный банк... К тому же опасно... чересчур нажимать...

— Согласен, — произнес Карстерс. — Я бы хотел, чтобы как можно меньше улик связывали его с этим домом и с нами. Со стороны должно казаться, что он... излюбленным местам, друзьям, интересам. Затем он станет потихоньку от них отдаляться, и... ничто... не будет связывать его со мной. Помимо того... станем одним!

— И все же, Хозяин, — прозвучал еще один голос, который опять-таки показался Титусу знакомым — голос, похожий на шелест камышей. — Сдается мне... вы не совсем удовлетворены...

Возникла небольшая пауза, после чего вновь заговорил Карстерс:

— Он пока не... гипнозу. Во время нашей первой... оказал сильное сопротивление. Но это отнюдь не дурной знак. Есть еще одно... мне необходимо проверить. Я займусь этим завтра, отправлю письмо. Не исключено... он солгал относительно даты своего рождения. В

этом случае... время найти замену.

— Но ведь времени... в обрез! — донесся четвертый голос. — Они множатся внутри вас. Хозяин, и рвутся наружу... голодные... а Сретенье так близко! — Титусу этот голос почему-то показался липким, как клей. А вот голос Карстера, когда тот заговорил снова, звучат на пару тонов выше обычного. И хотя он не утратил своей звучности, чувствовалось в нем что-то еще. Ликование?

— Верно, Могильная Орда множится, ибо им известно, что их время близко... И все, что останется, будет их! Они получают новое вместилище! — Он заговорил тише, однако каждое его слово по-прежнему можно было разобрать. — Если Кроу солгал, я с ним разберусь. И тогда, быть может, — неожиданно в его голосе прорезались демонические нотки, нечто вроде безумной издевки, — уже тебе придется радовать червей, Даррелл! Только полюбуйся, как ты им нравишься!

В этот момент раздалось шарканье ног, затем скребущий звук по поверхности стола. Кто-то отодвинул стул. Раздался омерзительный, булькающий возглас, и Кроу едва успел отпрянуть в неглубокую нишу, потому что уже в следующее мгновение дверь кабинета распахнулась, и в коридор, едва не опрокинув подвернувшийся на пути столик, выскочил какой-то человек. Среднего сложения, с выпученными глазами, он пронесся мимо Титуса к входной двери. По дороге он споткнулся и, негромко простонав, сорвал что-то с себя и швырнул на пол. Раздалось влажное хлюпанье.

Едва входная дверь за беглецом захлопнулась, Титус выбрался из своего укрытия и на цыпочках вернулся в библиотеку. По пути на глаза ему попалось нечто маленькое, мучнисто-белое, ползущее по полу в месте, где его бросил Даррелл. А по всему дому громким эхом отдавался хохот Карстера.

IV

Разумно было бы предположить, что после всего услышанного и увиденного Титус Кроу без лишнего шума распрощался с этим проклятым местом и его обитателем; что он уехал в Лондон (а то и куда подальше), вернул Карстерсу аванс, аннулировал подписанный контракт и тем самым положил конец планам своего работодателя. Что ж, возможно, так бы он и поступил, но вино уже возымело над ним власть — крепкое, хмельное вино, которое вместе с железной волей Карстера уже привязало его к этому дому, обиталищу безымянного зла.

Однако, даже чувствуя все возрастающее пристрастие к колдовскому напитку, даже услышав собственными ушами признание Карстера, юноша все равно потянулся дрожащей рукой к бутылке и наполнил очередной стакан. В его мозгу один за другим проносились жуткие кошмары — хаотичные видения, граничащие с помешательством, страшные догадки, которые складывались из неясных подозрений и фактов. И все же Титус продолжал потягивать вино, пока все его чувства окончательно не притупились... Он уснул прямо за столом, подложив под голову руку.

И в очередной раз ему привиделся сон...

На этот раз их было только трое. Они молча прокрались в библиотеку, и кто-то — по всей видимости, Карстерс — поспешил выключить свет. Три фигуры выстроились кругом возле Кроу в выморочном сиянии луны.

— Видите, — произнес Карстерс, — моя воля плюс вино — и вот он снова здесь, как я и говорил. Теперь он прикован к этому дому невидимыми цепями. В некотором роде я даже разочарован. Сломить его волю оказалось чересчур просто. Или вино получилось слишком крепким.

— Хозяин, — произнес Гарбетт своим густым, липким голосом, — возможно, освещение здесь плохое и меня подводят мои слабые глаза, но...

— В чем дело?

— Мне кажется, он дрожит! И почему он не в постели?

На разгоряченный лоб Титуса легла холодная, влажная ладонь.

— Точно, он дрожит! словно чем-то напуган...

— Что ж, — раздался голос хозяина дома, — твоя наблюдательность делает тебе честь, друг мой Гарбетт, ты достойный член нашего шабаша. Верно, хотя вино держит его в оковах, он дрожит. Возможно, узнал о чем-то, о чем ему знать не следует. Ладно, дело поправимое. Помогите мне. Не настолько же мы черствые, чтобы оставлять его здесь. Положим его в постель, там он вряд ли станет сопротивляться.

Кроу почувствовал, как три пары рук ставят его на ноги, тянут к алькову, раздевают и кладут в постель. Видел он очень смутно, почти ничего не ощущал, а вот слышал довольно отчетливо. Последним, что он услышал, засыпая, стал гипнотический голос Карстерса, который велел ему забыть все увиденное и услышанное. Ибо все это сон, а сны — это наваждение, безделица, их незачем помнить...

В понедельник утром юношу разбудил голос Карстерса. Неяркое январское солнце уже взошло, и наручные часы Титуса показывали девять.

— Что-то вы заспались, мистер Кроу. Впрочем, не важно: после суматохи выходных дней вам нужно немного отдохнуть. Верно я говорю? Мне нужно съездить по делам, вернусь ближе к вечеру. Может, вам что-нибудь купить?

— Спасибо, — отозвался Титус, — у меня есть все необходимое. В любом случае благодарю за любезность. — Он заморгал спросонья и тотчас ощутил первые признаки надвигающейся головной боли. — Какой позор... Провалиться до девяти утра! Впрочем, не могу сказать, что я хорошо спал.

— Вот как? — удивился Карстерс. — Прошу вас, не переживайте. Ничего страшного. Думаю, после завтрака вы почувствуете себя намного лучше. Ну что ж, прощаюсь с вами до вечера.

С этими словами Карстерс повернулся и вышел из библиотеки.

Кроу проводил его взглядом и еще какое-то время размышлял, не обращая внимания на туман в голове. Ему опять что-то приснилось, но что? В памяти не осталось ничего, кроме смутных образов, — словно подробности кто-то стер. Он точно помнил, что приехал в поместье раньше положенного, а потом... потом пустота. Наконец юноша поднялся с кровати, и взгляд его упал на початую бутылку с вином. Ясно! Проклятое вино!

Проклиная свою глупость, он привел себя в порядок, позавтракал и вернулся в библиотеку, чтобы заняться книгами Карстерса. Однако, хотя солнце сияло по-зимнему ярко, Кроу повсюду виделись темные тени, адом еще глубже погрузился во мрак...

На следующий день, когда Карстерс вновь уехал по делам, Титус исследовал дом от чердака до подвала. Правда, проникнуть в подвал он не решился, а лишь подергал дверь под лестницей. Как и следовало ожидать, та оказалась на замке. На втором этаже располагалось немало комнат, укутанных толстым слоем пыли и почти без мебели; кое-где на стенах выступила плесень, а мебель была изъедена червем-древоточцем. В общем, верхний этаж производил столь же гнетущее впечатление, что и нижний — тот же упадок и запустение, поэтому Титус не стал особенно ни к чему приглядываться. Только оказавшись рядом с кабинетом Карстерса, он остановился, так как на миг им овладело непонятное, пугающее чувство.

Неожиданно его бросило в дрожь, а по всему телу выступил холодный пот; Кроу почти вспомнил голоса, которые гулким загробным эхом отдавались у него в голове. Эти ощущения длились считанные секунды, однако этого хватило, чтобы Титусу стало дурно, а ноги его подкосились. Злясь на себя и не слишком задумываясь о последствиях, он потянул за ручку двери — и та отворилась. Кабинет Карстерса разительно контрастировал с остальными комнатами дома.

Ни пыли, ни беспорядка. Это было довольно просторное и ухоженное помещение. На

восточном ковре выстроились столы и стулья. Еще один массивный письменный стол подпирал стену, на которой выстроились в ряд шесть живописных полотен, выполненных маслом, все в одинаковых золоченых рамах. Они привлекли внимание Титуса в первую очередь, и он подошел поближе. Под каждой картиной имелась небольшая табличка с датами, но без имен.

На первом портрете был изображен смуглый мужчина с крючковатым носом, в тюрбане и грубом бурнусе — очевидно, араб. На табличке значилось: 1602–1668. На втором — еще один азиат ближневосточного типа, но уже в шелковых одеждах шейха или принца, а цифры на табличке стояли другие: 1668–1734. Третий датировался 1734–1790 годами, а сам портрет изображал мускулистого негра с высоким лбом и волевыми чертами лица — судя по всему, эфиопа. На четвертом портрете хмурился молодой человек в парике и коротких штанах в обтяжку, а табличка под ним гласила: 1790–1839. С пятого смотрел бородатый темноглазый мужчина в жилете и с моноклем, страшно бледный. Даты были такие: 1839–1888. На шестом же...

На шестом красовался не кто иной, как сам Карстерс, а под рамой стояли цифры 1888–1946!

Кроу вновь оглядел таблички, недоумевая, что все это может значить и почему даты точно следовали одна за другой. Может, все эти люди в прошлом возглавляли некий культ, и цифры означают годы их правления? Но 1888... да, здесь прослеживалась логика. Вряд ли это год рождения Карстерса, поскольку в таком случае ему было бы всего пятьдесят семь лет! А ведь выглядит старик как минимум лет на пятнадцать, если не все двадцать, старше! Несмотря на свою удивительную энергию, он явно производит впечатление человека в годах. А что означает эта последняя дата? 1946 год? Неужели он способен предугадать день собственной кончины? Или это всего лишь последний год его «председательства»?

Титус пробежал глазами назад к первой картине, на которой был изображен крючконосый араб, и вдруг в его сознании что-то щелкнуло. Знакомая дата — 1602 год! Ему вспомнилась цифра, нацарапанная красными чернилами на полях старого атласа. 1602, предполагаемая дата рождения Антихриста... в месте, некогда известном как Хоразин Проклятый!

И все равно выходит какая-то несуразица? Или?.. В голове у Кроу по-прежнему стоял туман, или, вернее сказать, в нем образовалась некая бездна, которая отчаянно пыталась чем-то заполнить себя; некая ментальная разрезная картинка, в которой не хватало множества фрагментов, отчего она упорно отказывалась складываться в единое целое. Титус догадывался, что где-то в глубине его сознания наверняка таятся ответы, просто они не желают всплывать на поверхность.

Выходя из кабинета Карстерса, он с опаской оглянулся через плечо на портрет хозяина дома. И в этот миг откуда-то с края рамы шлепнулся на бухарский ковер белый извивающийся червяк...

Никто ему не мешал и не следил за ним, и Кроу проработал весь вторник, среду и утро следующего дня, не разгибая спины. Однако после легкого обеда в четверг он решил, что не мешало бы глотнуть свежего воздуха. Надо сказать, одновременно ему попался в библиотеке очередной червь, и Титус отметил про себя, что непременно нужно поговорить на эту тему с Карстерсом. Кто знает, вдруг эти твари представляют угрозу для здоровья?

Поскольку день за окнами стоял солнечный, Титус вышел прогуляться по саду. Правда, вместо широкой подъездной дороги он выбрал одну из узких запущенных тропинок.

Юноша с упоением, полной грудью дышал свежим январским воздухом, и вскоре его усталости как не бывало. Он даже подумал, что неплохо бы совершать такие вылазки почаще: если все время работать, не давая себе развеяться, то недолго и самому покрыться пылью и плесенью под стать особняку.

Титус не мог с уверенностью сказать, где в этот час находится его хозяин, однако, дойдя круговым путем до главных ворот, он сделал вывод, что Карстерс в отъезде. По крайней мере

за корреспонденцией он явно не приходил. Титус заметил в почтовом ящике несколько писем; два верхних торчали наружу, мешая металлической крышке до конца закрыться. Титус уже успел порядком озябнуть и потому, вынув из ящика корреспонденцию, поспешил по извилистой тропинке назад в дом. Из чистого любопытства он принялся разглядывать конверты. На одном из них адресат был указан неверно. Письмо предназначалось мистеру Карстейну, юристу, проживающему в поместье «Могильники». Титус присмотрелся к бледному почтовому штемпелю и не без труда разглядел герб лондонского Сомерсет-Хауса.

Сомерсет-Хаус! Уж не там ли расположен главный офис бюро регистрации актов гражданского состояния? Да, но какое отношение к нему имеет Карстерс?

И вновь на Титуса нахлынула тошнота. Приподнятого состояния духа как не бывало; подозрительный конверт подрагивал в неожиданно ослабевшей руке. Внезапно мысли его пришли в движение; он отчаянно пытался что-то вспомнить, вести безуспешную борьбу с невидимым внутренним голосом, который пытался уверить его, что это, мол, все ерунда. Но теперь он знал: голос лжет.

Спрятавшись за буйно разросшимися кустами, чтобы никто не мог его заметить из дома, он вытащил из пачки пухлых конвертов письмо со штемпелем Сомерсет-Хауса и положил его к себе в карман. Затем, обливаясь холодным потом, занес оставшиеся письма в дом и положил на столик перед кабинетом Карстерса. Возвращаясь в библиотеку, он обратил внимание, что подвальная дверь приоткрыта. Было слышно, что внизу кто-то ходит. Титус крикнул:

— Мистер Карстерс! Тут для вас почта. Я оставил её на столике рядом с вашим кабинетом.

Шаги тотчас прекратились, а спустя мгновение донесся голос Карстерса:

— Благодарю вас, мистер Кроу. Сейчас я поднимусь наверх.

Не дожидаясь его появления, Кроу поспешил в библиотеку и какое-то время сидел за рабочим столом, не зная, как быть дальше, и дивясь бессознательному порыву, который заставил его похитить чужое письмо. В первый же день Титус перенес в библиотеку электрический чайник, чтобы готовить себе кофе. И вот сейчас, случайно бросив взгляд на этот чайник, юноша принял решение. Теперь положиться можно лишь на собственную интуицию. Другого выхода нет.

Поскольку Карстерс мог в любую минуту нагрянуть в библиотеку, Титус обставил все так, будто готовит себе растворимый кофе — изобретение военных лет, против которого он, однако, ничего не имел. Наполнив кружку кипящей водой, он держал конверт над паром, пока не отошел клапан. Дрожащими пальцами Титус вытащил письмо, а конверт положил обратно в карман. Затем он поместил письмо между страницами своего блокнота, чтобы со стороны казалось, будто он работает.

Все эти предосторожности оказались излишними, потому что в библиотеке так никто и не появился. На официальном бланке Сомерсет-Хауса он прочел следующее:

Уважаемый мистер Карстейн!

Относительно сделанного Вами от лица Вашего клиента запроса спешим заявить, что никогда не сообщаем подобного рода сведения по телефону, равно как любым иным путем.

Исключение делается лишь для близких родственников, а также, в отдельных случаях, для полиции. Мы надеемся, что эти ограничения, навязанные войной, в скором времени будут сняты. Тем не менее, поскольку Вы пишете, что дело безотлагательное, ибо, по Вашим словам, заинтересованному лицу предстоит получить внушительное наследство, мы сделали для Вас исключение и навели соответствующие справки.

В Лондоне в 1912 году на свет появилось несколько Томасов Кроу и один Тревор Кроу, однако ни одного Титуса. В Эдинбурге родился Тимеус Кроу, а в Девоне — Титус Крю.

Сочетание «Титус Кроу» встречается крайне редко, и самой близкой к вашему запросу датой является 1916 год. 2 декабря 1916 года в Лондоне

действительно появился на свет некто по имени Титус Кроу. Приносим извинения, если наши сведения не отличаются полнотой.

Если вы настаиваете на продолжении поисков, то мы со своей стороны будем вынуждены потребовать от вас документы, подтверждающие вашу личность и свидетельствующие о законности ваших интересов.

А пока остаемся искренне ваши...

Чувствуя, как все его существо — и тело, и ум — охватывает оцепенение, Титус Кроу еще раз перечитал письмо. Документы, подтверждающие личность Карстерса и законность его интересов! Ничего себе!

Отлично! Что бы вокруг него ни происходило, Титус Кроу получил предупреждение, в котором так нуждался. А предупрежден — значит вооружен, как говорится. И ему воистину нужно быть во всеоружии! Чего он ни при каких обстоятельствах не должен делать — так это спастись бегством от непонятной опасности, от неопознанной угрозы. Его привел сюда интерес к оккультным, эзотерическим явлениям, и тот же интерес должен придать ему сил.

В общем, он объявил своеобразную войну. Да, но каково оружие его врага и каковы его цели? Остаток дня Кроу уже не работал, а сидел в тишине и строил планы...

V

Без пятнадцати пять пополудни он постучал в дверь Карстерса. Тот откликнулся, однако не пригласил внутрь войти, а сам вышел в коридор. Загораживая своей высокой, тощей фигурой последние остатки тусклого света, он сухо поинтересовался:

— Слушаю вас, мистер Кроу. Чем могу быть полезен?

— Сэр, — ответил Титус, — я укладываюсь со своей работой точно в график и потому смею полагать, что сумею завершить ее в установленный срок. Поэтому хочу вас попросить об одной любезности. Сегодня вечером в Лондоне будут кое-какие из моих друзей, и я подумал...

— То есть вы желали бы немного растянуть выходные? Что ж, не вижу в этом проблемы, мистер Кроу...

Хотя тон Карстерса казался вполне искренним, Титус подозревал, что на самом деле подкинул оккультисту проблему, и не малую. Карстерс явно не ожидал с его стороны такой дерзости — она озадачила его, сбила с толку, будто он ни на миг не допускал, что Титус может потребовать дополнительный выходной. Разумеется, внешне он своей озадаченности ничем не выдал и поспешил добавить:

— О да, непременно съездите и повидайтесь с друзьями. Кстати, вы оказали бы мне высокую честь, если захватили бы с собой небольшой подарок. Как насчет бутылки вина? Отлично! И когда вы намерены уехать?

— Как можно раньше, — ответил Кроу. — Если я уеду прямо сейчас, то в моем распоряжении будет весь завтрашний день и суббота. Тогда я наверняка смогу вернуться к вам в воскресенье и компенсировать дополнительный выходной.

— Нет-нет, даже слышать об этом не хочу! — Карстерс вскинул тощие руки. — Ко мне все равно на выходные нагрянут гости, и я не хотел бы, чтобы мне мешали. — Он выразительно посмотрел на Титуса. — Так что жду вас в понедельник утром. Желаю вам приятно провести время... главное, не забудьте захватить бутылку вина.

И Карстерс улыбнулся своей жутковатой улыбкой.

— Спасибо, — поблагодарил его Кроу и машинально протянул для рукопожатия руку — жест, который Карстерс проигнорировал, ибо уже повернулся к нему спиной и исчез в кабинете.

В двадцать минут шестого Титус подъехал к гостинице в окрестностях Гилфорда и отыскал там телефонную будку. В первый день Карстерс на всякий случай дал ему свой номер, не включенный в телефонные справочники. Юноша вынул письмо из Сомерсет-

Хауса, обернул трубку носовым платком и набрал номер «Могильников».

На том конце провода тотчас откликнулся знакомый голос.

— Карстерс слушает вас. Кто говорит?

— А, мистер Карстейн, — произнес Кроу. — Если не ошибаюсь, вы сказали Карстейн... Возникла недолгая пауза. Наконец старик произнес:

— Да-да, Карстейн, вы не ослышались. Полагаю, вы из Сомерсет-Хауса.

— Верно. Я звоню по поводу вашего запроса относительно некоего мистера Кроу.

— Ах да, разумеется. Титус Кроу, — пробормотал Карстерс. — Я давно жду вашего ответа.

— Хорошо, — ответил Титус. — Сочетание «Титус Кроу» встречается редко, и потому отыскать человека с таким именем не составило большого труда. У нас действительно имеется запись о его рождении — второго декабря 1912 года.

— Великолечно! — воскликнул Карстерс, не скрывая радости.

— Тем не менее, — поспешил продолжить Кроу, — я должен предупредить вас, что мы, как правило, не отвечаем на подобного рода запросы и потому рекомендуем вам в будущем...

— Я вас понял, — перебил его Карстерс. — Смею заверить вас, что в будущем не стану докучать своими запросами.

С этими словами он положил трубку, и разговор окончился.

Ну вот, кажется, получилось. Титус облегченно вздохнул и тоже вернул трубку на место. Его личность получила официальное подтверждение. Значит, первая линия обороны установлена.

А теперь нужно заняться другими делами.

Вернувшись в Лондон, Титус первым делом решил навестить одного знакомого, химика по образованию, с которым они вместе учились в Эдинбурге. Звали этого человека Тейлор Эйнсворт, а его интерес к химии ограничивался загадочными, малопонятными ее областями. Это пристрастие отвернуло от него как преподавателей, так и других студентов. Даже сейчас, сделав себе имя в науке, он не раз ловил на себе косые взгляды тех, кто считал его скорее алхимиком, нежели настоящим ученым. Незадолго до описываемых событий Эйнсворт вернулся назад в Лондон и был только рад возобновить старое знакомство. Он с готовностью откликнулся на приглашение Титуса выпить винца в его лондонской квартире, но с одним условием: уйти ему придется пораньше, ибо его ждут дела.

Затем Титус позвонил Гарри Таунли, своему семейному врачу. Таунли был старше его лет на двадцать и уже давно подумывал оставить врачебную практику ради духовного сана, однако он давно дружил с Кроу и пользовался его доверием. При этом, подобно Эйнсворту, этот врач питал интерес к весьма необычной области знаний. Таунли, которого за глаза нередко называли шарлатаном, твердо верил в гипноз, гомеопатию, траволечение и признавал подобные средства действенным дополнением к традиционным методам лечения. Впоследствии достоинства этих методов стали очевидны, однако в те годы Таунли слыл паршивой овцой среди коллег по профессии.

Таланты этих двух джентльменов, столь не похожих на своих приземленных коллег, оказались для Титуса настоящей находкой. Оба прибыли к нему с разницей в считанные минуты. Кроу представил их друг другу, после чего предложил попробовать — разумеется, в крошечных дозах — вино, которое вручил ему в дорогу Карстерс. Он немного отпил и сам — вернее, сделал символический глоток, чтобы только смочить горло. Разумеется, тут же появилось искушение наполнить стакан до краев, однако Титус сумел не поддаваться соблазну.

— Отлично! — вынес свой вердикт Гарри Таунли.

— Превосходно! — таково было мнение Тейлора Эйнсворта. — Признавайся, откуда у тебя этот божественный напиток?

С этими словами он взял бутылку и принялся рассматривать этикетку.

— Похоже, что арабское.

— Судя по этикетке, да, — ответил Кроу. — Здесь написано просто «столовое вино» —

по крайней мере, мои познания в арабском не позволяют сказать большего. Итак, вы оба считаете, что это качественное вино?

Оба его знакомых дружно кивнули, а Таунли признался:

— Знаешь, малыш Кроу, я бы не отказался заполучить в свой погреб пару таких бутылок. Раздобудешь?

В ответ Титус покачал головой.

— Не хотелось бы, — произнес он и добавил: — У меня такое чувство, будто я уже попал от него в зависимость, а еще после него ужасно болит голова — трещит и раскалывается. Не советовал бы вам его пить, если вы за рулем. Так что, Гарри, на время сегодняшней беседы предложу вам другую марку. Вино, но не такое крепкое. А эта бутылка достается Тейлору.

— Мне? — переспросил Эйнсворт. Он явно был приятно удивлен. — Хочешь сказать, ты мне ее даришь? Как это мило с твоей стороны!..

Он недоговорил, заметив, что Титус вопросительно вскинул бровь.

— Или это какой-то подвох?

В ответ Титус расплылся в довольной улыбке:

— Ты угадал. Подвох, еще какой подвох. Мне нужен анализ. Хотелось бы знать, что подмешано в это вино. Какое-то снотворное зелье или что-то в том же роде.

— Думаю, это будет нетрудно сделать, — произнес Эйнсворт. — Однако мне потребуется образец.

— Бери всю бутылку, — сказал Титус. — Можешь делать с ней все, что угодно — главное, сделай анализ. Я свяжусь с тобой в следующие выходные, если этот срок тебя устраивает.

После этих слов он откупорил бутылку куда менее изысканного напитка и наполнил бокалы.

— Гарри, — обратился он к Таунли, — думаю, мне требуется врачебный осмотр. Именно поэтому и я попросил тебя захватить с собой медицинские инструменты.

— Что ты сказал? — искренне удивился врач. — Но ведь ты с детства здоров как бык!

— Это верно, — согласился Кроу, — но быкам тоже бывает худо. Вот и я последнее время чувствую себя старой развалиной.

И он принялся перечислять свои хвори и недуги: неожиданные приступы тошноты и головокружения, головные боли, потерю памяти...

— Ах да, — закончил он свои жалобы, — не исключено, что все это имеет прямое отношение к напитку, который вы оба только что сочли выше всяческих похвал.

Пока Таунли готовился к осмотру старого пациента, Эйнсворт, сославшись на дела, собрался уходить. Кроу не стал удерживать химика, однако взял с того слово, что он не станет никому рассказывать про вино и необычную просьбу. И Эйнсворт ушел, унося во внутреннем кармане пальто подарок Карстерса.

Таунли прослушал грудную клетку и сердце Титуса, затем проверил его глаза. Последняя процедура несколько затянулась. Закончив, врач нахмурился и отложил свои инструменты. Он сел в кресло напротив Титуса, нервно барабанил пальцами по подлокотнику, сделал глоток вина, но озабоченное выражение не покидало его лица.

— Ну и? — не выдержал наконец Кроу.

— Ну и что ты хочешь от меня услышать? — ответил вопросом на вопрос Таунли. — Лучше расскажи, чем занимался в последнее время.

Кроу удивленно вскинул брови.

— Чем занимался? Со мной что-то не так?

Таунли вздохнул. Вид у него был раздраженный.

— Ну ладно, живи как знаешь, малыш Кроу, — проворчал он. — Да, с твоим здоровьем не все ладно. Ничего серьезного, но повод для беспокойства все-таки есть. Во-первых, в твоей кровеносной системе сидит какой-то наркотик. Пульс чересчур редкий, артериальное давление слишком высокое. Есть и другие симптомы — о некоторых рассказал ты сам. Во-

вторых, твои глаза. Надо сказать, глаза — это моя специальность, и твои о многом мне говорят. Попробую угадать... такое впечатление, будто ты в последнее время балуешься гипнозом.

— Ничего подобного, — возразил было Кроу, однако голос его предательски дрогнул. Неожиданно ему вспомнился Карстерс — вот уж кто наверняка обладал гипнотическими способностями.

— В таком случае ты испытал на себе гипнотическое воздействие, — произнес Таунли. — Видимо, сам того не подозревая.

— А разве такое возможно?

— Безусловно. — Врач снова нахмурился. — Признавайся честно, Титус, с кем ты водил компанию в последнее время?

— Я бы и сам хотел это знать, Гарри, — вздохнул Титус. — Но ты меня заинтриговал. Гипноз и потеря памяти, говоришь? Ну что ж... — Он задумчиво потер подбородок. — Послушай, а ты можешь меня разгипногизировать? Может, сумеем выйти на источник воздействия...

— Попытаюсь. Если ты хотя бы раз подвергался гипнозу, то вторично это сделать уже гораздо легче. Ну как, готов?

— Да, — мрачно откликнулся Кроу. — Мне нужно кое в чем разобраться, и если гипноз — это единственный выход, то нечего откладывать!

Час спустя, несколько раз погрузив Кроу в транс и выведя его обратно, добрый доктор покачал головой и признал свое поражение:

— Теперь я уверен, что тебя загипнотизировали, — произнес он, — причем это сделал человек, который по части гипноза куда сильнее меня. Помнишь, какие вопросы я тебе задавал, пока ты был в трансе?

Кроу покачал головой.

— Что ж, это вполне нормально, — успокоил его доктор. — Удивительно другое: я не могу выудить из тебя ничего, что касалось бы событий последних двух недель!

— Вот как? — удивился Титус. — Я могу рассказать о них и так, безо всякого гипноза.

— Обо всем?

— Ну конечно!

— Сильно в этом сомневаюсь, — улыбнулся Таунли. — В том-то и загвоздка. Ты просто *не знаешь* всего. То, что ты помнишь, это еще не вся история.

— Понятно, — протянул Кроу и мысленно вернулся к смутным грезам и странным псевдовоспоминаниям о фрагментах какого-то разговора. — Что ж, спасибо тебе, Гарри, — произнес он наконец. — Ты замечательный друг, и я высоко ценю твою помощь.

— Слушай, Титус... — В голосе старого доктора звучала искренняя озабоченность. — Если я чем-то могу помочь, чем угодно... смело обращай ко мне. Я...

— Нет-нет, что ты. — Титус выдавил неубедительную улыбку и посмотрел в глаза собеседнику. — Просто я попал в историю, которая никак не укладывается в голове... и должен разобраться в ней до конца.

— Вот как? Это должна быть и впрямь удивительная история, раз ты упорно отказываешься мне о ней рассказывать. Впрочем, не в моих привычках совать нос в чужие дела. Тем не менее считаю своим долгом предупредить тебя, чтобы ты принял меры предосторожности.

— Гарри, ты прав, история и впрямь из ряда вон выходящая, — кивнул Кроу, — и только сейчас для меня забрезжил слабый свет в конце тоннеля. Что касается мер предосторожности, это я вам обещаю.

Правда, проводив Таунли до дверей, он вспомнил кое-что еще:

— Гарри, если не ошибаюсь, у вас было оружие, шестизарядный револьвер?

— Да-да, сорок пятого калибра. Он достался мне от отца. Я, как и он, питаю слабость к оружию.

— Ты же не будешь возражать, если я одолжу его на пару недель?

Таунли посмотрел на него в упор, но в конце концов широко улыбнулся.

— Разумеется, какие могут быть вопросы, — произнес он. — Занесу его завтра. Однако имей в виду, порой излишняя осторожность может только навредить.

VI

Титус плохо спал той ночью, и утром в пятницу, 18 января, проснулся словно от удара вбок. В горле першило, глаза налились кровью и саднили. Первая мысль была о бутылке вина, подаренной Карстерсом, вторая — о Тейлоре Эйнсворте, который сейчас держал бутылку у себя. Титус кое-как заставил себя подняться с постели и на нетвердых ногах направился в ванную. Стоя под душем, он ругал себя последними словами. Ну почему он отдал Эйнсворту целую бутылку, если можно было ограничиться образцом? Впрочем, остатки сна вскоре выветрились, и на их место пришла способность рассуждать здраво. В результате Титус вышел из ванной в задумчивом, если не мрачном расположении духа.

Сейчас его воспаленному горлу не помог бы никакой кофе, и, хотя было еще до смешного рано, Титус достал из буфета недопитую бутылку обычного вина. После пары стаканов ему ощутимо полегчало, однако через час боль вернулась с прежней силой. И тут пришел Гарри Таунли с револьвером. Заметив страдания Титуса, врач осмотрел его, после чего заявил, что проблема имеет психосоматический характер.

— Что? — хрипло переспросил Кроу. — Уж не хочешь ли ты сказать, что я все придумал? В таком случае у меня на редкость живое воображение...

— Нет, — спокойно возразил доктор. — Я ничего подобного не говорил. Я лишь сказал, что причина кроется не в теле. И лечить, соответственно, надо не его.

— Его, его! — воскликнул Кроу. — Но вчера вечером я отдал бутылку!

— Вот как? — Таунли вопросительно вскинул бровь. — Уж не похмельный ли это синдром?

— Не в привычном смысле, — отозвался Кроу. — Послушай, Гарри, у тебя не найдется времени еще разок погрузить меня в транс? Мне хотелось принять кое-какие меры предосторожности, прежде чем возвращаться к тому странному делу, о котором мы говорили накануне.

— Неплохая мысль, — согласился доктор. — По крайней мере попробуем вылечить твое горло. Если проблема носит психосоматический характер, то мне, возможно, удастся избавить тебя от боли. Помнится, когда я работал с заядлыми курильщиками, получалось неплохо.

— Отлично, — произнес Кроу, — но я бы хотел попросить тебя еще кое о чем. Если я сообщу тебе имя одного человека, возможно ли внушить мне, чтобы я никогда больше не поддавался его влиянию, чтобы он не сумел бы меня... загипнотизировать?

— Задача из нелегких, — ответил врач, — но так и быть, попробую.

Спустя полчаса Таунли щелкнул пальцами, и Кроу вышел из транса. В горле першило уже гораздо меньше, а когда они с Таунли вышли из дому, боль уже не мучила его. Они вместе пообедали в ресторане, после чего Титус поймал такси и в одиночестве направился в Британский музей.

Он не первый раз входил под своды этого внушительного здания. Бывая здесь довольно часто, юноша завел знакомство с куратором отдела редких книг, энциклопедически образованным человеком. Это был высокий поджарый джентльмен с пронзительным взглядом и едким, язвительным чувством юмора. Названный отдел находился в его ведении вот уже тридцать пять лет. Звали куратора Седжвик, но Титус обращался к нему не иначе как «сэр».

— Как, снова вы! — поприветствовал юношу Седжвик. — Так вам никто не сказал, что война давно закончилась? И какой же шифр вы намерены взломать на сей раз?

Надо сказать, этот вопрос застал Титуса врасплох.

— Я даже не подозревал, что вы в курсе, — пробормотал он.

— В курсе, еще как курсе! Ваше начальство дало мне указания всячески содействовать вам в работе. Или вы думали, что я бегаю по музею, выполняя просьбы первого встречного посетителя?

— На этот раз, — честно признался Титус, — я по собственным делам. Или для вас это что-то меняет?

Седжвик улыбнулся:

— Отнюдь, приятель. Главное, скажите, что вам нужно, и я постараюсь вам помочь. Что вас интересует? Шифры, коды? Криптография в целом?

— Боюсь, вы не угадали, — ответил Кроу. — Возможно, моя просьба покажется вам несколько странной, но я ищу книги о культе червя.

Его собеседник нахмурился.

— Культе червя? Человека или животного?

— Простите, я вас не понял, — сознался Кроу.

— О культе аннелид, представителей рода *Limnibrichidae*, или же человека-червя?

— Человека-червя?

— Да, но только с большой буквы. — Седжвик хитровато улыбнулся. — Я имею в виду датского врача, анатома Оле Ворма.¹ Жил, если не ошибаюсь, в конце шестнадцатого века. У него было немало последователей. Отсюда пошло слово «вормианский», которое относится к его открытиям.

— Смотрю, вы с каждым днем все больше и больше напоминаете энциклопедический словарь! — шутливо пожаловался Кроу, однако его улыбка тут же сменилась насупленным выражением лица. — Оле Ворм, говорите? Латинизированная форма имени, случайно, не «Олаус Вормий»?

— Старый Вормий, который перевел греческий «Некрономикон»? Нет, это никак невозможно, он жил в тринадцатом веке!

Кроу нахмурился и потер лоб.

— Сэр, — произнес он, — вы немного меня запутали. Я имел в виду культ червя как животного — культ аннелид, если вам так больше нравится. Поклонение могильным личинкам.

Теперь настала очередь Седжвика хмурить брови.

— Личинкам! — воскликнул он. — Так вот вы про каких червей... Могильные личинки — это совершен но другая группа. Если, конечно, вы именно их имеете в виду... Не попадались ли вам на глаза «Мистерии Червя»?

Кроу даже ахнул от неожиданности. «Мистерии Червя»! В библиотеке Карстерса он видел том с таким названием — более того, держал его в руках. Вышедшее из-под пера Людвига Принна сочинение, озаглавленное «De Vermis Mysteriis»!

— Я угадал? — поинтересовался Седжвик, заметив выражение его лица.

— Принн! — воскликнул Кроу. — Если не ошибаюсь, он был фламандец.

— Верно. Чародей, алхимик и некромант. Его сожгли в Брюсселе. Он написал книгу, уже сидя в тюрьме, незадолго до казни. Рукопись каким-то чудом попала в Кельн, где и была опубликована после его смерти.

— А у вас есть ее экземпляр на английском?

Седжвик улыбнулся и покачал головой.

— Кажется, такой экземпляр существует... Примерно в 1820 году некто Чарльз Леггет выполнил перевод с немецкой старопечатной версии. К сожалению, его в наших фондах нет. Если хотите, могу предложить вам оригинал.

Кроу отрицательно покачал головой.

— Мои познания в старонемецком очень скромны. А как насчет латинской версии?

— У нас имеется только половина перевода, очень и очень ветхая. На нее можно взглянуть, но к ней нельзя даже прикасаться.

— Нельзя прикасаться? Сэр, я хотел бы взять ее домой на время!

¹ Ворм (Worm) — червь (англ.).

— Совершенно исключено. Меня просто выгонят с работы.

— Тогда немецкую старопечатную версию! — В голосе Титуса слышалась мольба. — Можно поработать с ней хотя бы здесь, но так, чтобы мне никто не мешал?

Седжвик поджал губы и после некоторого размышления вновь улыбнулся:

— Пожалуй, да. А еще мне почему-то кажется, что вам понадобятся бумага и ручка. Что ж, идемте со мной.

Несколько минут спустя Титус уже сидел в небольшой уединенной комнате, а перед ним лежал раскрытый фолиант. Юноша быстро понял, что его ждет непростая, практически невыполнимая задача. Тем не менее он отказался сдаваться. Седжвик, заглянув к нему через пару часов, застал Титуса склонившимся над испещренными причудливой средневековой вязью страницами. Услышав, что библиотекарь зашел его проведать, Кроу оторвал глаза от книги.

— Это именно то, что я искал! — произнес он. — Думаю, это вот здесь, в главе под названием «Сарацинские ритуалы».

— Ах, зловещие обряды сарацин! — воскликнул Седжвик. — Что же вы мне раньше не сказали? «Ритуалы» у нас есть в переводе.

— На английский? — Титус даже подскочил на стуле.

Седжвик кивнул.

— Анонимный труд, принадлежит некоему неизвестному служителю церкви. Как вы понимаете, я не могу гарантировать его верность. Однако если вы настаиваете...

— Еще как настаиваю! — с жаром воскликнул Кроу.

Седжвик мгновенно посерьезнел:

— Послушайте, мы скоро закрываемся. Если я раздобуду для вас книгу... вернее, если позволю взять ее домой, то вы должны дать мне слово джентльмена, что вернете ее в целости и сохранности. Признаюсь честно, пока не получу ее назад, я не буду находить себе места.

— Даю вам слово, — поспешил заверить его Титус.

Спустя десять минут Седжвик уже провожал его к выходу.

— Как по-вашему, — спросил по дороге Кроу, — откуда Принн, уроженец Брюсселя, знал так много о черных ритуалах, распространенных у сирийских и арабских кочевников?

Седжвик в очередной раз подтвердил свой титул ходячей энциклопедии.

— Помнится, я где-то об этом читал, — проговорил он. — Принн немало странствовал по свету и какое-то время жил среди сирийских мудрецов у подножия Джебель-эль-Ансарие. Думаю, именно там он набрался этих знаний. Переодетый нищим или юродивым, он вместе с другими членами ордена совершал паломничества к самым темным и нечестивым местам на земле, в которых чаял найти ключ к тайнам демонологии. Помнится, выбор одного из мест очень меня удивил, ибо расположено оно на берегах Галилейского моря! Старина Принн обитал там какое-то время среди руин. Более того, он упомянул о нем в своей книге! — Седжвик на мгновение задумался. — Как же оно называется? Запомню...

— Хоразин, — подсказал ему Кроу, чувствуя, как чьи-то холодные пальцы сжимают его сердце.

— Точно, — согласился Седжвик и одарил своего собеседника уважительным взглядом. — Знаете, порой мне кажется, что вы метите на мое место. Ну ладно, позаботьтесь лучше о книге, которую я вам дал.

* * *

Тот вечер, а также всю субботу и воскресенье Кроу провел за изучением «Сарацинских ритуалов», пусть даже в куцей английской версии начала девятнадцатого века, выполненной неизвестным священником. И хотя юноша тщательнейшим образом проштудировал каждую страницу, сам опус его несколько разочаровал. Из пространного предисловия можно было извлечь куда больше пользы, чем из самого текста. Неизвестный священник, судя по всему, посвятил немало времени изучению жизни Людвига Принна, чего никак не скажешь о самом

перевode.

В предисловии автор многословно рассуждал о происхождении Принна, его образе жизни, странствиях, источниках его познаний, чародействе. Довольно часто священник ссыался на другие главы труда, посвященные духам-покровителям, демонам мифологического цикла Ктулху и тому подобным вещам. Но как только наставало время запечатлеть принновские богохульства на бумаге, автор явно терялся. Возможно, мешали его собственные религиозные убеждения.

Вновь и вновь Кроу позволял автору увлечь себя к черте, за которой, казалось, его ждали ужасные откровения, — и всякий раз неизвестный священник не решался раскрыть тайный смысл богохульного опуса Принна. Например, в книге имелся пассаж, включавший в себя довольно интересный отрывок из «Аль-Азифа» Аль-Хазреда, где безумный араб ссыался на своего предшественника Ибн Скакабао:

Великая мудрость была дача Аль-Хазреду, который видел деяния Червя и хорошо их знал. Его слова полны загадок, но больше всего их там, где он описывает склепы червей-колдунов древнего Ирема и подвластные им чары:

«Подземные Каверны (пишет он) существуют не для любопытных глаз, ибо их чудеса ужасны. Проклята та земля, на которой мертвые мысли живут в новых воплощениях, и порочен тот разум, что не имеет головы. Мудро сказал Ибн Скакабао, что счастлива та могила, в которой не лежит Колдун, и счастлив тот ночной Город, в котором все Колдуны обращены в прах. В старину говорили, что душа, купленная дьяволом, не спешит из кладбищенской глины, но кормит и учит Червя, который ест, пока из гнили не появится ужасный росток Жизни, пока бездумные мусорщики не навожат его искусно, чтобы рассердить, и не раздуют, чтобы раздражить. Огромные Норы роют втайне там, где нужно быть Земным порам и где научаются ходить те, кто должен ползать...».¹

В Сирии я, Людвиг Принн, собственными глазами лицезрел, как Колдун многих лет без числа переселился в юного человека, чье Число он сумел разгадать, произнеся в урочный час Заклинание Червя. И вот что я видел... (Примечание редактора: описанное Принном переселение чернокнижника в тело другого человека слишком ужасно и омерзительно, чтобы допустить к нему неподготовленного читателя.)

Нетрудно представить, какую досаду испытал Титус Кроу, прочитав этот пассаж, однако именно он явился первым ключиком к разгадке мотивов и сущности Карстерса. Откройся юноше вся правда, он наверняка отказался бы в нее поверить. Ключ скрывался в упоминании, что чернокнижнику стало известно число «юного человека». Перечитав эту строчку вторично, Титус вспомнил свою первую встречу с Карстерсом, когда тот проявил неожиданный интерес к дате его рождения. Кроу тогда солгал ему — вернее, прибавил себе четыре года, назвав в качестве даты второе декабря 1912 года. Сейчас же он впервые задумался об этой дате сточки зрения нумерологии, к знатокам которой не без основания себя причислял.

В традиционной системе сложение цифр в дате 12 декабря 1912 года давало следующий результат: $2+12+1+9+1+2=27$. Сложение двойки и семерки давало, в свою очередь, девятку; кроме того, двадцать семь — это трижды девять.

Девятка же символизирует собой либо смерть, либо великие духовные или умственные достижения. Если бы дата была подлинной, это открытие подкрепил бы и тот факт, что имя «Титус Кроу» состояло из девяти букв.

Прибегнув к несколько иной системе, Титус получил следующую сумму: $2+1+2+1+9+1+1=18$. Единица и восьмерка также складывались в девятку.

Или же 18 — это трижды шесть.

Три раза по шесть! Число зверя в Откровении Иоанна Богослова! Неожиданно голова у Титуса пошла кругом. Смутно, где-то в самом далеком уголке сознания, он услышал голос:

¹ Г. Ф. Лавкрафт, «Праздник» (перевод Л. Володарской).

«Его числа благоприятствуют нам... благоприятствуют... благоприятствуют...»

Но чуть он попытался вспомнить, где слышал этот трубный глас, как тот ускользнул от него со словами: «Это был сон. Просто сон... Хранить его в памяти совершенно не стоит. Ведь это лишь сон... сон... сон...»

Титус встряхнулся и даже бросил ручку, потом снова её поднял. Он обвел взглядом знакомую комнату, как человек, который только что очнулся после кошмара.

— Еще как стоит, черт возьми! — воскликнул он. — Это я вам говорю!

Разумеется, на это восклицание некому было ответить.

Позднее, подкрепившись кофе и твердо решив продолжать, Титус прибег к каббалистической системе, в которой для каждой буквы алфавита существует своя цифра, и сумма цифр имени дает ваше личное число. Поскольку в этой системе девятка отсутствует, Титус ожидал несколько другой результат. Однако вот что он получил.

1	2	3	4	5	6	7	8
A	B	C	D	E	U	O	F
I	K	G	M	H	V	Z	P
Q	R	L	T	N	W		
J		S			X		
Y							

Таким образом, его имя, «Titus Crow», можно было представить как сумму цифр 4+1+4+6+3+3+2+7+6, что равно тридцати шести — или дважды по восемнадцати. Удвоенное Число Зверя!

Цифры благоприятствуют? Да, но вот только кому? Явно не ему, Титусу Кроу.

Выходит, Карстерсу?

И Титус Кроу в задумчивости опустил ручку.

VII

Стоявшему в темном дверном проеме Карстерсу показалось, что его библиотекарь ставил машину в гараж целую вечность. Когда же Титус подошел ближе, старику бросились в глаза перемены в его наружности, которые в иных обстоятельствах могли бы вызвать серьезное беспокойство. Всклощенные волосы, помятый костюм, усталая походка, понурая голова и воспаленные глаза. Впрочем, сейчас Карстера это ничуть не озаботило; напротив, чего-то в том же духе он и ожидал...

Что же касается самого Кроу, то за его растрепанным видом скрывалась бдительность! Глаза сделались красными от втираний едкой, но в принципе безвредной мази. Помятая одежда и всклокоченная шевелюра также были результатом тщательно продуманных действий. Короче говоря, он играл свою роль, причем играл блестяще.

— Мистер Кроу, — произнес Карстерс, как только Титус переступил порог дома. — Я так рад вашему возвращению!

От Титуса не скрылись искренние нотки облегчения в словах старика — тот, судя по всему, действительно был рад видеть его снова.

— Скажите, вы уже завтракали?

— Благодарю вас, я уже позавтракал на пути сюда.

Карстерс улыбнулся и повел его за собой в библиотеку.

— Ох уж эти длинные выходные! — воскликнул он, подойдя к двери. — Какими они, однако, могут быть утомительными. Верно я говорю? Надеюсь, вы хорошо провели время?

Кроу шагнул в библиотеку, Карстерс же остался стоять в коридоре.

— Я загляну к вам чуть попозже, — произнес он. — Тогда вы отчитаетесь, какую

систему изобрели для расстановки моих книг и какую часть работы уже выполнили. А пока...

С этими словами он тихо притворил дверь.

Наконец Титус получил возможность распрямить плечи. Он подошел к рабочему столу и сардонически улыбнулся бутылке вина, которая уже поджидала его там. Пробка была уже наполовину вытянута из горлышка. Он вытащил ее до конца, налил себе стакан, после чего поднес бутылку к зарешеченному окну, приоткрыл его, протиснул в образовавшуюся щель горлышко и вылил содержимое в сад. Пустую бутылку он спрятал в спальном алькове, с глаз подальше.

Работа давалась юноше с немалым трудом. Взгляд его то и дело скользил по книжной полке, где стоял и чуть ли не просился в его руки пресловутый опус Принна. Однако Титус так и не осмелился открыть фолиант из опасения, как бы Карстерс не застукал его за этим занятием. Нужно принимать все меры предосторожности, чтобы хозяин дома ничего не заподозрил. Кроме того, стакан с вином стоял рядом, и Титус не раз ловил себя на том, что рука предательски к нему тянется. Однако Гарри Таунли не только устранил последствия болезненной тяги к этому зелью, но и сумел значительно ослабить само пристрастие. Титус решил, что это его собственная извращенная натура искушает его вновь отведать коварного напитка — своего рода вызов попыткам Карстерса завладеть его чувствами.

В общем, стакан продолжал стоять на столе. Титус так ни разу и не поднес его к губам, когда спустя полчаса Карстерс негромко постучал в дверь библиотеки и вошел. Первым делом он прошел к окнам и задернул занавеси, затем подошел к столу и взял в руки один из блокнотов Титуса. Какое-то время старик внимательно читал, и от Кроу не укрылось, как он удивлен. Карстерс явно не ожидал, что Титус так быстро справится с поручением — это читалось по его лицу. Что ж, в будущем придется работать медленнее... Впрочем, это ничего не меняло, поскольку Кроу был теперь уверен, что так называемая работа в библиотеке — это отнюдь не главная причина, по которой хозяин дома так заинтересован в нем. Эх, разобраться бы во всем поскорее!

— Я весьма вами доволен, мистер Кроу, — произнес Карстерс через несколько минут. — Даже в столь неблагоприятных условиях вы делаете свое дело самым похвальным образом.

— Неблагоприятных условиях?

— Ну-ну, не притворяйтесь. Ведь здесь так неуютно, темно, одиноко, да и по части комфорта дому нечем похвастаться. Какие же это условия, как неблагоприятные?

— Мне лучше работается в одиночестве, — признался Кроу. — А мои глаза уже привыкли к недостатку света.

Карстерс тем временем заметил стакан вина и обвел комнату небрежным взглядом — конечно, в поисках бутылки. И явно остался доволен тем, с какой скоростью Кроу поглощал предложенное ему зелье.

— А! Ваше вино, — сказал Титус, перехватив его взгляд. — Боюсь, что я...

— Не стоит извиняться, молодой человек. — Карстерс даже вскинул руку, словно останавливая поток извинений. — У меня его более чем достаточно. К тому же мне приятно, что оно вам понравилось. Кстати, его можно рассматривать как своего рода компенсацию за не слишком гостеприимные условия, которые — я в этом уверен — далеки от привычных вам. Ну хорошо, не буду больше вам докучать. Сегодня я дома до самого вечера — буду работать у себя в кабинете. А вот завтра скорее всего мне понадобится уехать по делам. Так что, по всей видимости, мыс вами увидимся лишь вереду утром.

С этими словами Карстерс вышел из библиотеки.

Довольный тем, что больше в этот день его тревожить не будут, Титус, даже не удосужившись открыть ставни, снял с полки том «De Vermis Mysteriis». К его разочарованию, темный, потрескавшийся от времени переплет с вытисненными готическими буквами оказался практически идентичен тому, который он держал в руках в библиотеке Британского музея. Однако разочарование вскоре сменилось восторгом. Стоило ему открыть тяжелую

обложку, как он тотчас обнаружил приклеенный к ее внутренней стороне относительно новый листок, на котором значилось заглавие книги:

МИСТЕРИИ ЧЕРВЯ

Полный вариант

в шестнадцати главах

с многочисленными гравюрами,

представляющий

ОРИГИНАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЛЮДВИГА ПРИННА

в переводе

Чарльза Леггета

и его же примечаниями.

Седьмой экземпляр

ограниченного издания

Лондон

1821

Кроу тотчас отнес фолиант к себе в альков и спрятан под подушку — пусть полежит там до вечера. Затем он распаковал вещи, сунув одолженный у Таунли револьвер под матрац ближе к изножью кровати. Наконец, почувствовав, что к нему вернулся аппетит, юноша решил перекусить.

Задержав занавески на алькове, он уже было направился к двери библиотеки, как что-то привлекло его внимание. Омерзительная розоватая тварь извивалась на ковре в том месте, где недавно стоял Карстерс. Титус поднял червя с пола и поднес к окну, чтобы выбросить в сад, однако на деревянной панели стены обнаружил второго. Омерзению его не было предела. Один червь — еще куда ни шло, но два — это уже слишком!

Он вышвырнул обеих тварей в окошко, вылил им вслед вино из стакана, которое так и не пригубил, и решительным шагом направился в кабинет Карстерса. Постучал. Прислушался. Изнутри раздавались какие-то звуки. Вскоре послышался голос хозяина дома:

— Входите, мистер Кроу.

Надо сказать, это приглашение его весьма удивило — почему-то до сих пор он пребывал в уверенности, что сюда вход ему заказан. Тем не менее он открыл дверь и вошел. Внутри царил полумрак, отчего казалось, будто все окутано темной дымкой, в том числе и фигура, восседавшая за огромным письменным столом. Окно кабинета было задернуто плотными шторами, и единственным источником света служила тусклая настольная лампа, отбрасывающая желтоватую лужицу света. Здесь, в замкнутом пространстве, затхлый дух старого дома ощущался еще явственнее. Запах упадка и тлена...

— Я давал глазам отдохнуть, мистер Кроу, — проскрипел замогильный голос. — Давал отдых моему, увы, уже немолодому телу. Ах, что значит молодость! Как я понимаю, вам что-то от меня нужно?

— Да, — твердо произнес Кроу. — Я обнаружил сегодня нечто странное и омерзительное и счел своим долгом поставить вас в известность.

— Омерзительное? Что вы имеете в виду? — Карстерс выпрямился в кресле.

Титусу не было видно столица, поскольку то оставалось в тени, однако от него не ускользнуло, что хозяин дома весь напрягся.

— Червей! Причем не одного и не двух. Я то и дело натываюсь на них по всему дому.

Фигура в кресле вздрогнула. Карстерс наполовину поднялся из-за стола, затем снова сел.

— Червей?

В его голосе слышалось фальшивое изумление. Последовала короткая пауза — очевидно, старик обдумывал ответ. Кроу решил ему подыграть:

— Мне кажется, вы просто обязаны что-то предпринять. У меня такое чувство, будто они поедают самое сердце этого дома.

Карстерс, заметно расслабившись, откинулся на спинку кресла и усмехнулся:

— Вы заблуждаетесь, мистер Кроу, эти черви не питаются камнем и известью, предпочитая куда более изысканную пищу. Да-да, я тоже их видел. Это могильные черви!

— Могильные черви? — Титус был не в силах скрыть омерзение в своем голосе. — Здесь... есть мертвецы?

— Были, — ответил Карстерс. — Вскоре после того, как вы прибыли сюда, я обнаружил в подвале полуразложившуюся тушку кролика. Судя по всему, несчастный зверек либо угодил под колеса автомобиля, либо вырвался из капкана и каким-то чудом пробрался в мой подвал, где и испустил дух. Когда я его нашел, в тушке уже копошились черви. Я, разумеется, ее выбросил, а само место обработал специальным средством. Вот почему я запретил вам спускаться в подвал — пары ядовиты и вполне могли повредить вам.

— Понятно...

— Те черви, которых вы обнаружили, наверняка сбежали из подвала через трещины в стенах. Правда, здесь им нечем поживиться, так что вскоре они перестанут беспокоить нас.

Кроу кивнул.

— Поэтому, повторяю, не волнуйтесь насчет них.

— Хорошо, я последую вашему совету.

На этом разговор был окончен.

В общем, обедать Титус не стал. Не смог. Чувствуя, как к горлу подступает тошнота, он вышел в сад глотнуть свежего воздуха. Но теперь даже здесь его преследовал запах разложения, словно над всем поместьем витал некий тлетворный дух. С каждой минутой тени становились все гуще, намекая на чье-то зловещее присутствие.

Какое-то шестое чувство подсказало Титусу, что он бредет меж нитей смертельно опасной паутины и что где-то рядом уже поджидает его огромный раздувшийся паук; один неверный шаг — и ты уже его добыча. Неожиданно ему захотелось бежать из этого жуткого места, бежать и никогда сюда не возвращаться, однако природное упрямство не позволило ему искать спасения в бегстве. Судьба сдала ему странные карты, а тузы, как он подозревал, все до единого оказались на руках у Карстерса. Он же, Титус Кроу, располагал одним-единственным козырем.

Даже сейчас он не до конца понимал, как важен для него этот козырь, однако был уверен, что в скором времени разгадает и эту тайну.

VIII

Во второй половине дня Титус почти ничего не сделал. Все явственнее ощущая некую угрозу, чей-то неотрывный злобный взгляд, он исследовал всю библиотеку от стены до стены. Он обшарил каждый квадратный дюйм ковра, обшивку стен, шторы, альков и, самое главное, свою постель в поисках червей. Объяснению Карстерса он, разумеется, не поверил, хотя логика подсказывала, что такое вполне вероятно. В общем, эти долгие поиски ничего не дали.

Той ночью, устроившись в своем алькове за задернутыми шторами, он вынул из-под подушки том «De Vermis Mysteriis» и открыл его на главе «Сарацинские ритуалы». Увы, к его вящему разочарованию, большая часть страниц в этом месте отсутствовала — точнее, они были аккуратно вырезаны острым ножом. Остались только начало и часть середины. Читая уцелевшие фрагменты, Кроу обратил внимание на три вещи. Во-первых, его заинтересовал отрывок, посвященный нумерологии (в которой, как мы помним, он и сам был изрядно подкован), причем написанный так, что понять его не составляло большого труда.

Имя человека, наряду с его числом, имеет огромную важность. Зная первое, колдун получает знание о человеке; зная второе, узнает о его прошлом, настоящем и будущем и тогда обретает над этим человеком бесконечную власть, которую сохраняет и после смерти несчастного!

Другой абзац содержал предостережение против щедрости колдунов:

Никогда не принимайте от колдуна или некроманта даров! Лучше украсть то, что можно украсть, или купить то, что можно купить, заработать то, что можно заработать, если есть необходимость, — но ни при каких условиях не принимайте это в дар или наследство...

Оба этих пассажа довольно точно описывали его отношения с Карстерсом.

Но последний из трех отрывков, заинтересовавших его, наполнил его дурными предчувствиями, ибо в нем при желании можно было проследить куда более сильную и зловещую параллель с происходящим:

Чародей не предложит руку дружбы тому, кого вознамерился соблазнить. Когда червь-колдун не протягивает тебе руки, это дурной знак. Если же, однажды не протянув тебе руки, он вдруг предлагает ее — это еще хуже.

Усталый, мучимый смутной тревогой, однако исполненный решимости докопаться до истины, Титус лег в постель.

Сон не шел. Он еще долго ворочаясь в темноте, пока его наконец не сморила дремота.

Впервые за все пребывание в поместье он запер библиотечную дверь изнутри.

Во вторник утром Титуса разбудил рев автомобильного мотора. Выглянув спросонья в полузакрытое окно, он увидел, что Карстерс вышел из дома и сел в машину, которая уже поджидала его на подъездной дорожке. Как только автомобиль скрылся из виду, Титус быстро оделся и направился к двери, ведущей в подвал. Располагаюсь она под лестницей в мрачном вестибюле. Как он и ожидал, дверь оказалась заперта.

Ну что ж, поищем другой вход! Помнится, Карстерс говорил о покалеченном кролике, который каким-то чудом пробрался в подвал. И хотя история эта явно была высосана из пальца, в подвальные помещения наверняка существовал путь с улицы. Выйдя в сад, Кроу первым делом убедился, что находится в полном одиночестве, после чего направился вдоль стены дома и вскоре обнаружил заросшие травой ступеньки, ведущие вниз. Там, где они кончались, виднелась заколоченная дверь, и Титус понял: чтобы пробраться в подвал этим путем, потребуются неимоверные усилия. Придется взламывать дверь, а это довольно сложно будет скрыть. Правда, рядом с дверью имелось закопченное окно... Вот это уже куда интереснее! Окно не было заколочено, однако многочисленные слои краски намертво приклеили раму к откосам. Воспользовавшись ножом, Кроу попытался отделить слой краски. Однако в следующий момент ему послышался какой-то странный звук. Он тотчас бросил свою затею и вернулся в сад. Там никого не оказалось, однако нервы его были на пределе, и он не стал возобновлять своих занятий. С окном можно повременить еще денек.

Кроу вернулся в дом, умылся, побрился, позавтракал (несмотря на явное отсутствие аппетита) и, наконец, поднялся по лестнице, чтобы обозреть через запыленные окна окрестности. Не заметив ничего из ряда вон выходящего, Титус вернулся к себе на первый этаж и рискнул еще раз подойти к кабинету хозяина дома. Дверь кабинета также оказалась на замке. Вдобавок ко всему у Титуса потихоньку стали сдавать нервы. Очень не хватало хозяйского вина — вот что наверняка бы прибавило ему смелости или, на худой конец, притупило бы страх... И тут он вспомнил, что Карстерс, как то водилось за ним и раньше, оставил для него на столе бутылку дурманящего напитка.

Опасаясь, что самообладание изменит ему, Титус бросился в кухню и, схватив со стола вожделенную емкость, вылил ее содержимое — все, до последней капли — в раковину. Лишь после этого он слегка успокоился — и тут же понял, насколько устал. Ночью он спал плохо, сказывались расшатанные нервы. Если так пойдет и дальше, ему никогда не разгадать тайну этого дома, не говоря уже о том, чтобы довести задуманное до конца...

В полдень Кроу уже собрался было перекусить, как обнаружил очередного червя — на сей раз прямо в кухне! Этого оказалось достаточно, чтобы у него начисто отшибло аппетит, и он дал себе слово, что отныне не станет обедать в этом доме.

Титус вышел из дому, сел в машину и доехал до Халсмира. Пообедав в деревенской гостинице и запив еду не одной рюмкой бренди, он вернулся в поместье порядком навеселе. Остаток дня юноша отсыпался — непозволительная роскошь, за которую он сам себя потом отчитал. Проснулся он под вечер. С похмелья голова раскалывалась от боли.

Решив, что дополнительный отдых ему не повредит, он сварил себе кофе и снова лег в постель. Крепкий кофе отнюдь не отбил ему сон. Как и накануне, он запер на ночь дверь.

Среда пролетела быстро. Титус видел Карстерса лишь дважды. Выполнив необходимый минимум «работы», юноша прочесал библиотечные полки в поисках заголовков, которые могли бы пролить свет на замыслы его хозяина. Увы, поиски оказались тщетны, но столь велико было его увлечение старыми книгами, такое удовольствие доставляло ему держать их в руках, перелистывать страницы, читать, что Титус взбодрился и почти вернулся в свойственное ему от природы приподнятое расположение духа. Весь день он изображал непреодолимую тягу к хозяйскому вину и разговаривал нарочито хриплым голосом. Раздражающий эффект эфирных масел придавал глазам красноватый оттенок.

В четверг Карстерс вновь уехал из дому, однако на сей раз позабыл запереть дверь в кабинет. К этому времени самообладание уже почти вернулось к Титусу — так что, переступая порог комнаты, вход в которую был для него заказан, он почти уже не ощущал нервной дрожи в коленях. Заметив на маленьком столике допотопного вида телефон, юноша решил установить контакт с внешним миром.

Титус быстро набрал лондонский номер Тейлора Эйнсворта. Тот ответил, и Кроу сказал в трубку:

— Тейлор, это Титус. Ну как там мое вино?

— Ага, — протянул его знакомый сквозь шум помех, — не смог дожидаться выходных! Любопытный напиток, скажу я тебе, там есть парочка очень странных ингредиентов. Правда, я пока не знаю, что это такое и каков механизм их воздействия, но то, что они оказывают определенный эффект, это точно. На людей они действуют, как анис на собак. Моментально вызывают привыкание!

— Они ядовиты?

— Что ты сказал? Нет, конечно. По крайней мере в малых дозах. Будь они ядовиты, ты бы не разговаривал со мной сейчас! Послушай, Титус, я готов заплатить приличную цену, если ты...

— Забудь, — оборвал его Кроу, однако тотчас поспешил смягчить тон: — Послушай, Тейлор, тебе крупно повезло, потому что этого зелья у меня больше нет, клянусь тебе. Думаю, его рецепт уходит корнями в самые черные дни человеческой истории. Более того, я уверен, сумеешь ты определить эти ингредиенты, тебя бы передернуло от омерзения. В любом случае спасибо тебе за труды.

На том конце провода послышались протесты, но Титус решительно положил трубку.

Обедая глазами мрачное, затхлое помещение, Кроу наткнулся взглядом на календарь. Каждый день, в том числе и сегодняшний, был перечеркнут жирной черной чертой. А вот первое февраля, Сретенье, было дважды обведено тем же черным карандашом.

Сретенье, до которого осталось всего восемь дней...

Кроу нахмурился. Что-то в этой дате настораживало его, причем сам религиозный праздник тут был ни при чем. В голове Титуса зашевелились смутные воспоминания.

Канун Сретенья. Предначертанная дата.

Титус вздрогнул.

Предначертанная дата. Предначертанная для чего? И откуда к нему в голову закралась эта мысль? Увы, остались только слова, которые осели где-то в глубинах его подсознания.

Титус подергал ящики стола. Все как один на замке и никакого ключа. Неожиданно

Титус ощутил на себе чей-то взгляд. Он резко обернулся и оказался лицом к лицу с портретом Карстерса, висевшим вместе с другими на противоположной стене. В зловещем полумраке кабинета ему показалось, будто глаза старика горели злобным огнем.

Остаток дня прошел тихо, без происшествий. Титус еще раз сходил к окну в задней стене дома, вновь попытался его открыть, однако сумел удалить лишь очередной слой засохшей старой краски. Остаток времени прошел в отдыхе, если не считать часа, который он посвятил книгам Карстерса, чтобы изобразить хотя бы видимость работы.

Примерно в половине пятого пополудни Кроу услышат, как к дому подъехала машина. Подойдя к задернутому шторой окну, он увидел, как по дорожке шагает Карстерс. Втерев в глаза едкое масло, Титус опять уселся за рабочий стол и принял обычную позу — ссутулился и втянул голову в плечи. Карстерс первым делом направился в библиотеку и после стука вошел.

— А, мистер Кроу! Как обычно, за работой?

— Ну, не совсем, — ответил Титус осипшим голосом и оторвал глаза от записной книжки. — Боюсь, мне не хватает сил. А может, я просто подустал. Но ничего, это пройдет.

Карстерс, судя по всему, был рад его словам.

— Да-да, разумеется, пройдет. Хватит работать, мистер Кроу, лучше пойдемте ужинать. У меня сегодня разыгрался аппетит. Не составите мне компанию?

Не найдя повода для отказа, Титус последовал вслед за хозяином дома в столовую. Однако стоило им переступить порог, как ему вновь вспомнился обнаруженный там червь, и аппетит как рукой сияло.

— Я еще не слишком проголодался, — промямлил он.

— Вот как? — удивился Карстерс. — В таком случае поужинаем позже. Однако я уверен, что вы не откажетесь пропустить стаканчик-другой вина. Что скажете?

Титус уже было отказался, однако тотчас вспомнил, что этого делать никак нельзя. Ни при каких обстоятельствах! Карстерс принес из кладовой бутылку, откупорил и налил до краев два стакана.

— За вас, мистер Кроу — произнес он. — Вернее, за нас с вами.

Не видя для себя иного выхода, Титус поднял стакан и выпил...

IX

По всей видимости, в планы Карстерса не входило на этом останавливаться. За первым стаканом последовал второй, за вторым третий. Вскоре у Титуса все поплыло перед глазами. Лишь тогда он нашел в себе силы сказать, что устал и хотел бы прилечь. Карстерс, однако, всунул-таки ему в руки бутылку с недопитым вином и вкрадчиво посоветовал допить содержимое на сон грядущий.

Допивать зелье Титус, однако, не стал, а вылил в сад. После этого он, шатаясь, дошел до ванной, где выпил побольше воды, чтобы его вырвало. Затем, стараясь ступать как можно тише, юноша добрал до библиотеки и замкнул за собой дверь.

Он надеялся, что в желудке у него теперь почти не осталось вина. Однако его излюбленным лекарством от всех скорбей всегда был кофе. Юноша сварил себе целый чайник бодрящего напитка — черного, без сливок или молока — и опустошил его до последней капли. Затем он вновь вернулся в ванную, искупался и напоследок обдал себя холодным душем. Только тогда Кроу с удовлетворением отметил, что действие коварного зелья заметно ослабло.

Эти старания отняли у него последние силы, и к восьми вечера он вновь ощущал себя усталым и разбитым. Решив, что заслужил отдых, Титус удалился в свой альков с томом «De Vermis Mysteriis». Не прошло и двадцати минут, как он уже клевал носом над страницами фолианта, не в силах побороть овладевшую им сонливость. Судя по всему, то вино, что осталось у него в желудке, делало свое дело, хотя и не столь быстро. Единственная надежда

была на то, что хороший сон поможет окончательно вывести эту дрянь из организма.

Зевая и засыпая на ходу, он поставил том на полку, после чего вернулся к постели и в буквальном смысле рухнул в нее. Так он и уснул — уткнувшись лицом в подушку и раскинув в стороны руки. В такой позе он проспал четыре часа.

Сон растворялся медленно. Постепенно до Титуса дошло, что кто-то зовет его по имени. А еще он ощутил прикосновение чего-то холодного. Затем ему вспомнились события вчерашнего вечера, и его мысли тотчас пришли в движение. Он слегка приоткрыл глаза и присмотрелся. Рядом с его кроватью стояли две фигуры. Однако инстинкт подсказывал ему, что если повернуть голову, то он увидит и других, и лишь неимоверным усилием воли ему удалось удержаться оттого, чтобы вскочить на ноги.

Вновь раздался голос — голос Карстерса, однако на сей раз он обращался не к нему, а к тем, кто застыл возле его кровати:

— Я опасался, что вино стало менее действенным... очевидно, напрасно. Друзья, я пригласил вас сюда для того, чтобы продемонстрировать торжество моей воли над сознанием и телом Титуса Кроу. В эти выходные мы его отпускать не будем, ибо близится срок. Не хотелось бы, чтобы с ним что-то произошло.

— И нам тоже, Хозяин, — раздался голос, показавшийся Титусу знакомым. — Ибо...

— Ибо в таком случае я буду вынужден остановить выбор на ком-то другом, я тебя правильно понял, Даррелл? Мне понятно, почему ты хочешь, чтобы все прошло гладко. Однако ты слишком высокого мнения о себе, Даррелл! Ты не годишься быть вместилищем!

— Хозяин, я лишь... — запротестовал было тот, кого звали Даррелл.

— Тише, — оборвал его Карстерс, — и смотрите в оба!

Затем он вновь обратился к Титусу, и голос его зазвучал глубоко и звучно:

— Титус Кроу, это лишь сон, самый обыкновенный сон. Тебе нечего бояться, поверь мне. Ведь это только сон. Перевернись на спину, Титус Кроу.

Титус, к которому к этому моменту окончательно проснулся — ум его был ясен, отчего он сделал вывод, что антигипнотическая терапия Гарри Таунли действует безотказно, — заставил себя медленным, томным движением выполнить распоряжение Карстерса. С полужакрытыми глазами он перевернулся, расслабился и положил голову на подушку.

— Отлично! — прокомментировал Карстерс. — Вот так и надо. А теперь спи, Титус Кроу, спи, и пусть тебя посещают сны.

— Похоже, что все идет, как задумано, — подал голос тот, кого звали Гарбеттом.

— О да, все прекрасно. Его число подтвердилось, и по мере того, как приближается урочный час, он все сильнее попадает под мои чары. А сейчас мы проверим, получится ли у нас что-нибудь еще, кроме как командовать простыми движениями. Давайте посмотрим, сумеем ли мы заставить его говорить. Мистер Кроу, вы меня слышите?

Титус мгновенно сообразил, что от него требуется. Приоткрыв запекшиеся губы, он выдал из себя:

— Да, я вас слышу.

— Отлично! А теперь я хочу, чтобы ты кое-что запомнил. Завтра ты подойдешь ко мне и скажешь, что решил на выходные остаться в поместье. Ты меня понял?

Титус кивнул.

— Так ты хочешь остаться? Говори!

И вновь кивок головы.

— Скажи мне, что тебе этого хочется.

— Я хотел бы остаться здесь, — пробормотал Кроу, — на выходные.

— Отлично! — довольно воскликнул Карстерс. — Для тебя, Титус, у меня найдется не одна бутылка вина, чтобы тебе было чем смочить горло и унять жжение в глазах.

Титус вынудил себя лежать спокойно, глубоко дыша.

— А теперь я хочу, чтобы ты встал, отогнул край одеяла и лег в постель, — произнес Карстерс. — Ночной воздух свеж, и нам бы не хотелось, чтобы ты простудился.

Титус покачал головой, шатаясь, поднялся на ноги, откинул край одеяла, лег в постель и снова накрылся.

— Он полностью в вашей власти! — усмехнулся Гарбетт, довольно потирая руки. — Хозяин, вы неподражаемы!

— Я был неподражаем, как ты изволил выразиться, на протяжении трех с половиной столетий! — ответил Карстерс, не скрывая гордости в голосе. — Штудируй хорошенько мои труды, Гарбетт, и в один прекрасный день тебе тоже, возможно, позволят войти в число Жрецов Червя.

Услышав эти слова, Титус невольно вздрогнул... как и Даррелл секундой раньше, благодаря чему его движение осталось незамеченным. Сначала юноша ощутил, как Даррелл испуганно подпрыгнул, потом раздался крик омерзения:

— Фу! На полу! Я наступил на одного! Там червяки!

— Идиот! — рявкнул на него Карстерс. — Идиот. Уберите его отсюда, — обратился он к другим приспешникам. — Затем быстро возвращайтесь сюда и помогите мне их собрать!

Послышалась какая-то возня и шуршание на полу. Титус был рад, что его наконец оставили в покое. Впрочем, нет, Карстерс остался рядом с ним, дабы прибегнуть к средству, которое, по всей видимости, использовал уже не раз, а именно принялся убеждать его, что это лишь сон.

— Это всего лишь сон, мистер Кроу. Самый обыкновенный сон. Незачем его запоминать, в нем нет ничего важного. Когда вы проснетесь завтра утром, то непременно скажете мне, что хотели бы остаться в доме на выходные. Вы ведь именно так и поступите, правда?

С этими словами Карстерс направился прочь из алькова — словно некий оживший труп, он удалился в темные закоулки дома. Правда, на сей раз Титус Кроу бодрствовал. Он был весь в холодном поту и объят ужасом, поскольку впервые увидел, как старик пытается подчинить его своей воле. По всей видимости, в предыдущие разы эти попытки увенчивались успехом.

Титус лежал, глядя в темноту, пока не услышал, как взревели моторы и машины отъехали от дома. Наконец в мрачных стенах вновь воцарилась тишина. Но лишь когда где-то вдалеке церковные часы пробили час ночи, он встал с постели и, дрожа всем телом то ли от холода, то ли от страха, надел пижаму и шлепанцы. После этого юноша принялся осматривать пол алькова, а затем и всей библиотеки. Он снял с кровати постельные принадлежности — простыню за простыней, одеяло за одеялом, пока не убедился окончательно, что в этой части его обиталища, которое он по наивности считал своим и потому неприкосновенным, не ползают омерзительные твари. Ибо дверь, ведущая в библиотеку, по-прежнему была заперта, что означало одно из двух: либо у Карстерса имелся собственный ключ, либо же...

Для пущей уверенности засунув в карман халата револьвер, он еще раз самым внимательным образом осмотрел библиотеку и на этот раз обнаружил нечто такое, отчего его волосы в буквальном смысле встали дыбом. Дело было в центральной секции массивных стеллажей, приставленных к внутренней стене. На первый взгляд — обыкновенный книжный шкаф. Никто бы даже не заподозрил, что в нем имеется хорошо замаскированный поворотный механизм, но именно так оно и было. Некоторые книги, которые Титус сложил стопками на полу перед стеллажами, оказались сдвинуты с места по аккуратной дуге. Присмотревшись внимательнее, Титус сумел разглядеть между днищем центрального стеллажа и ковром небольшой зазор.

Приложив немалые усилия, он сумел-таки разгадать принцип работы поворотного механизма и в конечном итоге сдвинул шкаф с места. За ним оказалась темнота и... ступени — вернее, винтовая лестница, которая резко уходила вниз, куда-то в глубь старого дома. В общем, Титус обнаружил наконец то, что давно искал, — еще один вход в подвал. Правда, на этот раз он лишь взгляделся в темноту, после чего поставил шкаф на место, сварил себе крепкого кофе, выпил его до последней капли — и стал готовить новую порцию.

Остаток ночи он просидел без сна — пил кофе и дрожал от непонятного холода, обещая себе, что любой ценой сорвет черные планы Карстерса...

Выходные обернулись сущим кошмаром.

В субботу утром Титус Кроу явился к Карстерсу в кабинет и стал умолять, чтобы ему позволили остаться в поместье на выходные. Разумеется, на его просьбу Карстерс откликнулся с готовностью. После этого события начали развиваться с поразительной быстротой.

Карстерс выходил к столу каждый раз и, независимо от того, принимал Титус пищу или нет, пытался накачать его вином. Зачем следовал уже ставший привычным изматывающий ритуал, когда из столовой Титус спешил в ванную, дабы извергнуть содержимое желудка. И все это время он был вынужден притворяться, будто все сильнее и сильнее подпадает под влияние Карстерса, хотя, сказать по правде, гипнотические чары последнего не имели на него ровным счетом никакого воздействия. К вечеру воскресного дня глаза Титуса воспалились без каких-либо ухищрений с его стороны, в горле саднило от выпитого вина и искусственно вызванной рвоты, голос осип.

За эти жуткие дни он не выполнил и грана из порученной ему Карстерсом «работы», зато всякий раз пытался найти в книгах старика ответы на мучившие его вопросы — тщетно. По ночам юноша обычно лежал на кровати, пытаясь противостоять зелью, отуплявшему разум и сковывавшему движения, прислушивался к доносившимся из подвала звукам, будь то завывания или монотонный речитатив. В общем, со стороны он уже наверняка мог сойти за умалишенного.

Понедельник, вторник и среду Титус провел примерно так же, хотя ему удалось немного поесть и избежать чрезмерных контактов с хозяйским вином. В среду вечером за ужином Карстерс устроил для него долгожданный перерыв. К счастью, на этот раз ставшая привычной бутылка вина была уже с самого начала ужина наполовину пустой. Титус поспешил взять на себя обязанности виночерпия и налил большую часть зелья в стакан Карстерса, оставив себе лишь капли. На его счастье, эту уловку ему удалось проделать, не привлекая к себе внимания хозяина дома, чьи мысли, судя по всему, витали далеко отсюда. Титус же в душе возрадовался, что хотя бы сегодня вечером он будет избавлен от унижительного ритуала посещения ванной комнаты.

Наконец, собравшись с мыслями, Карстерс произнес:

— Мистер Кроу, завтра рано утром мне нужно будет уехать по делам — вы еще будете спать. Вернусь я лишь во второй половине дня. Мне бы не хотелось оставлять вас здесь одного, потому что, признаюсь честно, вид у вас нездоровый.

— Неужели? — прохрипел Титус. — Я чувствую себя вполне сносно.

— Да, но вид у вас больной. Похоже, вы уморили себя постоянной работой. — Через весь стол Карстерс пронзил Титуса пристальным взглядом, а его голос вновь приобрел гипнотические нотки. — Полагаю, будет лучше, если завтрашний день вы посвятите отдыху, мистер Кроу. Отдохните, восстановите силы. Полежите подольше в постели. Отоспитесь хорошенько.

В ответ на эту его тираду Титус растерянно заморгал и затем, словно старик, которого сморила дремота, заклевал носом; очнувшись, он изобразил недоуменный вид. Разумеется, все это был искусно разыгранный спектакль, однако Карстерс искренне расхохотался.

— Вот видите! — воскликнул он более естественным тоном. — Я прав! Да-да, молодой человек, вам сейчас больше всего нужен отдых. Так что завтра никакой работы. Договорились? Хотелось бы видеть вас в пятницу здоровым и полным сил.

Кроу сонливо кивнул, однако мысли его пришли в движение. По всей вероятности, роковой день уже совсем близко. Его словно обдало ветром самой преисподней. В глазах Карстерса пылал адский огонь, и Титус был готов поклясться, что даже уловил запах серы.

Как ни странно, Титус спал как убитый и проснулся рано, однако оставался в постели,

пока не услышал, как к дому подъезжает автомобиль. Правда, инстинкт подсказал ему, что торопиться не стоит. Спустя полминуты, осторожно раздвинув шторы алькова, к нему неслышно вошел Карстерс. Различив звук шагов по ковру, Титус буквально в последнее мгновение успел откинуться на подушку, дабы изобразить сон.

— Молодец, Титус Кроу, спи, — вкрадчиво произнес Карстерс. — Спи глубоким сном — потому что совсем скоро ты не будешь знать иных сновидений, иных мыслей, кроме моих! Спи, Титус Кроу, спи!

В следующее мгновение раздался шорох штор, и Титус сделал вывод, что хозяин дома ушел. Тем не менее он оставался в постели, пока снова не услышал скрежет шин по гравию подъездной дороги.

Юноша тотчас вскочил с кровати, оделся и, выскочив из дому, быстро обошел поместье. Затем вернулся в особняк, стремительно взбежал на верхний этаж, чтобы обозреть сад с высоты. Лишь удостоверившись, что в доме он действительно один, Титус вернулся в библиотеку, открыл потайной ход и спустился в мрачный подвал. Ступени винтовой лестницы описали полный круг, после чего он очутился на площадке, в углублении подвальной стены. Чтобы оказаться в самом подвале, оставалось сделать лишь пару шагов. Титус нащупал на стене выключатель. Помещение озарилось тусклым светом, и перед глазами Кроу наконец предстало логово чернокнижника.

Титус медленным шагом двинулся по подвалу, осматриваясь. В голове юноши всплывали куски его собственных оккультных познаний, а также отрывки книг из библиотеки Карстерса. Он обнаружил здесь вещи, чья история уходила в далекое прошлое человека. Поняв предназначение некоторых из них, он невольно вздрогнул.

Ближе к центру подвала пол был очищен от вещей. Здесь в глаза Титусу бросились нарисованные ярко-красной краской сцепленные двойные круги персидских магов. Краска казалась совсем свежей. В одном из кругов он увидел восходящий белый узел, в другом — нисходящий черный. На кирпичной стене красовались зеленые и синие меловые линии — таинственные письмена, в которых он тотчас же узнал богохульный «Код Нихарго». Огромные арабские символы будто насмехались над ним, извиваясь, как змея, в непристойном танце. Три оставшиеся стены были задрапированы гобеленами — такими древними, что они едва не рассыпались на нити. Изображения на них представляли сцены черных ритуалов, чьи участники уже давно переместились на зловещие страницы истории. Чернокнижники были облачены в одеяния обитателей Аравийской пустыни, отчего показались Титусу едва ли не святыми старцами.

В затынутом паутиной углу он обнаружил нацарапанные на полу пентакли и зодиакальные знаки; здесь же с крючков свисали одежды, схожие с изображенными на гобеленах и расшитые символами из «Лемегетона».¹ Так, Титус разглядел на одной из этих хламид Печать Соломона. В небольших банках хранились цикута, белена, корень мандрагоры, индийская конопля и еще какая-то субстанция, которую Титус принял за опиум. Его невольно передернуло, стоило ему подумать, что подмешивал Карстерс ему в вино.

Наконец, удовлетворив свое любопытство, он вернулся по ступенькам в библиотеку, а оттуда зашагал напрямик в кабинет Карстерса. Уже дважды ему посчастливилось обнаружить дверь незапертой. Как оказалось, удача сопутствовала ему и сегодня. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Зная, что Титус наверняка проспит все утро, Карстерс просто-напросто позабыл предпринять меры предосторожности. Стоило Титусу перешагнуть порог кабинета, как его поджидала очередная удача! Ключи от письменного стола остались болтаться в замке одного из ящиков.

Дрожащими руками Кроу открыл ящики. Он не осмелился прикоснуться к их содержимому, однако в самом нижнем ящике с левой стороны стола обнаружил то, что, собственно, и желал увидеть. Ошибки быть не могло: аккуратно разрезанные поля, гравюры... Иными словами — сделанный в начале девятнадцатого века неким Чарльзом

¹ «Лемегетон» или «Малый ключ Соломона» — один из наиболее известных гримуаров (колдовских книг), содержащих сведения о христианской демонологии.

Леггетом перевод пресловутого опуса Людвиг Принна. Это были недостающие страницы, вырванные из книги в библиотеке — «Сарацинские ритуалы» из «De Vermis Mysteriis».

Закрыв ставни единственного окна, Титус включил настольную лампу и погрузился в чтение. Время словно застыло на месте, столь ужасны были тайны, которые открылись ему. Однако Титус, не веря своим глазам, продолжал читать. Он переворачивал страницы, и книжные строки будто сами прыгивали оттуда, дабы предстать его взгляду. Так пролетел час, затем второй. Время от времени Титус выходил из благоговейного ступора, чтобы взглянуть на часы или — гораздо чаще — чтобы облизать пересохшие губы и снова продолжить чтение. Ведь все, что он хотел знать, было здесь. Постепенно его смутные догадки начали складываться в целостную картину.

И тут произошло нечто неожиданное, словно в его голове прорвало дамбу, и воспоминания из самых потаенных уголков его души хлынули наружу. Внезапно он вспомнил все, что Карстерс пытался при помощи гипноза стереть из его памяти во время ночных визитов. Вспомнил разговоры, которые ему было приказано забыть, и вскоре все эти обрывочные воспоминания начали складываться в ужасающую картину многовекового кошмара. Ему стала понятна тайна портретов с их непрерывной цепочкой дат; он понял, как старик сумел прожить три с половиной столетия. И наконец, с ослепительной ясностью перед ним открылась роль, уготованная ему хозяином дома в этом кошмаре.

Он, Титус Кроу, должен стать вместилищем, очередным воплощением древнего черного феникса, вновь восставшего из колдовского праха. Его самого, человека по имени Титус Кроу, просто выбросят за ненадобностью, отправят скитаться в преисподнюю, а в освободившееся тело вселятся воля и дух Карстерса, чудовища, рожденного в 1602 году от самого черного из всех чернокнижников посреди древних полных руин на берегах Галилейского озера.

Более того, теперь он точно знал, когда это должно произойти. Вот она, эта дата, обведенная жирной линией, глядит на него с календаря на столе Карстерса: первое февраля 1946 года.

Канун Сретенья, «предначертанная дата».

Завтра ночью!..

Х

Этой ночью Титус, хотя и был человеком неверующим, прочел на ночь молитву. Каким-то чудом ему удалось поспать — пусть даже урывками, то и дело просыпаясь при малейшем шорохе или скрипе, а их в старом особняке хватало. Наутро он выглядел измученным и нездоровым... чего от него и ожидали. С другой стороны, это оказалось ему на руку, потому что урочный час близился и вряд ли Карстерс теперь выпустил бы его из-под своего недреманного ока.

Четыре раза за утро хозяин дома приходил проведать его в библиотеку, пристально его рассматривал, довольно потирая руки, словно гигантский богомол. Даже зная цели Карстерса, Кроу был вынужден изображать из себя агнца, предназначенного на заклание, а отнюдь не юного льва, как то обычно предполагала его благородная внешность.

Пришло время обеда. Титусу в очередной раз удалось свести — в основном благодаря ловкости рук — количество выпитого вина к минимуму. В шесть вечера за ужином он с тем же успехом применил прежнюю хитрость. И все это время он ловил на себе горящий взгляд сотрапезника — казалось, Карстерс был уже не в силах сдерживать охватившее его возбуждение.

В половине восьмого вечера — когда Титус, до одурения напившийся кофе, сидел при свете тусклой лампы, вспоминая подробности жуткого священнодействия, о котором прочел в главе «Сарацинские ритуалы», — в дверь библиотеки постучал Карстерс и, не дожидаясь ответа, вошел. Титусу не было необходимости изображать больного и уставшего человека — одного напряжения оказалось достаточно, чтобы он сидел, ссутулившись и понуро опустив

голову.

— Мистер Кроу, — произнес Карстерс своим обычным елейным тоном, — я хотел бы попросить вас о небольшой помощи...

— Помощи? — встрепенулся Титус и посмотрел на хозяина дома красными от бессонницы глазами. — Моей?

— Если вы не возражаете. Мне нужно кое-что сделать в подвале, причем работа эта может задержать меня там до самой полуночи. Я бы, разумеется, не хотел лишать вас заслуженного сна, но если я вас все-таки позову, — в этом месте он выразительно понизил голос, — вы ведь откликнетесь на мой зов, не так ли?

— Разумеется, — прохрипел Кроу и в упор посмотрел в глаза чернокнижнику.

— Вы придете ко мне, когда я вас позову, — продолжал допытываться Карстерс, — даже если час будет поздний? Вы проснетесь и пойдете за мной? Вы спуститесь ко мне ночью, если я вас позову?

— Да, — пролепетал Титус.

— Повторите, Титус Кроу. Скажите еще раз: что вы сделаете, когда я позову вас?

— Я приду к вам, — покорно произнес Титус. — Я приду к вам, как только услышу ваш зов.

— Отлично, — произнес Карстерс. Лицо его в это мгновение напоминало оскалившийся череп. — А теперь отдыхайте. Сидите и не о чем не думайте. Просто ждите, когда я вас позову. Ждите, когда я вас позову...

Внезапно он развернулся и вышел из библиотеки, тихо прикрыв за собой дверь.

Титус поднялся, выждал пару секунд и выключил лампу. Вернувшись к себе в альков, он задернул шторы, включил свет и быстро переоделся в халат. Затем вынул из-под матраца одолженный у Гарри Таунли револьвер, зарядил его и спрятал в карман. После этого он приоткрыл занавеси и выскользнул в образовавшуюся щель, ступая по узкой полоске света, что пробивалась из алькова.

Он шагал вдоль нее туда-сюда, не в силах сдержать возбуждения. Не один раз ему в голову приходила мысль бежать отсюда, бежать, пока не поздно, пускай он вплотную приблизился к разгадке тайны, которая одновременно манила и отталкивала его... Увы, это было бы просто непозволительно, хотя бы потому, что сейчас им владел отнюдь не страх, а гнев. Ведь ему предстояло стать... да что там! Он все это время был жертвой чудовища по имени Карстерс. Сейчас же, зная, чем все должно закончиться, — молясь, чтобы все закончилось так, как он задумал, — разве мог он поддаться страху? Пути к отступлению были для него отрезаны. Карстерс найдет ему замену, и многовековой ужас продолжится, пусть без него. И даже если ему удастся сбежать, кто поручится, что однажды возмездие не настигнет его?

В половине десятого вечера к дому подъехали автомобили — подъехали тихо, словно катафалки, причем сегодня их было больше, чем обычно. В узенькую щель между шторами Кроу проследил, как в дом прошмыгнуло несколько темных фигур. Какое-то время слышалось приглушенное перешептывание и скрип. Все эти звуки Титус уловил, стоя в темноте библиотеки. Слух его обострился настолько, что теперь мог уловить малейший шорох. Чуть позднее, когда все звуки переместились в подвал, юноша выключил свет в алькове и сидел в крошечной тьме на стуле — то есть там, где Карстерс его оставил. Вокруг него с каждым мгновением сгушался мрак, и вскоре Титусу уже чудилось, будто темнота тяжким грузом давит ему на плечи.

Минуты шли. Кроу поймал себя на том, что рука его то и дело тянется к увесистому револьверу в кармане. Тело его сотрясала дрожь. Где-то вдалеке часы пробили одиннадцать часов, и сразу после этого из подвала донесся ритмичный речитатив. На лбу у Титуса тотчас выступил бисером холодный пот. Он вытер его носовым платком.

Мистерия Червя началась.

Титус попытался взять себя в руки, ибо знал, что час его близится — увы, тщетно. Минуты шли, и доносившаяся из подвала дьявольская абракадабра делалась ритмичнее и

громче. Мысленно Титус не раз обозвал себя идиотом. Он то вставал, то садился вновь, вытирая со лба испарину, то нащупывал револьвер. Совершенно неожиданно часы пробили половину двенадцатого. Титус встрепенулся.

В следующее мгновение его обдало холодным как лед воздухом — словно температура в доме упала до нуля! Титус вдыхал леденящий воздух, ощущая, как на тонких ворсинках в его ноздрях оседает иней. Он также ощутил удушливый запах — внизу кто-то жег белену и опиум, — однако остался сидеть, словно прикованный к стулу. Речитатив сделался еще громче, его звучность и ритм достигли новых высот — казалось, эхо голосов разносится под сводами огромного собора.

Время уже близилось к полночи, однако Титус даже не посмел взглянуть на часы.

Внезапно его ужас исчез. Титус вновь был сам себе хозяин. Он сделал надрывный вздох и заставил себя расслабиться, зная, что если этого не сделать, то нервное напряжение вскоре отнимет у него последние силы. Ведь его час наверняка...

— ...пришел! — подсказали ему голоса из подвала, которые, подобно приливу, то приближались, то откатывались куда-то назад, то начинали звучать в новом ритме. Во мраке ночи он наконец различил собственное имя.

Выпрямившись на стуле, Титус Кроу увидел, как книжная полка отъехала в сторону и в образовавшемся отверстии возникла фигура Карстера — в свободном жреческом одеянии, перехваченном на тощей талии ремнем. Высокий и тощий, более обычного похожий на ходячий труп, чернокнижник поманил его костлявой рукой.

— Иди сюда, Титус Кроу, ибо час пробил. Встань и подойди ко мне, и приобщись к великой и страшной Мистерии Червя!

Титус поднялся, как ему было приказано, и двинулся за стариком по винтовой лестнице в тускло освещенный подвал. В четырех углах помещения пылали раскаленные докрасна жаровни, от которых сизым дымом клубился дурман опиумных воскурений. Вокруг центральной площадки кольцом выстроились облаченные в ниспадающие одежды псаломщики. Они стояли, опустив скрытые под капюшонами головы и устремив взор в середину зала, на сцепленные круги. Всего их было двенадцать, вместе Карстерсом — тринадцать, чертова дюжина.

Карстерс провел Титуса сквозь их кольцо и указал на круг с белым восходящим узлом.

— Встань здесь, Титус Кроу, — приказал он, — и ничего не бойся.

Титус подчинился. В душе он порадовался, что освещение в подвале было тусклым и подрагивающим, а глаза застилал дым ядовитых воскурений. В неверном красноватом свете силуэты представляли нечеткими и размытыми, а значит, бывшая его дрожь тоже осталась незамеченной... И вот теперь он стоял здесь, посреди переплетений восходящего узла. Карстерс занял место в соседнем круге. Между ними, в том месте, где круги пересекались, стояли огромных размеров песочные часы, в которых из одной — почти пустой — емкости в другую, почти полную, пересыпался черный песок.

Карстерс бросил взгляд на часы. Увидев, что вожаемый миг вот-вот настанет, он отбросил от лица капюшон.

— Посмотри на меня, Титус Кроу, — приказал он, — и внемли мудрости Червя!

Титус посмотрел ему в глаза, затем на лицо, затем на облаченное в ниспадающие одежды тощее тело.

Речитатив псаломщиков вновь сделался громче, однако теперь их глотки исторгали не его имя. Они зывали к самому Пожирателю Людей, к омерзительному хозяину этого ритуала.

— Червь, о Червь! Явись! — скандировали они. — Червь, о Червь! Явись!

В следующее мгновение песок пересыпался полностью.

— Червь! — вскричал Карстерс, тогда как другие голоса умолкли. — Я повелеваю тебе — явись к нам!

Не в силах отвести взгляд от жуткой фигуры, Титус Кроу ощутил, как при виде чудовищного превращения на его собственном лице застыла маска ужаса. Ибо Карстерс

забился в агонии, глаза его, словно отлитые из расплавленного металла, вылезли из орбит, рот открылся, а из глотки донесся омерзительный лающий хохот.

И тогда из его рта, из ушей, ноздрей, даже из волос на голове полезли розовые могильные черви. Казалось, в его теле не было отверстий, из которых, извиваясь, не лезли бы мерзкие создания!

— Скорее, Титус Кроу, скорее! — выкрикнул Карстерс, и голос его сделался липким и тягучим, словно в нем тоже копошились черви. — Возьми меня за руку!

И он протянул дрожащую костлявую руку, сплошь покрытую розовой шевелящейся массой.

— Нет, — крикнул в ужасе Титус, — ни за что!

Карстерс на мгновение оцепенел.

— Что? — Складки его одеяния теперь было трудно отличить от свисавших на них гроздьями червей. — Я приказываю тебе. Дай мне руку!

— Даже не надейся! — выкрикнул Титус сквозь стиснутые зубы.

— Но ведь мне известно твое число! Ты обязан подчиниться!

— Мое число тебе не известно, — произнес Кроу и покачал головой. Псаломщики тотчас отпрянули назад, из их глоток вырвался общий вопль ужаса.

— Ты лгал мне! — пророкотал Карстерс. Он словно бы сжался в размерах. — Ты обманул меня! Впрочем, какая разница!

И он начертил в воздухе пальцем фигуру.

— Червь, он твой. *Приказываю* тебе — возьми его!

Затем чернокнижник ткнул пальцем в сторону Титуса, и могильная орда у его ног покатилась белесой волной по всему полу, однако уже в следующее мгновение отпрянула от круга, в котором стоял Титус, словно от огненного кольца.

— Дальше! — завопил на червей Карстерс. На него было жутко смотреть — голова моталась из стороны в сторону, щеки обвисли лохмотьями. — Кто ты? Что тебе известно? Я повелеваю тобой!

— Мне известно многое, — произнес Титус. — Я им не нужен, они не посмеют прикоснуться ко мне. И я скажу тебе почему: потому что я родился не в 1912-м, а в 1916 году — второго декабря 1916 года. Ваш ритуал зиждется на неверной дате, мистер Карстерс.

Второго декабря 1916 года! Псаломщики дружно ахнули.

— Мастер! — донесся до слуха Титуса шепот. — Двадцать два!

— Нет! — Карстерс рухнул на колени. — Нет!

Он подполз к краю круга и поманил одного из псаломщиков костлявым пальцем.

— Даррелл, ко мне! — Голос его напоминал шорох опавших листьев.

— Только не я! — взвизгнул Даррелл, сбрасывая с себя ритуальную хламиду, и устремился к выходу из подвала. — Только не я!

Вскоре он исчез из виду, а в следующее мгновение его примеру последовали и остальные одиннадцать.

— Нет! — прохрипел Карстерс.

Титус Кроу смотрел на него в упор, не в силах отвести глаз. Черты лица чернокнижника начали расплываться, один образ сменял другой, пока наконец перед Титусом не предстал последний, — вернее, первый, — смуглый араб с портрета в кабинете. Затем он рухнул на бок и обратил к Титусу перекошенное злобой лицо. Глаза его ввалились, а в красные глазницы хлынули черви. Розово-белая извивающаяся масса устремилась назад и вскоре поглотила бывшего хозяина. Спустя мгновение от Карстерса ничего не осталось, кроме костей и хрящей, которых словно разметало по полу ураганом.

Чувствуя, как от пережитого ужаса у него по спине ползают мурашки, Титус бросился вон из подвала. В эти мгновения он был близок к помешательству. Только его Число спасло его! Двадцать два — число Мастера Магии. Он, спотыкаясь, поднялся по каменным ступеням. Бредя по пустому полуразрушенному дому, он неожиданно прошептал полузабытые слова, явившиеся словно ниоткуда:

— В старину говорили, что душа, купленная дьяволом, не спешит из кладбищенской глины, но кормит и учит Червя, который ест, пока из гнили не появится ужасный росток Жизни...

Позже, в ясном уме, но уже совершенно иным человеком, Титус Кроу уехал из Могильников. Стояла морозная ночь. Его жизнь наконец-то обрела смысл. Теперь он точно знал, что будет делать дальше. На гравийной дорожке, припорошенная инеем, лежала розоватая орда червей. Холод настиг ее, когда она пыталась спастись бегством. Титус даже не посмотрел в ту сторону.

А колесам его автомобиля было безразлично, по чему катить.

Дом над прудом

Отступим на пару лет назад от «Властелина Червей». В апреле 1980 года, проходя последний год службы в тренировочном центре королевской военной полиции, я совершенно случайно отослал издателем два экземпляра новеллы «Дом над прудом». Это была не более чем ошибка с моей стороны, а нив коем случае не обычная практика, поскольку подобного рода промахи, как правило, становятся предметом ехидных замечаний. В общем, один экземпляр был отправлен Лину Картеру, который пытался возродить «Weird Stories» — серию многотиражных сборников в мягкой обложке, выходивших в издательстве «Zebra». Второй же экземпляр достался моему хорошему другу, Франческо Кова, на тот момент обретавшемуся в Генуе. Кова как раз подыскивал стоящие рассказы для своего замечательного итало-англоязычного журнала «Kadath», и я пообещал ему помочь. Эта новелла, на мой взгляд, — одно из лучших моих произведений. По крайней мере далеко не худшее, потому что и Картер, и Кова купили ее и опубликовали, к моей великой досаде, почти одновременно — в журналах «Weird Stories» и «Kadath» соответственно. За последнюю четверть века эта история переиздавалась еще не раз и лучше всего прозвучала в моем сборнике «Вампирский шабаш», опубликованном в издательстве «Fedogan & Bremer».

Кстати, когда вышеупомянутый сборник вышел из печати, он моментально стал бестселлером «Fedogan & Bremer». Быть может, я тут и ни при чем, но на следующем Всемирном конвенте фэнтези это издательство получило награду в номинации «Лучший сборник рассказов».

I. Письмо

Думаю, в сложившихся обстоятельствах вполне закономерно, что полиция потребовала от меня этот запоздалый письменный отчет. Смею также полагать, что именно по причине моей общей обеспокоенности и незаконности принудительного содержания под стражей мне дозволено описать все события, не подвергаясь особому надзору. И хотя грех жаловаться на то, как со мной здесь обращаются, все во мне протестует против этой несвободы. После всего пережитого я точно так же протестовал бы против заточения в любой тюрьме, где бы то ни было в Шотландии... где бы то ни было на Британских островах.

Прежде чем начинать рассказ, я хотел бы уточнить следующее: поскольку официально меня ни в чем не обвиняют, я делаю данное заявление по собственной воле, прекрасно осознавая, что от этого моя ситуация может только ухудшиться. Остается лишь надеяться, что из этого отчета станет ясно: у меня не было иного выбора, кроме как сделать то, о чем я сейчас расскажу.

Пусть прочитавший станет мне судьей. Мое душевное здоровье, — если я все еще не сошел с ума, — и самое мое существование зависят от этого.

Письмо от адвокатов моего дядюшки настигло меня в Нью-Йорке. Отправленный с адреса на Королевской Миле — широкой мощеной улице, карабкающейся вверх по крутому холму к эспланаде Эдинбургского замка, — большой коричневый конверт нес на себе бюрократическое клеймо официальности. Неудивительно, что при одном его виде я приготовился к худшему.

Не могу сказать, чтобы я поддерживал близкие отношения с дядей Гэвином в последние годы (мать увезла меня из Шотландии еще ребенком, после смерти отца), но я прекрасно его помнил. Если уж на то пошло, его я помню даже лучше, чем собственного родителя. В то время как Эндрю Мак-Гилкрист всегда был сухим и замкнутым человеком, дядя Гэвин являл ему полную противоположность — добрый, отзывчивый, щедрый до такой степени, что совершенно меня избаловал.

И вот сейчас в письме говорилось, что он мертв, а я назначен его единственным наследником. В конверте была расписка, дающая право на билет до Эдинбурга из любой точки земного шара. Содержание письма подтверждало мое право воспользоваться этой распиской. Только глупец смог бы отказаться от такого наследства или хотя бы не заинтересоваться сопутствующими — правда, в письме не изложенными — условиями.

Наведавшись в контору «Мак-Дональд, Асквит и Ли» в Эдинбурге, я уже выполнил бы одно из условий завещания и стал бы шаг ближе к обладанию солидным капиталом покойного дядюшки, его поместьем площадью более трехсот акров и особняком, стоящим в гордом одиночестве у подножия скалистых холмов в нескольких часах езды от Эдинбурга. Но от Нью-Йорка до всего этого, как до Марса...

За три месяца до описываемых событий, в середине марта 1976 года, я проживал в Филадельфии, в доме, в котором меня вырастила мать. Моя невеста после двух лет помолвки вернула мне кольцо и сбежала с банкиром из Балтимора. Книга, над которой я тогда работал, из легкомысленной любовной истории превратилась в полную трагичных событий драму. История потеряла всякий смысл и какую-либо связность где-то в середине этой метаморфозы, а сам опус окончил существование в мусорной корзине. Хорошенько все взвесив, я решился — продал дом и переехал в Нью-Йорк к другу-художнику, любезно предложившему мне свой кров, пока я не подыщу нормальное жилье.

Покидая Филадельфию, я не оставил обратного адреса, что значительно задержало доставку письма от дядиных адвокатов. Конверт был помечен двадцать шестым марта, и, судя по немалому количеству марок, штампов и переадресаций, американской почтовой службе пришлось изрядно потрудиться, чтобы меня найти. Письмо застало меня в те минуты жизни, когда я сам и мой друг, художник Карл Эрлман, переживали не самые лучшие времена. Я ничего не писал, Карл не занимался живописью, и, несмотря на долгожданный приход лета, мы оба находились в подавленном состоянии духа.

Именно поэтому я сразу же ухватился за возможность, что подвернулась столь своевременно, хоть и по причине не самых радостных обстоятельств. Как я уже сказал, нужно быть идиотом, чтобы упустить такой шанс или ответить отказом... По крайней мере так мне-казалось тогда.

Я предложил Карлу составить мне компанию в поездке, несказанно его тем обрадовав. С деньгами у него было туго — и с каждым днем становилось все хуже. На горизонте вырисовывалась перспектива выселения из квартиры, скоро уже пришлось бы искать что-то более соответствующее его весьма скромным доходам. Плюс ко всему Карл нуждался в перемене обстановки, дабы набраться вдохновения для работы над новыми полотнами. Мы быстро все согласовали, упаковали чемоданы и вылетели в Эдинбург.

Только к самому концу путешествия, когда мы уже поселились в отеле на Принцесс-стрит, я вспомнил предсмертные наставления матери. Отходя в мир иной, она настоятельно просила меня никогда больше не возвращаться в Шотландию, а если мне и доведется побывать там снова, ни в коем случае не переступать порог старого фамильного особняка. Я тщетно пытался привыкнуть к смене часового пояса и уснуть, поскольку был поздний вечер, а мой организм стремился доказать мне обратное. Так и не побежденный дремотой, я

предался воспоминаниям о Шотландии, пытаюсь воскресить в памяти все, что помнил о своих корнях, о семье Мак-Гилкристов и о том особняке, в котором родился, а сейчас унаследовал от дяди. Ввиду странной не многословности и сдержанности господ Мак-Дональда, Асквита и Ли, шотландских адвокатов, эти воспоминания оказались крайне полезны.

Кстати о немногословности... я бы даже сказал, о недосказанности. Признаюсь честно, их письмо крайне меня насторожило. У меня возникло ощущение, что они предпочли бы вообще *не находить* меня. Если б меня спросили, откуда взялся такой вывод, я вряд ли сумел бы дать внятный ответ. Своеобразная формулировка фраз, использование сухих, узкопрофессиональных клише — ни о сочувствии, ни о каких-либо других эмоциях речи здесь не шло. Я вновь ощутил себя маленьким мальчиком, которому предложили конфету и тут же прочитали лекцию о вреде сладкого. Господа Мак-Дональд, Асквит и Ли скорее всего *догадывались*, что я приму условия дяди — вернее, они догадывались, *что* это были за условия. Почтенные юристы словно бы протягивали сигару заядлому курильщику, страдающему раком легких...

Вот какие мысли проносились у меня в голове; мне представлялось, что условия завещания и есть ключ к разгадке недосказанности, не дававшей мне покоя. В письме эти условия не излагались. Правда, там говорилось, что если по какой-либо причине я не смогу или не пожелаю принять их, то в любом случае получу пятнадцать тысяч фунтов и чек на обратный билет; оставшееся состояние дяди будет потрачено на исполнение его воли относительно «недвижимой собственности под названием „Темпл-Хаус“».

Темпл-Хаус — старая фамильная резиденция Мак-Гилкристов, расположенная в кольце гор Пентланд-Хиллз, служивших серо-зеленым фоном ее хмурому остроконечному лику — в чем-то готическому, в чем-то скорее ренессансному, окруженному аурой древности. Как я ребенком любил этот лик! Но тогда это был мой дом. С тех пор минуло почти двадцать лет. В этом месте, полном радости и счастья, нашел кончину мой отец... событие, которое почему-то не отложилось в моей памяти.

Зато мне врезался в память пруд — глубокая темная заводь рядом с высокой восточной стеной парка, обрамленная старыми полуразвалившимися колоннами, оставшимися, судя по всему, от древнего храма, который и дал название особняку.¹ Нередко мне казалось, что мать ненавидела поместье прежде всего из-за пруда. Никто из Мак-Гилкристов не умел хорошо плавать, но, несмотря на это, вода неизменно притягивала и завораживала их. Я вполне мог пополнить длинную вереницу представителей нашего рода, найденных лицом вниз посреди жутковатого, окруженного колоннадой пруда, густо заросшего водорослями. В детстве я мог часами просиживать на стене, глядя на рябь на поверхности воды.

Мысли в моей голове сменяли одна другую, пока я ворочался в кровати в гостиничном номере, перебирая воспоминания. Так как спать мы с Карлом легли далеко за полночь и встали тоже довольно поздно, то в адвокатскую контору Мак-Дональда, Асквита и Ли, что на Королевской Миле, я явился только к двум часам.

II. Завещание

Поскольку Карл не поленился забраться на эспланаду — ему не терпелось полюбоваться открывавшимся оттуда видом, — то я оказался в одиночестве, когда, миновав двери адвокатской конторы, оказался наконец в темноватом прохладном вестибюле, характерном для Старого Света. И хотя странное письмо вышло из недр этого учреждения, я невольно проникся его старомодным шармом. Клерк отвел меня во внутреннюю комнату, которая была столь же далека от моих представлений об адвокатском кабинете, как Эдинбург от Нью-Йорка. Здесь меня представили одному из господ адвокатов, а именно мистеру Асквиту, и предложили присесть.

Асквит оказался худощавым джентльменом с высоким лбом, залысинами и

¹ Темпл (Temple) — храм (англ.).

веснушчатый лицом, которое резко контрастировало с его далеко не юным возрастом. Рукопожатие его было сухим и крепким. Пока он занимался документами, я улучил минуту, чтобы получше рассмотреть его просторный и вместе с тем на редкость захламленный кабинет — полки, шкафы и шкафчики, а также три небольших письменных стола. И хотя это место производило впечатление редкостного беспорядка, мистер Асквит удивительно быстро отыскал нужные бумаги и уселся напротив меня за письменный стол. В тот день из троих партнеров-адвокатов присутствовал он один, я же был его единственный клиент.

— Итак, мистер Мак-Гилкрест, — начал он, — как видите, нам все-таки удалось вас разыскать. Ничуть не сомневаюсь, что вы мучаетесь догадками и, возможно, даже подозреваете здесь наличие какой-то тайны. Что ж, по-своему вы правы, причем вопрос этот мучает не только вас, но и меня с партнерами.

— Боюсь, не совсем понимаю вас, — ответил я, вглядываясь в его лицо.

— Ничего удивительного, — произнес Асквит. — Думаю, эта бумага слегка прояснит дело. Это копия завещания вашего дядюшки. Он, как видите, был не любитель сорить словами, отсюда и тайна. Куда более основательный документ, который содержит в себе более весомые намеки, вы еще получите в свои руки.

Я, Гэвин Мак-Гилкрест (так начиналось завещание) из Темпл-Хауса, сим отзываю все завещания, все добавления к оным и все дополнительные распоряжения, ранее сделанные мной, и назначаю моего племянника, Джона Хэмиша Мак-Гилкреста, проживающего в Филадельфии, Соединенные Штаты Америки, быть исполнителем моей последней воли и приложить должные усилия, чтобы все мои долги, равно как расходы по составлению завещания и похоронам, были уплачены после моей смерти по возможности в самые кратчайшие сроки.

Настоящим даю и завещаю вышеупомянутому Джону Хэмишу Мак-Гилкресту всю находящуюся в моем владении собственность, все мои земли и недвижимое имущество, расположенное на этих землях, с единственным условием: он будет единственным, кто вскрыет и прочтет письменные распоряжения, которые вместе с данным завещанием переданы в руки адвокатов, после чего он, будучи уже владельцем собственности, уничтожит Темпл-Хаус до последнего камня в трехмесячный срок со дня принятия такового условия. В случае, если он откажется выполнить это распоряжение, то мои душеприказчики, господа Мак-Дональд, Асквит и Ли, чья контора расположена в Эдинбурге, станут единственными распорядителями моего имущества и в дальнейшем будут следовать букве распоряжений, приложенных к данному завещанию.

Завещание было датировано и подписано рукой моего дядюшки.

Я прочитал бумагу вторично и, подняв глаза, поймал на себе пристальный взгляд мистера Асквита.

— Ну как, — произнес он, — разве я был не прав, говоря, что здесь замешана какая-то тайна? Не менее загадочная, чем его смерть...

Заметив, как изменилось выражение моего лица, как собрался складками лоб, а с губ едва не сорвался вопрос, мистер Асквит в виноватом жесте поднял ладони.

— Извините меня, — сказал он, — Я, право, поступил опрометчиво, ведь вам, как я понимаю, ничего не известно об обстоятельствах смерти вашего дядюшки. Думаю, стоит вам все объяснить.

— Еще год назад, — начал он свой рассказ, — ваш дядюшка был цветущим мужчиной с завидным здоровьем. Прекрасно финансово обеспеченный, он ни в чем не нуждался. В течение вот уже ряда лет он собирал факты для работы над книгой. Ага, вижу, вы удивлены! А зря. Ведь ваш прадед в свое время написал «Заметки о Несси: секреты озера Лох-Несс», а в начале века ваша бабка — правда, под псевдонимом — опубликовала ряд любовных романов, которые пользовались немалым успехом. Насколько мне известно, вашему перу также принадлежит несколько произведений того же жанра. Похоже, — он улыбнулся и кивнул, — страсть к сочинительству у вас в крови.

Как и ваш прадед, Гэвин Мак-Гилкрист не питал особой склонности к романтике. Он был исследователь до мозга костей и терпеть не мог неразгаданных тайн. В общем, он постоянно обитал у себя в Темпл-Хаусе — обеспеченный холостяк, которому не было нужды зарабатывать на хлеб насущный. Зато в его распоряжении имелась масса свободного времени и удивительное генеалогическое древо, а также великая тайна, которую он желал разгадать.

— Генеалогическое древо? — удивился я. — Дядя изучал биографии членов какой-то семьи? Но какой семьи?.. — Я осекся и недоговорил.

Асквит улыбнулся.

— Вы все верно угадали, — произнес он. — Да, он задумал написать книгу о роде Мак-Гилкристов, причем особое место в ней отводилось семейному проклятию...

От его улыбки тотчас не осталось и следа.

Мне показалось, будто моей щеки коснулось холодное дуновение сквозняка.

— Проклятию? Вы хотите сказать, на нашей семье лежит проклятие?

Адвокат кивнул.

— О да! Разумеется, не в классическом смысле, нет-нет. Тем не менее ваш дядюшка считал именно так. Возможно, что вначале он не думал об этом серьезно, но ближе к концу...

— Полагаю, мне понятно, к чему вы клоните, — проговорил я. — Теперь я припоминаю: смерть от удара, утопления, тромбоза... Моя мать перечисляла эти напасти, когда сама была на смертном одре. «Проклятие Мак-Гилкристов, — сказала она, — проклятие старого дома».

И снова кивок.

— В общем, ваш дядюшка был занят поисками свидетельств уже много лет — смею полагать, что с момента смерти вашего отца. Он искал их, где только мог, — в архивах, исторических анналах, разного рода хрониках, церковных записях, военных музеях и так далее. Чтобы найти тот или иной документ, он даже обращался за помощью к нам. Наша контора была основана сто шестьдесят лет тому назад, и представители вашего семейства не раз оказывались нашими клиентами.

Как я уже сказал, еще примерно год назад ваш дядюшка был жив и здоров; таких здоровяков, как он, встретишь нечасто. Затем он отправился в странствия по разным странам — по Венгрии, Румынии, туда, где испокон веков водилось немало преданий и легенд. Оттуда он привез множество книг. Увы, по возвращении его трудно было узнать, он вернулся совершенно другим человеком. Буквально за считанные недели он превратился в бледную тень самого себя. Наконец, девять недель назад, 22 марта, он передал нам текст этого завещания и дополнительный набор инструкций и распоряжений на тот случай, если мы не сумеем вас разыскать, а также запечатанный конверт, о котором вы только что прочитали. Подождите немного, и я отдам его вам. Спустя два дня, когда его слуга вернулся в Темпл-Хаус после короткого отпуска...

— ...он нашел моего дядюшку мертвым, — закончил я. — Понятно. А что за странные обстоятельства?

— Человеку его лет умереть от сердечного приступа? — Асквит покачал головой. — Ведь он был далеко не старик, к тому же любил проводить время на свежем воздухе. А что вы скажете про ружье, полностью разряженное, про отстрелянные гильзы, что валялись на крыльце прямо у его ног? В кого он стрелял — в глухой полночный час? А выражение его лица — оно было просто кошмарным!

— Вы его видели?

— О да, так предписывали приложенные к завещанию инструкции. Я должен был его увидеть, причем обязательно с мистером Ли. И, разумеется, врачом, который пришел к выводу, что это мог быть только сердечный приступ и ничто другое. За этим последовало вскрытие. Как опять-таки велели вышеупомянутые инструкции.

— И что оно показало?

— Думаю, ваш дядя требовал вскрытия, чтобы мы все убедились — он находился в добром здравии.

— Значит, никакого сердечного приступа не было?

— Нет, — покачал головой адвокат, — никакого. И тем не менее он умер. А еще это жуткое выражение его лица, мистер Мак-Гилкрист, — испуганные, широко открытые глаза, словно он умолял о пощаде...

III. Дом

Спустя полчаса я вышел от мистера Асквита, проследовал через вестибюль и вышел на раскаленную солнцем мостовую, что вела к огромному серому замку. По дороге я вскрыл конверт, оставленный для меня дядюшкой, и быстро пробежал глазами его содержимое. Однако в мои планы входило при первой же удобной возможности основательно его проштудировать.

Я предложил и мистеру Асквиту ознакомиться с бумагами в конверте, однако адвокат даже слушать меня не стал. Какой выразился, это было дело приватное, предназначенное исключительно для моих глаз. Затем он поинтересовался, каковы мои дальнейшие планы. Я ответил, что намерен отправиться в Темпл-Хаус и на время поселиться под его сводами. Тогда Асквит вынул ключи и, заверив меня, что интерес их фирмы к моей судьбе неподделен и я могу рассчитывать на полную конфиденциальность, а при необходимости — и на помощь с их стороны, распрощался со мной.

Когда я разыскал Карла Эрдмана, он стоял, опершись на парапет эспланады, и любовался городом. Прямо под ним резко вниз на добрую сотню футов уходила скала, на которой возвышался замок, а где-то внизу извивалась дорога, постепенно переходившая в лабиринт городских улочек. Я дотронулся до плеча художника, и он вздрогнул.

— Ах, это ты, Джон! Я тут слегка замечтался. Просто потрясающий вид! У меня в голове родилась не одна дюжина набросков. Просто великолепно! — воскликнул он, но, заметив выражение моего лица, нахмурился. — Что-то не так? У тебя очень озабоченный вид.

Мы зашагали вниз по эспланаде, и по пути я рассказал другу о визите в адвокатскую контору, разговоре с Асквитом и его странных откровениях. Когда мы поймали такси и поехали к пункту проката автомобилей, я сумел до известной степени ввести его в курс дела. Оставалось только взять напрокат машину и отправиться в Темпл-Хаус.

Мы не спеша покатали на нашем «рейнджровере» в юго-западном направлении от Эдинбурга и примерно через три четверти часа свернули с главной дороги на узкую полосу дорожного полотна, которая ровной стрелой уходила к высящимся на горизонте горам. Голые и величественные, их серые вершины вздымались над поросшими чахлым кустарником сланцевыми осыпями, отбрасывая темные тени на более низкие холмы, поля и речушки. Как, впрочем, и на наш автомобиль, который по мере приближения к горам словно уменьшался в размерах.

Я отслеживая маршрут по карте, которую купил на заправке, поскольку местность эта была для меня совершенно неизведанной. Из Шотландии я уехал пятилетним ребенком, а до того меня отгородили от мира преувеличенные страхи моей матери, практически не выпускавшей меня из-под надзора. Мне с самого начала внушили, что уходить далеко от дома строжайше запрещено.

Темпл-Хаус... И вновь это имя пробудило в моем сознании странные фантомы, разворошило смутные воспоминания, которые, как мне казалось, давно уже сгинули.

Тем временем дорога стала еще уже и, сделав резкий поворот вправо, обогнула скалистый выступ. За ним местность уходила вверх, образуя невысокую грядку, и карта подсказала мне, что ущелье, которое охраняло подъезд к старому дому, располагалось на дальнем конце этого возвышения. Теперь я точно знал: стоит нам выехать на вершину гряды, как моему взгляду предстанет Темпл-Хаус. Колеса «рейнджровера» впились в щебенку дороги, и у меня перехватило дыхание.

— Вот он! — Карл даже ахнул, едва заведя вдалеке очертания дубовых крыш и показавшиеся вслед за ними серые каменные стены поместья. Вскоре перед нами во всей красе предстал фасад здания. Спускаясь по пологой дороге, что извивалась параллельно ручью, мы получили великолепную возможность полностью рассмотреть особняк, наполовину скрытый тенью гор. Этот странный дом высился в тиши ущелья, над которым не пролетали даже птицы, где лаже кролики не пробегали в высокой густой траве.

— Вот это да! — возбужденно воскликнул Карл. — И твой дядя хотел, чтобы эта красотища была разрушена? Какого черта? Это поместье прекрасно — и к тому же наверняка стоит целое состояние!

— Не думаю, — покачал я головой. — Это только снаружи дом производит такое впечатление. Погоди, вот окажемся внутри, я посмотрю, что ты скажешь. Двадцать лет назад фундамент был подтоплен водой. Сколько себя помню, в подвале всегда стояла лужа пятнадцать сантиметров глубиной, а на стенах царствовала плесень. Одному богу известно, что там творится сейчас!

— Он выглядит таким, каким ты его запомнил? — спросил Карл.

— Не совсем. — Я задумчиво покачал головой. — В детских воспоминаниях все немного иначе.

Например, пруд казался совсем другим. Уровень воды в нем сильно упал, отчего заросшая зеленой тиной и травой стена плотины казалась еще выше. К слову сказать, я совершенно забыл о плотине, без которой пруда вообще бы не существовало — или в лучшем случае это была бы просто большая лужа с камешками на дне, а отнюдь не маленькое озеро, как сейчас. В первый раз я задумался о том, что пруд создан людьми, а не природой, как мне казалось раньше. Таким образом, Темпл-Хаус был построен над плотиной в том месте, где она соприкасалась со склоном ущелья.

Не сбрасывая скорости, Карл на полном ходу покати́л вверх по пандусу, который служил подъездной дорогой к дому, и мгновение спустя мы остановились возле крыльца. Мы вылезли из машины и через арочный вход прошествовали в дом. Громко — я бы даже сказал, непочтительно — стуча каблуками, Карл тотчас побежал исследовать большие прохладные комнаты, коридоры с темными винтовыми лестницами и огромными шкафами. Я же стоял, переполненный противоречивыми чувствами, наслаждаясь атмосферой старого дома, дома моего детства, и голос Карла, достигая моего слуха, едва проникал в мое сознание.

— Вот оно! — кричал он откуда-то. — Как раз то, что мне нужно! Здесь будет моя мастерская, и точка! Иди сюда, посмотри, Джон! Посмотри, как через окна в комнату льется свет. Ты был прав насчет сырости, я и сам ее чувствую, но в остальном это место идеально!

Я обнаружил моего друга в комнате, которая некогда служила гостиной. Карл стоял в облаке золотистой пыли: это солнечные лучи, проникавшие в комнату сквозь высокие, в тяжелых рамах окна, пронизывали взметнувшиеся в воздух пылинки.

— Первым делом тебе придется провести здесь генеральную уборку, — посоветовал я.

— Безусловно, — согласился он. — Но сначала надо сделать еще кучу дел. Кстати, не знаешь, где тут у вас рубильник?

— Что? Рубильник?

— Ну да, чтобы включить электричество, — нетерпеливо пояснил Карл. — На кухне, надеюсь, имеется холодильник?

— Холодильник? — снова переспросил я. — Ну да. Должен быть. Знаешь, ты пока походи тут, осмотришься — в общем, делай что хочешь. А я один поброжу по дому, постараюсь воскресить старые воспоминания.

В течение следующих нескольких часов — пока я в буквальном смысле «водил носом», заново знакомясь с домом, — Карл успел переделать кучу дел: занялся кроватью в своих «апартаментах», потом обнаружил рубильник и включил электричество, исследовал холодильник и с удовлетворением отметил, что тот в рабочем состоянии. Наконец, он разыскал меня на втором этаже, в кабинете с панелями из красного дерева, и сообщил, что намеревается «слетать» в Пенникьюик за провизией.

Из окна кабинета я следил, как он отъезжает от дома, пока облако пыли, вздымавшееся из-под колес его автомобиля, не скрылось за расположенной к югу горной грядой. Лишь после этого я сбросил с себя оцепенение и тоже взялся за дело. А сделать предстояло немало — что-то ради меня самого, что-то ради дядюшки, и чем скорее, тем лучше. Время вроде бы не поджимало: на то, чтобы исполнить — или не исполнить — последнюю волю Гэвина Мак-Гилкриста, у меня оставалось еще три месяца. И все же... меня не отпускало такое чувство, что нужно поторопиться.

В общем, тени уже сгущались, поэтому я включил свет, вытащил конверт, оставленный мне дядюшкой — тот самый, чье содержимое, письмо и блокнот, предназначалось только для моих глаз, — сел за массивный письменный стол, которым пользовалось не одно поколение моих предков, и погрузился в чтение...

IV. Проклятие

Мои дорогой племянник, — начиналось письмо, написанное неровным дядюшкиным почерком, — так много мне хочется поведать тебе, и так мало времени отпущено на рассказ... Сколько лет минуло с тех пор, как я в последний раз видел тебя!

Когда ты только-только покинул Шотландию вместе с матерью, я мог бы послать тебе весточку через нее, не запрети она мне это делать. В начале семидесятых годов мне стало известно, что ее больше нет в живых, и теперь даже мои соболезнования опоздали бы как минимум на полгода. Что ж, спешу выразить их сейчас. Твоя мать была замечательной женщиной и, разумеется, была совершенно права, когда увезла тебя отсюда. Если я прав в своих подозрениях, женская интуиция подсказала ей о приближении того, чего никто другой даже не смел предположить, и...

Ну вот, я опять отвлекся от главной темы. А все потому, что столько нужно тебе сказать... И вот ведь беда, я даже не знаю, с чего начать. Думаю, сама суть проблемы уже обозначена — коль ты читаешь эти строки, значит, меня уже нет на этом свете. Вот только где я? Как тебе объяснить?

Пойми, этого я тебе сказать не могу... все равно ты не поверишь. А вот мне самому поверить пришлось. Так что тебе придется удовлетвориться лишь главными фактами. До остального ты докопаешься сам. В старой библиотеке есть книги, которые наведут тебя на нужные мысли, только наберись терпения. А если отбросить в сторону так называемый здравый смысл, все законы науки и логики, все то, чему жизнь научила тебя в отношении истины и красоты, то...

Четыреста лет назад мы, шотландцы, не были расой упрямых скептиков. В те времена в наших краях сжигали на кострах ведьм. А заподозри наши предки то, что в конце концов заподозрил я в нашем родном Темпл-Хаусе и на земле, на которой он построен...

Твоя мать, возможно, ничего не говорила тебе о проклятии Мак-Гилкристов. Но она в него верила, тут у меня нет ни малейших сомнений. Иное дело, что она избегаю говорить о нем вслух, боясь накликать беду... А бедняжка явно не хотела, чтобы оно обрушилось тебе на голову. Что ж, возможно, она была права: пускай моя собственная смерть и будет казаться совершенно естественной, я сам ее на себя накликал.

А как обстоят дела у тебя, племянник?

У тебя в запасе три месяца. Это больше, чем хотелось бы, и я не могу тебе ничего гарантировать. Ибо даже три месяца могут обернуться непозволительно долгим сроком... но будем уповать на лучшее. Разумеется, ты имеешь полное право, если таково будет твое желание, покончить со всем этим раз и навсегда, ничего не читая. В моем кабинете, в нижнем правом ящике стола, ты найдешь необходимое количество взрывчатки, чтобы снести не только стену ущелья, но и сам дом заодно с плотиной, тем самым поставив точку на всей этой истории.

Но, насколько мне помнится, у тебя всегда был пытливый ум. Если оке ты

заглянешь туда, куда заглянул я, и прочтешь то, что прочел я... тебе станет известно то, что стало известно мне. Ты поймешь — это не старческий маразм и не помешательство, нет; это разум привел меня к неизбежному выводу: наша фамильная резиденция, наш дорогой Темпл-Хаус несет на себе проклятие... Жуткое проклятие.

Разумеется, мне ничто не мешало бежать отсюда. Сомневаюсь, правда, что это спасло бы меня. Даже если бы и спасло, все равно самый главный вопрос остался бы без ответа, а тайна — неразгаданной. К тому же твой отец — это ведь и мой горячо любимый брат, а я хорошо помню выражение его мертвого лица. Уже одно это — веская причина, чтобы докопаться до истины, хотя бы сделать попытку. Я надеялся узнать всю правду и уничтожить зло, но теперь...

Я никогда не был религиозным человеком, мой дорогой племянник, так что признаваться в этом нелегко: хотя твоего отца вот уже двадцать лет как нет в живых, меня постоянно посещают сомнения, упокоилась ли с миром его душа. И какое выражение будет на моем собственном лице, когда все это так или иначе окончится? Спроси у них, дорогой племянник, спроси у тех, кто нашел меня, как я выглядел...

А теперь запомни, какие действия ты должен предпринять: ты волен поступить, как сочтешь нужным — главное, помни, что на тебе лежит ответственность уничтожить древнюю обитель зла, известную как Темпл-Хаус. В горах и пустынях, в океанских глубинах таится много неведомого нам — того, чего не должно бы существовать в разумной и упорядоченной вселенной. Но страшнее всего, что остатки этого давнего ужаса поселились даже среди людей. Одно из таких воплощений зла нашло себе приют в наших горах, и вскоре я встречу с ним лицом к лицу. Если все будет хорошо... Однако в этом случае ты не читал бы сейчас это письмо.

Так что остальное — за тобой, Джон Хэмиш. И если, как утверждают, человек и впрямь наделен бессмертной душой, то свою я вручаю в твои руки. Сделай то, что должно быть сделано, а если ты человек верующий, то помолись за меня...

Любящий тебя дядя,
Гэвин Мак-Гилкрист

Я прочел письмо во второй раз, затем в третий. Тени в кабинете постепенно удлинялись, и вскоре в самые дальние уголки уже не проникал электрический свет. В конце концов я переключил внимание на тетрадь — тонкую, разлинованную, в картонной обложке; такие продаются в любой писчебумажной лавке. Страницы были исписаны, вернее, исчерканы какими-то бессвязными на первый взгляд каракулями, сокращениями, заметками о... О чем? О черной магии? О колдовстве? О сверхъестественном? Ведь что такое проклятие, как не проявление сверхъестественного?

Дядюшка упомянул какую-то загадку, проклятие Мак-Гилкристов — тайну, которую он сумел проследить едва ли не до самого конца. И здесь были собраны все указатели, все подсказки, все ключи, какие он только сумел раздобыть за годы поисков. Я смотрел на огромные книжные шкафы, выстроившиеся вдоль стен кабинета, на кожаные переплеты, тускло поблескивающие в неярком вечернем свете. Асквит упоминал, что дядюшка привез из дальних странствий изрядное количество книг...

Я поднялся с места и мгновенно ощутил головокружение. Пришлось ухватиться за стол. Похоже, сказала затхлость, царившая в пустом доме, спертый воздух давно не проветриваемого помещения, исходивший от старых книг запах пыли... Книги... ах да! На нетвердых ногах я подошел к ближайшему шкафу и пробежал пальцами по корешкам, ветхим и выцветшим. Их заглавия пробудили во мне смутные воспоминания — может, в детстве я уже держал эти фолианты в руках? Но попадались среди них и такие, что совершенно не вязались с этим домом. Для этого не требовалось даже переворачивать страницы, хватало одного взгляда на их названия. По всей видимости, это и были тома, которые дядюшка привез из-за границы. Я нахмурился, пытаюсь вникнуть в их более чем странные заглавия.

Здесь хранились такие сочинения, как немецкая книжка «Unter Zee Kulten», французское издание опуса Фири «Комментарии к „Некрономикону“», «Обитатели Глубин» Гастона Ле Фе, а в черном переплете с железными застёжками — «Хтаат Аквадинген», чье режущее слух название наводило на мысль о его смешанном, немецко-латинском происхождении. Разглядел я и «Hydrophinnae» Гэнтли, и «Liber Miraculorem» монаха и священника Эрве Клервосского. Сделанная готическим шрифтом надпись на одном из томов утверждала, что передо мной сочинение Принна «De Vermis Mysteriis», а стоявший рядом том оказался не чем иным, как омерзительным опусом фон Юнцта «Unaussprechlichen Kulten». Этот и ему подобные заголовки сами собой бросались в глаза, пока я, словно под гипнозом, переходил от шкафа к шкафу, от полки к полке.

Какая связь могла существовать между этими древними экзотическими томами, в которых содержались кошмары давно прошедших веков, и таким разумными, такими трезвомыслящими джентльменами, каким был Гэвин Мак-Гилкрист и его предки, ученые и военные? Существовал лишь один-единственный способ это выяснить. Я наугад взял в руки увесистый том — им оказался «Хтаат Аквадинген» — и вернулся за стол. Тем временем день клонился к вечеру, и горы уже отбрасывали длинные тени. Еще час — и наступят сумерки, а спустя еще полчаса совсем стемнеет.

Ночью же здесь нас будет лишь двое — Карл и я. А еще этот старый дом. И словно в ответ на неозвученные мысли, далеко внизу, под резко очерченным силуэтом особняка, мой взгляд привлек тусклый отблеск воды.

Карл и я, старый дом...

И глубокий черный пруд.

V. Музыка

Когда наконец вернулся Карл, уже почти стемнело, зато за время его отсутствия я сумел разгадать систему ссылок, которой пользовался дядя. Впрочем, это было элементарно. Например, пометка ChA 121/7 попросту означала некий предмет его интереса в седьмом абзаце на странице 121 опуса «Хтаат Аквадинген». В самой же книге он самым тщательнейшим образом пометил все интересующие его места. Всего в его тетради я обнаружил более десятка ссылок на сей труд и по мере того, как ночь вступала в свои права, исследовал их все до единой.

Большинство отрывков показались мне полной бессмыслицей, ибо написаны они были на непонятных мне языках. Однако некоторые оказались на древнеанглийском, который я смог разобрать относительно легко. В одном месте приводилось нечто вроде заклинания. Рядом на полях стоял краткий комментарий, сделанный рукой моего дядюшки. В этом отрывке, который я запомнил почти наизусть, говорилось примерно следующее:

Восстань! О, Безымянные:
Кои в предреченный Тобою срок.
Тобою одним выбранный.
Чрез Заклятья Твои и Чародейство Твое
Чрез Сны и Колдовство
Да узнают о Твоем Пришествии;
И поспешат восславить Тебя,
Ибо любят своих повелителей,
Отпрысков Ктулху.

В приписке дядюшка размышлял: «Интересно, как именно они призывали Его? Или действовала только кровавая приманка? И что способно вызвать Его сейчас? И когда Оно придет в следующий раз?»

Пока я сличал сделанные дядюшкой ссылки с текстом, до меня стало постепенно доходить, о чем, собственно, эта книга. Немного поразмыслив над ее заглавием, я пришел к

выводу, что моя догадка верна. Правда, слово «Хтаат» ровным счетом ничего мне не говорило, если только оно каким-то образом не было связано с языком древнего племени хтатанов. Зато слово «Аквадинген» звучало уже не столь экзотично. Насколько я мог судить, оно означало «водные существа», а вместе эти два слова — «Хтаат Аквадинген» — означали не что иное, как собрание мифов и легенд, в которых речь шла о духах вод, нимфах, наядах, разного рода водяных и прочих сверхъестественных существах, якобы обитающих в озерах и морях. В книге также приводились заклинания, с помощью которых можно было «вызвать» из воды всю эту нечисть.

Когда я пришел к такому выводу, вернулся Карл. Он поставил автомобиль рядом с крыльцом, и фары отбросили на поверхность пруда полосу яркого света. Сгибаясь под тяжестью покупок, Карл вошел в дом. Я тоже направился в просторную, хоть и несколько старомодную кухню, где застал его за важным занятием — мой друг деловито набивал провизией полки, кухонные шкафы и холодильник. Едва с этим делом было покончено, Карл, сияя улыбкой, осведомился, есть ли в доме радио.

— Радио? — переспросил я. — Я почему-то думал, что тебе в первую очередь требуются тишина и покой. Кстати, с той минуты, как мы сюда приехали, ты производишь шума за десятерых!

— Нет-нет, — возразил он, — ты шумишь не меньше! Вернее, твое радио. Не иначе как ты обнаружил здесь радиоприемник, потому что я слышал музыку!

Карл был высок ростом, голубоглаз, крепкого телосложения — настоящий викинг. В довершение ко всему он обладал типично нордическим характером, то есть страдал перепадами настроения. Спрашивая меня насчет радио, художник смеялся, однако уже в следующее мгновение брови его нахмурились.

— Ты что, Джон, разыгрываешь меня?

— Нет, конечно, у меня и в мыслях такого не было, — заверил я. — Лучше скажи, что за музыку ты слышал?

Лицо его вновь озарилось улыбкой, и он щелкнул пальцами.

— Да это же радио в моем «рейнджровере»! — воскликнул он. — Что же еще это может быть? Не иначе как оно автоматически включилось, и я попал на волну какого-нибудь там Бухареста.

С этими словами он шагнул к выходу.

— Бухареста? — переспросил я.

— Гм, — он на секунду застыл в дверном проеме, — ну да, что-то цыганское. Бубны, пение, скрипки. Танцы вокруг костра. Ладно, пойду поскорее выключу, пока не сел аккумулятор.

— Я не видел в машине никакого приемника, — заметил я, шагая с ним по подъездной дорожке.

Карл просунул руку внутрь, включил внутренний свет и методично обшарил салон. В конце концов, еще раз нажав на кнопку, он с упрямым выражением лица повернулся ко мне. Я в ответ посмотрел на него, вопросительно вскинув брови.

— Ну что, никакого радио?

— Никакого, — покачал он головой, — но я точно слышал музыку.

— Влюбленные, — сказал я.

— Что-что? — не понял он.

— Где-нибудь поблизости расположилась влюбленная парочка. Сидят себе в траве. Чему удивляться! Ты посмотри, какая прекрасная летняя ночь.

И вновь Карл покачал головой:

— Нет, та музыка, которую я слышал, звучала совсем рядом. Такая нежная и отчетливая... Я слышал её, когда подъезжал к особняку. Мне показалось, что она доносится именно оттуда. А ты? Разве ты ничего не слышал?

— Ничего, — ответил я и тоже покачал головой.

— Тогда ну ее к дьяволу! — Карл вновь просиял улыбкой. — Наверно, это у меня

галлюцинации — вот и слышу то, чего нет. Пойдем в дом, пора ужинать.

Карл пошел спать к себе в «студию», я же расположился ко сну наверху, в комнате, соседней с кабинетом. Хотя окна были настежь открыты, ночь выдалась на редкость теплой, даже душной, так что сон не шел ко мне. Думаю, Карл столкнулся с той же неприятностью, поскольку пару раз я слышал, как он вставал и бродил по первому этажу. Наутро мы оба являли собой печальное зрелище — у обоих красные, опухшие от бессонницы глаза. Однако затем художник пригласил меня к себе и продемонстрировал причину своей подозрительной ночной активности.

Там, на импровизированном мольберте, на одном из десятков холстов, которые он привез с собой, Карл начал работать над картиной... если это можно так назвать.

Пока он лишь слегка прошелся кистью по фону — видимо, тот изображал ущелье, в котором стоял Темпл-Хаус, однако самого дома на полотне пока не было и, насколько я мог судить, в намерения художника не входило его изображать. А вот пруд оказался на месте, вместе с окружавшей его колоннадой из кварцита. От колонн исходило сияние.

Между колоннами, подобно дыму, извивались какие-то смутные силуэты, а на переднем плане пылал костер, чье пламя отгонял чуть в сторону налетевший со стороны пруда ветер. Создавалось впечатление, что на незавершенной картине изображен какой-то дикий языческий ритуал. И это было странно, поскольку явно об этом ничего не говорило.

— Ну как? — осторожно поинтересовался Карл. — Что скажешь?

— Я не художник, — отозвался я, что в данных обстоятельствах уже могло сойти за чересчур замысловатый ответ.

— Тебе не нравится? — В голосе моего друга слышалось разочарование.

— Я этого не говорил, — возразил я. — Это что, ночной пейзаж?

Он кивнул.

— А вот эти танцоры, эти едва различимые призраки... Как я полагаю, они танцуют?

— Да, — ответил он, — а еще тут есть музыканты. Звуки бубнов, скрипок...

— А! — воскликнул я. — Вчерашняя музыка!..

Карл вопросительно посмотрел на меня.

— Возможно... В общем, я доволен. По крайней мере ко мне вернулось вдохновение. А как ты сам?

— Ты занимался своим делом, — ответил я. — Я же займусь своим.

— Но чем конкретно?

Я пожал плечами.

— Прежде чем что-то предпринимать, хотелось бы проникнуться местным духом. Но в мои планы не входит задерживаться здесь надолго. Месяц-другой, а потом...

— Потом ты сожжешь этот прекрасный старый дом дотла.

В голосе Карла слышались грустные нотки.

— Но ведь такова воля моего дядюшки, — возразил я. — Я ведь здесь не для того, чтобы писать рассказ. Рассказ, из которого в конечном итоге могла бы получиться целая книга. Но она может подождать. Как бы то ни было, я не намерен предавать дом огню. — Я руками изобразил в воздухе облако-гриб. — Бабах!

В ответ Карл презрительно фыркнул.

— Мистер Мак-Гилкрист, — проворчал он, — боюсь, что вы спятили!

Он произнес эти слова совершенно беззлобно, чего никак нельзя было сказать про мой ответ:

— Возможно, но в отличие от некоторых я не страдаю слуховыми галлюцинациями.

Знай я тогда то, что знаю сейчас, не стал разбрасываться такими фразами...

VI. Водяной

В течение следующей недели моего пребывания в Шотландии я ощутил на себе то, что

принято называть «бичом Британских островов» — то есть начало долгой, невыносимо сухой погоды. Защищенный от ветров горами, Темпл-Хаус не был исключением, ибо на восемьдесят часов в сутки он становился ловушкой для солнечных лучей. Мы с Карлом прохлаждались в одних шортах и футболках, а если учесть, что Карл светлокожий блондин, то нетрудно себе представить, каково ему приходилось. Умей мы плавать, пруд стал бы для нас желанным убежищем. Увы, вместо этого я и Карл лишь часами просиживали на берегу, опустив ноги в холодную горную воду.

К концу первой недели засуха начала сказываться на речушке, питавшей эту заводь. Там, где раньше водный поток обрушивался с отвесной скалы, теперь вниз падали лишь жалкие капли, а естественный сток по обеим сторонам дамбы полностью пересох. Что касается наших собственных потребностей, то водные баки на чердаке дома пока были полны, так как имели независимый источник питания — по всей видимости, какой-то резервуар высоко в горах.

Работали мы с Карлом в прохладе второй половины дня, когда дом оказывался в тени гор. Карл писал свои картины или делал наброски, я же корпел над тетрадью дядюшки либо сидел в библиотеке, полной всяческих эзотерических опусов. Иногда мы совершали прогулки по горам, однако из-за невиданной для этих краев жары вскоре валились с ног от усталости, что еще сильнее подчеркивало уныние, которое постепенно овладевало нами обоими. Мы, разумеется, проклинали жару, хотя в иное время наверняка сочли бы обилие солнца и свежего воздуха даром небес.

К середине второй недели до меня наконец начал доходить истинный смысл фрагментарных заметок, оставленных моим дядюшкой. Иными словами, мне стало гораздо легче следить за ходом его рассуждений, ибо к тому моменту его система приобрела в моем мозгу четкие очертания, и начали открываться первые закономерности.

Судя по всему, таких путеводных нитей было две, и обе уводили в прошлое. Одна имела непосредственное отношение к самим Мак-Гилкристам, другая — к их родовому гнезду, то есть поместью Темпл-Хаус. Ну а поскольку у меня появилось чувство, что еще чуть-чуть, и будет сделано открытие, то я удвоил свои старания и с головой ушел в работу. Мое рвение оказалось заразительным, поскольку Карл начал проводить больше времени за мольбертом.

* * *

Это было вечером в среду. Тени уже выросли, и в воздухе стояла страшная духота. Неожиданно мне стал понятен ход размышлений дядюшки. Судя по всему, он решил, что если народу Мак-Гилкристов действительно лежит проклятие, то корнями оно уходит ко времени, когда возводилось наше родовое гнездо. Чтобы докопаться до истины, дядя Гэвин принялся изучать эпоху, предшествующую строительству дома в этой узкой долине. И обнаруженные им факты оказались, мягко говоря, очень странными.

Похоже, все началось в Англии, в 1594 году, когда туда хлынули беженцы из Европы — члены монашеского ордена, который возник где-то в горах Румынии. Впрочем, ряды его пополнялись за счет людей самых разных верований и оттенков кожи. Среди монахов были китайцы, венгры, арабы и негры, но возглавлял эту пеструю братию румынский священник по имени Хоразос. Что заставило этих людей искать убежища в столь далекой стране, как Англия, осталось загадкой.

Хоразос и некоторые его последователи были частыми гостями при дворе королевы Елизаветы I которая, как известно, питала немалый интерес к астрологии, алхимии и другим «наукам» того же рода. Не без ее помощи заморским «монахам» удалось основать храм где-то «неподалеку от Финчли». Вскоре, однако, курьеры стали приносить из других стран известия о прошлых делишках этой секты, и королева вняла их советам.

Более других Ее Величество прислушивались к мнению доктора Джона Ди, личности также довольно сомнительной. Известно, что Ди сам увлекался оккультными науками, и в 1555 году, в период правления Марии Кровавой, это увлечение едва не стоило ему жизни.

Поначалу Ди попал под влияние Хоразоса и его последователей, однако затем из союзника превратился в непримиримого их противника. По его словам, они были язычники, их женщины — все как одна шлюхи, а так называемые священнодействия — не что иное, как мерзкие оргии. А еще заморские гости привезли с собой «духа-покровителя», у которого имелись собственные потребности. Вскоре люди восстанут против такого соседства, уверял королеву Ди, и того «непотребства», которое сектанты привезли в старую добрую Англию. Так что Ее Величество должны обрубить все связи с мерзкими еретиками, причем немедленно!

Действуя по совету Ди, королева тотчас издала декрет с требованием арестовать и провести дознания Хоразоса и членов его секты. Но, увы, Ее Величество опоздали, потому что те уже спаслись бегством. Их храм в Финчли — украшенный колоннадой павильон вокруг центрального водоема — был разрушен, а сам водоем засыпан землей. Эти события произошли в конце 1595 года.

А в 1596 году сектанты объявились в Шотландии, на сей раз под личиной бродячих целителей. Центром их деятельности стал Эдинбург. В качестве вознаграждения за труды среди бедного люда им был дарован участок земли в горах. Так они обосновались среди неприветливых громад Пентланд-Хиллз. Там, следуя традиции, завезенной в Англию из далеких краев, Хоразос и его последователи построили храм. Правда, на этот раз, чтобы получить водоем, им пришлось соорудить запруду на горном ручье. Эта работа отняла у них несколько лет. Горная долина была их собственностью, и они предпочитали не привлекать к себе излишнего внимания. Все шло прекрасно... какое-то время.

А затем поползли слухи о непристойных языческих ритуалах, о детях, которые, заблудившись в горах, попадали под влияние странной, гипнотической музыки, о жутком чудовище, которое якобы выползало из самой преисподней, дабы присутствовать при ритуальном убийстве, а затем вкушать плоти убиенной жертвы. В общем, рано ли, поздно ли, но правда всплыла наружу. Как ни старался Хоразос скрывать свои мерзкие делишки, у людей уже имелись серьезные подозрения на тот счет, чем, собственно, занимается он и члены его секты. И это в годы правления Якова IV, который не далее как пятью годами ранее обвинил эдинбургских присяжных в «пособничестве заблуждениям», когда те вынесли оправдательный приговор по знаменитому делу ведьм из Норт-Бервика! В данном же случае нужды в действиях властей не возникло, ибо их опередила группа неизвестных лиц — по всей видимости, обитателей соседнего Пенникьюика, где уже пропало несколько детей. Мерзкий орден Хоразоса и его последователей был разгромлен до основания в течение одной ночи; храм превратился в руины. От колонн остались торчать, словно пни, одни основания.

Не было никаких сомнений, что центр культа располагался именно здесь. Предания о нем передавались среди местных жителей из поколения в поколение еще пару столетий. Так что когда в середине восемнадцатого века Мак-Гилкристы построили здесь семейную резиденцию, дом автоматически получил имя «Темпл-Хаус». Звучное название мгновенно пристало к нему... но что еще сохранилось здесь от прошлых веков? И в чем, собственно, заключалось проклятие Мак-Гилкристов?

Я зевнул и потянулся. Был уже восьмой час, и заходящее солнце окрасило гребень гор в бронзовый цвет. Внезапно мое внимание привлекло какое-то движение за окном. Это мой друг направлялся к краю запруды. Он остановился между двумя полуразрушенными колоннами и устремил взгляд в воду. Затем Карл откинул голову назад и сделал глубокий вздох. Выглядел он усталым, но одновременно довольным, и я невольно удивился — с чего бы это?

Я шире открыл окно и выглянул наружу. Воздух был липкий и душный.

— Эй, Карл! — крикнул я. — Ты похож на кота, который добрался до сливок.

Он обернулся и помахал мне рукой.

— Возможно. Все дело в моей картине. Такое чувство, будто мне передался ее ритм. Она еще не закончена... но скоро я ее завершу.

— И как она, хороша? — поинтересовался я.

Карл лишь пожал плечами, но этот его жест скорее означал утверждение, чем равнодушие.

— Ты занят? Спустись вниз и взгляни сам! Я вышел лишь немного проветриться, чтобы потом оценить ее свежим взглядом. Хотелось бы также знать твое мнение.

Когда я спустился вниз, Карл уже вернулся в студию. Поскольку естественное освещение сделалось уже довольно тусклым, он включил электричество и направился к мольберту. Я уже видел картину дня три-четыре назад, когда это был не более чем набросок. Теперь же...

Какой там набросок! Трава на холсте была зеленой, высокой и дикой, она поднималась к серо-фиолетовым вечерним горам, кое-где посеребренным лунным светом. Храм почти сиял, его колонны отбрасывали зловещие отблески. Похожих на признаки танцующих людей я не увидел; их сменили фигуры в долгополых одеяниях — плотные, массивные, со зловещими ухмылками на лицах. Увидев эти лица, я невольно вздрогнул: желтые, белые, черные, они принадлежали самым разным народам. Но куда сильнее ужаснулся я, когда разглядел Нечто, вздымающееся из пруда в окружении мерцающих колонн. По сути, то было лишь размытое, бесформенное пятно — омерзительно серое и чем-то похожее на гриб со щупальцами. Но и этого мне хватило, чтобы понять: подобной твари не место на старой доброй Земле...

— Что это? — спросил я сдавленным от испуга и недоумения голосом.

— Ты о чем? — переспросил Карл и довольно улыбнулся, заметив неподдельное выражение ужаса на моем лице. — Черт побери, я и сам хотел бы знать! Но, по-моему, эта штукавина мне здорово удалась! А как она будет смотреться, когда я закончу картину! Думаю, я назову ее «Водяной».

VII. Лицо

Какое-то время я продолжал стоять, пытаюсь переварить зрелище, отображенное на этом жутком холсте, а тем временем в открытое окно волнами врывается едва ли не тропическая жара. На этой картине было все: и чужестранцы-монахи, и их дьявольская музыка, и храм, поблескивающий в лунном свете; плотина, пруд и горы, такие же, какими я их всегда знал... и Нечто, всплывающее из темного омут. А ещё некое чувство реальности происходящего, хотя я ничего подобного не видел прежде и, возможно, не увижу больше ни на одном полотне.

Моим первым импульсивным желанием, когда первый шок от увиденного прошел, было наброситься на Карла с упреками. Если это шутка, то она в высшей степени омерзительна. Но нет, на его лице читалось недоумение — моя реакция явилась для него полной неожиданностью, чего он был не в силах скрыть.

— Боже! — воскликнул он. — Ну разве она не хороша?

— Это твое чудовище не имеет ничего общего с истинным Богом, — выдавил я из себя охрипшим голосом. И вновь едва сдержался, чтобы не потребовать от моего друга объяснений. Неужели он читал записки дяди Гэвина? Или, быть может, шпионил за мной, пока я проводил свои изыскания? Да, но как Карл сумел повернуть свою затею втайне от меня? Сама мысль об этом казалась мне полным абсурдом.

— Но ведь ты ее чувствуешь, признайся, — сказал он, взяв меня за руку. — Я вижу это по твоему лицу.

— Да-да, чувствую, — пробормотал я. — Это... это очень сильное полотно.

Я не знал, что еще добавить, и задал бессмысленный вопрос, лишь бы чем-то заполнить возникшую паузу:

— Где тебя посетило это видение? Похоже на сон...

— В самую первую ночь здесь, — признался Карл. — Ты прав, это был сон. Отголосок ночного кошмара. Я плохо сплю в последнее время. Наверно, во всем виновата проклятая жара.

— Ты прав, — согласился я. — Жара и вправду невыносимая. Ты и сегодня будешь работать?

Не сводя глаза картины, Карл покачал головой:

— Только не при таком освещении. Не хотелось бы ее испортить. Нет, лучше пойду на боковую. Еще голова что-то разболелась...

— Да ну? — воскликнул я и мысленно похвалил себя за то, что воздержался от поспешных обвинений в его адрес. — Ты, великий викинг, готов сложить оружие перед головной болью?

— Викинг? — нахмурился он. — Ах да, ты ведь уже называл меня так. Моя внешность обманчива. На самом деле мои предки родом из Венгрии, из городка под названием Стрегойкавар.¹ И скажу тебе вот что: ведьм там сожгли даже больше, чем у вас в Шотландии!

В ту ночь я не сомкнул глаз и задремал лишь ближе к утру — вернее, меня сморило прямо за письменным столом, при неярком свете настольной лампы. А до этого, подгоняемый чувством, что близится нечто неизбежное, я погрузился в старые книги и документы, собранные моим дядюшкой, медленно, но неуклонно составляя в единое целое фрагменты огромной разрезной головоломки, которые тот собрал за долгие годы.

Теперь работа продвигалась с куда большим трудом. Дядюшкины заметки стали полны туманных намеков, почерк — едва читаем. Утешало одно: собранный им материал был мне уже неплохо знаком. В частности, я принялся изучать длинную генеалогию моих предков, обитавших в Темпл-Хаусе с момента строительства дома двести сорок лет тому назад. И пока я работал, глаза, вопреки моей воле, то и дело возвращались к темному пруду в окружении полуразрушенных колонн. В лунном свете их руины отливали серебром — в точности как на картине Карла. Неудивительно, что мысли мои вернулись к моему другу.

Сейчас он уже крепко спал. Однако я никак не мог выбросить из головы новой загадки. Карл Эрлман... В звучании его имени явно было что-то венгерское. Или, по крайней мере немецкое. Интересно, а как звучала его фамилия изначально? Эрлихман? Арлман? Да и само имя наверняка писалось на немецкий манер.

Значит, его семья родом из Стрегойкавара. Это название было мне знакомо. Помнится, оно встретилось мне на страницах опуса фон Юнцта «Unaussprechlichen Kulten». Точно. Стрегойкавар. Название крепко засело у меня в памяти, потому что переводилось как «город ведьм». Среди последователей Хоразоса и его мерзкого культа были и венгры. Так что вполне возможно, что генетическая память Карла сохранила некие смутные воспоминания о его предках. И пруд с порушенными колоннами наверняка пробудил в нем образы давно ушедших времен. А как насчет цыганской музыки, которую он якобы слышал в тот первый вечер? Пусть Карл молод и крепок телом, но за внешностью атлета кроется чувствительная душа истинного художника...

Согласно данным, раскопанным дядюшкой Гэвином, мой прапрадед, Роберт Ален Мак-Гилкрист, был точно таким же — романтик и мечтатель, которому в темноте ночи вечно мерещились какие-то голоса. Никто, кроме него, их не слышал. Жена Роберта, устав от чудачеств своего благоверного, покинула его, и в течение долгих лет старик жил здесь один, занимаясь литературным творчеством и разного рода историческими изысканиями. Мой предок снискал себе имя одним трудом, посвященным Лэмбтонскому Червю из графства Нортумберленд. Согласно легенде,² это был не то огромных размеров червь, не то дракон, который обитал в колодце и вылезал оттуда по ночам, чтобы пожирать «младенцев и животных, а также припозднившихся путников». Кроме того, мой прапрадед опубликовал работу, посвященную наядам, обитавшим в озерах Инвернесса. А его изданная малым тиражом книга «Заметки о Несси: секреты озера Лох-Несс», выйдя в свет первый раз, даже вызвала сенсацию.

1 В Стрегойкаваре происходит действие рассказа «Черный камень» (1931) Роберта Ирвина Говарда (1906–1936), друга Лавкрафта и одного из значительнейших авторов, развивавших Мифы Ктулху.

2 В этой же легенде черпал вдохновение Брэм Стокер, создавая роман «Логово белого червя» (1911).

Именно Роберт Аллен Мак-Гилкрист восстановил старые шлюзы на плотине, чтобы контролировать уровень воды в пруду. Но это было его последнее начинание. Однажды утром пастух нашел его тело, переброшенное через ворота шлюза. Одной рукой мой предок сжимал кольцо, которое регулировало их высоту, а верхняя часть его тела была погружена в воду. По всей видимости, он поскользнулся и упал, и ему сделалось плохо с сердцем. Пугало другое — перекошенное ужасом лицо. Даже бальзамировщики, готовившие тело к погребению, оказались бессильны что-либо с ним сделать, и было решено предать его земле как можно скорее.

Я читал старые записи, листал страницы пахнущих плесенью томов, но глаза мои то и дело возвращались к пруду с его порушенными колоннами и старым шлюзом, который намертво прижавел к подъемному механизму. Изнутри меня пожирало чувство неминуемого ужаса, вскоре превратившееся в плотный узел страха в груди. Господи, когда же наконец прекратится эта ужасная жара?.. Отпустило бы хоть на денек... Тогда бы я закончил свои изыскания и разгадал тайну раз и навсегда.

И вот тогда, при первых проблесках зари над восточными горами, я понял, что мне нужно делать. Темпл-Хаус пугал меня — точно так же, как и многих моих предшественников. У меня не было ни завидного упорства, ни работоспособности дяди Гэвина. Он намеревался довести поиски до конца, но что-то — то ли переутомление, то ли «проклятие», то ли подорванное долгими трудами здоровье — помешало ему завершить задуманное.

Однако у меня оставался выбор: продолжать работу — либо раз и навсегда поставить на всей этой истории жирную точку, взорвав Темпл-Хаус. Что ж, пусть так оно и будет. Какой смысл оттягивать неизбежное? Пусть постоит еще денек, от силы два, пока Карл не закончит свою чертову картину, а потом я исполню завет Гэвина Мак-Гилкриста. Стоило мне принять окончательное решение, как у меня словно камень свалился с души. Меня тотчас сморил сон, и я уснул прямо за письменным столом, где и сидел.

Разбудил меня плеск воды. А еще кто-то звал меня по имени. Солнце только что встало; после бессонной ночи я чувствовал себя совершенно разбитым, словно от похмелья. Какое-то время я продолжал сидеть, устало опустив голову на стол. Затем встал, размял затекшие члены и, наконец, повернулся к окну. Там я увидел Карла — в одних шортах, он лежал, вытянувшись во весь рост, на широкой, толстой доске и руками греб к середине омута.

— Карл! — крикнул я ему. В моем голосе слышался неприкрытый страх. — Карл, это опасно! Ведь ты не умеешь плавать!

В ответ он лишь повернул голову и весело улыбнулся мне:

— Не бери в голову. Я в полной безопасности, главное — не свалиться с доски. А какая вода, Джон! Это восхитительно! Впервые за всю неделю я ощутил настоящую прохладу!

К этому моменту он догреб до середины пруда, где остановился, опустив руки в зеленую воду. За ночь уровень заметно понизился, так как горный поток, питавший водоем, практически иссяк. Водоросли, которые в изобилии произрастали на дне пруда, по мере испарения воды превратились в спутанную осклизлую массу и казались гуще, нежели я их помнил. Каким же безжизненным казался этот старый водоем — ни всплеск рыбы, ни прыжок лягушки не нарушал его застывшей зеленой поверхности...

Неожиданно мне к горлу подкатил комок страха.

— Карл! — крикнул я и не узнал собственного голоса, хриплого и надтреснутого. — Карл, немедленно возвращайся к берегу!

— Что ты сказал? — крикнул он в ответ, даже не повернув головы. Взгляд его был устремлен в глубину, будто он что-то там высматривал. Рука его отвела водоросли в сторону...

— Карл! — вновь обрел я голос. — Кому говорят, возвращайся!

Голова и руки Карла дернулись, словно его ошпарили кипятком. Доска закачалась, а сам он едва не соскользнул в воду. Затем последовали отчаянные попытки вновь вскарабкаться на доску. Карл силился грести к берегу, отчаянно шлепал ладонями по воде, поднимая фонтаны

брызг. Это зрелище мгновенно вывело меня из оцепенения, и я сломя голову бросился вниз. Выбежав на улицу, я зашел по колено в ненавистную воду и в буквальном смысле стащил друга с его доски. Карл нервно смеялся, и нас обоих била дрожь, хотя солнце уже взошло, а воздух вновь приобрел температуру раскаленной духовки.

— Что случилось? — спросил я у него.

— Мне показалось, будто я что-то увидел, — ответил мой друг, — на дне пруда. Наверно, это было мое собственное отражение, но я все равно испугался.

— И что же ты увидел? — потребовал я ответ, чувствуя, как спина моя покрывается холодным потом.

— А что, по-твоему, я мог там увидеть? — ответил он дрожащим голосом и попытался улыбнуться. Улыбка вышла кислой и неубедительной. — Разумеется, лицо — мое собственное лицо, обрамленное водорослями. Правда, почему-то я не был похож на самого себя.

VIII. Паразит

В свете того, что мне теперь известно — и о чем можно было бы догадаться гораздо раньше, — мой поступок недалек от преступного бездействия, ибо остаток того дня я провел наверху, у себя в спальне. После утреннего случая на пруду меня мучили кошмары. С другой стороны, я почти не спал накануне, и кроме того, едва не приключившаяся с Карлом беда сильно меня взбудоражила. Так что если я тогда не разглядел опасности, — как близко она ни подкралась к нам, — то моя близорукость вполне простительна.

В любом случае ближе к вечеру я стряхнул с себя сон, спустился вниз и выпил чашку кофе с печеньем, а заодно заглянул к Карлу. Он с головой ушел в работу — так, что пот катился с него градом. Не замечая ничего вокруг себя, мой друг продолжал наносить новые мазки на свою омерзительную картину, которую почему-то не желал мне показывать. Впрочем, с меня хватило и ранее увиденного. Отчего-то я не торопился ставить его в известность, что работу нужно завершить в течение двух последующих дней, поскольку в пятницу или, самое позднее, в субботу старый дом должен был взлететь на воздух.

Я вернулся к себе наверх, умылся, побрился, и как только начало темнеть, вновь обратился к тетради моего дядюшки. Мне оставалось прочесть страницы три-четыре, не больше, причем первая запись была сделана за считанные дни до его кончины. Эти страницы представляли собой ворох наскоро сделанных и почти неразборчивых заметок, так что мне стоило немалых трудов извлечь из них хотя бы мало-мальский смысл. Лишь подспудный страх подгонял меня, заставляя читать дальше, хотя признаюсь честно — к тому времени я почти уже отчаялся найти разгадку.

Если бы не прирожденная педантичность, не позволявшая мне читать записки дяди в произвольном порядке, я разобрался бы во всем намного раньше. В любом случае тетради этой нет уже и в помине, она утеряна, и мне остается лишь воспроизвести последние ее страницы по памяти. После этого — и после того, как я изложу события той жуткой последней ночи, — читатель может полагаться на свои собственные выводы. Вот эти заметки — или то, что мне из них запомнилось:

Заклинание Леей или Мирандолы: «Dasmass Jeschet Boene Doess Efar Duvema Enit Marous». Надеюсь, я верно передал произношение... Чем окажется это Нечто? И можно ли уничтожить его выстрелом из двустволки? Это мы вскоре узнаем. Но вдруг то, о чем я подозреваю, правда? Что, если это «клещ», который, по словам фон Юнцта, обитает в мантии Йог-Сотота (см. Unaussprechlichen Kulten 78.16)? Страшные намеки, жуткий пантеон... а это Нечто — лишь крошечный паразит на одном из них!

Культ Ктулху... ужас, растянувшийся на тысячелетия. «Отчет Йохансена» и Пнакотикские рукописи. Облавы 1928 года в Инсмуте. Об этом много писали, но до конца так ничего и не ясно. Глубоководные... Да, но они не схожи с этим Нечто.

Весь мифологический цикл... Так много источников. Что это? Чистой воды вымысел? Не думаю. Слишком все глубоко, слишком взаимосвязано и потому вполне вероятно. Согласно Картеру в SR (АН 59), сс. 250–251, они были изгнаны в эту часть Вселенной (либо в наше пространство-время) Старшими Богами в наказание за мятеж. Хастур Ужасный, томящийся в заключении на озере Хали (и вновь мотив озера или водоема!) в Каркозе. Великий Ктулху в Р'лайхе, где он пребывает в дреме, скорее похожей на смерть; Итаква, изгнанный за полярный круг, и так далее. Но Йог-Сотота изгнали вон, в параллельный мир, смежный с любым пространством и временем. Поскольку И-С пребывает повсюду, то человек, которому известны врата, может призвать его оттуда...

Интересно, пытался ли Хоразос со своими приспешниками призвать его? Или вместо него им достался лишь паразит, обитавший на нем? Кажется, мне понятно назначение пруда. То, что деду оно было известно, сомнений не вызывает. Один его интерес к Несси, к Лэмбтонскому Червю, к Кракену из старинных легенд, наядам, Ктулху... Племя, обнаруженное Венди-Смитом, панически боялось воды, и лишь водная толща Тихого океана — хвала Всевышнему! — держит К. взаперти в его темнице в Р'лайхе. Вода укрощает их свирепый дух...

Но если вода ограничивает свободу этого Нечто, то почему оно раз за разом возвращается в нее? И как ему удастся покидать пруд, если его не призывают выйти на сушу? Еще никто из Мак-Гилкристов не отважился вызвать его — это мне известно доподлинно... разве что по чистой случайности, хотя некоторые из них явно догадывались о Его существовании. В семействе никогда не было пловцов — ни единого за всю историю рода, и теперь мне понятно, почему. Тому причиной врожденный ужас перед прудом. Нет, даже не перед прудом, а перед неизвестным созданием, что затаилось в его глубинах...

Неизвестное создание, что затаилось в его глубинах...

Мокрый от липкого пота, едва ли не парализованный ужасом, заключенным в этих словах, — этих обрывочных, нацарапанных корявым почерком заметках, которые, как мне тогда казалось, мог оставить только умалишенный, — я сидел за старым письменным столом и продолжал читать. И когда в доме воцарились ночь и тишина, взгляд мой, как и накануне, скользнул от раскрытой тетради к застывшей, недвижимой поверхности пруда за окном...

Вот только назвать ее застывшей уже было нельзя!

Теперь от темной ее середины концентрическими кругами пробегала рябь — крошечные волны, вызванные... Чем? Тем, что пряталось под поверхностью? Уровень воды за последние дни заметно снизился, и над гладью пруда повис, извиваясь, легкий туман. Он колыхался, мерцая и переливаясь в лунном свете, отчего казалось, будто некий огромный резиновый осьминог свесил щупальца через дамбу, пытаясь дотянуться через подъездную дорогу до самого крыльца дома.

Признаюсь честно, я словно окаменел. И душа, и тело впали в оцепенение — а все оттого, что слишком усердно изучил я свой жуткий предмет. Прибавьте к этому атмосферу старого дома, ощущение зла, которым был пропитан здесь каждый камень... Мне следовало что-то сделать — что угодно, лишь бы разрушить колдовские чары, — а не сидеть, покорно дожидаясь, когда же случится неизбежное. Но я не мог пошевелить даже пальцем, не говоря уж о более решительных действиях.

Я заставил себя оторвать взгляд от пруда и вновь взяться за чтение тетрадной страницы. Я сидел, дрожа и истекая потом, чувствуя, как от ужаса по коже ползают мурашки, и продолжал читать при свете лампы. Но столь сильным было это состояние, похожее на транс, что мне стоило немалых усилий передвигать взгляд от одного слова к другому. Последние остатки воли покинули меня. Ночная духота казалась мне сродни дыханию адской печи, пот ручьями стекал по лбу и капал на страницы тетради.

«...мое открытие подтвердилось. Боже, как же я был слеп! Почему не замечал очевидного? Это происходит, когда вода падает ниже определенного уровня, когда в жаркую погоду пруд начинает пересыхать! Нечто не нуждается в приглашении! Что

же касается того, почему оно возвращается в пруд, найдя себе новую жертву, то ответ прост: ему нужно успеть до утренней зари, ибо Нечто избегает света, предпочитая ему темноту. Ибо оно вампир! Вот только пьет оно отнюдь не кровь. Нигде я не нашел ни единого упоминания о кровавых жертвоприношениях, о вскрытии вен, о членовредительстве... Что же тогда Ему нужно? Интересно, знали об этом Ди? Келли точно знал, но его работы утеряны...

Хочется испробовать заклинание, но сначала надо узнать истинную природу этого Нечто. Оно забирает жизни своих жертв... и неужели что-то еще?

Мне все понятно! Боже, кажется, теперь я это знаю, хотя лучше бы мне не знать... Но выражение лица моего бедного брата... Эндрю, Эндрю, теперь мне понятно, что оно означало! Если в моих силах освободить тебя, что ж, ты будешь освобожден. Теперь истинная природа обитателя пруда ясна мне. Все ответы здесь, в „Хтаат А.“ и „Hydrophinnæ“... Эх, знать бы мне, где искать! Йиб-Тстл один из них, Бугг-Шаш тоже — как и Нечто, обитающее в нашем пруду...

За столетия их было немало — чудовища, что обитали в зеркале Нитокриса; кровожадный монстр, которого держал у себя граф Магнус;¹ красная волосатая слизь, которой пользовался Юлиан Скортц. Все это паразиты Великих Древних; твари, которые паразитировали на них точно так же, как вши паразитируют на людях. Тот, кто обитает в нашем пруду, пережил столетия. Вот только питается он не кровью, а самой жизненной силой своих жертв. Он пожирает их души!

Больше я ждать не могу. Сегодня, как только зайдет солнце и холмы окутает тьма... Но если мне повезет, если Нечто придет за мной... Посмотрим, как ему понравится дуло моей двустволки!»

Когда я просмотрел записи до конца (то, что вы здесь прочли, это лишь малая их часть), глаза мои уже слипались. В памяти сохранилось очень немного. Скорее, я автоматически принял текст к сведению, особо не вникая в его смысл. Однако стоило мне снова обратить взгляд на последние строчки тетради, как до моего слуха донесся звук, который мгновенно привел меня в чувство. Я насторожился.

То была едва различимая музыка — бешеный языческий ритм, который доносился словно из другого времени, из преисподней, по сравнению с которой библейский ад показался бы раем.

IX. Ночной кошмар

Как ни странно, шок вернул меня к реальности, однако из-за долгого сидения за письменным столом тело затекло и движения давались мне с трудом. При попытке встать икры пронзила судорога, и я чуть не рухнул на пол, но вовремя схватился за подоконник... и в мгновение ока забыл, что намеревался делать.

Через открытое окно моему взору предстала безумная, кошмарная картина. Старые полуразрушенные колонны, заросшие у основания зелеными водорослями и облепленные тиной, теперь светились каким-то внутренним светом.

Мне даже показалось, что лучи этого света устремлялись вверх, образуя продолжения колонн — именно так, должно быть, и выглядел храм в своем первозданном виде. Сквозь поволоку свечения виднелась середина пруда, где по поверхности воды все яростнее расходились круги.

На моих глазах вода словно разошлась в стороны, обнажив мраморную плиту на дне. Музыка нарастала, взрывая ночной воздух, делаясь все бешенее, неудержимее, и мне сквозь шок и страх мерещились едва различимые фигуры, кружащиеся в диком танце по периметру пруда.

А потом — о ужас! — плита слегка приподнялась, обнажая темный портал на дне водоема, похожий на вход в затопленную гробницу. Сначала оттуда вырвался залп зловонных

¹ Персонаж одноименного рассказа Монтегю Родса Джеймса (1862–1936), классика литературы ужасов. «Зеркало Нитокриса» — ссылка на одноименный рассказ Брайана Ламли.

газов, потом какое-то потустороннее свечение, и наконец...

Я знал, как будет выглядеть эта тварь еще до того, как она появилась из воды. Это был монстр с картины Карла, то самое похожее на гриб чудовище с мягкими щупальцами, образ которого навевала моему другу гнетущая атмосфера Темпл-Хауса. Это был обитатель пруда, паразит на теле древних богов, рожденный среди звезд вампир, проклятие рода Мак-Гилкристов. И, как я теперь понимал, не его одного — это было проклятие для всего мира. К нашему семейству он питал особое пристрастие лишь потому, что мои предки избрали местом для постройки Темпл-Хауса берег его пруда. Они стали первыми его жертвами исключительно из-за своей *доступности*; не думаю, что эта тварь по своей природе была разборчивой и склонной предпочитать одних людей другим.

Тут приступ ужаса пригвоздил меня к полу, потому что чудовище пришло в движение. Оно скользило по поверхности воды, вытягивая извивающиеся щупальца в сторону дома. Свет внизу был выключен — похоже, Карл уже спал...

Карл!

* * *

Тварь пересекла подъездную дорогу, быстро взобралась по крыльцу и проникла в дом. Я с трудом привел в движение затекшие конечности и рванул через комнату во мрак неосвещенного лестничного пролета. Впотьмах я споткнулся и упал прямо на ступеньки, но тотчас вновь поднялся на ноги. Дар речи еще не совсем меня оставил...

— Карл! — прокричал я, подбегая к двери его мастерской. — Карл! Отзовись, ради Бога!

Карл лежал на кровати, а на нем растянулось мерзкое чудовище. Оно мерцало каким-то неживым, гнусным светом, повторявшим контуры его белесого туловища. Щупальца обвили тело моего друга, по которому то и дело пробегала судорога. Голова монстра склонилась над лицом Карла, почти закрыв его своими жабрами.

— Карл! — снова вырвался у меня крик ужаса. Я в панике кинулся к стене и хлопнул по выключателю. Комната тотчас наполнилась привычным электрическим светом. Тварь мгновенно отпрянула от Карла, вздыбившись, как гигантская амеба, как чудовищная ядовитая медуза из какого-нибудь инопланетного океана...

И тогда я увидел лицо, которое помнил все эти двадцать лет — *лицо дяди!* Эти черты, искаженные ужасом, словно умоляли, чтобы я положил конец кошмару и вернул мир и спокойствие в эти места, чтобы души бесчисленных жертв освободились из мерзкого плена и смогли перейти из этого мира туда, где им предназначено быть.

Чудовище оставило безжизненное тело Карла и поплыло на меня. Постепенно его лицо изменилось. Здесь было много лица чертами Мак-Гилкристов, много других, мне неизвестных. Десятки их промелькнули передо мной всего за несколько секунд. Некоторые из них принадлежали детям, даже младенцам. Но последнее лицо оказалось мне слишком хорошо знакомо — *лицо моего друга Карла Эрмана!* Оно также было отмечено тем страшным, полным непередаваемого ужаса и мольбы выражением — так, наверное, выглядит душа, попавшая в ад и страстно молящая об избавлении.

В этот момент свет сделал свое дело. Почти уже добравшись до меня, чудовище стало терять силы. Сморщившись, оно резко развернулось и выплыло из комнаты. Столь же торопливо оно преодолело крыльцо и расстояние, отделявшее дом от пруда. Остолбенев от страха и неожиданности, я смотрел, как тварь удаляется, как движется по спокойной глади воды. Едва плита закрылась за ним и встала на место, музыка утихла, и меня окутала тишина. Я повернулся к Карлу...

Описывать здесь выражение, застывшее на мертвом лице моего друга, представляется мне излишним. Я возношу Господу горячие молитвы, преисполненные надежды, что душа Карла упокоилась с миром вместе с остальными жертвами монстра, погубленными им за несколько столетий. Это моя молитва, но...

Что же касается дальнейшего развития событий, закончилось все так... Я перетащил Карла из дома в машину, отвез его на вершину холма и оставил там, а сам вернулся в особняк. Забрав из дядиного кабинета приготовленные им пороховые заряды, я установил их у откоса скалы, к которому был пристроен дом, после чего поджег фитили запалов, сел в «рейнджровер» и вернулся туда, где в ночной прохладе лежало тело Карла. На его лицо мне смотреть не хотелось.

Спустя несколько минут практически одновременно раздалось несколько взрывов, осветив ночь исполинскими языками пламени. Вслед за клубами дыма в воздух взвилось огромное облако пыли. Когда дым рассеялся, я увидел, что это место изменилось навсегда. Дом был погребен под рухнувшим склоном, а пруд исчез, заполненный глиной и битым кирпичом. Будто и не существовало никогда ни Темпл-Хауса, ни самого храма, ни проклятого водоема.

Вокруг царили тишина и опустошение, лишь лунный свет играл на обломках древних колонн, отражаясь от забитой щебнем и пылью впадины, некогда бывшей прудом.

Я понял, что теперь могу ехать дальше.

Х. Бесконечный кошмар

На этом бы и закончиться всей истории, но вышло далеко не так. Быть может, в этом мне стоит винить лишь самого себя. Полицейские Пенникьюика, выслушав мою историю, оставили меня на ночь в камере предварительного заключения, а наутро перевели сюда, где я нахожусь уже неделю. В какой-то мере действия полиции логичны и оправданны. Мое дикое появление той ночью, не говоря уж о кошмарном обнаженном трупе в «рейнджровере» и полной небылиц истории, которую я рассказал, — все это вряд ли могло внушить им доверие. Что я отказываюсь понять — так это позицию психиатров Оукдина.

Разве не слышат они эту проклятую музыку, которая с каждым часом звучит все громче и громче? Из ночи в ночь я слышу ее все отчетливее... Это музыка, в давние времена призывавшая существо из пруда к ритуальным жертвоприношениям. Или, может, они просто не согласны со мной? Я неоднократно говорил им и сейчас не устаю повторять, что в наших горах есть и *другие* пруды, водные убежища, где могла скрыться эта тварь после разорения ее поросшего водорослями укрытия возле особняка Мак-Гилкристов. Что-то подсказывает мне, что чудовище не погибло. Дни сейчас длинные и жаркие, повсюду засуха...

Не исключаю и того, что за долгие годы над Мак-Гилкристами действительно нависло настоящее проклятие. Интересно, различаются ли души на вкус? Возможно ли, что это существо питает особое пристрастие к душам Мак-Гилкристов? Если это так, то оно обязательно меня найдет, но, с другой стороны, я ведь нахожусь в заключении, в доме для умалишенных...

Интересно и другое: действительно ли я сошел с ума? Возможно, все то, что мне пришлось пережить и узнать, действительно повредило мой рассудок, а музыка, которую я слышу, на самом деле существует лишь в моем сознании. Именно об этом и твердят мне медсестры. Господи, я молюсь, чтобы так и было! А если нет... если нет, тогда...

Нужно упомянуть еще вот о чем. Вынося мертвого Карла из мастерской, я успел бросить взгляд на его законченное полотно. Меня потрясла не картина в целом, а одна деталь: Карл успел пририсовать монстру лицо.

Это самый ужасный из моих кошмаров. Каждую ночь, когда лунный свет льется сквозь высокое решетчатое окно, и в моей камере звучит таинственная музыка, я вновь и вновь задаюсь вопросом: если в одно прекрасное утро меня найдут мертвым, *неужели мое лицо и вправду будет таким ужасным?*

Обложка оригинального издания.

Художник Боб Эгглтон (Bob Eggleton).

BRIAN LUMLEY

